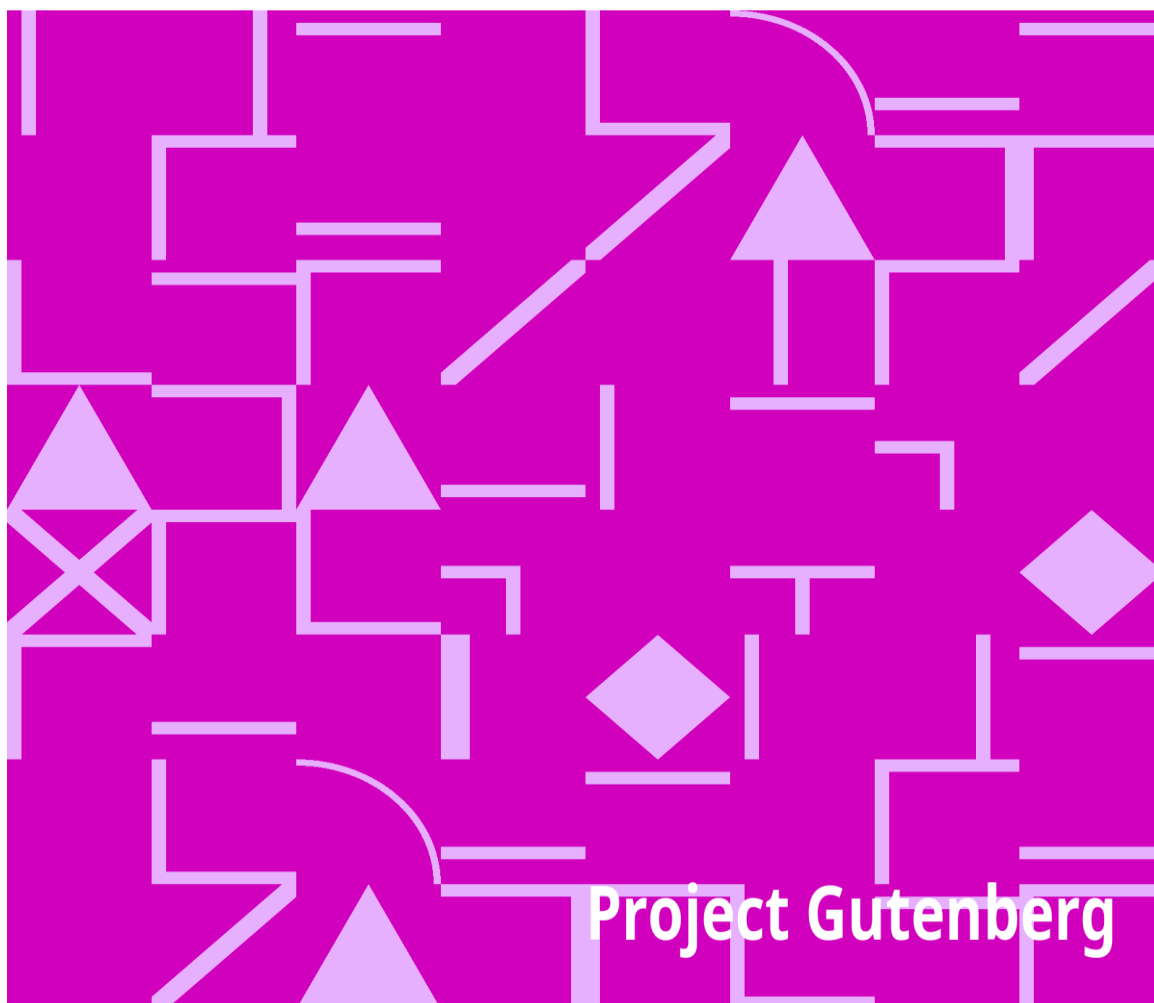

Жизнь Наполеона Бонапарта. Том 2 (из 4)

Уильям Миллиган Слоан

The Life of Napoleon Bonaparte. Vol. 2 (of 4)

William Milligan Sloane

Содержание

[ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА](#)

[УИЛЬЯМ МИЛЛИГАН СЛОАН](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

[ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА](#)

[ГЛАВА I](#)

[Спасение Директории \[1\]](#)

[ГЛАВА II](#)

[Кампо-Формский договор \[2\]](#)

[ГЛАВА III](#)

[Бонапарт и Талейран \[3\]](#)

[ГЛАВА IV](#)

[Смута в европейской политике](#)

[ГЛАВА V](#)

[Экспедиция в Египет \[6\]](#)

[ГЛАВА VI](#)

[Высадка в Египте \[7\]](#)

[ГЛАВА VII](#)

[Катастрофа в Акре \[8\]](#)

[ГЛАВА VIII](#)

[Абукир и массовое дезертирство \[9\]](#)

[ГЛАВА IX](#)

[«Возвращение героя» \[10\]](#)

[ГЛАВА X \[12\]](#)

[Бонапарт использует свой шанс](#)

[ГЛАВА XI](#)

[Свержение Директории](#)

[ГЛАВА XII \[13\]](#)

[Бонапарт — первый консул](#)

[ГЛАВА XIII](#)

[Бонапарт воплощает революцию \[14\]](#)

[ГЛАВА XIV \[15\]](#)

[Конституционный деспотизм](#)

[ГЛАВА XV](#)

[Государственное искусство и стратегия \[16\]](#)

[ГЛАВА XVI \[17\]](#)

[Маренго](#)

[ГЛАВА XVII](#)

[Лунёвильский мир \[18\]](#)

[ГЛАВА XVIII](#)

[Умиротворение Европы \[19\]](#)

[ГЛАВА XIX](#)

[Реорганизация Франции \[20\]](#)

[ГЛАВА XX](#)

[Кодекс и университет \[21\]](#)

[ГЛАВА XXI](#)

[Шаги к монархии \[22\]](#)

[ГЛАВА XXII](#)

[Консульство жизни \[23\]](#)

[ГЛАВА XXIII](#)

[Порог монархии \[24\]](#)

[ГЛАВА XXIV](#)

[Экспансия или революционная система \[25\]](#)

[ГЛАВА XXV](#)

[Напряженность между Англией и Францией \[26\]](#)

[ГЛАВА XXVI](#)

[Франция и Англия поднимают оружие \[27\]](#)

[ГЛАВА XXVII](#)

[Предупреждения роялистам и республиканцам \[28\]](#)

[ГЛАВА XXVIII](#)

[Провозглашение империи \[29\]](#)

[ГЛАВА XXIX](#)

[Спуск в Англию \[30\]](#)

[ГЛАВА XXX](#)

[Коронация Наполеона I \[31\]](#)

[ГЛАВА XXXI](#)

[Третья коалиция \[32\]](#)

[ГЛАВА XXXII](#)

[Трафальгар и Аустерлиц \[33\]](#)

[ГЛАВА XXXIII](#)

[Наполеон, полководец и император \[36\]](#)

[ГЛАВА XXXIV](#)

[Война с Пруссией \[37\]](#)

[ГЛАВА XXXV](#)

[Разрушение Пруссии \[38\]](#)

[ГЛАВА XXXVI](#)

[Континентальная система в целом \[39\]](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта «Гутенберг» « » «Жизнь Наполеона Бонапарта». Том 2 (из 4)

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Жизнь Наполеона Бонапарта. Том 2 (из 4)

Автор: Уильям Миллиган Слоун

Дата выпуска: 1 декабря 2010 г. [Электронная книга № 31026]

Язык: английский

Благодарности: Произведено Тьерри Альберто, Генри Крейгом, Кристин П. Трэверс и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА.
ТОМ 2 (ИЗ 4) ***

Примечание транскрибатора: Очевидные типографские ошибки были исправлены, все остальные несоответствия оставлены в оригинале. Орфография автора сохранена.

Из коллекции У. К. Крейна. Гравюра Ланглуа

ГЕНЕРАЛ БОНАПАРТ

Нарисовано Раффе.

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

УИЛЬЯМ МИЛЛИГАН СЛОАН

Доктор философии, доктор гуманитарных наук, доктор юридических наук
Профессор истории Колумбийского университета

Переработанное и дополненное издание
С ПОРТРЕТАМИ

ТОМ II

Нью-Йорк
THE CENTURY CO.
1916

АВТОРСКИЕ ПРАВА, 1894, 1895, 1896, 1910
THE CENTURY CO.
Опубликовано в октябре 1910 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА СТРАНИЦА

- I. СПАСЕНИЕ ДИРЕКТОРИИ [1](#)
- II. КАМПО-ФОРМСКИЙ ДОГОВОР [15](#)
- III. БОНАПАРТ И ТАЛЕЙРАН [26](#)
- IV. СМУТА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ [36](#)
- V. ЭКСПЕДИЦИЯ В ЕГИПЕТ [46](#)
- VI. ВЫСАДКА В ЕГИПТЕ [55](#)
- VII. КАТАСТРОФА В АКРЕ [65](#)
- VIII. АБУКИР И МАССОВОЕ ДЕЗЕРТИРСТВО [77](#)
- IX. «ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЯ» [86](#)
- X. БОНАПАРТ ИСПОЛЬЗУЕТ СВОЙ ШАНС [100](#)

- XI. СВЕРЖЕНИЕ ДИРЕКТОРИИ [111](#)
- XII. БОНАПАРТ — ПЕРВЫЙ КОНСУЛ [121](#)
- XIII. БОНАПАРТ ВОПЛОЩАЕТ РЕВОЛЮЦИЮ [136](#)
- XIV. КОНСТИТУЦИОННЫЙ ДЕСПОТИЗМ [149](#)
- XV. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИСКУССТВО И СТРАТЕГИЯ [162](#)
- XVI. МАРЕНГО [174](#)
- XVII. ЛУНЁВСКИЙ МИР [190](#)
- XVIII. УМИРОТВОРЕНИЕ ЕВРОПЫ [203](#)
- XIX. РЕОРГАНИЗАЦИЯ ФРАНЦИИ [213](#)
- XX. КОДЕКС И УНИВЕРСИТЕТ [221](#)
- XXI. ШАГИ К МОНАРХИИ [229](#)
- XXII. ПОЖИЗНЕННОЕ КОНСУЛЬСТВО [239](#)
- XXIII. НА ПОРОГЕ МОНАРХИИ [250](#)
- XXIV. РАСШИРЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИСТЕМЫ [261](#)
- XXV. НАПРЯЖЕННОСТЬ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ [275](#)
- XXVI. ФРАНЦИЯ И АНГЛИЯ ПОДНИМАЮТ ОРУЖИЕ [286](#)
- XXVII. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РОЯЛИСТАМ И РЕСПУБЛИКАНЦАМ [295](#)
- XXVIII. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ИМПЕРИИ [314](#)
- XXIX. ВТОРЖЕНИЕ В АНГЛИЮ [325](#)
- XXX. КОРОНАЦИЯ НАПОЛЕОНА I [339](#)
- XXXI. ТРЕТЬЯ КОАЛИЦИЯ [354](#)
- XXXII. ТРАФАЛЬГАР И АУСТЕРЛИЦ [370](#)
- XXXIII. НАПОЛЕОН, ПОЛКОВОДЕЦ И ИМПЕРАТОР [393](#)
- XXXIV. ВОЙНА С РОССИЕЙ [413](#)
- XXXV. РАЗРУШЕНИЕ ПРУССИИ [435](#)
- XXXVI. КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ СИСТЕМА [446](#)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Генерал Бонапарт [Фронтиспис](#)

Карта Египта [58](#)

Наполеон — работы Энгра [78](#)

Наполеон, работающий при свете лампы [128](#)

Карта Маренгоских сражений [176](#)

Две карты Маренго, 14 июля 1800 года [183-184](#)

Наполеон как первый консул [226](#)

Наполеон Бонапарт, первый консул [276](#)

Наполеон как первый консул [326](#)

Наполеон, первый консул — автор Ингрес [376](#)

Наполеон Бонапарт как первый консул [426](#)

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

ГЛАВА I

СПАСЕНИЕ ДИРЕКТОРИИ [\[1\]](#)

Тупиковая ситуация между французской исполнительной властью и палатами — Позиция Бонапарта — Празднование 14 июля в Милане — Заговор французских роялистов — Позиция Моро и Хоша — Бонапарт спешит на помощь — 18 фруктидора — Последствия в Париже — Бонапарт — европейский деятель — Его государственный талант в Италии — Лигурийская республика — Сардиния, Швейцария и Великобритания — Готовность Италии к войне — Сила армий Бонапарта.

1797

Прекрасная хартия, которой Франция, по-видимому, завершила революционную эпоху, чтобы впервые жить под конституционным правительством, была готова продемонстрировать свою роковую слабость, приведя к тупиковой ситуации. Эта возможность была ясно предвидена проницательными наблюдателями, поскольку не было

предусмотрено никаких мер по контролю одной ветви власти над другой, а в любой действующей системе верховная власть должна принадлежать кому-то. Из страха перед узурпацией, анархией и тиранией конституция Директории так полностью разделила полномочия, что они не могли функционировать вообще. Весенние выборы 1797 года были первыми, проведенными в соответствии с новой конституцией без каких-либо ограничений, и якобинское большинство в законодательном органе исчезло. Бартелеми, новый директор, избранный на смену Леторнеру, был умеренным демократом с роялистскими наклонностями, который, как и его предшественник Жак-Батист-Жозеф-Бартелеми, связал свою судьбу с судьбой Карно. Таким образом, Пятсот, а также Старейшины теперь представляли подавляющее большинство французского народа, который ненавидел якобинство, выступал против любой республиканской пропаганды в зарубежных странах и, более всего, хотел мира, чтобы восстановить свое благосостояние и обеспечить себе досуг для развлечений. Сразу же началась атака на исполнительную политику, которая была продиктована тремя радикальными членами Директории, иногда называемыми триумvirатом. Ничто не ускользало от их внимания: они нападали на их отношение к эмигрантам и духовенству, на потерю колоний, на финансовые провалы и, прежде всего, на их внешнюю политику, целью которой, по-видимому, было продолжение войны и свержение монархии во всей Европе. Лидеры большинства в обоих советах часто посещали клуб « » в парижском квартале Клиши, который был центром роялистских интриг. Хотя эти люди не могли сравниться по способностям со своими противниками, они были достаточно умны, чтобы издеваться над директорами за их неспособность остановить роялистские волнения. Внутренние дела были в отчаянном состоянии. Среди офицеров военно-морского флота печально часто случались самоубийства от голода, в то время как их коллеги в итальянской армии не только богатели на грабежах, но и проявляли вызов. Французский командующий в Италии сначала заключил мир на своих условиях, а затем объявил войну, не проконсультировавшись с палатами, тем самым не только уничтожив дружественные республики, но и продемонстрировав презрение к конституции, к должным образом избранным представителям народа и к требованию народа о том, что должно быть не частное, а общее умиротворение. Двадцать третьего июня 1797 года в памятном интерpellационном заявлении Дюморара все эти вопросы были тщательно обсуждены в Пятисотном совете. Даже Понтекулан, бывший покровитель Бонапарта, присоединился к требованию объяснений. Париж и вся страна в целом были в состоянии брожения.

Беспорядки, ропот и угрозы, столь распространенные в Париже, давно давали пищу для размышлений проконсулу в Монтебелло. Он размышлял о конституциях и их ценностях, внешне посвящая себя очарованию своего маленького двора и его посетителей. Он ездил верхом, танцевал, рассказывал странные истории в сумерках, играл в карты и с веселым нахальством обманывал; в перерывах он долго и крепко спал, а в нерегулярные часы работал титанически и эффективно. Было ли это для поддержания хаоса в Париже, что он завоевывал, управлял, вел переговоры? Об этом он прямо спросил Мио де Мелито и Мельци, как они рассказывают. Директора обдумывали государственный переворот и хорошо знали, что Бонапарт был не столько их человеком, сколько они были его творениями. Поэтому они выбрали новое министерство, в которое вошли Талейран как государственный министр и Хош как министр войны. Роль, которую должен был сыграть последний, была настолько очевидна, что план был сорван по формальным причинам, как будет видно далее; и с Талейраном Бонапарт вскоре начал, если уже не начал, личную переписку о формах правления. Заинтересованные эксперты обратят внимание на различные предложения из

средневековых конституций итальянских республик, которые в некоторой степени повлияли на концепции этих политических теоретиков.

Именно с учетом таких условий было организовано празднование 14 июля в Милане. Каждая деталь была тщательно продумана, чтобы укрепить самооценку каждого солдата, усилить его военную гордость и настроить его против консерваторов, которые хотели мира только для того, чтобы восстановить монархию. Солдаты Бонапарта считали себя солдатами той же республики, которая выжила в триумvirате Барра, Ревеля и Ларевелье, и именно республиканская конституция была под угрозой из-за незаконного вмешательства законодательной власти в дела исполнительной. В такой кризисной ситуации было легко спутать в умах простых людей любовь к военной славе с энтузиазмом по поводу свободы. «Солдаты, я знаю, что вы глубоко взволнованы бедой, которая угрожает нашей стране», — так гласила прокламация их обожаемого генерала. «Но наша страна не находится в реальной опасности. Люди, которые помогли ей одержать победу над объединенной Европой, находятся рядом. Горы отделяют нас от Франции: вы преодолеете их с быстротой орла, если это будет необходимо, чтобы сохранить конституцию, защитить свободу, защитить правительство и республиканцев. Солдаты, правительство охраняет закон, хранителем которого оно является. Если роялисты покажут свои головы, этот момент будет для них последним. Отбросьте свои страхи и давайте поклянемся духом героев, павших рядом с нами в защиту свободы, давайте поклянемся нашими новыми знаменами: «Бесконечная война против врагов республики и конституции III года».

Этот призыв имел именно тот эффект, который и был желаем. Из подразделений армии и из главных гарнизонов поступили заявления о приверженности войск принципам Революции. Что касается упреков, обрушившихся на Бонапарта за свержение Венеции, он не особо беспокоился. Однако, чтобы успокоить возмущение, он придумал и напечатал ряд полуправдивых объяснений, ловко адаптированных к предъявленным обвинениям, но имеющих саркастический характер. Настоящий болт, оружие, предназначенное для сокрушения его врагов, был выкован в том самом городе. После его падения был захвачен один из ведущих эмигрантов — граф д'Антрег. Его захватчики обращались с ним с величайшим почтением, и он был вынужден написать признание во всем, что касалось подозреваемого, но недоказанного предательства Пишгру два года назад. Из своего убежища в Бланкенбурге, в горах Харц, претендент на престол — Людовик XVIII — медленно и мучительно создавал партию, о которой упоминалось выше, и которая по месту своих собраний была известна как клишйская фракция; он также купил приверженность Пишегру своему делу и заложил сложный заговор, согласно которому, когда наступит предсказанный и предопределенный момент, когда раздраженное Директория применит силу к законодательным советам, Пишегру, ныне президент Пятисот, должен был появиться в своей форме как завоеватель Голландии и, взяв на себя главное командование, обратить армию, избранный оплот директоров, против них. Парижские роялисты говорили и вели себя так, что продали многие детали этого хитроумного плана; но обладание такой информацией директорами не делало ситуацию менее угрожающей. Чтобы спасти себя и конституцию, радикальные члены почувствовали, что они должны обеспечить, и как можно скорее, способного и преданного генерала для командования в Париже.

Они проконсультировались с Моро, Хошем и Бонапартом. Моро проявил мало энтузиазма: армия на Рейне, которой он командовал и чью судьбу он спас благодаря знаменательной победе, не получала жалованья; солдаты были нищими и, как и их командир, угрюмыми из-

за вынужденной бездеятельности. Отношение генерала к Директории было настолько неблагосклонным и холодным, что, хотя, как представляется, он располагал вескими доказательствами перехода Пишгру на сторону врага, он хранил молчание и позволял событиям идти своим чередом. Блестящий Хош был готов помочь директорам. Он сотворил чудеса, подавив восстание во всей Вандее, завоевал расположение солдат и в 1796 году совершил отважную, хотя и тщетную экспедицию, чтобы поднять восстание в Ирландии. Затем его перевели на берега Рейна, где он с радостью согласился выполнить план, разработанный Баррасом, по вводу войск в Париж под предлогом полной реорганизации внутренней и северной армий путем смены дислокации различных дивизий. С этой целью 16 июля генерал был назначен министром войны. Однако оказалось, что, не достигнув еще тридцати лет, он был слишком молод по конституции и не мог быть утвержден в должности. Одновременно новые распоряжения в армии начали вызывать подозрения; весь план был дискредитирован, а Хош был настолько тесно связан с ним, что стал объектом недоверия масс и, следовательно, непригодным для этой должности.

Остался только Бонапарт или один из его лейтенантов. Сама его сила была угрозой для исполнительной власти, и они чувствовали опасность; но генерал им был нужен. Соответственно, как бы ни было горьким это решение, они попросили Бонапарта прислать им такого командира, какой им был нужен — одного из его собственных людей. Бонапарт был готов к чрезвычайной ситуации; он уже отправил в Париж депеши, обещающие новую денежную пересылку в шестьсот тысяч долларов, сильнейшая французская армия на поле боя была использована в блестящей демонстрации в пользу Директории, и теперь, как нельзя кстати, амбициозный, громогласный и бесстрашный Ожеро попросил разрешения отправиться в Париж по личным делам. Ему было поручено передать Директории восторженное обращение от армии, которое было подготовлено в рамках патриотического торжества. Лучшего инструмента и выбрать было нельзя. По прибытии в Париж — «отправленный», как он хвастался, «убивать роялистов» — он был назначен командующим Армией внутренних дел; а поскольку признание д'Антрега было передано Баррасу незадолго до этого через Бернадота, Директория чувствовала себя готовой к предстоящему кризису. Опять они были обязаны всем Бонапарту; он был свободен в своих действиях в дальнейших переговорах с Австрией и в переустройстве Италии.

С таким оружием в руках Директория на данный момент была неуязвима. Но роялистское большинство в советах безумно мчалось навстречу своей судьбе. Разъяренные присутствием так близко от Парижа солдат, приведенных из армии Самбры и Мааса, они поставили свою стражу под командование роялиста, закрыли конституционные клубы, которые были созданы для противовеса клубу Клиши, и на нерегулярном собрании 3 сентября предложение генерала Вийо подняться на следующий день и уничтожить правительство было встречено аплодисментами. В ту ночь Ожеро встал во главе около двенадцати тысяч солдат. С этими « » он организовал охрану по всему городу, захватил законодательные палаты и таким образом положил конец первому короткому конституционному режиму своей страны. На следующее утро, 18 фруктидора, радикальное триумвират Директории полностью контролировало город и страну. Конечно, все это было сделано во имя общественной безопасности. Карно, который не знал о сделках Барра с Хошем и в письмах к Бонапарту рассуждал, как будто его корреспондент был честным патриотом, был грубо пробужден от иллюзии, что другие так же честны и искренни, как он, и, слишком поздно увидев расставленную ловушку, спасся бегством. Бартеlemi был арестован и заключен в тюрьму.

На вакантные места были назначены два новых радикала, Мерлен и Франсуа де Нёфшато. Барбе-Марбуа, роялистский президент Старейшин, вместе с одиннадцатью членами этого органа; Пишгру с сорока двумя депутатами от Пятисот и сто сорок восемью другими лицами, в основном журналистами, были объявлены вне закона. Все они, за исключением нескольких, которым удалось бежать, были отправлены томиться в зараженных болотах Кайенны, где уже находилась колония сосланных священников. Хотя гильотина не была вновь установлена, 18 фруктидора принесло революционное правительство, администрацию, опирающуюся на силу, хотя и под видом конституции. Фруктидорианцы заявляли, что являются строгими конституционалистами, и позиционировали себя как таковых перед страной. Но факты были более убедительными, чем их заявления. Их объединяющим фактором было Директория, и поскольку Директория дважды обращалась к армии, армия теперь была ее реальной опорой. Свобода печати была отменена, и военное положение было введено везде, где исполнительная власть считала это целесообразным. Более того, Бонапарт показал путь и снабдил генерала; он сделал еще один шаг к своему окончательному появлению в качестве правителя армии, а через нее и страны. Такие натянутые отношения привели к взаимному недоверию и, в конце концов, к ненависти.

Ожерё, который с нетерпением надеялся войти в Директорию, был назначен командующим вместо Моро армией, чьи кампании были закончены. Преждевременная смерть Хоша примерно в то же время лишила Францию единственного военного гения, сравнимого с Бонапартом, а также устранила политического соперника. Армия Альп была затем объединена с армией Италии, и благодаря этому упрощению военной машины тот, кто до заключения мира был фактически ее движущей силой, мог вполне сказать своим врагам: «Я говорю от имени восьмидесяти тысяч человек. Прошло то время, когда подлые юристы и простые болтуны могли гильотинировать солдат». Наполеон в своих откровенных беседах с мадам де Ремуза сказал, что в это время он «стал личностью в Европе. С одной стороны, своими приказами я поддерживал революционный режим, с другой — тайно вел переговоры с эмигрантами, позволяя им лелеять некоторую надежду. Эту партию легко обмануть, потому что она всегда исходит не из того, что есть на самом деле, а из того, что хотела бы видеть. Я получил великолепные предложения на случай, если бы я захотел последовать примеру генерала Монка. Сам претендент написал мне в своем неровном, витиеватом стиле. Я покорил Папу более полно, держась подальше от Рима, чем если бы я сжег его столицу. Наконец я стал влиятельным и сильным».

Для многих людей успех 18 фруктидора был бы достаточной славой на один сезон. Но неукротимая и лихорадочная энергия Бонапарта не иссякла даже после столь тщательного планирования, которое было необходимо для этого; на самом деле, политическая кампания была лишь значительной частью летней работы. Овладевая Францией, он готовился овладеть Италией, а после Италии — Европой. Одновременно с управлением французской политикой шли не только переговоры с императором, но и завершение его задуманных дел в Италии. Для новорожденных государств, республик, известных до сих пор как Транспаданская и Циспаданская, были нужны две конституции. Ни одна из них не была достаточно сильной для целей их создателя. Благодаря подготовке почти идентичных хартий, основанных на французской конституции III года, путь к их объединению был уже подготовлен. Эти документы были тщательно проработаны; более того, после тщательного изучения характера каждого кандидата на каждую должность, от самой высокой до самой низкой, был выбран администратор, который затем прошел обучение в соответствии со своими способностями. Большинство этих новых чиновников были людьми честными и

высококонравственными, но, тем не менее, они были назначены диктатором и, следовательно, были его инструментами, сознательными или бессознательными. Таким образом, объединение двух временных государств в Цизальпинскую республику было готово к признанию в окончательном договоре с Австрией.

Затем был Генуя. В мае Бонапарт сообщил Директории, что ее народ требует свободы. Он предначертал ей ту же судьбу, что и Венеции. Для достижения аналогичного результата был запущен тот же механизм. Фейпуль, дипломатический агент Франции, начал свою агитацию во многом так же, как и Лаллеман, хотя по сравнению со своим венецианским коллегой он был лишь дилетантом. Демократический клуб Генуи сначала потребовал от сената упразднения аристократии, а когда их просьба была отклонена, захватил арсенал и гавань. Народ поднялся на поддержку аристократии, и временно одержал победу. Ла Валетт, адъютант Бонапарта, в назначенное время появился в зале генуэзского сената с категорическим посланием от своего командующего, подобным тому, которое в аналогичных драматических обстоятельствах Жуно зачитал патрициям Венеции. В нем говорилось, что вмешательство французов было направлено только на защиту жизни и имущества, а также на обеспечение собственной связи с Францией. Но в течение суток все политические заключенные должны быть освобождены, народ разоружен, а враги Франции сданы; в противном случае сенаторы ответят за это своими жизнями. Под угрозой правительство подчинилось всем требованиям. Затем Файпуль повторил свое требование о замене старой конституции демократической. Сенат понимал, что дальнейшее сопротивление бесполезно, но все же направил посольство в Монтебелло. Члены посольства были любезно приняты и, вероятно, не были сильно удивлены, обнаружив, что Бонапарт уже занимался деталями конституции, которая должна была реорганизовать их республику под названием Лигурийская Республика. Вскоре она была полностью готова, и с ее принятием величественная Генуя перестала существовать.

Что касается Сардинии, то постоянная агитация, проводимая ее радикалами, держала короля в страхе, и предложения Бонапарта о союзе, который увеличил бы его армию за счет полной боевой силы превосходных пьемонтских войск, были встречены благосклонно. Здоровье папы стало настолько слабым, что его смерть не могла быть отложена надолго. Была использована возможность продемонстрировать дальнейшее уважение к его церковной власти, запросив 3 августа примирение между французским правительством и духовенством для общей выгоды государства и церкви. Спор между Вальтеллиной и Граубюнденом дал великому человеку из Монтебелло () первую возможность вмешаться в Швейцарии в качестве арбитра, чье слово было законом, и таким образом начать восстановление этой страны. Кроме того, в Англии Леобен произвел глубокое впечатление, и Питт стал более чем когда-либо стремиться к миру. В июле Мальмсбери возобновил переговоры, на этот раз в Лилле. Предложенные условия были гораздо более выгодными, чем раньше. Бельгия могла быть включена в состав Франции, а Голландия стала зависимой, если французы откажутся от своих притязаний на наиболее важные из голландских колоний, завоеванных Англией, включая Мыс Доброй Надежды. С самого начала французские комиссары не проявляли доброй воли, а новые, назначенные после 18 фруктидора, оказались совершенно неспособными к практической деятельности. Переговоры характеризовались придирами по поводу неважных мелочей и подозрительным безразличием обеих сторон к действительно важным уступкам. Как выяснилось позже, обе стороны были полностью осведомлены о надвигающейся революции в Париже: британский полномочный представитель был уверен в восстановлении

монархии, а французская комиссия была столь же уверена, что радикальное триумвират вновь обретет власть. Естественно, что посольство вернулось в Англию в унылом настроении, когда стали известны не только факты, но и значение и конечные последствия этой революции. Аналогичные условия сопровождали переговоры Кайяра в Берлине с Паниным о мире с Россией; только там был подписан договор. В нем Французская республика отказалась от своего права или привилегии на пропаганду, и поэтому Директория после Фруктидора отвергла его. Переложив ответственность за грядущую войну на Англию и Россию, триумвират, не теряя ни минуты, возобновил агитацию как в Голландии, так и в Пруссии, чтобы «фруктидоризировать» обе страны и обеспечить их союзничество. Это безумие « » было лишь продолжением того, с помощью которого они подтолкнули Бонапарта к активным действиям по принуждению Австрии к немедленной капитуляции, отозвав своего агента с переговоров и тем самым все больше и больше отдавая себя и Францию в его руки. Процесс «созревания груши» для его удовольствия не мог начаться более благоприятно.

Как можно было предположить, для Бонапарта этот период был столь же насыщенным в военном отношении, как и в политическом. Днем и ночью солдаты на завоеванных венецианских землях трудились без устали, пока вся территория не была приведена в идеальный порядок как база для военных операций. Ни один стратегический пункт ни там, ни где-либо еще не был упущен из виду. Даже маленький остров Святого Петра в Средиземном море был отнят у Пьемонта и укреплен гарнизоном из двухсот человек. Все понимали, что война может начаться в любой момент. Все взносы по договорным обязательствам взимались до последней копейки. В качестве единственной иллюстрации французских действий можно привести тот факт, что драгоценности и камни, стоимость которых Папа оценил в десять миллионов франков, были приняты французскими экспертами по цене в пять миллионов. За предыдущие двенадцать месяцев Бонапарт отправил в Париж один миллион четыреста тысяч долларов, из которых четыреста тысяч он предназначил для оснащения флота. Это была лишь половина того, что он собрал. Напротив, в течение этого лета он удерживал все: даже шестьсот тысяч долларов, обещанных Баррасу, не были выплачены. Поэтому вполне вероятно, что у него на руках было более шести миллионов долларов наличными и продовольственные запасы на сумму, возможно, еще в миллион долларов.

Размер его армии трудно оценить. По данным Военного министерства, в апреле у него было 141 223 боеспособных солдата, из которых 121 420 были пригодны к службе. 3 сентября он написал Карно, что у него было семьдесят пять тысяч боеспособных солдат, из которых пятнадцать тысяч находились в гарнизоне; но две недели спустя он признал, что их было в общей сложности восемьдесят три тысячи восемьсот, из которых, однако, только сорок девять тысяч были боеспособны. Он также признал, что у него было тысяча итальянцев и две тысячи поляков. Никто не может поверить, что эти цифры имеют хоть какую-то ценность. По самым скромным оценкам, его боевые силы насчитывали 70 тысяч французских солдат, готовых к бою, и 15 тысяч пьемонтцев, цизальпийцев и поляков в аналогичном состоянии. К этому времени французы были такими ветеранами, каких Европа редко видела; остальные были среднего качества, за исключением, конечно, пьемонтцев, которые были отличными. Переписка Бонапарта за этот период была направлена на то, чтобы создать впечатление, что он готовится применить условия Леобенского договора, прибегнув, если понадобится, к новому вооруженному конфликту. На самом деле Австрия была почти столь же активна, как и он, и ему нужно было быть готовым. Но последующие

события доказали, что все эти приготовления на самом деле были направлены на другую цель. Если возможно, с Австрией должен был быть заключен выгодный мир, а Италия должна была быть должным образом укреплена гарнизонами. Но, согласно старому принципу, после того как один член коалиции был усмирен, другой должен был быть унижен. Цель его дальнейших амбиций, по-видимому, на какое-то время заключалась ни в чем ином, как в уничтожении где-то и каким-то образом британской мощи и, в конечном счете, в завоевании самой Великобритании.

ГЛАВА II

КАМПО-ФОРМИЙСКИЙ ДОГОВОР [\[2\]](#)

Бонапарт и Средиземноморье — Франция и Восток — Великая дипломатия Бонапарта — Важность Мальты — Ход переговоров с Австрией — Новая тактика французского полномочного представителя — Кампо-Формийский договор — Результаты Фруктидора — Конфликт интересов Бонапарта с интересами Директории — Европа и мир.

Бонапарт был ребенком Средиземноморья. Свет его сверкающих вод всегда был в его глазах, а очарование древних цивилизаций никогда не исчезало из его грандиозных мечтаний. Его прокламации изобилуют классическими аллюзиями, его праздники устраивались с классической помпезностью. Еще в детстве он знал о Генуе, тиране его острова, сильной в великолепных торговых предприятиях, которые простирались на восток через Левант и далее в Дальний Восток; в детстве он питал свое воображение историями об Александре Македонском и его завоеваниях восточных империй; в юности он думал найти открытую дверь для своих амбиций, когда все другие казались закрытыми, поступив на службу к Англии, чтобы разделить славу тех, кто строил ее восточную империю. Разочаровавшись в этом, он, по-видимому, с таким же неудачным результатом обратился к России, которая уже была соперницей Англии на азиатском континенте. Совершенно понятно, что на протяжении всей своей ранней зрелости его ум время от времени возвращался к тем же идеалам. Завоеватель Италии и Австрии мог надеяться реализовать их. Разве он не был хозяином двух великих морских содружеств, которые когда-то делили между собой основную часть восточной торговли? Вторжение Англии в Средиземноморский бассейн было постоянным раздражителем для всех латинских держав. Ее коммерческое процветание и господство на морях усиливали раздражение Франции, угрожая даже ее равенству в их давнем соперничестве. Со времен первого крестового похода все французы считали, что лидерство в восстановлении Азии принадлежит им в силу их приверженности этой идее. Кроме того, ярые республиканцы по-прежнему считали миссию Франции незавершенной даже в деле либерализации континента, а Департамент морского флота при Директории печатал на своих документах девиз «Свобода морей». Воображение, революционная система и национальные амбиции объединились, чтобы создать повсеместный энтузиазм по поводу завоевания Средиземноморья. Темперамент и подготовка Бонапарта были для этого как искра для трута. Директория с готовностью выслушала его первые предложения по поводу венецианских островов, а затем и его планы

по захвату Мальты, за которым должен был последовать смертельный удар по господству Англии в Леванте путем захвата Египта и расчленения Турции.

Уже 14 мая 1797 года завоеватель Италии в письме сообщил Директории, какие морские запасы они могут надеяться получить в результате расчленения Венеции; в предыдущем году аналогичные оценки были сделаны в отношении Генуи, Тосканы и Неаполя. Именно с помощью франко-венецианского флота Джентили установил французскую администрацию на Ионических островах, жители которых, уставшие от венецианского гнета, приветствовали его как освободителя. Более умные из них желали самоуправления под защитой Франции; благодарность невежественных « » выражалась в возведении грубых святынь, где перед портретами Бонапарта горели лампы. Примерно в то же время недовольные греки на материке получили понять, что великий уничтожитель тиранов с радостью услышит их крики. В течение нескольких месяцев велась обширная тайная переписка между французским штабом в Италии и недовольными в Турции, где бы они ни находились. Не менее трех мятежных паш были готовы обратиться за помощью к Франции; один из них, паша Янины, имел в своем распоряжении двенадцать тысяч воинов. Архивы французского министерства иностранных дел изобилуют тщательными исследованиями его дипломатических агентов, посвященными революционным силам и элементам в Османской империи. Обсуждались способы и средства разрыва давней дружбы между Францией и Портой; была разработана политическая программа, основанная на жестоком обращении с французскими купцами в Леванте и скандалах мамелюкской администрации в Египте; и 13 сентября 1797 года Бонапарт выдвинул Тальеранду, теперь министру иностранных дел, первое официальное предложение о захвате этой страны. Правительство в Париже удвоило свои усилия и мобилизовало свои силы для достижения поставленной цели.

Фактически, после Фруктидора в письмах Бонапарта, особенно в тех, что были адресованы Талейрану, прослеживается нотка, показывающая, насколько рискованным было бы игнорировать его невысказанные, но очевидные желания. Сумма в четыреста тысяч долларов, отправленная из Италии в предыдущем году для оснащения флота, была использована для других целей, что сильно раздражало Бонапарта, который энергично высказывался в пользу создания морской державы. Наконец, благодаря его вкладам из Италии и усилиям администрации на родине, что-то было достигнуто. Адмирал Эль-Бруэс находился в Адриатике с силами, которые, как полагали, были способны противостоять даже англичанам. Благодаря умной дипломатии испанцы и неаполитанцы были настроены нейтрализовать друг друга. Со временем последние стали смелее и выдвигали непомерные требования. Директория предложила направить пять тысяч французских солдат для усиления испанской армии, которая сражалась с Португалией, если такое же количество испанских войск в Италии присоединится к французским солдатам для завоевания Папской области. Последние затем будут переданы герцогу Пармскому в обмен на его старое герцогство, которое должно было войти в состав новой республики.

В этом далеко идущем замысле Бонапарта — плане, охватывающем весь бассейн Средиземного моря и открывающем путь для дальнейшего вмешательства на полуострове путем ввода французских войск в Испанию — заключается зародыш всех его будущих отношений с кастильской монархией. Еще в мае он объяснил, что центральным пунктом всей системы является остров Мальта, цитадель Средиземного моря. Великий магистр рыцарей был при смерти; король Неаполя претендовал на остров как на древнее апанаж, но

среди кандидатов на престол наиболее выдающимся членом его ордена был немец. Бонапарт предложил сначала подкупить мальтийцев, чтобы они подняли восстание, а затем французскому или испанскому флоту захватить Валлетту, заставить избрать испанца и таким образом обеспечить оплот в сердце Средиземного моря против Турции с одной стороны и Англии с другой.

Таковы были некоторые из летних занятий; предполагалось, что его настоящим делом будет заключение мира с империей. Но Австрия была далека от истощения, и ее агенты затягивали переговоры, пока венское правительство набирало свои силы, все время надеясь на триумф роялистской партии в Париже. До 18 фруктидора это не было совсем неприятно Бонапарту, учитывая стремление Карно к миру на основе предварительных условий. Тем не менее, все это время разыгрывалась оживленная комедия: Бонапарт озадачивал как Мервельта, одного из австрийских полномочных представителей, так и Кларка, который в конце концов был допущен к переговорам в качестве агента Директории, притворяясь притворного нетерпения, в то время как, притворяясь доверительным, он кокетничал с Галло, который, хотя и был вторым австрийским полномочным представителем, был неаполитанцем, министром этого королевства в Вене, и некоторые считали его собственным созданием Бонапарта и полагали, что он принимал его взятки. Попытки подкупа и противодействия подкупу, во всяком случае, имели место; ведь сам завоеватель получил от Франциска предложение о создании княжества в империи с не менее чем двумястами пятьюдесятью тысячами подданных и независимым доходом. Если бы германский император знал о планах своего противника, он бы проклял себя как наивного простака. В мае было решено, что конгресс по определению территориальных переходов в пределах германского государства должен состояться не в Берне, а в Раштадте в Бадене. Но требования завоевателя в дополнение к статьям, подписанным в Леобене, были настолько вымогательскими, что австрийский министр иностранных дел усомнился в добросовестности своих представителей и отозвал из России графа Кобенцля, своего самого образованного, опытного и умелого дипломата, чтобы обеспечить некоторое равенство в переговорах. Это привело к временной паузе в переговорах, которые тянулись безрезультатно до Фруктидора, когда Баррас написал из Парижа: «Мир, мир, но честный и прочный. Хватит бесполезных предложений Карно».

Поэтому, когда в первых числах сентября переговоры возобновились (), Бонапарт искренне желал хотя бы временного мира. Он договорился, чтобы полномочные представители встретились в Удине, недалеко от его военного штаба в Пассариано, чтобы он мог извлечь максимальную выгоду из положения завоевателя, готового в любой момент возобновить военные действия. Директория, подозревая, что Кларк стал слишком послушным инструментом в руках амбициозного солдата, выбрала этот момент, чтобы отозвать его. В течение месяца между формальными дипломатами и решительным, ничем не сдерживаемым французским генералом велась горячая и яростная борьба умов. Даже ветеран Кобенцль, который прибыл только 26 сентября, был лишь игрушкой в руках Бонапарта. Более одного раза последний прибегал к своей старой тактике варварской грубости, а однажды, ближе к концу, он умышленно вызвал приступ гнева, в котором случайно сбил с подноса фарфоровый поднос, подаренный Екатериной II Кобенцлю. Ходят слухи, что, хватая шляпу, он прошипел: «Менее чем через месяц я разбиваю вашу монархию, как этот поднос!» — а затем выбежал из комнаты, объявив, что перемирие закончилось. На самом деле, похоже, никто не обратил никакого внимания на этот инцидент. Кобенцль писал, что Бонапарт вел себя как сумасшедший, и французским офицерам с трудом удалось

успокоить своего генерала. Никто не может сказать, был ли нервный срыв настоящим или притворным: в последующих кризисах в дипломатии повторялись другие, очень похожие. Обе стороны стремились сделать сомнительный язык Леобена как можно более гибким — каждая, естественно, в своих интересах. Предложения и встречные предложения, ответы и повторные ответы следовали одно за другим в течение тех недель, которые были столь важными для обеих сторон. Дважды казалось, что никакого решения достичь не удастся и что разрыв неизбежен. Однажды приказ о выступлении армии захватчиков был фактически подготовлен и частично отдан. Но погода была неблагоприятной, и Мармон выразил своему генералу беспокойство по поводу назначения Ожеро на Рейне. Обе стороны понимали, что ни одна из них не сможет без задержки или возможного возобновления войны добиться всего, чего требовала. Поэтому они решили бросить вызов своим правительствам и полностью игнорировать мнение Пруссии и Германии по поводу границы на Рейне. В конце концов был достигнут компромисс, и 17 октября в полночь, после долгого дружеского собрания полномочных представителей, в темноте, когда Бонапарт рассказывал страшные истории, создавая драматическую и даже театральную обстановку, договор был составлен и подписан, датированный Кампо-Формио, деревушкой, нейтрализованной для этой цели. Переговорщики расстались, обменявшись дружескими приветствиями.

Условия были гораздо более выгодными для Франции, чем, по всей вероятности, надеялся получить Бонапарт. Австрийские Нидерланды с границей по Рейну от Базеля до Андернаха были сданы императором, и в знак доброй воли командная крепость Майнц должна была быть немедленно передана в руки французов. Взамен Бонапарт уступил итальянские земли к востоку от Адидже, от устья Адриатического моря до границ Далмации, включая, конечно, город Венецию. Франция сохранила за собой Ионические острова и венецианские фактории на материке. Вся венецианская территория к западу от Адидже, вместе с Мантуей, Моденой, Ломбардией, Масса-е-Каррара, Болоньей, Феррарой и Романьей, была включена в новую Цизальпинскую республику; а Генуя, получившая от императора остатки его феодальных прав в окружающих землях, была преобразована в Лигурийскую республику с конституцией, аналогичной конституции Цизальпинской республики. Различные меры по перераспределению германских земель, необходимые для компенсации князьям, которые должны были покинуть территории на левом берегу Рейна, должны были быть приняты на конгрессе, который должен был состояться в Раштадте. Членами конгресса должны были стать французские полномочные представители под руководством Бонапарта, а Раштадт, как пограничный город и, следовательно, более благоприятный для французских интересов, чем Берн, должен был быть дополнительно нейтрализован уходом императорских войск со всех германских земель, за исключением его собственных наследственных владений. Когда весть о Кампо-Формио дошла до Вены, сторонники мира были в восторге, а народ взорвался ликованием. Но Тугут не дался обмануть. «Мир! Мир!» — сказал он. «Где он? Я не вижу его в этом договоре».

В Париже переговоры вызвали некоторое беспокойство. Сейчас обычно говорят, что Фруктидор был исключительно делом рук Бонапарта: или, вернее, что тринадцатое Вендемьера было делом рук Барраса при содействии Бонапарта, а восемнадцатое Фруктидора — делом рук Бонапарта при содействии Барраса. Это лишь полуправда, основанная на преувеличенной оценке фактов. Хотя в целом Бонапарт в тот момент был доволен результатами этого второго политического хода (), многое в нем было совершенно несовместимо с его желаниями. Так называемые фруктидорианцы, среди которых были мадам де Сталь и ее друзья, в основном по-прежнему благосклонно относились к Бонапарту,

но они были убежденными республиканцами и считали этот день победой не одного человека, а всего дела. Позже Бонапарт выразил сожаление о том, что принял участие в его организации, поскольку дело и его немногие сторонники оказались враждебными. Массовые преследования, последовавшие за успехом Директории и ее друзей, разрушили их личную популярность, укрепили сторонников монархии и ослабили престиж армии, которая была реальной опорой новой революции. Что касается подавления консервативного роялистского и умеренного республиканского влияния в Директории и палатах, интересы Бонапарта совпадали с интересами Барраса, Режеля и фанатичного Ларевельера. Он с радостью положил бы конец общественной агитации в стране, большинство населения которой вновь стало роялистами. С этой целью он с готовностью разбил бы газетные печатные станки и закрыл клуб Клиши: он был готов пойти на любые крайние меры, необходимые для сохранения революционной модели правления, пока, по его собственному выражению, «груша не созрела» для него. События Фруктидора, с одной стороны, укрепили конституционалистов в политике невмешательства в дела других стран, а с другой — положили конец всякому энтузиазму по поводу республиканских принципов даже в радикальной исполнительной власти, неизбежно заменив его самым простым личным интересом. Эта новая ситуация, хотя и не противоречащая интересам Бонапарта, сделала фруктидорианцев самыми решительными противниками его амбиций.

Почти сразу после событий Фруктидора новое Директория направило Пассариано инструкции о том, что Венеция должна быть сохранена от рук Австрии. За этим последовало отстранение Кларка. Сразу же началась словесная война и конфликт интересов. В своих депешах Бонапарт описывал положение итальянских народов в самом мрачном свете, чтобы доказать их неспособность к независимости, а в каждом письме он упоминал о своем слабом и подорванном здоровье как о причине для своего немедленного отзыва. Между тем он вел переговоры с максимальной скоростью и эффективностью. Директория наконец заняла твердую позицию, решив, что Италия должна быть свободной на востоке до Изонцо, и хитрый Талейран согласился добиться или вынудить согласия Бонапарта. Курьер с этим ультиматумом из Парижа прибыл в Пассариано ровно через двенадцать часов после того, как Монж и Бертье доставили договор Кампо-Формио в обратном направлении для утверждения директорами. Баррасу и его коллегам было действительно горько сдаваться, но логика их положения делала сопротивление невозможным. Они одобрили ненавистные условия с той благодарностью, на которую были способны, и, поскольку война на континенте закончилась, назначили Бонапарта командующим армией, которая получила значительное название «Армия Англии», но без определения его обязанностей. Тридцать тысяч солдат начали свой марш из Милана в Пикардию на Ла-Манше. Что же касается теперь растерянных венецианцев, то они просили разрешения продолжить войну против Австрии самостоятельно. Бонапарт заключил в тюрьму депутатов, представивших прошение, а Серурье сдал Венецию в руки императора, уничтожив арсеналы и корабли, которые больше не были нужны для войны. Среди них была величественная баржа, на которой с незапамятных времен чиновники республики привыкли выходить в Адриатическое море — знаменитый Буцентаур. Манин, последний дож Венеции, был вынужден принести клятву верности Австрии от имени своих соотечественников. С разбитым сердцем он готовился к церемонии, но когда в назначенный час он вышел вперед, чтобы произнести роковые слова, его силы и способности иссякли. Он упал без чувств к ногам своих врагов и вскоре скончался.

Успех Бонапарта в навязывании Австрии такого мира имел глубокие последствия во всей Европе. Военная партия в Великобритании была существенно укреплена тем, как обошлись с Мальмсбери. Хотя договор и делал вид, что поддерживает целостность империи как принцип, Пруссия и вся Германия знали, что эта целостность скоро будет нарушена. Павел I в России помнил, что как гарант Тешенского мира он тоже был глубоко заинтересован в этой целостности, и проявлял беспокойство. 11 октября англичане уничтожили голландский флот у Кампердауна: их морская мощь была вновь обеспечена, а вместе с ней и пополнение их казны. Эти элементы второй коалиции неоднократно описывались, но, несмотря на все это, события развивались бы иначе, если бы где-нибудь в Европе был государственный деятель, обладающий моральной и материальной властью, который мог бы пропагандировать умеренный, просвещенный либерализм в странах Севера. В то время как во Франции в течение нескольких лет царил печальный радикализм, среди всех германских народов преобладал слепой реакционный консерватизм. Борьба двух крайностей привела к хаосу. Англия была настроена на войну до полного уничтожения или истощения: Франция — точно так же. Система национальных убийств и территориальных компенсаций, начатая с раздела Польши, нашла свое воплощение в Кампо-Формиоском мире. Тогда соотношение сил было три к одному против нации, не имевшей ни политической, ни военной мощи, и решение было принято против национальности. В дальнейшем это должна была быть вся абсолютная Европа против нации, обладающей некоторыми политическими и огромными военными способностями. Борьба должна была длиться пятнадцать лет и на этот раз быть решена не против, а за национальность как факт и принцип.

ГЛАВА III

БОНАПАРТ И ТАЛЕЙРАН [\[3\]](#)

Бонапарт в Швейцарии — Прибытие в Раштадт — Его портрет, написанный роялистом — Его притворная простота — Прием Директорией — Первая угроза вторжения в Англию — Карьера Талейрана — Его отношения с Бонапартом — Люди и партии в Париже.

В сложных условиях своих далеко идущих планов возвращение Бонапарта в Париж было для него делом большого значения, делом, которое нужно было вести с дипломатией и с расчетом на драматический эффект. Чтобы успокоить Директорию, непокорный полномочный представитель объяснил в своих донесениях, что он поступил так, потому что Австрия за долгое время стала сильнее, чем когда-либо, что, вероятно, было правдой; и что возможность дальнейших успешных военных действий была поставлена под угрозу ранним наступлением зимы, что не оставило ему выбора, кроме как поспешить с заключением договора. Это не было полностью неправдой, поскольку Мармон отметил в своем дневнике, что 13 октября на горные вершины выпал первый снег, и что он отметил удивление своего генерала по поводу этого факта: договор был подписан 17 октября. Тем не менее, сезон был позднее, чем обычно, и ссылка на погоду была предлогом, чтобы скрыть собственные намерения переговорщика. В своей роли освободителя Италии Бонапарт оставался до середины ноября, чтобы укрепить новые республики и дожидаться собрания делегатов в

Раштадте. Затем, спокойно путешествуя через Турин и перевал Мон-Сени через Шамбери, он достиг Женевы. Швейцария была готова к его приезду. Первым шагом было арестовать Бонтемпа, женевского банкира, который помог Карно бежать в Ньон, где тот все еще скрывался. Вторым шагом было сосредоточить революционное движение в округе Во и усилить его подготовку к свержению бернского господства, организовав для себя орацию в Лозанне: демократа должны честствовать только демократы.

«Ничего слишком далеко» было явно его девизом в этот период, и он без особых затруднений добрался до Раштадта, куда прибыл 25 ноября, и сразу же взял на себя номинальный надзор за подготовкой. Король Швеции требовал представительства как герцог Померании и как гарант Вестфальского мира; по этой причине он послал в качестве своего делегата графа Ферсена, проницательного агента, бывшего шведского посла в Париже, друга Марии-Антуанетты и известного повсюду как близкий советник Бурбонов. Бонапарт, возмущенный такой наглостью, вызвал посланника к себе и, поправ формальности пустой вежливости, несколькими резкими словами сообщил ему, что его присутствие нежелательно. Посланник задержался достаточно долго, чтобы убедиться, что Австрия столь же враждебна, как и Франция, и вернулся в Стокгольм. Еще больше раздражало Бонапарта то, что имперские делегаты еще не прибыли. Но он провел это время с большим удовольствием, обмениваясь любезностями с различными личностями, которые находились на месте. «Как, — сказал он Стадиону, одетому в одежды каноника Вюрцбурга, — может положение церковного князя империи, человека, который является одновременно воином и духовным служителем, согласовываться с заповедями Священного Писания, с бедностью и смирением раннего христианства?» «Где будет жить ваш господин, — спросил он у представителя епископа Майнца, — когда он лишится своей нынешней резиденции?» Глухие раковины изношенных институтов гремели повсюду, где ступала нога этого новатора. Наконец прибыл Кобенцль, и срочное дело о передаче Майнца было незамедлительно завершено. Эта крепость должна была быть занята французскими войсками тридцатого числа, в день, когда Австрия должна была вступить во владение Венецией. Затем, оставив Трельхарда и Боннье, грубых и наглых французских полномочных представителей, в положении высокомерного превосходства над своими коллегами, он отправился в Париж и, после триумфального шествия по северной Франции, региону, который ему раньше не был знаком, 5 декабря прибыл в свою резиденцию на улице Шантерэн. С обычной для себя легкостью в этом деле парижская муниципалитет вскоре после этого переименовал эту довольно незначительную улочку в улицу Победы. Мадам Бонапарт, которая посещала Рим, где ее шурин Жозеф был теперь французским министром, присоединилась к мужу на Рождество.

В бумагах графа д'Антрега был найден портрет Бонапарта, как он выглядел в Венеции, и, без сомнения, с должными поправками, он будет соответствовать тому, как он выглядел несколько месяцев спустя, когда стал кумиром Парижа. Суси, правительственный комиссар с большим смыслом, подавленный важностью происходящих событий, написал в августе другу, что не может вдаваться в такие объемные детали, которые были бы необходимы для описания Бонапарта, но предупредил своего корреспондента, чтобы тот не думал, что генерал достиг вершины своих амбиций, используя слова, ранее процитированные в другом контексте: «Я могу даже добавить, что не знаю для него другого конца, кроме трона или эшафота». Но Антраг, к счастью, был более разговорчив: «Бонапарт — человек небольшого роста, болезненного цвета лица, с пронзительными глазами и чем-то в взгляде и рте, что является жестоким, скрытным и вероломным; он мало говорит, но очень разговорчив, когда

его тщеславие задето или препятствует ему; он очень слаб здоровьем из-за бурных настроений в его крови. Он покрыт чесоткой, болезнью, которая усиливает его ярость и активность. Он всегда полон своих проектов и не дает себе отдыха. Он спит всего три часа каждую ночь и не принимает лекарств, кроме тех случаев, когда его страдания становятся невыносимыми. Этот человек хочет покорить Францию, а через Францию — всю Европу. Все остальное, даже его нынешние успехи, кажутся лишь средством для достижения этой цели. Таким образом, он открыто ворует, грабит все, накапливает огромные сокровища из золота, серебра, драгоценных камней и драгоценных камней. Но он заботится об этом только как о средстве к цели (). Тот же самый человек, который ограбит общину до последнего су, без раздумий отдаст миллион франков любому, кто может ему помочь. Если такой человек испытывает ненависть или жажду мести, он предоставит ему все возможности для этого. Ничто не мешает ему добиться своего от человека, которого он считает полезным; с ним сделка заключается в два слова и две минуты, настолько велика его сила соблазна. Обратная сторона его методов заключается в следующем: после оказания услуги он требует полного раболепия, иначе становится непримиримым врагом; а когда он покупает предателей, после оказания ими услуги он не соблюдает особую секретность в отношении них. Этот человек ненавидит монархию: он ненавидит Бурбонов и не упускает ни одной возможности отвлечь от них свою армию. Если бы во Франции был другой король, кроме него самого, он хотел бы быть его создателем и желал бы, чтобы королевская власть опиралась на острие его собственного меча; этот меч он никогда не сдал бы, но вонзил бы его в сердце короля, если бы монарх на мгновение перестал быть ему подчиненным».

Когда Бонапарт проезжал через Шамбери, он был явно тронут криками толпы, приветствовавшей его как отца своих солдат. Во Франции было бесчисленное количество домов, в которые письма отсутствующих сыновей приносили то же прозвище, и нация в целом считала его в этой роли простым, доброжелательным человеком, преданным своей стране и ее свободам. Его актерские таланты, как и другие его дары, были высочайшего порядка, и на данный момент этот идеал не должен был быть разрушен. Поэтому он предстал перед французской публикой как преданный принципу равенства, который Революция считала гарантией свободных институтов. В «Moniteur», официальной газете того времени, можно было прочитать все подробности его поведения. Вместо того чтобы ждать визитов от тех, кто занимал высокие посты, он сам делал первые шаги. Его одежда была скромной, манеры простыми, его достоинство было сдержанным, что выражалось в должном уважении к себе и другим. Карета, на которой он ездил, была запряжена всего двумя лошадьми, и ни за границей, ни дома у него не было свиты. Часто прохожие видели, как он гулял в одиночестве в небольшом саду своего непритязательного дома, по-видимому, отдыхая от утомительных походов. Короче говоря, в нем не было ничего, что напоминало бы о завоевательном властителе, который держал такой двор в Милане, за исключением притворной простоты его личной жизни и поведения. «С первого взгляда, — писал Талейран, с которым Бонапарт познакомился сразу же по прибытии в Париж, — он показался мне очаровательной фигурой; лавры двадцати побед так идут молодости, красивые глаза, бледный цвет лица и некоторая усталость во взгляде».

Было несколько случаев, когда он проявлял большое достоинство, как, например, 10 декабря 1797 года, когда был торжественно отмечен в классическом стиле официальный прием Директорией договора Кампо-Формио из рук его переговорщика. Талейран произнес восторженную хвалебную речь. Бонапарт с впечатляющим видом ответил несколькими короткими, лаконичными предложениями, которые завершились значимым

высказыванием: «Когда счастье французского народа будет основано на *лучших* органических законах, вся Европа станет свободной». Баррас завершил свою речь длинной, унылой хвалой Директории и в конце поцеловал молодого генерала в лоб в знак братства. Другие члены исполнительной власти поспешили продемонстрировать притворную сердечность, следуя его примеру. Оба совета объединились на банкете в честь героя дня. Публика была потрясена гармонией своих правителей. Искусная скромность Бонапарта, возможно, показала директорам, насколько ложно их положение. Как было сказано еще задолго до этого Пепину, титул короля принадлежит тому, кто обладает властью. В частной жизни искусный министр иностранных дел был не менее ловким, чем молодой завоеватель, и щедро расходовал свои придворные искусства на поддержание видимого единства.

Наибольшую опасность для амбиций Бонапарта представляла возможность того, что в результате какого-то несчастного случая он будет отождествлен с какой-либо партией. До сих пор, в основном благодаря своему отсутствию в столице, ему удавалось успешно избегать этой ловушки. Парижское население даже не отождествляло его с фруктидорианцами и, хотя и не совсем забыв о Дне секций, стекалось посмотреть на него, где бы он ни появлялся. Когда его спросили, не радуется ли его их интерес, он ответил, что это ничего не значит; они бы так же толпились, чтобы посмотреть на него, если бы он шел на эшафот. По-видимому, он считал, что длительное пребывание в Париже снизит его престиж, что для его целей было бы катастрофой, и, следовательно, он, по-видимому, старался создать впечатление, что он всего лишь гость. Сандоз-Роллин, прусский министр в Париже, полагал, что солдаты, отправленные в Францию из Италии под командованием Бонапарта, предназначались для использования в столице. Что именно планировалось, он не знал, поскольку Бонапарт еще не достиг тридцати лет и поэтому, по крайней мере согласно конституции, не имел права входить в Директорию. Другие полагали, что после поражения Австрии на очереди была Англия — сначала в виде сражения между двумя флотами, а затем высадки на ее берегах большого отряда ветеранов Итальянской армии под командованием их победоносного полководца. Фактически, 10 декабря Монж официально заявил, что «правительство Англии и Французская республика не могут сосуществовать», а зимой Томас Пейн использовал свои полномочия как автор памфлетов на тему приближающегося банкротства Англии, в то время как публика толпилась в одном из театров, чтобы посмотреть на сценические картины, изображающие вторжение в Англию. Поскольку почти сверхчеловеческое усердие Бонапарта всегда открывало и готовило две или более возможностей, это прямое вторжение, возможно, уже было третьим вариантом. В отчете, который он составил в феврале следующего года после посещения Дюнкерка, он четко изложил продуманную политику всей своей карьеры, а именно: держать в рабочем состоянии три возможности — притворство вторжения, систему изоляции Англии от континентальной торговли и удар по торговле Великобритании на Востоке. В противном случае не оставалось ничего другого, как мир. Но его отношения со всеми итальянскими державами и с Австрией показали четкую политику нанесения ударов не по сердцу, чтобы вызвать отчаяние, а по конечностям, где удар был бы столь же смертельным, а сопротивление менее яростным. Все естественные и последовательные шаги по подготовке к такому предприятию были предприняты правительством в течение лета 1797 года. Корфу и Закинф, а вместе с ними и владения Венеции в Леванте, были захвачены и удержаны; был собран и оснащен флот из трофеев северной Италии (); Неаполь был временно нейтрализован; и тогда были тщательно разработаны планы с участием экспертов, среди которых был Монж, по захвату Мальты и развалу Турции путем нападения на Египет.

Во всем этом Талейран был блестящим и беспринципным агентом. Родившийся в дворянской семье, его хромота закрыла ему путь к другим карьерам и заставила его искать отличия в церкви, где при старом режиме еще сохранялись традиции церковного феодализма. В молодости он был другом печально известной мадам дю Барри и обязан своим ранним продвижением по службе ее влиянию. Когда он был казначеем французского духовенства и епископом Отона, Мирабо сказал о нем, что он «продал бы свою душу за деньги, и поступил бы правильно, потому что променял бы навоз на золото». В первые годы революции он возглавлял либеральное духовенство; в конце концов он дошел до такой крайности в секуляризации церкви, что папа отлучил его от церкви. Его личная жизнь с самого начала была скандальной, и он был явным страстным игроком. С чувством облегчения он покинул церковь, чтобы стать самым беспринципным государственным деятелем и самым ловким дипломатом своего времени. Именно он в 1791 году представил Законодательному собранию блестящий план национального образования, который впоследствии был изменен и принят Наполеоном. Он предвидел годы радикальных эксцессов и в 1792 году отправился в качестве тайного дипломатического агента в Лондон, где, время от времени навещая Париж, прожил в основном два года. Англичане не могли терпеть его двуличие и в конце концов изгнали его из своей страны. Конвент объявил его эмигрантом, и он отплыл в Америку, где провел некоторое время в Соединенных Штатах, где, будучи холодно принятым в политических и общественных кругах, он посвятил себя аналитическому изучению народа и его институтов. Отмена в 1796 году декрета, объявлявшего его эмигрантом, была достигнута благодаря влиянию мадам де Сталь, и он немедленно вернулся во Францию. Характерно для него, что в течение этих лет он был последовательно представителем короля, Дантона и Директории.

Институту Франции, членом которого он был избран во время своего отсутствия, он представил по возвращении свои блестящие исследования по колонизации в целом и по отношениям между Соединенными Штатами и соперничающими державами Францией и Англией. Но его профессией была политика, а не литература. Он сразу же приступил к изучению положения в своей стране и с глубокой проницательностью наблюдал как нестабильность правительства, так и затруднительное положение Директории. Соответственно, хотя номинально он был их человеком и принял от них пост министра иностранных дел, он сразу же примкнул к Бонапарту в надежде, как он объясняет в своих мемуарах, использовать завоевателя для восстановления монархии. Последний проявил проницательность, поощрив эти отношения, и с того момента обрел в самом центре дел способного и сочувствующего представителя. Известно, что публичные письма Талейрана Бонапарту сопровождались частными приложениями, которые часто имели смысл, прямо противоположный смыслу основного письма. Например, ничто не могло более удовлетворить директоров, чем его открытый отчет о Фруктидоре; но известно, что в частном письме он безжалостно анализировал ситуацию как невозможную и нестабильную. Пытаясь заключить коррупционную сделку с американскими посланниками Пинкни, Маршаллом и Джерри в отношении защиты американской торговли, он был безжалостно разоблачен возмущенными министрами и в конце концов вынужден общественным мнением уйти в отставку. Но даже в опале он продолжал оставаться в Париже в качестве беспринципного движущегося двигателя французской политики, пока не был восстановлен во власти Бонапартом, когда он снова принял должность, с которой был изгнан, и успешно разработал на практике планы своего начальника.

Однако были еще два человека, Баррас и Съес, которые после 18 фруктидора оказались в невыносимом положении. Оба эти человека также были безгранично продажны. Первый был «давним другом» Бонапарта; фруктидор сделал его созданием генерала. Как и Талейран, оба были на данный момент преданными сатрапами хозяина, который мог платить не только будущей властью, но и наличными деньгами; в конечном итоге они также надеялись использовать его в своих целях при восстановлении монархии. Сийес, теперь президент Старейшин, был одновременно слабым и тщеславным. Но, выдавая себя за оракула-конституционалиста, он был допущен в качестве такового в советы Талейрана и Барра. Поскольку и его гордость, и его интересы были таким образом задействованы, он, по-видимому, стал таким же горячим сторонником Бонапарта, как и двое других. Ребел был настолько занят внешней политикой Революции, а Мерлен — внутренним управлением по якобинским принципам, что ни один из них не задумывался о дальнейших последствиях Фруктидора. Франсуа де Нёфшато позиционировал себя как умник эпохи, Ларевелье — как ее пророк; ни один из них не имел ни малейшего значения. Ожерё, почувствовав себя обманутым расформированием Рейнской армии, разочаровался и на время стал непримиримым врагом своего бывшего начальника. Несколько посредственных деятелей как в армии, так и в политике сочувствовали Ожеру, но поскольку Англия оставалась единственным врагом, генерал Армии Англии был фактически командующим всей армией. Ни один из генералов дивизий не ослушался его приказов.

ГЛАВА IV

СМУТА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Директория и законодательная власть — Мотивы французской армии — Ошибки Ожеро — Унижение Батавской республики — Захват Пьемонта — Провозглашение Римской республики — Перестройка территории Швейцарии — Антагонизм Пруссии и Австрии — Миссия Бернадота в Вену — Нейтралитет Пруссии — Нестабильное равновесие в Европе.

Зимой 1797-98 годов Бонапарт, как конструктивный главнокомандующий французскими войсками, имел обыкновение участвовать в обсуждениях различных гражданских властей; иногда они казались неловкими под его влиянием, но угроза ухода в отставку обычно приводила их к соглашению. Они уступали, потому что каждая фракция считала, что неуступчивая позиция Директории по отношению к роялистам, эмигрантам и духовенству возродит в стране ненависть к якобинству и принесет победу его врагам на весенних выборах 1798 года. Враждебность была тем более сильной, что пресса была практически задушена закрытием зимой офисов шестнадцати газет, в дополнение к многим уже заглушенным. Если бы палаты были враждебно настроены по отношению к исполнительной власти, они, несомненно, попытались бы устроить гражданскую революцию, и Бонапарт со своими войсками стал бы арбитром. Поэтому роялисты вновь обратились к нему, на этот раз через мадам Бонапарт, которая дипломатично тянула время и держала просителей в ожидании. Но в то время как под поверхностью все было в движении и заговорах, парижское население лишь изредка получало свидетельства чего-либо, кроме совершенной гармонии во всех частях правительства. Они любили противопоставлять блестящие результаты Кампо-Формио скромному поведению великого полководца, который смирил Австрию и, как он сам сказал в своей праздничной речи, привлек два центра света, «лучшие части Европы», — Италию и Нидерланды, — под яркие лучи французского просвещения.

В последующие годы беспрецедентная способность Бонапарта к интригам и махинациям проявилась в таких невиданных пределах, что в наши дни принято приписывать ему манипулирование каждой деталью европейской истории того времени. Это тем более естественно, что события той зимы за пределами Франции в высшей степени способствовали политическому пожару, который предшествовал восхождению Наполеона и полной перестройке европейской государственной системы. И все же самые проникательные историки часто упускают из виду очевидные причины в поисках скрытых; в данном случае первые вполне достаточны, чтобы объяснить результаты. С итальянской кампанией республиканские армии перестали сражаться ни за целостность Франции, ни за ее «естественные» границы, ни за революционную систему. Они часто обманывали самих себя, полагая, что распространяют либеральные идеи, но с тех пор главными движущими силами действий большинства офицеров и солдат стали слава и грабеж.

Соответственно, то, что можно было предвидеть, действительно произошло. Осенью 1797 года Ожеро пытался повторить в юго-западной Германии политику, начатую Бонапартом в Италии. Но его грубые промахи вынудили его отозвать, что было смягчено его переводом в Пиренеи, где армия была готова вмешаться в Испанию, когда представится подходящая возможность. Движение в Германии вылилось в бесстыдные грабежи как к востоку, так и к западу от Рейна — двойное позорище, учитывая тот факт, что война закончилась, Майнц был сдан, весь левый берег, хотя и не был еще официально уступлен, находился под контролем Франции, а Растадтский конгресс обсуждал, как следует компенсировать князьям, сдавших свои владения Франции, в пределах империи.

Ход событий в Нидерландах был столь же пагубен для престижа Революции. Голландия не только потеряла все свои колонии, включая мыс Доброй Надежды, из-за принудительного присоединения к республиканской системе, но и при Кампердауне одиннадцатого октября 1797 года флот Батавской республики был разбит вдребезги флотом Англии под командованием Дункана. Таким образом, новое содружество было поставлено в презренное положение и полностью зависело от Франции. Двадцать пять тысяч солдат уже были расквартированы на голландской территории, и теперь от них требовались огромные жертвования кораблями, деньгами и людьми для предполагаемой высадки в Англии. Делакура и Жубер были соответственно гражданскими и военными агентами в этих вымогательствах.

Уход Бонапарта из Италии не внес никаких изменений во французскую политику или поведение по отношению к ней. Венецианские владения были буквально лишены Бертье всех ценных предметов перед их окончательной капитуляцией Австрии. Официальные переговоры о заключении договора о наступательном и оборонительном союзе с Цизальпинской Республикой были начаты сразу же после признания нового государства, но грабежи продолжались те же, что и во время его завоевания. По этому договору, который был заключен только в марте 1798 года, новое "свободное" государство обязывалось содержать двадцать пять тысяч французских военнослужащих и ежегодно собирать почти четыре миллиона долларов на их содержание. Что касается новой Лигурийской республики, то ее границы были неполными без Пьемонта. До конца июня 1798 года, когда в Турине старыми эффективными методами были разожжены революционные пожары, две французские армии под командованием якобинских генералов захватили Пьемонт и объединили его с другим "свободным" государством, которое затем было присоединено к Франции на тех же условиях, что и Цизальпина. Карл Эммануил, потеряв, таким образом, все свои владения на материке, удалился на Сардинию, где ему было суждено стать, под защитой английского флота, центром новой коалиции против Франции.

Рим призвал к себе на службу для реорганизации своей армии Проверу, одного из австрийских генералов, активно участвовавших в последней кампании. Жозеф Бонапарт потребовал его увольнения. Эта искра разожгла революционный дух немногих решительных либералов в столице, и произошло восстание, в ходе которого был убит генерал Дюфо, который вскоре должен был стать шурином Жозефа. Повстанцы потерпели поражение и нашли убежище во французском посольстве. Папские власти смирились, чтобы возместить ущерб, но Джозеф не успокоился и потребовал свои паспорта. Через месяц, десятого февраля 1798 года, Бертье и его солдаты вошли в Вечный город и провозгласили Римскую республику. Не обращая внимания на его достойную уважения личную репутацию, французские агенты лишили Пия VI, престарелого и немощного папу, всех его

драгоценностей: даже кольца были сняты с его пальцев их руками. Папскому правлению был объявлен конец, и кардиналам было запрещено избирать преемника. Самому папе было позволено удалиться в Сиену; но, обманув ожидания своих похитителей относительно его скорой кончины, он по их усмотрению переезжал с места на место, пока, наконец, не умер в следующем году в Валенсии. Неаполь, конечно, был в агонии страха, но ее час еще не пробил.

Наконец пламя охватило Швейцарию, где демократический округ Во провозгласил свою независимость от бернской аристократии. Пожар раздувал агент Бонапарта Петер Окс, либеральный бургомистр Базеля. Франция вмешалась, номинально для того, чтобы заставить Берн освободить всех своих политических заключенных и освободить Во, но на самом деле для того, чтобы разграбить и перестроить всю страну. Вторгшаяся армия грабила как друзей, так и врагов. Отчаянное сопротивление Берна, в котором участвовали даже женщины и дети, оказалось бесполезным. В конце своего существования Гельветийская республика была учреждена по новому уставу, подобно республикам Цизальпина и Батавия; она также сразу же вступила в наступательный и оборонительный союз с Францией. Компенсация Берн заключалась в передаче ее "сокровища", или наличного резерва - суммы в один миллион триста тысяч долларов. Швейцарские историки утверждают, что помимо наличных денег там было около двух с половиной миллионов долларов в облигациях. Пятая часть этого количества была немедленно отправлена в Тулон, где снаряжался флот; остальное досталось армии и ее командующему генералу Брюну. Фрибург, Золотурн и Цюрих также были разграблены в пользу военного сундука. Считается, что из всех огромных сумм, захваченных зимой, в национальную казну ничего не поступило. Наполеон в изгнании заявил, что Париж ничего не знал обо всем этом. Но еще более серьезными были предполагаемые изменения территории. Вальтеллина уже была включена в состав Цизальпинской республики; долина Фрик вскоре должна была отойти Австрии вместе с кварталом Инн; и в конечном итоге Женева с долиной верхней Роны должна была стать частью самой Франции, чтобы Симплон, еще одни ворота в Италию, мог быть обеспечен для ее армий на случай, если труднопроходимые проходы на берегу Средиземного моря когда-нибудь будут закрыты. [\[4\]](#)

Влияние всего этого на политику Европы было подобно воздействию факела на сухую стерню. Германо-Римская империя была устаревшим институтом. Пруссия приобрела большое значение как представительница новой протестантской немецкой национальности. Фридрих Великий, унаследовавший армию и политику своего проницательного отца, прекрасно понимал, что для достижения этой цели Римско-католическая Австрия должна быть унижена и низведена до второстепенного положения. Его успех был лишь частичным, но пока он был эффективным. Таким образом, отношения между этими двумя великими соперниками в составе Германии были настолько натянутыми, что Пруссия в своем антагонизме к Австрии, естественно, склонялась к Франции. Но захват немецких земель не только на западном берегу Рейна, но и некоторых даже на восточном берегу, вместе с поведением французских армий не только на юго-западе Германии, но и снова в Берне, вызвал ужас в Берлине. Сийес был послан, чтобы развеять, по возможности, опасения Фридриха Вильгельма III и склонить его к союзу с Францией. Тем временем радикальная директория, рассматривавшая церковные княжества империи как анахронизмы, планировала полную их секуляризацию. Это принесло бы компенсацию светским державам, и настроения как Пруссии, так и Австрии благоприятствовали такому решению проблемы. Но Бонапарт, предвидя, что временно это также объединит общественное мнение в Германии и не даст Франции оснований для вмешательства, заявил

в Италии, что, если германской организации не существует, Франция должна создать ее для своих собственных целей; и он внушил французским полномочным представителям в Раштадте, насколько важно, чтобы они по крайней мере предотвратили полную секуляризацию великих епископств.

Это было первое яблоко раздора, брошенное на том Конгрессе; и Австрия вскоре начала понимать, что Кампо-Формийский мирный договор должен был стать не просто перемирием, а очень коротким. Бонапарт сформировал в Италии легион из пяти тысяч поляков. Они все еще были при оружии, ожидая события. Было печально известно, что французские агенты разжигали недовольство как в Польше, так и в Венгрии. Итальянская армия тщательно охраняла наследственные владения императора, спеша к Леобену, и Бонапарт, с безжалостной суровостью пресекавший грабежи, объяснил, что Франция ведет войну не с добрыми людьми Европы, а с их тираническими династиями. Даже в Каринтии зародился некоторый энтузиазм в отношении революционных принципов. Тугут хитроумно предотвратил въезд Кларка в Вену, потому что опасался присутствия республиканца среди легковоспламеняющихся элементов этого города. Франциск отказался при заключении мира послать дипломатического агента в Париж, потому что он не желал взаимности и опасался, как бы французский министр, если бы его приняли в Вене, не создал там такого очага революционной агитации, который существовал везде, где были открыты французские посольства. Но теперь внезапно было объявлено, что Французская республика аккредитовала Бернадотта при своем дворе. Сообщение было правдивым, поскольку были даны инструкции, согласно которым посланник предлагал расчленение Турции вместо ожидаемой Франциском дальнейшей компенсации и выяснял, как будет рассматриваться восстановление Польши. Он должен был предотвратить вмешательство Австрии в пользу Рима и настоять на том, чтобы с ним обращались с той же пунктуальностью, с какой обращались с королевскими послами Франции. С другой стороны, ради радикалов среди фруктидорианцев он должен был проявить примирение, потому что было жизненно важно, чтобы Франция узнала о внутренней работе венского двора до того, как снова разразится война, особенно если руководители хотели предотвратить полное господство Бонапарта. Нет ни малейших доказательств того, что, как предполагали некоторые, Баррас, Сийес или Талейран вмешивались в дела Бернадотта. Он все еще был грубым солдатом, а не ловким дельцом, каким стал впоследствии. Они могли положиться на то, что он испортит свою миссию, и он это сделал. Надменным тоном он немедленно потребовал, как ему было поручено, упразднения орденов Бурбонов в Австрии, а также исключения из королевского альманаха имени этой семьи как правящих государей Франции. В то же время он так неуместно демонстрировал триколор и республиканскую кокарду, что пробудил все скрытые антагонизмы к Революции. Эти и другие подобные неблагоразумные поступки успешно взбудоражили население до такой степени, что в конце концов на посольство напала толпа. Основательно напуганный и понимающий, что его миссия в отношении Польши и Турции была напрасной, Бернадот потребовал своего отзыва. Он вернулся в Париж, как и ожидалось, поставив отношения Франции и Австрии на грань разрыва. Прибыв в апреле 1798 года, он вскоре после этого женился на невестке Жозефа Бонапарта, которая быстро успокоилась после смерти Дюфо. [\[5\]](#)

К тому времени Пруссии был фактически поставлен мат; ибо, хотя Сийес не смог склонить берлинский двор к союзу с Директорией, все же он предотвратил ее присоединение к ее врагам, пообещав, что революционная пропаганда в Германии должна прекратиться. Взамен она согласилась соблюдать старый строгий нейтралитет и признать Цизальпинскую

республику. В последние годы это решение подверглось жесткой критике как фактическое предложение себя Наполеону после того, как он должен был поглотить Австрию. Высказывалось даже предположение, что ее государственным деятелям следовало заглянуть на сто лет вперед и на столетие предвосхитить союз Пруссии с Савойским домом, который к тому времени был единственной либеральной монархией в Европе. Какой была Европа в 1798 году, такая концепция была невозможна.

Таким образом, весной того же года все предвещало всеобщую вспышку, которая должна была вскоре произойти. Возможно, Бонапарт предвидел это и до мельчайших деталей регулировал события по мере их развития. Рассматривая каждое из них в отдельности, легковверный поклонник мог бы поверить, что столь многое было по силам одному человеку; но сложность целого делает демоническую способность вызвать крушение таким образом неподвластной даже Бонапарту, хотя он, возможно, и лелеял желание этого. Ясно, что он торжествовал в стремительном потоке времени и использовал все возможные преимущества нестабильности европейских институтов в их умирающем состоянии. Чтобы дополнить картину Европы 1798 года, мы должны вспомнить, что Ожеро находился в Пиренеях с сорока тысячами человек, готовый, когда французские агенты выполнят свою агитационную работу, в любой момент перейти границу и освободить Испанию от ее правителей-Бурбонов. Такая произвольная эмансипация была возможна в других местах. Почему она в конечном итоге потерпела неудачу в Испании? Ответ заключается в том, что за пределами Пиренеев не было благоприятных предшествующих условий. Вся странная история преобразований в Италии, в западной и северной Европе показалась бы лживым вымыслом, если бы не воспоминание о еще более глубокой предшествующей трансформации в духе их жителей, вызванной интеллектуальным брожением века. Это духовное и рационализаторское движение почти не затронуло Испанию, Россию и восточную Европу. Именно по этой причине планы Бонапарта в отношении Польши и Турции сразу же заделали разрыв между Россией и Австрией, ни одна из которых не находилась под глубоким влиянием идеализма той эпохи, и обе были продиктованы только династическими мотивами. В других местах Наполеон казался волшебником; в этих землях его чары были тщетны. По культуре и интеллекту Англия была на целую эпоху впереди него, так же как другие были на целую эпоху позади него; и две противоборствующие силы невежества и просвещения в конце концов раздавили его, как верхний и нижний жернова.

ГЛАВА V

Экспедиция в Египет [\[6\]](#)

Политика Франции в отношении Египта — Использование его Бонапартом — Его военные установки и ожидания — Его "Полный политический кодекс" — Альтернативы, которые он видел — Трения между Бонапартом и Директорией — Флот и армия — Уход.

Взятая в самом широком смысле, социальная жизнь мира была обусловлена торговыми, интеллектуальными и религиозными отношениями между Востоком и Западом. Короткий путь от одного к другому лежит через Красное море, Перешеек и Средиземное море.

Контрольным пунктом на этом пути является Египет. Начиная с крестовых походов, господство над странами и угодьями в этом огромном бассейне было призом, за который Франция и Англия всегда боролись. Пьер Дюбуа предложил захват Египта Филиппу ле Белю в четырнадцатом веке; Лейбниц пытался выманить Людовика XIV из Германии, объясняя ему ошеломляющие преимущества того же предприятия; д'Аржансон предложил Суэцкий канал в 1738 году; а Шуазель поддерживал план оккупации Египта. Республика унаследовала идею завоевания мира, которая занимала и Филиппа Красивого, и Людовика XIV, хотя и в другой форме. Бонапарт, исполнявший двойную роль ученика Рейналя и вытеснителя Революции, был полон той же идеи. Именно его раннее изучение "Философской и политической истории двух Индий" заставило его в одной из своих бесед на Кампо Формио назвать Европу кротовым холмом по сравнению с шестьюстами миллионами людей на Востоке. На тех же страницах, что и у Плутарха, он прочел об Александре Македонском и научился восхищаться его примером; там же ему сказали, что при надлежащем населении и твердой администрации Александрия достигнет большего величия, чем Лондон, Париж, Константинополь или Рим. Эти мнения он усвоил и никогда не менял, повторяя их даже на острове Святой Елены, где признался, что, если бы не отпор при Акко, он основал бы восточную империю. Политика Директории, без сомнения, отчасти была его собственной; но в гораздо большей степени она отражала распространенное во всей стране и среди всех ее агентов чувство, что настало время для захвата Египта. Талейран привлек внимание Института к его осуществимости, и Магаллон, французский консул в Каире, наполнил свои депеши предложениями относительно путей и средств. К весне 1798 года план Директории был сформирован, и их подготовка была завершена. Под руководством Талейрана было подготовлено к публикации политическое заявление с его историческим обоснованием, в то время как секретная подготовка кораблей и людей в Тулоне и других пунктах была завершена.

1798

Оправданием экспедиции к султану и в Европу было то, что Египет больше не принадлежал Турции. Мамлюкские узурпаторы держали его в позорном рабстве; Франция освободит его. Чтобы навязать Порте эту точку зрения, каждый повстанец неуклонно распадающейся Османской империи в течение нескольких месяцев получал поддержку от писем и агентов Бонапарта, и теперь великому визирю дали понять, что, если будет предпринята попытка помешать французским войскам, эти повстанцы окажутся раскованными в его тылу; с другой стороны, его поощряли рассматривать захватчиков как вспомогательных сил для подавления восстаний как на Дунае, так и на Ниле. Бонапарт делал высокие ставки; он, вероятно, надеялся привлечь Турцию в качестве союзника и таким образом отвлечь Россию и Австрию от Франции, но был полон решимости в случае неудачи сохранить Египет в качестве французской доли, когда в конечном итоге должен быть произведен ожидаемый раздел владений султана.

Иначе невозможно объяснить, почему ему удалось оставить Францию беспомощной перед ее континентальными врагами; почему все собранные сокровища Италии и Швейцарии были потрачены на его собственные приготовления; почему почти каждый способный генерал и каждый доблестный полк предназначались для Египта, в то время как перед лицом надвигающегося европейского краха национальная казна была опустошена, имевшиеся в его распоряжении второстепенные войска были оставлены дома, а оставшиеся ветераны Гоша и Моро были разбросаны по различным подразделениям между Рейном и

Пиренеями. Английская армия, собранная на севере, временно находилась в состоянии атрофии. Он содержался в Булони с поредевшими рядами, но готовый быть набранным для высадки в Англии в качестве второстепенного шага, если британцы будут разбиты в Леванте и вынуждены разделить свой флот. В противном случае, как думал и сказал Бонапарт после февральского визита на берега Ла-Манша, было бы слишком рискованно пытаться высадиться перед лицом огромного вооружения, плавающего под английским флагом. "Вторгнуться в Англию без господства на морях - это предприятие, самое смелое и трудное из всех, которые когда-либо предпринимались. Если это возможно, то только путем внезапного перехода (через Ла-Манш)". Он считал, что в любом случае было бы лучше провести лето, снаряжая флот в Бресте для осеннего вторжения в Ирландию. На два вопроса, которые возникают в этой связи, нельзя дать категорического ответа: по собственной ли воле Бонапарт принял командование египетской экспедицией, или руководители вынудили его к этому? Каков был конечный замысел великого интригана, если неминуемая война разразилась в то время, когда лучшие французские войска находились в Африке?

Рассматривая вероятности ответа на оба этих вопроса, создается впечатление, что Бонапарт убедил себя в том, что открытое принятие власти на данный момент невозможно. Он не мог быть директором: кандидатам на этот пост должно быть сорок лет. Он не осмелился принять предложение Барраса и захватить диктатуру, даже временно, потому что якобинские члены Директории ясно дали понять на некоторых весьма беспорядочных заседаниях этого органа, что они не потерпят такого плана и достаточно сильны, чтобы сорвать его. Эти сцены, которые не держались в секрете и были описаны в кофейнях, заставили парижан заподозрить Бонапарта. Они наслаждались временным покоем, нарушать который в данный момент было бы опасно для любого стремящегося. Должно быть, казалось очевидным, что изменение конституции было необходимо для чего-либо подобного скорейшей реализации его личных амбиций, которые уже приняли определенную форму. Еще девятнадцатого сентября 1797 года Бонапарт написал Талейрану письмо, содержащее то, что он назвал своим полным политическим кодексом. Его поведение, подобное поведению сфинкса, и таинственные намеки, уже процитированные в праздничной речи, взятые в связи с этим наброском, подтверждают идею о том, что Талейран, Баррас и Сийес готовились к новой конституции, которая должна была быть готова к применению, когда весенние выборы увеличат число делегатов-роялистов, в чем они были уверены, и, таким образом, приведут к столкновению между исполнительной и законодательной властью.

"Полный политический кодекс" выражает то же презрение ко всем предшествующим французским политическим спекуляциям, что и Сийес. Даже Монтескье лишь систематизировал и проанализировал результаты своего чтения и путешествий; хотя он, несомненно, был способным, он не сделал ничего по-настоящему конструктивного. Англичане перепутали соответствующие функции различных властей в правительстве. Учитывая их историю, было легко понять, почему налоговая власть находилась в Палате общин. Но почему этот орган также должен объявлять войну или заключать мир? Великобритания, будучи государством, конституция которого состояла из привилегий, "черного потолка с позолоченной каймой", сильно отличалась от Франции, где они были отменены, и вся власть исходила непосредственно от суверенного народа. Почему же тогда, как и в соответствии с действующей конституцией, только законодательный орган Франции должен обладать правами, которые принадлежат правительству в его совокупности? Эта суверенная власть, продолжил он, "я думаю, естественным образом

распадается на две совершенно разные магистратуры: одна контролирует, но не действует, и то, что мы сейчас называем исполнительной властью, должно быть вынуждено принять важные меры — так сказать, исполнительное законодательство. Эта великая магистратура была бы поистине главным советом нации; в ее ведении была бы вся та часть управления или исполнения, которая по нашей конституции возложена на законодательный орган ". Это собрание должно быть многочисленным и состоять только из людей, которые уже занимали должности, пользующиеся общественным доверием. Законодательные органы должны принимать и изменять органические законы, но не в течение двух-трех дней, как в настоящее время; ибо после того, как органический закон однажды вступил в силу, он не должен быть изменен без четырех или пяти месяцев обсуждения. "Эта законодательная власть, не имеющая ранга в Республике, беспристрастная, не наблюдающая и не слышащая того, что происходит в ней, не имела бы амбиций и не завалила бы нас более чем тысячей специальных законов, которые по своей абсурдности разрушают их собственную действительность и делают нас, с тремя сотнями томов законов, нацией без законов ". Является ли это проявление рецидивом юношеской грубости идеальной политики, или это намек на осуществление этой высшей магистратурой своих неконтролируемых полномочий через единственного исполнительного агента, подобного ему? Несомненно, сама эта концепция, хотя и претерпела существенные изменения, оказала непосредственное влияние на институты империи.

В отсутствие достаточных доказательств относительно фактов существует лишь одна сложная теория, объясняющая последующие события. Египетская экспедиция, как публично заявил ее командующий, покидая Тулон, была правым крылом армии Англии; в то же время она соответствовала древней французской политике и апеллировала к романтической, восточной стороне темперамента самого Бонапарта; наконец, в качестве практической меры это дало ему возможность с достоинством ожидать исхода дел в Париже, будет ли это, как он сказал Буррьену, "на несколько месяцев или на шесть лет". В то же время это был якорь с наветренной стороны. Вследствие инцидента с Бернадотом австрийские полномочные представители в Раштадте отказали Франции даже во всем левом берегу Рейна, и европейские настроения, по-видимому, консолидировались в пользу другой коалиции. "Я отправляюсь на Восток, - сказал Наполеон Жозефу, - используя все средства, чтобы гарантировать успех. Если я понадобится Франции; если число тех, кто мыслит подобно Талейрану, Сийесу и Редереру, увеличится; если разразится война, которая обернется несчастьем для Франции, тогда я вернусь, более уверенный в общественном мнении, чем сейчас. С другой стороны, если Республика добьется успеха в войне; если появится такой политический генерал, как я, и возложит надежды народа на себя, хорошо; тогда все же на Востоке я, возможно, окажу миру большую услугу, чем он ".

Все указывает на то, что в месяцы, непосредственно предшествовавшие его отъезду, между Бонапартом и Директорией были трения. Говорят, что на одном из их заседаний, созванных для рассмотрения ситуации, Бонапарт предложил возобновить переговоры в Раштадте, сам вернувшись туда, но вместо него был назначен Франсуа. После этого он еще раз отрепетировал заезженную сцену угрозы отставки. "Вот ручка", - сказал Ребелл. - "Вам нужен отдых". Но Мерлин схватил ее, и когда разъяренный претендент, видя, что его превосходство под угрозой, вышел из комнаты, остальные услышали слова: "Груша еще не созрела". "Поверьте мне, я даю вам хороший совет, - сказал Баррас в частной беседе сразу после этого. - Уезжайте из страны как можно скорее". Для подобных сцен было предостаточно места в комитете, который рассматривал как свою собственную политику

непрямого нападения на Англию с Востока, в то время как все его члены были раздражены диктаторским присутствием воплощенных и неудовлетворенных амбиций, которые, как заявляет Талейран, действительно разработали план, но теперь не были уверены, какой из двух или трех, а с полдюжины путей лучше выбрать. Жребий выпал в пользу Египта. Секретность подготовки заставляла сомневаться даже французов. Англия на какое-то время была полностью введена в заблуждение и совершила почти фатальную ошибку, сосредоточив свои военно-морские силы в Ла-Манше и охраняя вход в Средиземное море лишь теми немногими кораблями, которые она могла выделить, в то время как в водах самого этого моря у нее практически не было сил.

Тем временем огромный флот в Тулоне, почти равный любому из когда-либо созданных Францией, был полностью готов. Для конвоирования четырехсот перегруженных транспортов было задействовано пятнадцать линейных кораблей, пятнадцать фрегатов, семь корветов и тридцать небольших вооруженных судов. Даже для посвященных было неожиданностью, что в последний момент выяснилось, что солдат насчитывается не двадцать пять тысяч, как предполагалось первоначально, а сорок тысяч, составляющих цвет республиканских армий. Из дивизионных генералов там были Д'Илье, Вобуа, Десо, Клебер, Мену, Ренье и Дюгуа; из бригадных генералов - Ланн, Даву, Мюрат и Андреосси; из полковников - Мармон, Жюно, Лефевр-Деснуэт и Бессьер. Самой новой особенностью из всех была тщательно организованная и снаряженная экспедиция в составе ста или более ученых, которым, согласно тогдашней моде, было суждено собрать сокровища фараонов и Птолемеев для коллекций Парижа. Их аппарат для открытий был наилучшим из доступных, их образование было, по крайней мере, респектабельным, а их библиотека представляла собой смесь древней классики с классиками современного романтизма, средневековых знаний с современным атеизмом. Были, конечно, великие военные мемуары Тюренна, Конде, Люксембурга, Евгения и Карла XII; более интересным является включение пятнадцати томов "Географии и открытий". Куда направлялись? Был ли это другой Александр? Гомер и Вергилий потеснили Оссиана, Ариосто и Тассо, в то время как "Элоиза" Руссо соседствовала с "Вертером" Гете. Среди других "политических" работ были Монтескье, Веды, Коран и Библия. Каролина Бонапарт подарила своему брату на прощание небольшую карманную библиотеку, среди томов которой были "Эссе" Бэкона, "Влияние страстей" мадам де Сталь и "Философские видения" Мерсье. Любопытные изучали эти тома и находили на их изрядно потрепанных страницах несколько специально отмеченных отрывков. В часы одиночества великий одиночка читал у Бэкона, как тот, кто властвует над другими, теряет собственную свободу; у мадам де Сталь, как трудно сохранить завоевания честолюбия; у Мерсье о восточном визионере, который после блеска временного успеха закончил свои дни в изгнании и забвении.

Именно двенадцатого апреля Бонапарт получил свои последние инструкции от исполнительной власти. Он должен был захватить Мальту, изгнать британцев из всех их восточных владений, которые он мог надеяться захватить, разрушить их фабрики на Красном море, прорваться через Суэцкий перешеек, улучшить положение всего местного населения и сохранить хорошее взаимопонимание с султаном. Тем временем от двадцати пяти до тридцати тысяч человек должны были быть собраны в какой-то точке Ла-Манша в качестве отвлекающего маневра против Великобритании, чтобы на время отвлечь ее внимание от Средиземного моря. Уже на следующий день уезжающий генерал передал Директории свой секретный план лагеря в Булони и схему внезапного перехода. Отряду ученых было приказано отправиться в Тулон, и главнокомандующий приготовился

следовать за ним. Но инцидент с Бернадотом в Вене поднял тучу войны, и он ждал месяц, пока она не исчезла с горизонта. На протяжении всего этого периода Бонапарт держал директоров в напряжении, неоднократно предлагая вернуться в Раштадт, где он один мог добиться возмещения нанесенного республике оскорбления в лице ее посла. Но австрийцы оказались не готовы к очередному обращению к оружию, Тугут предложил возмещение ущерба, и опасный маршлот Директории был, наконец, свободен от своего беспокойного присутствия в Европе. Он покинул Париж в ночь на третье мая.

ГЛАВА VI

ВЫСАДКА В ЕГИПТЕ [\[7\]](#)

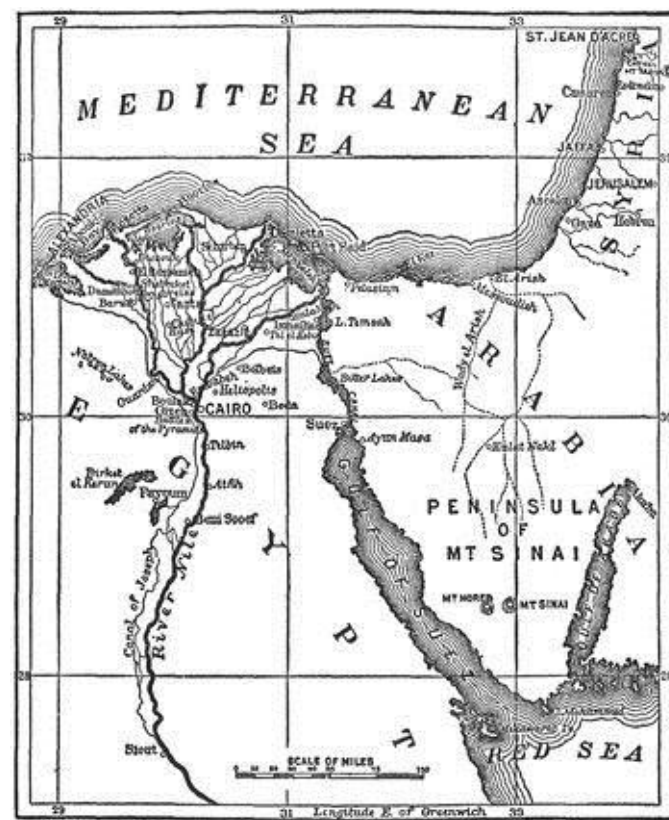
Видения завоевания Востока — Сдача Мальты — Нельсон обманут — Мамлюки — Стычки при Шебрекете и Пирамидах — Пустота успеха — Планы завоевания Азии — Битва на Ниле — Влияние на европейскую политику.

Отправление египетской экспедиции из Тулона девятнадцатого мая 1798 года было до сих пор величайшим событием в жизни Бонапарта. Джозефина, явно переставшая быть легкомысленной креолкой, но, по-видимому, превратившаяся благодаря успехам и ответственности последних двух лет в любящую и внешне рассудительную помощницу, нежно попрощалась с ним. В его блестящей карьере случались неудачи, но пока они были временными; что же касается настоящего момента, то он полагал, как впоследствии сказал мадам де Ремюза, что это может быть его последнее пребывание во Франции. Представления о восточном великолепии, видения империи, охватывающей три континента, мечты о властителях и державах, намного затмевающих западноевропейские, — подобная распушенность опьяняет воображение и приводит в смятение обычные умы. Большинству такие планы кажутся фантастическими, но что еще, как не их реализация, является в трезвой реальности современной Британской империей? Рядовые армии Бонапарта, возможно, и не видели награды за эту опасную экспедицию в сентиментальном или далеком возвращении, но они прекрасно понимали слова речи, произнесенной в Тулоне перед отправлением в путь, которая, помимо напоминания о награбленном ими в Италии, содержала прямое обещание, что на этот раз каждый человек должен вернуться с деньгами, достаточными для покупки семи акров земли. Как моряки, так и солдаты были взволнованы призывом установить свободу на равнинах океана, как они это сделали на равнинах Ломбардии. Они даже смутно понимали значение прокламации, выпущенной в море, в которой окончательно раскрывалась цель их путешествия и предсказывался определенный успех, если они будут уважать женщин, товары и веру мусульман.

Да, это была оптимистичная экспедиция, которая, полагаясь на очевидное ослабление бдительности Англии, отправилась на Мальту. Географическое положение этого острова делает его в надлежащих руках цитаделью Средиземноморья, оплотом христианского мира против язычества. Но военные монахи, которым это было поручено, развратились и стали распушенными. Мальтийцы ненавидели своих хозяев. Французские агенты уже были среди них, завоевав тысячи людей и некоторых французских рыцарей; и таков был внутренний беспорядок при приближении Бонапарта, что после малейшей демонстрации

сопротивления его требованиям ворота почти неприступной крепости были бесчестно открыты перед французской республикой без единого удара. Орден, ни монашеский, ни военный в каком-либо истинном смысле этого слова, был практически уничтожен в результате конфискации его имущества, хотя номинально он сохранился как вассал неаполитанской короны под защитой России. Награбленное в казне и Церкви было быстро изъято, превратившись в настоящее сокровище, и добавлено к французскому военному сундуку. Ожидая только размещения гарнизона для своей легкой победы и установления французской администрации, Бонапарт поспешил дальше, и тридцатого июня весь флот в хорошем состоянии бросил якорь у берегов Александрии. С небольшими потерями войска были высажены.

Новости о масштабных приготовлениях в Тулоне окончательно убедили английское адмиралтейство в том, что их господство в Средиземном море находится под угрозой. Нельсон с небольшой эскадрой в свое время отплыл из Кадиса и прибыл к берегам Франции перед отправлением экспедиции Бонапарта. Изгнанный штормом со своей позиции, он укрылся с подветренной стороны Сардинии, где оставался до тех пор, пока не получил подкрепление. Перегруженность французских кораблей войсками и припасами была такова, что даже с несколькими действующими судами Нельсон мог вывести из строя, если не полностью вывести из строя, мощное вооружение своего противника. С новыми силами, которые он тем временем получил, он был готов оспаривать их проход, где бы их ни обнаружили, и его приказы были строжайшими - уничтожать флот противника при любой опасности. Вернувшись в Тулон только для того, чтобы обнаружить, что французы ускользнули от него, он отплыл оттуда на Сицилию и, узнав, наконец, что целью врага является Египет, быстро прошел к югу от Крита и, прибыв из Александрии, был разочарован, обнаружив, что ее рейд пуст. Предположив, что его обманули, он поспешил в Сирию. Желая найти своего врага, он обогнал его. Бонапарт, узнав у Крита, что его преследуют, поплыл на север через Кандийское море, в то время как Нельсон направился по прямой на другой берег. Так получилось, что до сих пор удача не покидала захватчиков.

Карта Египта.

Жители крупных египетских городов не были воинственным народом; огромная масса населения, угнетенные сельскохозяйственные рабочие, или феллахи, были еще менее воинственными. Их сильнейшим оружием была та восточная невозмутимость, которая, подобно крепости из глины, закрывает от вражеских снарядов, не разрушаясь под их ударами. Соответственно, город Александрия, после слабого и безрезультатного сопротивления, сдался. Бонапарт, всегда склонный к примирению, издал обращение к народу, которое было переведено одним из его ученых на местный язык. Оно было ясным и кратким, но не оказало большого влияния на население. Положение Египта в то время тщетно искало параллели в истории. Саладин следовал традиции восточного деспотизма в формировании телохранителей, лишенных всех уз, кроме тех, которые привязывали их к его персоне. Купленные младенцами в Грузии или Черкесии, ее члены, подобно константинопольским янычарам, были обучены оружию как исключительной профессии и, оседлав лучших арабских скакунов, стали элитой его армии. Со временем это войско, состоящее из ловких и могущественных людей, превратилось в касту воинов, было разделено на двадцать четыре отряда и не подчинялось никому, кроме своих капитанов. На восточном языке они были известны как беи, сами подчиненные были теми, кого мы называем мамелюками; в целом, числом около восьми тысяч, они образовывали своего рода рыцарство, которое, хотя и было сведено к номинальному подчинению в 1517 году, все еще управляло страной с деспотической властью и бросало вызов шаткой власти султана. В первой части прокламации Бонапарта описывались пороки мамелюкской тирании, во второй содержался призыв к населению помочь своим освободителям. "Мы тоже истинные мусульмане. Разве не мы уничтожили папу Римского, который сказал, что с мусульманами должна быть война? Разве не мы уничтожили мальтийских рыцарей, потому что эти бесчувственные кавалеры верили, что Бог хочет, чтобы они воевали с мусульманами?"

Трижды счастливы те, кто на нашей стороне! Они преуспеют в своей судьбе и на своем месте. Счастливы те, кто нейтрален! У них будет время понять нас, и они встанут рядом с нами. Но горе, трижды горе тем, кто возьмется за оружие на стороне мамлюков и будет сражаться против нас! У них не останется надежды; они погибнут". Контраст между этим языком и тем, который его автор использовал в Италии в отношении Церкви, показывает, сколько искренности было в обоих случаях. Здесь, как и там, он использовал религию как политический прием.

Взятие Александрии стало горьким разочарованием для французской армии, поскольку некогда богатый и знаменитый город превратился в нищету и ничтожество. Добычи не было, а убожество было отвратительным. С таким неблагоприятным началом их борьба за Каир стала ужасным испытанием. Небо было медным, их ноги вязли в сухой, горячей почве, а конные стрелки терзали их из-за невысоких холмов по обе стороны от их марша. Ни один враг, более грозный, чем несколько полуголых феллахов, по-настоящему не препятствовал их продвижению; но даже когда десятого июля они приблизились к Нилу и их страдания должны были вот-вот прекратиться, их полководец тщетно пытался заглушить их горькие крики обескураженного гнева. Три дня спустя они были атакованы в Шебрекете аванпостами мамлюков под командованием Мурада, главного бея отряда. Нерегулярные и индивидуальные атаки хорошо вооруженной и великолепно экипированной кавалерии не причинили вреда сомкнутым рядам французских ветеранов, а беспорядочная стрельба турецкой артиллерии быстро прекратилась; ржавые пушки, хотя и были нацелены в упор на флотилию канонерских лодок, поднимавшихся вверх по реке, почти не причинили вреда. Противник отступил и сосредоточил свои силы для последнего боя в Ом Динаре перед Каиром, за линией Эмбабеа. Двадцать первого июля Бонапарт, как и прежде, выстроил свои войска в каре глубиной в шесть человек. Они должны были наступать так, чтобы отрезать отступление противника на юг, и останавливаться только для того, чтобы принять атаку. "Солдаты, - воскликнул генерал, - сорок веков взирают на вас с вершины Пирамид!" Соппротивление едва ли заслуживало такого названия. Пять тысяч всадников и столько же феллахов находились за слабыми крепостными стенами. Мурад и его люди с отчаянной отвагой бросились вперед против фаланги Десо, но только для того, чтобы отскочить от ее железных боков и наткнуться на столь же бесстрастные линии Ренье и Дюгуа. Ибрагим, другой лидер мамелюков, бежал на восток за реку, а Мурад отступил на юг; недисциплинированная пехота рассеялась и побежала, как испуганные овцы. Многие мамлюки утонули в Ниле. У них был обычай носить свое богатство при себе, и французские солдаты, превратив штыки в абордажные крюки, тратили много времени на то, чтобы выуживать трупы. Было подсчитано, что каждое найденное таким образом тело принесет счастливчику, нашедшему его, около десяти тысяч франков.

Так называемая битва при Пирамидах всегда будет иметь вымышленную и романтическую славу, во многом благодаря, конечно, качеству замечательных прокламаций Бонапарта, которые еще долго после того, как он признался Гурго, были "un peu charlatan". Его результаты, однако, были временно очень важны. Каир был передан им в руки Франции, и овладение столицей Египта казалось первостепенно важным как солдатам, так и их друзьям на родине. Мысль о том, что Восток и Запад сражались под сенью тех памятников, которые, ныне поседев, были одними из первых достижений цивилизованного человеческого разума, взволновала "великую нацию" и придала новый блеск лаврам Бонапарта в умах людей, привыкших упиваться великими замыслами. Однако погибло всего тридцать французских солдат и только сто двадцать были ранены. Это была стычка;

конечно, гораздо более решительная, чем при Шебрекете, и несколько более кровопролитная, но всего лишь стычка. Оба сражения были представлены Директории как великие, причем число убитых в первом из них пяти мамлюков было увеличено до трехсот. Лагерь в Эмбабехе принес богатую добычу победоносным вождям, но легендарные богатства Каира, предназначенные для солдат, оказались подобны содомским яблокам. Армия была разгневана и обескуражена; лишенная привычной добычи, она стала угрюмой и взбунтовалась. Из дома не было никаких вестей. Восточная апатия долгое время бросала вызов даже административным полномочиям Бонапарта. Египет был покорен, но положение генерала и его войск, по-видимому, было отчаянным. Много времени спустя император сказал Гурго, что, каким бы ужасным ни было это признание, он считает удачным то, что французский флот был уничтожен при Абукире, "иначе армия высадилась бы снова". Если бы он командовал мамлюками, то был бы повелителем Востока, добавил он.

Ничуть не обескураженный тем, что могло бы сломить более слабый дух, разочарованный завоеватель обратился к завоеванию другого мира. Африка подвела его, но Азия была рядом, и там можно было совершить революцию. Жестокое обращение с французскими купцами в Сирии было одним из первоначальных поводов для жалоб Директории; оно должно послужить и другому делу, и, если султан будет достаточно унижен, его можно будет принудить к союзу против угрожающей лиги России и Австрии. Необходимость осуществления этого плана была еще раз подтверждена ужасными новостями, которые вскоре пришли из Александрии. Нельсон, тщетно прочесав восточные берега Средиземного моря, вернулся сначала на Сицилию, затем в Грецию и, наконец, в Египет. Бонапарт оставил инструкции адмиралу Брюйсу направить флот в старый порт Птолемеев; но если якорная стоянка или осадка окажутся недостаточными, он должен был отплыть на Корфу. Считалось, что со своими великолепными новыми восьмидесятипушечными кораблями, не испытывающими помех со стороны транспортов, он был более чем достойным противником младшей эскадры Нельсона, чьи самые большие корабли имели всего семьдесят четыре орудия. Но Брюйс, обнаружив невозможность войти в гавань со своими военными кораблями и опасаясь отплыть на Корфу без провизии, обещанной генералом, нарушил его приказ и занял, как он считал, неприступную позицию неподалеку в Абукирском заливе, его линия была параллельна мелководному пляжу, а его авангард защищен недостаточным количеством батарей на острове Абукир к северо-западу. Самыми сильными кораблями в центре и авангарде были те, что стояли со стороны моря.

Нельсон заметил стоящий на якоре флот первого августа, около полудня; еще до вечера его дерзкий план был разработан и приведен в исполнение. Английские корабли продвигались двумя дивизиями, одна атаковала центр и тыл противника со стороны моря, в то время как другая, умело управляя кораблем, что Брюйс считал невозможным, вошла в мелководье и, прорвав береговую оборону, одновременно атаковала с этой стороны. Французский авангард, как и остальная часть флота, стоял на якоре и не мог прийти на помощь своим братским кораблям. Оказавшись в ловушке, французские моряки сражались с отчаянной храбростью, но их обошли, и перекрестный огонь англичан был смертельным. Более того, с приходом Нельсона в британский флот пришел новый темперамент. В Бастии он определил результат своей личной отвагой, ибо люди с "*Агамемнона*" под его командованием "стреляли меньше горошины"; в Кальви он потерял глаз в отчаянном предприятии; у мыса Сент-Винсент он взял на абордаж два противостоящих испанских корабля во главе команды своего *капитана* с криком "Вестминстерское аббатство или победа!", а теперь, в битве на Ниле, своим величайшем сражении, он вдохновил весь флот

такой дерзкой отвагой, что до сих пор никто не знает, что делать. в этот день его соотечественники с гордостью поют слова автора баллад: "В битве на Ниле я был там все это время". Хотя у него было столько же судов, сколько и у французов, они были худшего качества и прочности, но результат никогда не вызывал сомнений. Храбрый Брюи пошел ко дну на своем собственном "*Ориенте*", когда команда "Бесстрашного" кричала: "Да здравствует Республика!", а контр-адмирал Вильнев едва спасся с двумя линейными кораблями и двумя фрегатами. Два других судна последнего класса были отбуксированы в гавань; все остальные были уничтожены. С того ужасного дня современное морское господство Англии рассматривалось континентальной Европой как угроза. Франция нанесла Великобритании смертельные удары, уничтожив ее союзников на берегу, и должна была сделать это снова. Англия, однако, в своей собственной избранной стихии казалась с тех пор неукротимой.

От любого плана, который Бонапарт мог вынашивать относительно использования флотов для переброски себя или своих армий либо по Средиземному морю, либо по Атлантике во время ожидаемого континентального потрясения, пришлось отказаться. Как объяснялось в депеше Директории, которую он получил еще долгое время спустя, он должен либо сделать Египет самодостаточным без помощи Франции, либо двинуться на Константинополь, чтобы запугать или задобрить Великого турка, либо вторгнуться в Индию, собрать все элементы, враждебные британскому правлению, и утвердиться там. Любая мысль о немедленном возвращении во Францию должна быть отброшена, как бы он ни был расположен сорвать свою "грушу". С другой стороны, Франция без Бонапарта была другим предметом для европейских размышлений, военных или политических. Дикие планы ее правительства по оказанию помощи ирландским повстанцам или вторжению на британскую землю неизбежно оказывались либо тщетными с самого начала, либо никогда не предпринимались; коалиция формировалась сама по себе, и после того, как Бонапарт и Гош были удалены со сцены, государственные деятели и генералы других великих держав были слишком готовы попробовать заключить соглашение с Францией.

ГЛАВА VII

КАТАСТРОФА В АККО [\[8\]](#)

Ислам и французы — Планы революционизировать Восток — Новости из Европы — Рекомендации Бонапарта Директории — Вторжение в Сирию — Убийство турецких пленных — Важность Акко — Битва при горе Фавор — Осада Акко — Отчаянная храбрость осаждающих и осажденных — Поражение Бонапарта — Его оценка человеческих жизней — Отступление в Египет.

1798—99

"Это тот момент, - сказал Бонапарт, услышав, что великолепный флот Брюи был уничтожен и путь отступления во Францию отрезан, - когда заявляют о себе личности высшего порядка". "Англичане, - воскликнул он в другой раз, - вынудят нас совершить нечто большее, чем мы намеревались". Его активность не только не уменьшилась в условиях

изоляции Египта, но и удвоилась. Чтобы сохранить иллюзию его миссии как восстановителя османской империи, повсюду развевались триколор и полумесяц, а в мечетях читались молитвы как за Францию, так и за Турцию. С величайшим уважением относились к Корану и его заповедям. Мену и ряд других открыто исповедовали ислам. Чтобы успокоить все опасения населения, существующие институты были изменены только для их укрепления, в то время как предполагаемые реформы должны были последовать в той мере, в какой этого требовало растущее общественное просвещение. В частности, с величайшим уважением относились к брачным обычаям, и среди простых солдат не допускалось никакой распущенности. Резко контрастировало поведение самого Бонапарта. В перехваченном письме, написанном из Александрии его брату Джозефу, выражались ревнивые сомнения в верности Жозефины — или, скорее, уверенность в ее неверности. С этого момента его собственная распущенность стала скандалом даже для распущенных взглядов его окружения. Но внешне он походил на высокопарную речь полубожественного посланника; однажды, посещая усыпальницу в пирамиде Хеопса, он притворился перед муфтием, что он прозелит, и с убежденным видом произнес мусульманский символ веры. Однако за каждым элементом населения — коптами, турками, греками и арабами — ухаживали и заставляли участвовать в управлении. Были установлены печатные станки, и французские ученые, хотя и были удивлены и разочарованы тем, что они обнаружили, объединились в институт и начали изучение всех возможных улучшений в политической, социальной сфере и внутренней экономике. Не была забыта и армия: пленные мамелюки и другая доступная молодежь были зачислены во французские батальоны и обучались военной муштре и дисциплине. Даже рассеянные бедуины принимали лестное внимание завоевателя со все меньшим недоверием.

Все это было частью плана совершить религиозную и политическую революцию на Востоке, чтобы они двигались рука об руку, призывая мусульман к сотрудничеству с теми, кто уже уничтожил христианство в Европе. Талейран должен был быть представителем той же идеи в Константинополе. Но, нарушив свое обещание, он остался дома, и ни султан, как политический и религиозный глава ислама, ни его приверженцы ни на минуту не были обмануты. В соответствии с хорошо известным принципом, согласно которому предложения о мире поступают лучше всего, когда война самая горячая, железная рука Бонапарта проявилась в некоторых самых строгих постановлениях, и одно решительное восстание было подавлено с беспощадной строгостью. Семейные отношения людей были священны, но они должны были заплатить контрибуцию всеми своими наличными; и сокровища, где бы они ни были найдены, изымались для армейского сундука. Старые городские барьеры Каира были разрушены, и на их месте были возведены укрепленные башни. Соппротивление любого рода быстро наказывалось, и головы падали по всей стране с такой регулярностью, что заставили местных жителей признать Бонапарта эль-Кебиром, Возвышенным.

Полная изоляция летом, осенью и зимой была бы невыносимой, если бы не такие занятия. Только одна официальная депеша, да и то самая незначительная, достигла Египта из Франции за этот промежуток времени; и стремительный ход событий в Европе в течение нескольких месяцев был совершенно неизвестен потерпевшей крушение армии. На самом деле, для распространения новостей было предпринято всего две попытки — поразительное доказательство того, что в Париже так думают. Директория потерпела неудачу в своих попытках задобрить султана, и послание от Бонапарта прибыло слишком поздно, чтобы повлиять на него; ибо, получив известия от победоносного флота Нельсона,

турецкий монарх больше не колебался и принял предложенный Россией союз. Единственные достоверные новости из Европы, которые обычно распространялись в Каире, содержались в пачке итальянских газет, привезенных в Александрию участником блокады. Через них стало известно, что вторжение в Ирландию, спровоцированное недопониманием между тайным обществом объединенных ирландцев и Директорией, провалилось; что Мальта и Корфу были блокированы; что испанский флот практически бездействовал; и что вся Европа вооружалась для возобновления военных действий весной. Бонапарт прилагал все усилия для связи с Парижем. Некоторые из его частых депеш, несомненно, достигали места назначения; но, отправляясь окольными путями, они запаздывали. Сам этот факт, однако, далеко продвинулся во Франции, чтобы окружить его ореолом романтики и прославить легенду, так и не изгладившуюся из французского воображения, о том, что национальное оружие покорило страну фараонов. Поскольку каждый день демонстрировал неспособность Директории перед лицом раздраженной и объединенной Европы, воображаемое величие подвигов Бонапарта нейтрализовало любые остатки подозрений, оставшихся в умах людей относительно их отсутствующего победителя. Республика-завоевательница находилась за морем; это была фальшивая республика, которая осталась дома, чтобы подвергнуться унижению.

Тревожные слухи о смерти Бонапарта, якобы распространенные английскими и русскими агентами, были распространены в течение части декабря; но в разгар их популярности они были развеяны поступлением непосредственно с места военных действий бюджета, датированного седьмым октября. Положение в колонии описывалось в восторженных выражениях, но суть депеш заключалась в том, что испанского адмирала необходимо подтолкнуть к активным действиям и что флот из Бреста должен быть направлен для сотрудничества с ним в Средиземном море, чтобы восстановить престиж Франции на Востоке. Что касается самого писателя, то он надеялся, что, если в Европе снова разразится война, он вернется весной. Тем временем неаполитанцы шли маршем на Рим, и этот факт склонил колеблющихся и измученных директоров действовать по подсказкам своего настоящего хозяина, хотя они и держали его рекомендации в секрете.

Таким образом, не совсем без согласования планов армия Египта, усиленная и освеженная, была готова выступить в феврале. Турки под командованием вице-короля Ахмета, прозванного Джеззаром, Мясником, собирались в Сирии, и необходимо было их опередить. Клебера поставили во главе двенадцати тысяч человек, и, рассеяв восьмьсот мамелюков, отступивших в направлении Рахмании, он продвинулся на несколько дней пути к Эль-Аришу, который сразу же был осажден. Бонапарт пробыл в Каире несколько дней, а затем, узнав, что конгресс в Раштадте все еще заседает и что война, хотя и неминуемая, еще не объявлена, отправился в путь, достигнув Эль-Ариша семнадцатого февраля 1799 года. Три дня спустя турецкий гарнизон, состоявший в основном из добровольцев, сдался. Их освободили условно и приказали идти на Дамаск. Газа пала в результате обмена несколькими мушкетными пулями, и важные боевые припасы попали в руки французов. Четвертого марта захватчики были перед Яффой, гарнизон которой состоял из четырех тысяч человек, входивших в армию Джеззара. После трехдневного обстрела в стенах была пробита брешь, и две тысячи солдат, укрывшихся за стенами караван-сарая, сдались под обещание сохранить им жизнь; остальные, как говорят, были убиты в резне, которая последовала сразу за штурмом.

Ни одна французская победа не была отмечена более необузданной распущенностью, чем та, которую войска-победительницы проявили в Яффо. Но то, что последовало дальше, было еще хуже. Хотя военнопленных было слишком много для обычного использования, все же с ними следовало обращаться в соответствии с условиями четвертования, которых они требовали. Седьмого числа военный совет единогласно проголосовал за то, чтобы к ним было применено старое правило, согласно которому обороняющимся при штурме не предоставляется пощады. В течение двух дней Бонапарт колебался, но на девятый день его решение было принято. Несколько египтян отправили домой, а остальных пленников вместе с восемью сотнями ополченцев из Эль-Ариша вывели на берег и расстреляли. В отчете для Справочника общее число было указано в тысяче двенадцати сотнях. Два очевидца оценили его — один в три тысячи, другой в четыре тысячи. "Я был суров с теми из ваших войск, кто нарушал законы войны", - написал автор этого акта Джеззару. Никакого упоминания об этом факте или оправдания этому не было сделано ни в какой другой части его переписки того времени. Всю зиму он общался как азиат с выходцами с Востока, и это было всего лишь проявлением того же поведения. Кодекс христианской морали был далек от его понимания. В январе, например, он приказал Мюрату убить всех пленников враждебного племени в пустыне, которых он не мог увести; и в том же месяце идентичные приказы были отданы Бертье относительно другой орды. Восхвалители Наполеона и некоторые современные военные писатели ссылаются на эту массовую казнь тем, что среди этих убитых людей гарнизон Эль-Ариша, который сдался, был снова найден с оружием в руках; что они заслуживали смерти по всем законам войны; и что касается остальных, то не было французских пленников, на которых их можно было бы обменять, и провизии, чтобы поддержать их; следовательно, их присутствие в армии поставило бы под угрозу ее успех, и поэтому было оправданно уменьшить силу сопротивления противника их казнью. . Те, кто верит, что в любой войне, справедливой или нечестной, практика варварства простительна, если она приводит к быстрой победе, согласятся с этим мнением.

Бонапарт предвидел, что из всех сирийских городов столица паши, Сен-Жан-д'Акр, которая находилась на побережье, а не в глубине страны, как места, которые так легко взять, окажет самое сильное сопротивление. Соответственно, он снабдил осадный обоз и отправил его морем из Александрии. Английская эскадра в этих водах, которой теперь командовал сэр Сидни Смит, была уже недалеко, когда французская армия прибыла на побережье. Приблизившись, чтобы открыть огонь, английский адмирал после нескольких выстрелов понял, что у его противника нет артиллерии. Догадавшись о причине, он быстро вышел в море и легко захватил их транспорты. Фелиппо, французский эмигрант, окончивший военную школу в Париже всего за два дня до Бонапарта, был послан Смитом руководить укреплением города теми самыми орудиями, которые предназначались для его разрушения. Таким образом, осада Акко стала задачей, совершенно отличной от любой из тех, которые до сих пор возлагались на французов. Поддерживаемый английским флотом и легко снабжаемый продовольствием под защитой их пушек, город мог бы оказать решительное сопротивление даже против врага с пушками; но для того, у кого не было артиллерии, было вероятно, что его сопротивление будет эффективным. Так оно и оказалось, ибо под древними готическими стенами города, название которого напоминало о мимолетном владычестве франкских крестоносцев, мечты Бонапарта о восточной империи исчезли навсегда. Девятнадцатого марта он сел перед ними, на самом деле не полагаясь ни на что, кроме судьбы. Однако, несмотря на обескураживающие действия, двадцать восьмого числа была пробита брешь с помощью мины, но атака была отбита.

День проходил за днем без серьезных инцидентов, пока на третьей неделе двадцатипяти тысячная армия под командованием Абдуллы не выступила из Дамаска на смену Джеззару. Клебер отправился задержать их продвижение, и первая стычка авангардов произошла у Назарета. В течение восьми часов Жюно в авангарде с несколькими сотнями человек стойко противостоял удесятеренным силам противника; и даже когда прибыла вся французская дивизия, подавляющее численное превосходство турок заметно не уменьшилось. Бонапарт не сильно отставал. Оставив перед городом приличный отряд для соблюдения приличий, он поспешил уйти вместе с остальными и шестнадцатого апреля форсированным маршем вышел на равнину Ездраэлон. Вдалеке, у подножия горы Фавор, он мог видеть облако пыли и дыма, посреди которого ряды дивизии Клебера, казалось, были погребены под массой его врага. Бросив свою отборную кавалерию на турецкие фланги, главнокомандующий во главе пехоты застал врага врасплох из-за кружащегося песка, который скрывал его присутствие. Результатом стал полный разгром турок, которые в полном беспорядке бежали через горные перевалы.

Бонапарт с победой вернулся в Акко и возобновил осаду с мрачной решимостью, которую даже он не часто испытывал. У него были веские причины. Другой посланец Директории, путешествовавший со сравнительной прямоотой через Геную, прибыл с депешами и газетами, датированными еще февралем. Два австрийских генерала, Мак и Заксен, встали во главе неаполитанской армии и собирались двинуться на Рим. Дивизия австрийской армии уже начала военные действия, войдя в Граубюндон, нарушив тем самым нейтралитет союзной Гельветийской республики. Россия, Турция и Австрия были в коалиции: Россия отправляла войска для защиты турецкой столицы и помощи в завоевании Италии. Две новые французские армии были на поле боя. Моро, единственный первоклассный генерал во Франции, все еще находился под подозрением в пособничестве Пишегрю, и хотя ему было разрешено сопровождать итальянскую армию в качестве добровольца, его обошли при выборе командиров. Журден, чей последовательный демократизм в качестве члена Пятисот вернул ему расположение и звание, должен был командовать Дунайской армией; Жубер должен был сменить Бонапарта в Италии. Что касается его самого, инструкции ему не препятствовали, но Директории сами собой предложили три альтернативы— либо он должен остаться в Египте и завершить свою колониальную организацию, либо двинуться в Индию и там вытеснить английскую власть, либо, наконец, двинуться прямо на Константинополь и напасть на русских. Тон депеш был тревожным. С незапамятных времен Акра была ключом к Палестине; если Бонапарту удастся заполучить ее, он станет вершителем своей собственной судьбы и судьбы всего мира. С Палестиной, Египтом и Индией у его ног трехконтинентальная монархия его мечты была осуществима; или же, в том же случае, он мог вернуться в Париж с лаврами, небывалыми со времен крестовых походов, и положить начало почти завершенной структуре военного господства во Франции и Европе. До конца своих дней он воображал, или представлял себя воображающим, что изменил бы мировую карьеру, выбрав роль восточного завоевателя. Мы можем называть эти представления мечтами, или фантазиями, или видениями, или как угодно; сами по себе они были разумными концепциями, хотя маловероятно, что Англия была бы завоевана в результате потери Индии. Она была бы энергична и без этого; она могла бы пережить даже такой удар. На данный момент падение Акко, по-видимому, было предварительным условием для любого из вариантов, которые были на уме у Бонапарта.

Но осада не увенчалась успехом. Штурм и защита во время мартовской атаки были одинаково отчаянными, и доблесть французов оказалась тщетной. Флот сейчас находился

на пути из Константинополя, чтобы перебросить в город дополнительных людей и провизию. В то же время Фелиппо построил новый пояс фортов внутри стен и забаррикадировал улицы. Однако за это время французы подтянули из Яффы несколько тяжелых орудий и готовились возобновить боевые действия. Брешь была легко пробита, и несколько храбрых парней захватили башню, контролировавшую внешние укрепления и занавес; но штурмующий отряд был отброшен, и люди в башне, хотя и удерживали ее два дня, в конце концов были настолько малочисленны, что сдались. Это привело французских солдат в сильное раздражение. В течение первых двух недель мая в череде атак почти не было перерыва. Ожесточенные бои, происходившие в проломах, на баррикадах, даже на улицах, на которые французы один или два раза прорывались, привели к ужасающим человеческим жертвам; но ни одна из сторон не дрогнула. Вскоре во французском лагере вспыхнула эпидемия, и госпитали, созданные в Яффо и других местах, были переполнены больными и умирающими.

Седьмого мая дивизия Клебера была вызвана для решающего наступления, и под двойным огнем из пушки сэра Сиднея Смита и орудий на стенах и первое, и второе укрепления были взяты. Все было напрасно. Из амбразур, сделанных специально для этой цели, из каждого дома посыпались пули, и наступающие колонны отступили на самом пороге своей цели. Три дня спустя вторая, не менее отчаянная попытка также провалилась. В общей сложности осада длилась шестьдесят два дня; французы атаковали сорок раз, и гарнизон предпринял двадцать шесть вылазок; четыре тысячи солдат и четыре хороших генерала из его великолепной армии были жертвой человеческой жизни, которую Бонапарт принес в Акко своим амбициям. Наконец, когда эскадра из Константинополя благополучно прибыла, пришло известие, что еще одна снаряжается на Родосе, чтобы вернуть себе сам Египет. Ничего не оставалось, как отступить, и семнадцатого числа осада была снята. Отступление началось двадцатого. В Яффо Бонапарт проходил по больничным палатам, громко выкрикивая: "Турки будут здесь через несколько часов. Тот, кто чувствует себя достаточно сильным, пусть встанет и следует за нами".

Как приверженец святыни науки, он верил, и тогда, и позже, в законность самоубийства; и теперь он хладнокровно предложил убийство своему главному хирургу, намекнув, что передозировка опиума положит конец страданиям тех пораженных чумой людей, от которых придется отказаться. Долгое время считалось, что такая доза действительно была введена шестидесяти или более оставшимся в живых. Но убедительным доказательством того, что сообщение было ложным, является тот факт, что, когда сэр Сидней Смит оккупировал Яффо, пострадавшие были еще живы. Наполеон до последнего отстаивал это предложение как должное, хотя он ложно отрицал, что сделал его сам, и неправдиво заявил на острове Святой Елены, что задержался на три дня, чтобы защитить умирающих пациентов. С циничным добродушием он рассказал прекрасную историю о том, как благородный французский армейский хирург Дегенетт отверг преступное предложение, ответив, что профессия врача состоит в том, чтобы спасать, а не разрушать человеческую жизнь. Упрек был особенно язвительным, потому что героический врач, несмотря на свою убежденность в том, что чума заразна, уже привил себе эту болезнь, чтобы унять панику охваченных ужасом солдат. Численность армии сократилась до восьми тысяч человек. После девятидневного марша по раскаленным пескам измученные колонны французов достигли Каира. Уцелевших была такая беспримерная энергия, что нескольких дней отдыха и полноценного питания оказалось достаточно, чтобы восстановить их силы.

Что еще более удивительно, вскоре они поверили, что вернулись с победными венцами. Их хитрый генерал объяснил, что, если бы не ужасная жара в Сирии, чума и экспедиция с Родоса, которая угрожала их тылам, они сравняли бы стены Акко и разрушили дворец Джеззара, вернувшись со знаменами и добычей, чтобы утвердить господство Франции в сердцах и страхах египтян. Непостоянные и оптимистичные солдаты, не желавшие признавать поражение даже перед самими собой, наполовину поверили, что это правда, и вскоре после легкого перехода стали воспринимать простые предположения как реальные факты. Бертье был проинструктирован, что местные власти в Каире должны быть проинформированы об этом передовым агентом генералом Бойе. Несколько важных заключенных, чьи жизни были спасены, должны были быть доставлены с надлежащей демонстрацией захваченных штандартов в каирскую цитадель и там заключены в тюрьму с публичным объявлением, "что таких прибывает великое множество". Носилки с ранеными французскими офицерами Ланном, Дюроком, Круазье и Арриги должны были быть незаметно перевезены в разные дни. В одном выразительном абзаце даны инструкции для Бойе: "Он должен писать, говорить, делать все, что может обеспечить триумфальный въезд". Бонапарт и его агенты так искусно смешивали правду и вымысел, что, несмотря на различные попытки восстаний, в стране в целом царило спокойствие. Однако Мурад, бежавший в Нубию и скрывавшийся там до тех пор, пока ему не сообщили о предполагаемом турецком походе, вскоре появился снова с остатками своей кавалерии с целью сотрудничества с войсками султана. В течение нескольких недель он появлялся и исчезал среди людей так таинственно, что французская стража так и не смогла его схватить. Суеверие Бонапарта было разбужено скрытными и сверхъестественными передвижениями его врага, и в июле он дал волю своему нервному раздражению, обратившись к одному из своих подчиненных с просьбой либо убить, либо забить до смерти объект его ужаса. "Пусть он умрет так или иначе, я буду в равной степени обязан", - были его слова.

ГЛАВА VIII

АБУКИР И ВЕЛИКОЕ ДЕЗЕРТИРСТВО [\[9\]](#)

Последний из Мамлюков — Абукир — Новости из Парижа — Решение авантюриста — Подготовка к отъезду — Его планы скрыты — Последний визит на Корсику — Едва спасшийся побег — Прием во Франции — Супружеское отчуждение.

1799

Турецкая армия, отплывшая с Родоса, насчитывала около двенадцати тысяч человек. Флот, доставивший их, появился у Александрии двадцатого июля, и была предпринята попытка высадки. Получив отпор от фортов, корабли отошли в Абукир, где попытка увенчалась успехом. Силы состояли из пехоты, и поскольку без кавалерии больше ничего нельзя было сделать, они немедленно начали возводить брустверы, надеясь успешно продержаться до прибытия Мурада. Но этот романтический персонаж, последний из мамлюков, пользовавшийся неоспоримым влиянием, не смог продвинуться дальше Пирамид; земля, на которую он смотрел с вершины Хеопса, больше никогда не принадлежала ему. Прежде чем он смог добраться до своих союзников, они были разбиты, и перед эвакуацией Египта захватчиками он пал жертвой чумы. Мехмет Али и албанцы должны были унаследовать его власть. К двадцать четвертому июля турки сильно укрепили полуостров Абукир двойной линией укреплений. Они не только ничего не услышали от Мурада, но и Ибрагима, которого ожидали из Сирии, который также подвел их, и отсутствие кавалерии вынудило их перейти к обороне. Но они надеялись, что их присутствия будет достаточно, чтобы раздуть мятежный дух страны, и они смогут продержаться до тех пор, пока подкрепление не прибудет морем или запоздалая кавалерия не прибудет по суше.

Со своей обычной быстротой Бонапарт приготовился нанести удар. Ибрагима остановили, Мурада, наконец, отогнали, а Десо вызвали из верхнего Египта, чтобы поддерживать порядок внизу, пока в Дельте продолжалось состязание. С шестью тысячами человек в главной армии и двумя тысячами резервистов под командованием Клебера Бонапарт выступил в поход. Двадцать пятого июля завязалось сражение. Оно было коротким и кровопролитным. Сначала неприятель был обойден с левого фланга, и это крыло было сброшено в море; затем таким же образом было захвачено правое, и его постигла та же участь. Наконец, пехота Ланна в спешке преодолела редут в центре. Каково же было их удивление, когда они обнаружили Мюрата со своей кавалерией уже на другой стороне! Лихие всадники отчаянно обошли линию укреплений. Теперь турок осталось всего три тысячи, и они укрылись в цитадели, которую они построили на вершине полуострова. Первого августа 1799 года, в годовщину битвы на Ниле, все войска сдались. Бонапарт сообщил Директории, что двенадцать тысяч турок утонули. Как он сказал в своей депеше в Каир, "Ни один человек из высадившейся вражеской армии не спасся бегством". Французские войска теперь были убеждены, что их генерал всегда был непобедим и что каким-то образом он откроет двери их тюрьмы и найдет способ вернуть их обратно.

Выставка наполеона, 1895

НАПОЛЕОН — РАБОТЫ ЭНГРА

(Принадлежит Жермену Бапсту).

Прошло почти шесть месяцев с момента получения последних достоверных новостей из Парижа. По крайней мере, так думали адъютанты и спутники генерала, и, возможно, они были правы. Они знали, что он постоянно передавал новости об их предприятии и, вероятно, регулярные инструкции властям в Париже. Бонапарт упоминает в своей переписке об отправке шестидесяти судов различных типов с его письмами, и, по крайней мере, некоторые из них достигли места назначения. Эта уверенность, наряду с мудрым приспособлением его последующего курса к своим конечным целям, привела к предположению, что он постоянно получал секретную информацию от своих братьев через Геную и Тунис. Этого он никогда прямо не отрицал, хотя и сказал на острове Святой Елены, что газеты были отправлены на берег английским флотом после битвы при Абукире, добавив в качестве своего рода простодушного обобщения, что, кроме того, новости приходили не из Франции через Тунис. Жозеф заявляет в своих мемуарах, что он сам отправил гонца рассказать Наполеону печальную историю о французских делах. Но нет никаких доказательств и никакой вероятности того, что этот курьер когда-либо достиг места назначения. Несомненно, что Бонапарт узнал в Акко о новой коалиции против Франции от Фелиппо в ходе переговоров, проведенных через окопы; вероятно, что его личные новости поступали через Берберийские государства; несомненно, что его лучшая информация была получена через английский флот, который в настоящее время находился

у Александрии, ведя переговоры об обменах от имени Турции. По словам Мармона, сэр Сидней Смит, надеясь обескуражить своего врага, отправил на берег пакет бумаг и заявил, что, если французская армия попытается спастись бегством, в соответствии с желанием Директории, он сам попытается дать отчет беглецам.

В любом случае, то, что теперь стало определенно известно Бонапарту, не было нежелательной информацией. Его заверили, что началась война, как он и ожидал и, возможно, знал; что французское оружие потерпело позор в Италии; и что флот под командованием адмирала Брюи был отправлен завоевывать Средиземное море и вернуть домой армию Египта. Без сомнения, он догадывался, что Директория демонстрирует безнадежную неспособность. Чего он не мог знать, так это того, что двадцать шестого мая они действительно отправили специального курьера, чтобы выразить надежду, что он сам вернется и примет командование армиями республики. Этот посланник, как мы знаем, так и не высадился в Египте, но его услуги не потребовались; ибо как только Бонапарт убедился, что кризис, который он давно предвидел, действительно произошел, решение, которое он дважды предвещал в своих письмах в Париж, было окончательно принято. Он сказал Мармону, что положение вещей в Европе вынудило его вернуться: французские армии разбиты, все плоды его с таким трудом добытых побед в Италии потеряны! Какая польза была от этих неспособных, стоявших во главе дел? С ними были связаны нерешительность, глупость и коррупция. "Я — я один нес это бремя и постоянными победами придавал силы этой администрации, которая без меня никогда бы не подняла голову. С моим уходом все неизбежно должно было рухнуть. Давайте не будем ждать, пока разрушение будет полным; зло будет непоправимым.... Известие о моем возвращении будет услышано во Франции одновременно с известием о разгроме турецкой армии при Абукире. Мое присутствие поднимет дух людей, вернет армии утраченную уверенность, а добропорядочным людям надежду на процветающее будущее ". Никакие комментарии не могли бы прояснить этот язык.

Все приготовления были сделаны быстро. Несколько доверенных людей были конфиденциально проинформированы о ситуации, и Клебер был назначен главнокомандующим армией, которую так бесчестно бросили в критической ситуации, сократив вдвое ее первоначальную численность, лишенную провизии и боеприпасов, окруженную враждебным, фанатичным населением и противостоящую мощному флоту своего самого безжалостного врага. Тайно и ночью два фрегата в Александрийской гавани были подготовлены и бросили якорь у отдаленной точки берега. Ранним утром двадцать второго августа беглый генерал сел на корабль в сопровождении нескольких преданных друзей — способных генералов, таких как Мюрат, Ланн, Мармон, Бертье, Дюрок, Бессьер, Лавалетт, Гантом и Андреосси; не менее прекрасных политологов, таких как Монж, Денон и Бертолле. Было условлено, что Жюно и Десо придут позже.

Великий дезертир мог легко убедить себя, что это был акт героизма — рисковать своей жизнью во враждебных водах, чтобы спасти Францию. Нетрудно было догадаться, что это была колония, которая была задумана, и колония, которая была насаждена; что в своем возвращении он использовал свободу действий, предоставленную Директорией, и осуществлял план, объявленный с самого начала. Но не требовалось вердикта потомков, чтобы заявить, что было бы более героическим остаться и разделить последствия плана, который в значительной степени принадлежал ему самому. Его совесть настаивала на этом, поскольку он обманул блестящего и проницательного Клебера, назначив встречу для

прощания, которая не была назначена; в то время как Большому совету Каира было сообщено, что он отправился принимать командование своим флотом и вернется через три месяца. Был отдан приказ, что, если полторы тысячи солдат умрут от чумы, Клебер должен начать переговоры об эвакуации из страны. Пострадавший генерал написал гневный и решительный протест, но оно было перехвачено английскими крейсерами и попало в руки его предателя только после того, как он стал первым консулом. На острове Святой Елены Наполеон заявил, что провал экспедиции был ему ясен с момента победы Нельсона; ибо любые силы, которые невозможно набрать, должны растаять и в конце концов сдаться.

Сэр Сидней Смит, не думая ни о том, что генерал бросит свою армию, ни о том, что суда отправятся в Европу вопреки неблагоприятным ветрам того сезона, отправился на Кипр, чтобы пополнить свой запас воды. За это время два французских фрегата вышли в открытое море, их капитаны тешили себя смутной надеждой добраться до Тулона напрямую, каким-нибудь образом изменив законы природы. Но преобладающие бризы продолжались и вынудили их плыть вдоль африканского побережья. Прошло три недели, прежде чем они увидели тунисские мысы. Наконец начал дуть попутный ветер. С потушенными огнями они прошли ночью пролив, отделяющий Африку от Сицилии, ускользнув от наблюдения английских крейсеров, посланных флотом Нельсона патрулировать эти воды. Обогнув Сардинию, флотилия достигла Корсики в начале октября. Хотя, как заявил Бонапарт, он был "глубоко тронут видом своего родного города", никакие остатки его раннего энтузиазма не могли подсластить ему вынужденную задержку на несколько дней в гавани Аяччо. Он оставил далеко позади эмоции того примитивного общества и, очевидно, беспокоясь о том, чтобы уехать, был довольно нетерпелив к изобилию ласк всех друзей, которые толпились в городе, когда он был на берегу, и на палубах, когда он был на плаву. В его пользу были записаны некоторые поступки: все деньги, которые у него были при себе, около сорока тысяч франков, он раздал гарнизону, который не получал зарплату более полутора лет; говорят также, что черты его лица озарились явной радостью, когда он нежно ответил на приветствие пожилой женщины, которая была его первой помощницей. Это был его последний визит на остров, на котором он родился, но не последний раз, когда до его ушей долетал акцент местного диалекта, поскольку именно корсиканец беспокоил его в предсмертные часы на острове Святой Елены.

Что тронуло его по-настоящему и глубоко, так это известие о французских поражениях при Треббии и Нови, о смерти Жубера, о распаде итальянских республик и о последнем пристанище Моро в крепостях Пьемонта. Что, вероятно, тронуло его больше всего, так это дальнейшие новости о том, что старая Директория фактически пала тридцатого Прериала и что Сийес, вернувшийся из Берлина, но частично добившийся успеха, был избран членом новой, чтобы сохранить хотя бы видимость уважения к этому учреждению. Наконец поднялся благоприятный бриз, и восьмого октября снова поднялось плавание, но не в Италию, чтобы восстановить состояние армии, как, по словам Буррьена, планировалось во время плавания, а прямо во Францию. Внезапно, на закате, на горизонте замаячила британская эскадрилья. Неужели Фортуна наконец покинула свое дитя? Так казалось. Капитан корабля Бонапарта отдал приказ снова плыть в Аяччо и приготовил баркас для одинокой высадки своего пассажира на диких берегах острова в случае крайней необходимости. Но темная ночь придавала ему храбрости. Англичане, обманутые очевидным углом расположения рей противника, перепутали его курс и поплыли не в том направлении. Французы продолжали идти прямо. На следующее утро авантюрист снова ступил на французскую землю недалеко от Фрежюса. Несколько ночей спустя его сестрам в ложе

театра сообщили весть о высадке Бонапарта. Они восприняли это с ликованием, но, по-видимому, без малейшего проявления удивления.

Как его приняли, этого несостоявшегося лидера, потерпевшего дорогостоящее фиаско, этого генерала, который ни за что оставил белеть кости тысяч людей в восточных пустынях, который бросил в пораженной чумой стране еще много тысяч лучших войск, которые могла предоставить Франция? Со страстью восторга! От Фрежюса через Лион до Парижа, по старому знакомому маршруту, люди ничего не знали о неудачах своего героя. Они не забыли его итальянских побед, которые всего год назад сделали их хозяевами там, где теперь их армии были в опале, а их имя предано проклятию; они слишком хорошо знали широко распространенные легенды о триумфах того же человека на романтическом Востоке, перед Каиром и у подножия Пирамид. Со всем этим они противопоставляли долину унижения, через которую республика была протаскана из-за неспособности ее лидеров. Было ли удивительно, что в Лионе празднества походили на юбилей, во время которого Бонапарт, сознавая, что его цель близка, двигался как человек, уже занимающий высокое положение среди своих товарищей, — примиряющий, осуждающий, таинственный?

Шестнадцатого октября он прибыл в свой дом на улице Виктори в Париже. Mme. Бонапарта там не было, чтобы поприветствовать его. Во время отсутствия мужа она превратила свой дом в центр блестящего общества, среди членов которого были самые способные люди того времени. Этот круг был неутомим в своей преданности интересам Бонапарта, находил ему друзей дома, строил заговоры в его пользу за границей, обращал каждый политический инцидент в свою пользу и создавал сильную партию, которая верила, что он был единственным возможным спасителем Франции. В поведении товарищи были веселы и даже распутны; время от времени избранный внутренний круг удалялся в Пломбьер, номинально для отдыха, но, вероятно, для уединения, не совсем невинного. В этой лояльной, но распущенной компании внезапное объявление о приближении Бонапарта вызвало нечто похожее на ужас. Джозефина, в частности, была безрассудно неверна во время его отсутствия и теперь чрезмерно стремилась продемонстрировать притворную преданность своему мужу. Несомненно, она слышала о его отчаянной распущенности в Египте; она, должно быть, вспомнила свои собственные оргии неверности во время его отсутствия, сначала в Италии, а теперь снова в Египте; возможно, она узнала, что его семья уже намекала на развод и что его уши были слишком внимательны к этому предложению. Но она знала свои силы и решила поставить все на другой бросок. Узнав о его приближении, она прошла некоторое расстояние, чтобы встретить его, но свернула не на ту дорогу и встретила его врасплох. Поспешив обратно, она обнаружила, что дверь в его комнату заперта, и ее отсутствие, конечно, подтвердило ревнивые подозрения генерала. В течение нескольких часов ее мольбы и слезы были напрасны. Наконец Эжен и Гортензия присоединились к своим, и дверь открылась. Брешь, по-видимому, была устранена, но скорее для того, чтобы избежать скандала, чем из искреннего прощения.

ГЛАВА IX

"ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЯ" [\[10\]](#)

Вторая коалиция — Неудачи и поражения Директории — Раштадтский конгресс — Убийство французских полномочных представителей — Кризис во Франции — Революция Прериала — Воинская повинность — Планы директоров — Успехи бонапартистов — Позиция Парижа — "Возвращение героя" — Человек судьбы.

Положение дел в Европе в конце 1799 года, как и предвидел Бонапарт, было отнюдь не простым. После того как Англия была отвергнута в предложениях о мире, которые она сделала в 1797 году в Лилле, в 1798 году была сформирована вторая коалиция врагов Франции, в основном благодаря усилиям Павла I, нового российского царя. Организация Гельветийской республики в Швейцарии привела Революцию в самое сердце центральной Европы и, таким образом, еще больше отдалила трепещущие династии как Австрии, так и Пруссии. Организация восемнадцатого февраля 1798 года Римской республики привела революцию к границам Неаполя; когда ее король, присоединившись к коалиции, возобновил военные действия и начал всеобщую войну, бросив армию на Рим, французские войска в Италии были разделены, и часть из них под командованием Шампионне свергла неаполитанский трон в ходе своего рода увеселительной прогулки. В январе 1799 года была провозглашена Партенопейская республика. Умело спланированным заговором, в котором принимал активное участие Люсьен Бонапарт, Директория обвинила слабого короля Сардинии в недружелюбии, Цизальпинская республика затеяла с ним ссору, Тоскана оказалась вовлеченной в последовавшие беспорядки, и Карл Эммануил IV был вынужден девятого декабря 1798 года отказаться от всех своих территорий на материке, в то время как великий герцог Тосканы Фердинанд III вскоре после этого, в 1799 году, бежал к своим родственникам при венском дворе, временно предоставив свои владения в распоряжение Франции.

Несомненно, для искренних республиканцев было приятным заблуждением воображать, что в ходе этих событий свободные правительства поднимались на обломках абсолютизма; но, к сожалению, факт был иным: каждое из этих так называемых свободных государств было основано не в сердцах своего народа, а силой французского оружия. С ослаблением этого военного господства они неизбежно должны утратить всякую жизнеспособность. Бонапарт неоднократно и решительно заявлял Директории в защиту своего собственного поведения, что разделить итальянскую армию и оставить австрийцев на Адидже означало бы потерять Италию. И все же именно эту ошибку допустили режиссеры, отправив Шампионне в Неаполь. Разгневанные неожиданным возобновлением военных действий, они готовились к предстоящей войне, хотя и энергично, но безрассудно и в спешке. Брюн был отправлен командовать в Голландию, Бернадотт - на средний Рейн, Журден - в центральную Германию, Массена - в Швейцарию, Макдональд - в Неаполь, а Шерер - в верхнюю Италию. Двести тысяч мужчин были призваны в соответствии с новым законом о воинской повинности, и эти призывники - слово, которое тогда впервые использовалось в этом смысле, - были отправлены для пополнения истощенных рядов соответствующих армий. Брюну и Массене было суждено проявить способности и добиться успеха; остальных постигло сокрушительное поражение: венцом безумия стало назначение неспособного Шерера на важнейший пост. Однажды он уже продемонстрировал свою неспособность овладеть азами ведения войны в Италии, и на этот раз его командование оказалось настолько неэффективным, насколько можно было ожидать. Журдана, потерпевшего к концу марта поражение от эрцгерцога Карла как при Острахе, так и при Штокахе, сменил Ленуф, который сразу же был вынужден отступить за Рейн. Вслед за этой катастрофой

Шерер был отброшен сначала за Минчо, затем к Ольо; в апреле он был позорно разбит при Маньяно, а затем добровольно уступил место Моро, сложив с себя командование под насмешки своих возмущенных солдат.

Тем временем конгресс в Раштадте поддерживал формы переговоров, его работа была в основном поверхностной, а интерес к его заседаниям проявлялся главным образом в попытках французских полномочных представителей внушить страх своим коллегам. В этом они в значительной степени преуспели, потому что в их распоряжении были самые ясные доказательства прежней решимости Австрии закрепить свое значение расчленением Баварии. Теперь их было трое: двое из них, Робержо и Боннье, были честными сторонниками Директории; третий, Дебри, был старым другом Бонапарта и никогда не отступал от своей верности. Как глава посольства, он привлек к себе большое внимание и, проявив настрой, далекий от примиренчества, дал повод для особой неприязни, которой он пользовался не только у других делегатов, но даже у собственных коллег. На конгрессе царило предельное напряжение, когда возобновились военные действия. После успехов Карла Австрия осмелела настолько, что решила прекратить все переговоры. Один имперский представитель уже удалился в раздражении; остальные были готовы последовать за ним. Понимая, что война неминуема, как французские, так и австрийские войска начали в начале 1799 года прочесывать пригороды Раштадта и в частых вылазках не просто нападали друг на друга, но и приставали к горожанам и даже послам. Наконец, в апреле имперские войска окружили город и приказали оставшимся членам конгресса покинуть его в течение срока, который, согласно обычаю, должен был быть установлен самим собранием.

Французские министры, повинувшись приказам, полученным из Парижа, ждали до последнего и выехали со своим поездом только с наступлением темноты двадцать восьмого апреля. Через несколько мгновений, почти перед самыми воротами, они были окружены и теснили друг друга, кто именно - точно неизвестно, хотя в то время считалось, что некоторые из них были австрийскими гусарами. В последовавшей суматохе трех полномочных представителей вытащили из их экипажей и подвергли яростному нападению; Робержо и Бонье были убиты, Дебри сбежал. На следующее утро он появился в Раштадте раненый и окровавленный, но серьезно не пострадавший. Это убийство стало одной из постоянных исторических загадок. Некоторые приписывают это подстрекательство британскому кабинету министров, некоторые - Бонапарту, некоторые - Каролине Неаполитанской, а некоторые - французским эмигрантам. Многие утверждают, что удары были нанесены самим Дебри, который, как полагают, был одним из тех бонапартистских агентов, таких как Гарат в Неаполе и Гингене в Турине, чьим делом, как утверждается, было сеять анархию любой ценой и дискредитировать Директорию. Роялисты, поддерживаемые заявлениями мадам Дж. Робержо, находившаяся в экипаже со своим мужем, утверждала это в то время, и многочисленные критики величия Наполеона снова повторили это в наши дни. Существуют обстоятельства, которые можно было бы превратить в подтверждающее доказательство, если бы существовали хотя бы малейшие положительные доказательства; но из австрийских источников никогда не было представлено никаких удовлетворительных свидетельств, доказывающих, что эти нападения, как и другие того времени и в других странах, не были спровоцированы властями и предприняты как для сокрытия неудобных недостатков, так и для развязывания войны, к которой Австрия теперь была тщательно подготовлена. [\[11\]](#)

Вторая коалиция была сильнее первой, потому что, хотя Пруссия оставалась нейтральной по уже упомянутым причинам, в нее входили не только Англия и Австрия, но также Турция и Россия, а также Португалия и Неаполь. Протяженная граница от Голландии до Неаполя, которую Франция была призвана защищать в отсутствие своих лучших войск и генералов в Египте, сделала ее слабой и уязвимой, как никогда прежде. Англия появилась в Голландии с англо-русской армией; русские вторглись в Швейцарию и Италию; австрийцы снова были на Рейне и Адидже; в то время как Турция проявила неожиданную энергию в отражении захватчиков с земель, которые, какими бы слабыми ни были связи, она все еще считала своими. Хуже всего то, что ложная позиция французской республики и Церкви по отношению друг к другу поддерживала тлеющие углы недовольства, и в результате в Бретани и Вандее снова вспыхнула гражданская война. Чтобы справиться с этой ужасающей чрезвычайной ситуацией, требовалась либо дееспособная, однородная администрация, горячо поддерживаемая нацией, либо военный деспотизм, подобный тому, который стал логическим результатом Вандемьера и Фруктидора. Первого не существовало. Вместо того чтобы набирать силу путем мудрого самоотречения, Директория неуклонно слабела, узурпируя власть любого рода и фактически заседа в советах 1798 года с помощью самых низменных искусств, своих собственных созданий в качестве представителей не менее чем сорока девяти департаментов. Майские выборы 1799 года выразили народное недовольство в виде восстания крайнего якобинства, которое направило в советы делегацию оппозиции, слишком сильную, чтобы быть таким образом вытесненной или свергнутой.

Новая законодательная власть встретила исполнительную власть, и немедленно, их собственным оружием. С помощью общественного шума и под влиянием широко читаемой брошюры, написанной Карно в оправдание своего курса, они добились в июне виртуальной реконструкции Директории. Баррасу, который стал известен как слабый триммер, было позволено остаться. Ребелл, как сторонник неудачливого Шерера и упорный соратник Рапина, нечестного подрядчика, связанного с армией Италии, сам был заподозрен в хищении средств, хотя и несправедливо, и по истечении срока его полномочий он не был переизбран. Остальные ушли как само собой разумеющееся; Мерлену и Ларевельеру было разрешено уйти в отставку, потому что, хотя они и доставляли много хлопот, они были ничтожествами; Трейяр, хотя и честный и способный, не мог заявить о себе, и ошибка в его избрании была использована как предлог для замены его Гойе, который, хотя и был ранее министром юстиции, был слабым существом. Сийес был поставлен на место Ребелла, чтобы обеспечить лучшую конституцию. Он привнес в свою новую сферу те же привычки к высокомерной таинственности, которые были у него всегда, продолжая также замысел радикальных перемен, который он так долго вынашивал. Он смотрел на Жубера как на популярного генерала, который, скорее всего, станет легким инструментом, и сблизился с ним. Два других места были заполнены полнейшими посредственностями: Роже-Дюко, умеренный, и Мулен, радикал. Эта революция тридцатого Прериала, еще одного "дня", считалась якобинским контрнаступлением на революцию восемнадцатого Фруктидора. Законодательная власть показала себя такой же незаконной, как и Директория; было доказано, что конституция ничего не стоит: необходимо принять другую. С Фуше во главе полиции и другими робеспьеристами, восстановленными в должности, большинству нации казалось, что все конституционное правительство находится под угрозой, что Террор должен был возродиться, что такое безумие можно было подавить только военной силой.

Но где же был генерал? Шампионне опозорил себя, допустив необузданную распущенность среди своих солдат после взятия Неаполя двадцать третьего января 1799

года, и его армия впала в состояние позорной дезорганизации. Макдональд собрал и реорганизовал остатки, но только для того, чтобы потерпеть поражение от Суворова со своими русскими на Треббии. Армия Жубера, сменившего Моро, была разбита, а ее предводитель убит австро-русскими войсками при Нови пятнадцатого августа. Мантуя была уже потеряна. Моро, сохранив некоторые остатки войск Жубера, успешно удержался на Апеннинах, где все еще находилась его армия. Массена потерпел поражение при Цюрихе в июне от австрийцев под командованием эрцгерцога Карла; но двадцать пятого и двадцать шестого сентября он разбил русских под командованием Корсакова в том же месте. Девятнадцатого сентября Брюн разбил при Бергене англо-русскую армию под командованием герцога Йоркского, которая была вынуждена капитулировать в Алкмаре десятого октября и эвакуировать Батавскую республику. Бернадотт был новым военным министром, более успешным на этом посту, чем как дипломат. Хотя он был шурином Жозефа Бонапарта, он не был бонапартистом, будучи первым, последним и всегда бернадотистом. Под его руководством Журден разработал и ввел в действие новую меру призыва, которая снова заполнила пустые армейские списки. Эта радикальная мера была крайним развитием системы, введенной Карно, согласно которой все трудоспособные граждане Франции объявлялись военнообязанными, а призывы производились только в тех случаях, когда добровольная служба не удавалась. Закон о воинской повинности был принят пятого сентября 1798 года и обязывал служить всех молодых людей, или, по крайней мере, столько, сколько правительство считало нужным привлечь, в возрасте от двадцати до двадцати пяти. Эта процедура лишь немногим отличалась от общепринятой в современной Европе и создала наполеоновские армии в отличие от армий республики. Организованные, как и прежде, в дивизии, бригады и полугруппы, новые чины, похоже, были полны такого же энтузиазма, как и старые, поскольку молодежь нации теперь смотрела на войну как на кратчайший путь к славе. Бернадот выразил общее убеждение всех амбициозных молодых людей, когда сказал: "Дети, среди вас, несомненно, есть великие полководцы". Казна была пополнена за счет принудительного займа, замаскированного под форму произвольного тарифа. Помимо всего этого, была принята ужасная мера, известная как Закон о заложниках, который возлагал ответственность за его поведение на ни в чем не повинных родственников каждого шуана или эмигранта.

Эти меры свидетельствовали об опасной и нарастающей волне нового якобинства, которое было представлено большинством в Пятистах, в Директории - Гойе и Муленом, а за ее пределами - признанным клубом террористов, который начал заседать в знаменитой школе верховой езды, где проводил свои сессии Конвент. Состоятельные люди, такие как Талейран, Реньо де Сен-Жан-д'Анжели и Редерер, философы Камбасерес, Семонвиль, Бенжамен Констан и даже Дауну, были возмущены мыслью о новом терроре и надеялись, что Сийес и Баррас предотвратят его. В связи с этими тревожными обстоятельствами многие также спрашивали, где же государственный деятель? Якобинцы, как и в старые времена, свято верили, что глава о несчастных случаях раскроет государственного деятеля; генералом у них был либо спокойный Журден, либо отчаянный Ожеро. Их политика заключалась в том, чтобы повторить победы республиканцев и укрепить демократию в будущей конституции, какую бы форму она ни приняла. Сийес и его друзья, естественно, обратились бы к завоевателю Италии, с которым они уже составили заговор; но его не было, и, кроме того, им нужен был инструмент, а не мастер. Они действительно пытались уговорить Моро установить диктатуру наравне с Бонапартом; но он уже был под чарами роялизма и проявил застенчивость. Высказывалось предположение, что, если бы не прибытие самого Бонапарта, Массена, который по характеру очень напоминал Монка, мог

бы повторить роль этого генерала во Франции. Конечно, сторонники ограниченной монархии в крайнем случае приветствовали бы даже Бурбонов как конституционную династию, и это при том, что они были настолько недоверчивы, что Сийес, будучи послом в Пруссии, мечтал выбрать для этой цели иностранный королевский дом, отдав предпочтение брауншвейгскому.

Такова, таким образом, была сложная сеть поражений и побед на войне, заговоров и контрзаговоров в политике, противоречащих друг другу целей повсюду, которая была продемонстрирована Бонапарту по его возвращении в столицу. Должен ли он, до сих пор признанный республиканец, чьи преданные солдаты все еще верили, что сражаются за дело свободы, продолжать фарс еще дальше и связать свою судьбу с якобинцами? Или ему следует снять маску? Вскоре ему стало ясно, что Париж и народ никогда больше не потерпят террора, и что успех в долгосрочной перспективе зависит от союза с ними. Если бы они признали его лидерство, игра была бы выиграна. Но было ли это возможно? Хладнокровные головы, такие как барон де Паскье, заметили реальный характер египетской и сирийской кампаний; но даже они восхищались бесстыдством авантюристов, а их было слишком мало, чтобы произвести большое впечатление на массы. Большое количество доселе равнодушных теперь считали, что Бонапарт и его армия были депортированы в Египет из ревности со стороны Директории; а для некоторых консерваторов он был мучеником, вернувшимся из изгнания, но принесшим своей стране новые трофеи. Этот слух не только никогда не опровергался, но и был скорее усилен многозначительными намеками тех членов семьи Бонапарт, которые сейчас находились в гуще событий. Жозеф, три года назад избранный в Пятсот, высоко поднялся в общественном мнении; и Люсьен в течение последних двух лет также был одним из самых влиятельных членов. Оба изменились. Утонченные, по крайней мере внешне, и, по-видимому, увлеченные литературой, они были известны как солидные граждане. Их социальные таланты сделали их дома такими же, как у мадам. Сама Бонапарт была центром влияния среди многих важных людей столицы. Ее, однако, была гораздо более эксклюзивной и демонстрировала высокое превосходство над всеми остальными. Между ним и двумя другими существовала сильная зависть к благосклонности генерала, но все они были искренне едины в продвижении его интересов.

Жители Парижа не бежали навстречу Бонапарту, как жители Лиона, как будто он уже был сувереном; но они приняли его тепло. В частности, недовольные, которые строили заговоры в его пользу, как будто под его личным руководством, бурно приветствовали его. Без малейшего промедления он взял на себя руководство их советами. Сийес потерял свою опору в лице Жубера и свой престиж из-за поражения при Нови. С помощью Талейрана и Редерера он вскоре был приведен к соглашению, и под непосредственным руководством Бонапарта был пересмотрен и завершен тщательный, смелый план полного изменения как конституции, так и администрации, который уже обсуждался Сийесом и его последователями, так называемыми реформистами. На первый взгляд, это была решительная попытка исправить радикальные недостатки конституции ТРЕТЬЕГО года и организовать сильное конституционное правительство. Фактически, ее автор уже продемонстрировал определенные исполнительные способности, подготовив почву. Размахивая красным сигналом Террора, он с помощью ряда произвольных мер подавил якобинские газеты и изгнал их редакторов. Журдан в этот кризис потребовал от ассамблей голосования о том, что "страна находится в опасности", но его призыв не был принят. Затем пришли волнующие известия о том, что под командованием Массены и Брюна армии Франции восстанавливают свою былую славу и что Рейн и Альпы, по крайней мере, в

безопасности. Несколько днями позже посланец исполнительной власти зачитал советам, в торжественной обстановке, депешу, составленную Бонапартом специально для этой цели, содержащую его преувеличенный рассказ о битве при Абукире. Огромный энтузиазм охватил обе палаты. Гойе, который пал жертвой обаяния Жозефины во время ее частых визитов к его польщенной жене, был президентом Директории. К нему Бонапарт нанес свой первый официальный визит, и на следующий день Директория приняла на официальной аудиенции генерала, который, как он сам заявил Гойе, "оставил свою армию, чтобы приехать и разделить национальные опасности", сообщения о которых так беспокоили его в Египте.

Таким образом, официальная и народная добрая воля вскоре были одинаково сильны: Париж в течение нескольких дней был так же ослеплен возвращением Бонапарта, как и вся страна. "Возвращение героя" стало лозунгом нации. Недавние события раскололи партии на части: здесь был лидер, которого никогда не отождествляли ни с одной из них. Газеты воспевали его добродетели. Низость и посредственность должны были исчезнуть; французский народ, жаждавший великих свершений, снова обрел любимца фортуны, который один мог их совершить. Сначала Талейран, затем Сийес, затем все другие известные люди, начиная с Гойе, открыто присоединились к череде поклонников. Изворотливый курс большого числа людей, которые, подобно Редереру, были оппортунистами в душе, стал утомительным для богатых классов, и они также вскоре встали под знамена Бонапарта. За сомнительными или отдаленными влиятельными людьми ухаживали, и, как в случае с Моро, их часто побеждали с помощью непревзойденного искусства. Редерер считал, что революция практически завершена к тридцатому октября; работа, по его словам, была выполнена на три четверти. На следующий день Люсьен Бонапарт был избран президентом Пятисот, среди которых, хотя большинство были колеблющимися и непонимающими, было значительное меньшинство неисправленных якобинцев. В течение двух недель побежденный генерал собрал в Париже двор, более могущественный, чем тот, который был у него в Монтебелло в час победы. Его личное поведение было почти таким же, как и тогда, — тихим и сдержанным, но примирительным, простым и откровенным. Он надевал простую гражданскую одежду, иногда надевая восточный шарф с маленьким ятаганом; часто посещал Институт, членом которого его сделали; и предпочитал общаться с такими людьми, как Волней, обсуждая вопросы философии и науки. Вскоре прошел слух, что у него созревают планы. Какими они могли быть? Ответ не заставил себя долго ждать. Груша созрела.

Мы чувствовали себя сопричастниками всемогущей судьбы, писал Мармон по поводу путешествия из Египта. Сам Бонапарт был автором этого чувства, которому надолго суждено было стать руководящей мыслью миллионов. Восток пробудил в нем скрытое убеждение в ценности судьбы и звезды. Когда в угрожающих кризисах другие забывали об этом, великий авантюрист напоминал им об этом, подразумевая тем самым свое собственное ясное видение, не затуманенное невзгодами, проникающее в путаницу обстоятельств. Он ни в коем случае не был восточным фаталистом; напротив, его судьбой была сила различать и отваживаться, которая была в нем самом. Именно его присутствие во Франции должно было развеять сомнения, восстановить доверие, контролировать события. "Мое присутствие, - сказал он на борту корабля, - поднимая их дух, вернет армии утраченную уверенность в себе, а добропорядочным гражданам надежду на лучшее будущее. Общественное мнение изменится в пользу Франции. Мы должны бороться, чтобы прийти к цели, и мы придем ". Клеберу, самому способному из своих генералов, он оставил

командование, а вместе с ним и мастерский набор указаний для руководства делами. Его нельзя было обвинить в неудаче, ибо конец еще не наступил; катастрофа в Египте не могла быть устранена: он поспешил туда, где только и можно было найти помощь, и прибыл с сердцем, готовым к принятию решения, при наиболее благоприятных условиях, с определенной целью и ясным, простым планом ее достижения. Для посторонних и для потомков результат казался счастливой случайностью. На самом деле это было не так, хотя этому способствовали непредвиденные обстоятельства. Это было предreshено заранее.

ГЛАВА X [\[12\]](#)

БОНАПАРТ ПОЛЬЗУЕТСЯ ПРЕДСТАВИВШЕЙСЯ ВОЗМОЖНОСТЬЮ

Банкет в честь Бонапарта и Моро — Планы бонапартистов — Страхи Бонапарта и Талейрана — Роль Древних — Генералы в доме Бонапарта — Его обращение к Древним — Пятьсот человек — Сийес и Роже Дюко уходят из Директории — Баррас запуган — Гойе и Мулен заключены в тюрьму — Контрзаговор Бернадотта.

Первого ноября 1799 года Сийес официально передал весь контроль. Согласившись, как он сделал на конференции с Бонапартом, что наброски "совершенной" конституции, которую он написал — это был его собственный эпитет — не должны быть представлены непосредственно советам, а должны быть представлены комитету, он отрекся от государственного руководства и стал жертвой обмана своих коллег. Шестого числа в честь Бонапарта был дан банкет в церкви Сен-Сюльпис. Первоначально предполагалось, что дань должна поступать от обеих палат; на самом деле это дело было полностью организовано несколькими старыми чиновниками, которые теперь почти все до единого были бонапартистами. Моро присутствовал в качестве гостя. Озлобленный против Директории невыполнимой работой, которую они возложили на него, он осторожно и тихо въехал в Париж; Бонапарт, столь же озлобленный, но своими собственными неудачами, прибыл под аплодисменты нации; но при всем том эти двое по праву считались великими полководцами своего времени. Повод, однако, не представился, поскольку и Журден, и Ожеро, якобинские генералы, остались в стороне, а они были близкими друзьями Бернадотта. Сам Моро был угрюм, и единственным важным событием стал тост Бонапарта за "гармонию всех французов". Он запил его вином, которое Дюрок, его адъютант, принес в бутылке, поскольку нечистая совесть заставляла его подозревать, что мясо и напитки, поданные в его честь, были отравлены.

Сразу после окончания мрачных оаций у него состоялась встреча с Сийесом, который представил свой проект трех мероприятий, общий смысл которых был предварительно согласован. В революционном движении, развернувшемся в настоящее время, Совет Древних, в котором, несомненно, было большинство, должен был в надлежащее время взять инициативу в свои руки в соответствии с конституционными положениями и утвердить все три как предварительные меры к свержению конституции. Сначала они должны были объявить о существовании заговора, характер и масштабы которого не подлежали упоминанию; затем назначить заседание обоих советов в Сен-Клу; и, наконец, назначить Бонапарта командующим войсками в Париже. Собравшись на следующий день в Сен-Клу,

они должны были принять отставку Директории Сийеса и Роже-Дюко, поскольку последнего убедили присоединиться к новому движению. В конце концов Гойе, Баррас и Мулен должны были устрашением подать в отставку, и после этого временному консульству в составе Бонапарта, Сийеса и Роже Дюко должны были быть поручены работы по восстановлению.

Когда были подготовлены достаточные военные силы, на секретном совещании бонапартистов, состоявшемся пятнадцатого Брюмера (седьмого ноября), было решено, что удар должен быть нанесен тремя днями позже. С этой целью Древние должны были встретиться, согласно программе, утром семнадцатого Брюмера и созвать обе ассамблеи для проведения заседания восемнадцатого в Сен-Клу. Согласно положению конституции, всякий раз, когда должна была рассматриваться поправка к этому документу, органы должны были заседать за стенами Парижа. Этот шаг, естественно, возбудил бы значительные подозрения среди непосвященных; и хотя беспорядков могло и не быть, на улицах, несомненно, разгорелись бы жаркие дискуссии. Еще большая опасность таилась в настроении войск. Воодушевленные тем, что они по-прежнему считали республикой, необходимо избегать любых проявлений насилия по отношению ко всем без исключения признанным республиканцам, подобным тем, кто сидел среди Пятисот человек. Решение этой последней проблемы действительно было ключом ко всей комбинации. Успех полностью зависел бы от сиюминутного инстинкта простых, честных республиканских солдат, застигнутых врасплох. Были и мелкие неприятности. Сийес, чувствительный к очевидной решимости Бонапарта использовать его только до тех пор, пока это было необходимо, стал беспокойным, и требовалось тончайшее согласование интересов, чтобы временно удержать его в курсе событий. Это было время ужасной тревоги для заговорщиков. Талейран никогда не забывал сцену, которая произошла в его доме на улице Тэтбю за несколько ночей до кризиса. Около часа ночи они с Бонапартом все еще были погружены в беседу, когда услышали грохот колес кареты и стук кавалерийских копыт на улице. Внезапно оба умолкли; кавалькада остановилась у дверей. Бонапарт побледнел, и Талейран тоже, когда они остановились и прислушались, были полностью убеждены, что обоих арестуют. Последний задул свечи и поспешил по проходу, чтобы лучше разглядеть улицу. После некоторого промедления он обнаружил, что карета содержателя игорного дома, возвращавшегося под конвоем полиции из Пале-Рояля со своей добычей, сломалась. Успокоившись, он вернулся, чтобы пошутить с Бонапартом по поводу паники. Однако до назначенного дня все, что могли предвидеть главные интриганы, было тщательно скорректировано. Очевидное возрождение якобинства на самом деле было последним появлением его призрака; ибо Директория, лишенная всякого престижа, была расколота и шатка; армия, республиканская до мозга костей, была утомлена своей неэффективностью и разъярена своим банкротством; народные массы, консерваторы и роялисты, отчаялись в реставрации и, устав от войны, в данный момент были готовы принять любое сильное правительство. Таким образом, большая часть администрации, нации и армии были приведены в готовность, в то время как многочисленные недовольные в каждой из них были, по крайней мере, временно подавлены. Каждый маленький скрытый проводок частного интереса был в руках, и созрели планы по принуждению тех, кого невозможно было уговорить.

Всю ночь напролет, с шестнадцатого на семнадцатое Брюмера, заседал комитет Древних, тщательно совершенствуя свои планы. На следующее утро в семь часов верное большинство, будучи созвано в соответствии с формальностью, собралось в качестве совета; сомневающиеся члены либо вообще не были вызваны, либо получили уведомление о более

позднем часе. Как только собрался кворум, Корнет, хорошо известный остряк, встал и осудил ужасный заговор, который угрожал им. Затем Ренье предложил, чтобы в соответствии со статьями сто второй, третьей и четвертой конституции обе ветви законодательной власти встретились на следующий день в полдень, но не раньше, во дворце Сен-Клу; чтобы генералу Бонапарту было поручено исполнение их указа и чтобы с этой целью он был назначен командующим парижским гарнизоном, их собственной особой гвардией и Национальной гвардией; чтобы он, следовательно, явился и принес присягу; и чтобы эти решения были должным образом доведены до сведения Директории, Пятисот человек, а также общественности посредством печатного объявления. Предложение было поддержано единогласно.

Во время этих слушаний все генералы, присутствовавшие в Париже, за исключением Журдана и Ожеро, которые не были приглашены, но включая стойкого республиканца Лефевра, командующего гарнизоном, собрались в доме Бонапарта и перед ним. Их попросили прийти в форме, чтобы организовать проверку. Было замечено, что Бернадотт, хотя и присутствовал, не был в форме. Он до такой степени поддался уговорам своего шурина, что приехал, но заявил, что будет подчиняться только тому, кто в тот момент был главной властью в государстве. Лефевр был в военной форме, но, встретив на пути отряды войск, двигавшиеся без его приказа, и не будучи посвященным, он, естественно, был поражен. Но Бонапарт знал своего человека. "Неужели ты, сторонник республики, оставишь ее погибать в руках этих законников?" таково было его приветствие. "Смотри, вот меч, который я нес у Пирамид. Я дарю его вам в знак моего уважения и доверия". "Давайте выбросим юристов в реку", - последовал ожидаемый ответ.

Несколько мгновений спустя прибыл авторитетный вызов от Древних. Бонапарт вышел на крыльцо и зачитал их решение вслух. В едином порыве офицеры взмахнули мечами в ответ. Прошло всего мгновение, прежде чем они сели на коней, и с Бонапартом впереди кавалькада, возглавляемая людьми, либо уже знаменитыми, либо которым суждено было ими стать, — Макдональдом, Серюрье, Мюратом, Ланном, Андреосси, Бертье и Лефевром, — проследовала в зал совета. Достаточно было беглого взгляда, когда они проезжали через город, чтобы увидеть, что заранее подготовленные приказы уже были тщательно выполнены. Все войска были при оружии и на своих постах в командных пунктах по всему городу. Прибыв в Тюильри, генерал и его блестящий эскорт вошли в зал заседаний. "Граждане делегаты, - сказал он, - республика падала. Вы понимали ситуацию; ваш курс спас ее. Горе тем, кто сеет беспорядки! С помощью генерала Лефевра, генерала Бертье и других моих братьев по оружию я арестую их. Пусть никто не ищет прецедентов в прошлом. Ничто в истории не сравнится с концом восемнадцатого века, ничто с настоящим моментом. Ваша мудрость одобрила это предложение, наши руки выполняют его. Мы желаем республики, основанной на истинной свободе, на гражданской свободе, на народном представительстве. Мы добьемся этого. Я клянусь в этом своим собственным именем и именем моих братьев по оружию!" "Мы клянемся в этом!" - последовал единодушный ответ собравшихся генералов. Кто-то нескромно предположил, что Бонапарт принес присягу, но не присягу на верность конституции, требуемую их предыдущими действиями. Президент сразу же поспешно объявил все дальнейшие слушания несостоявшимися, поскольку собрание было закрыто своим собственным актом.

К этому времени пробило одиннадцать часов, и члены "Пятисот" начали собираться. Вскоре их собрание было объявлено закрытым, и Люсьен занял место председателя. О

недавнем действии Древних было объявлено среди глубокого молчания, нарушенного только в конце многочисленными призывами к объяснениям. В строгом соответствии с законом и буквой конституции нижняя палата не имела в таком случае никакой функции, кроме как выслушать, и президент объявил сессию законченной. Под радостные возгласы в поддержку конституции III года представители разошлись. Более впечатляющей и драматичной сценой была встреча Бонапарта несколькими секундами позже солдатами, которые были собраны во внутреннем дворе внизу для этой цели. Их радостные возгласы прозвучали залпами, когда он вскочил в седло и ускорился прочь, герой часа. Несколько мгновений спустя он добрался до своей штаб-квартиры и обнаружил, что все его избранные подчиненные в сборе. Фуше, якобинский министр полиции, увидев, как меняется направление флюгера, тоже был там, примирительный, подобострастный и сверхслужливый.

На самом деле, все инциденты того дня были необычными. "Монитор" опубликовал статью, в которой намекал на то, что якобинцы рассматривают возможность объединения двух советов в конвент. Население, далекое от того, чтобы испытывать беспокойство или буйствовать, казалось, было ослеплено военным зрелищем и не было встревожено передвижениями солдат. Лишь с вялым интересом они прочитали разбросанную повсюду брошюру, написанную Редерером, чтобы доказать необходимость обновления конституции. Бонапарт как комендант и, следовательно, временный диктатор получил, согласно предварительной договоренности, заявления об отставке Сийеса и Роже-Дюко, которые должны были быть представлены завтра в Сен-Клу. Гойе были приглашены на завтрак к мадам Бонапарт. В то утро, в необычное для них время - в восемь часов. Сославшись на служебные обязанности, сам директор не поехал; его жена, пораженная ослепительным сборищем генералов, которое она обнаружила перед дверью Бонапарта, поспешила обратно, чтобы сообщить о том, что она видела. Мы можем предположить, что, если бы Гойе сопровождал свою жену, оба могли бы заручиться поддержкой данного движения; в другом случае, возможно, оба были бы насильственно задержаны.

Как бы то ни было, первым побуждением Гойе было посоветоваться с Баррасом, и он поспешил на поиски своего коллеги; но павший государственный деятель был в ванной и никого не мог видеть. Он послал сказать Гойе, чтобы тот рассчитывал на него; но прежде чем закончить свой туалет, он был вынужден принять Брюи и Талейрана, прибывших в качестве эмиссаров от Бонапарта. Нечистая совесть сделала его похожим на воск в руках Талейрана, который успешно упрощил его уйти в отставку и заручился его подписью на бланке, заранее подготовленном Редерером под наблюдением Бонапарта, в котором говорилось, что всякая опасность для свободы миновала благодаря прославленному воину, для которого он имел честь открыть путь к славе. Спешка была такой, что еще до того, как Мулен, оставшийся директор, смог добраться до Тюильри, где Бонапарт основал офис, этот документ Барраса был доставлен, и Директория прекратила свое существование. "Что вы сделали, — сказал диктатор посланцу Барраса, — что вы сделали с Францией, которую я сделал такой блестящей? Я оставил вам победу: я не нахожу ничего, кроме поражения. Я оставил вам миллионы из Италии: Я нахожу грабительские законы и нищету. Где сто тысяч воинов, которые исчезли с земли Франции? Они мертвы, а они были моими товарищами! Такие условия не могут продолжаться долго; через три года анархия приведет нас к деспотизму. Мы хотим республику, основанную на принципах равенства, морали, гражданской свободы, политического долготерпения". Излишне говорить, что при этом

присутствовал репортер, поэт Арно, который на следующий день напечатал этот прекрасный текст в газетах.

Наконец Мулена и Гойе впустили. Встреченный так, словно они тоже собирались присоединиться к движению "за спасение содружества", Бонапарт с притворным удивлением услышал, как они взывают к законам, к конституции, к святости клятв и к доброй верности республиканским армиям, вновь одержавшим победу. Их противник, конечно, был непоколебим. С Гойе он попытался поспорить; Мулену он угрожающе заметил, что если Сантерр, печально известный демагог и его родственник, на этот раз предпримет попытку поднять население, его участью будет смерть. На прямое требование об их отставке оба твердо ответили "Нет" и удалились в Люксембург, где располагалась ныне несуществующая директория. Без ведома или намерения с их стороны они должны были послужить средством для принесения в жертву последней жертвы и самого опасного соперника Бонапарта. Согласно военным раскладам того дня, Ланн был назначен командующим в Тюильри, Серюрье - в Пойнт-дю-Жур, Мармон - в военную школу, Макдональд - в Версаль, а Мюрат - в Сен-Клу. В центральный пункт, резиденцию правительства, резиденцию Директории, был назначен Моро. Если бы Бонапарт стал государственным деятелем надвигающейся революции, Моро рассудил, что он сам по необходимости стал бы генералом нового правительства, и, расценив свое избрание на этот пост как знак отличия, согласился. По приказу его временного начальника Гойе и Мулена два непреклонных и неподкупных члена исполнительной власти, хотя и не подвергались позорному обращению, все же были лишены свободы. С пресловутым человеческим непостоянством общественность возложила на агента полную ответственность за это поведение и сурово осудила. Ему было вменено в вину произвольное применение силы в критический момент, и его влияние исчезло, как мираж. В эти последние часы дня Ожеро, казалось, тоже пытался примириться, спрашивая с озадаченной шутливостью и используя фамильярное "ты", не может ли Бонапарт больше рассчитывать на своего "маленького Ожеро". Его опасения едва ли развеял резкий совет, чтобы и он, и Журден сохраняли мир.

Всю вторую половину дня афишисты, согласно освященному веками французскому обычаю, были заняты тем, что покрывали пустые стены тщательно сформулированным объявлением о том, что Революция, сбившаяся с пути из-за некомпетентности, должна быть завершена ее друзьями. Это был заговор: его нужно было отразить совместными действиями, чтобы обеспечить гражданскую свободу, равенство, победу, мир; последним высшим усилием народ должен был прийти к власти. Контрреволюция была бы настоящей. Тем временем газеты печатали для своего утреннего выпуска девятнадцатую программу нового правительства. Долой закон о заложниках, принудительные займы, запрет эмиграции: воцарится мир, прочный мир, обеспеченный, если потребуется, новой серией побед над врагами Франции, но мир прочный и постоянный. Работали ли когда-нибудь колеса заговора так гладко? Официозный Фуше закрыл городские заграждения. Бонапарт был настолько уверен в себе, что приказал распахнуть их настежь. Ночь, по-видимому, была такой же безмятежной, как и его дух. На самом деле существовал обратный заговор, и тот в опасной части. Бернадотт встретился с небольшой хунтой, состоявшей из нескольких человек из пятисот, в доме Саличетти и планировал, облачившись в форму командира, достичь Сен-Клу на следующий день раньше всех и установить себя со своими сторонниками во главе дворца, чтобы управлять событиями в свою пользу. Но Саличетти был предателем в лагере. Он долго двоился с Бонапартом; но, осознав наконец, в чем заключалась власть, смирился и был прощен за непрошеное заключение. Фуше был

должным образом проинформирован им о контрзаговоре, и, не вызвав подозрений, все члены хунты Бернадотта задержались утром намного дольше назначенного времени, и их план провалился. Помимо небольшой опасности, заключавшейся в этом фиаско, среди собственных друзей Бонапарта возникло расхождение во мнениях, некоторые из наиболее робких рано утром рекомендовали Бонапарту занять место в Директории. "Директории нет", - был его ответ; и после того, как некоторые из них ушли, было решено, что они должны придерживаться первоначального плана, который заключался в том, чтобы потребовать отсрочки заседаний советов до первого числа Вентозе (девятнадцатого февраля 1800 г.), и что на длительный промежуток времени управление должно быть доверено Бонапарту. К сожалению, заговорщики упустили из виду два важных момента. Не было заранее оговорено, кто должен действовать в случае, если Пятьсот человек окажутся непокорными, и во дворце Сен-Клу не было сделано никаких приготовлений к приему депутатов. Это была странная судьба, что Бонапарт, у которого в других местах и в другое время всегда было две тетивы к своему луку, в самом сердце Франции, на пике своего благосостояния, натянул только одну. Это было необдуманное удовлетворение событиями дня, которое он выразил Буррьену, уходя на несколько часов отдохнуть.

ГЛАВА XI

СВЕРЖЕНИЕ ДИРЕКТОРИИ

Советы в Сен—Клу — Неудачный внешний вид Бонапарта как заговорщика — Его атака на Конституцию — Беспокойство Пятисот человек — Бонапарт благоговееет перед их яростью — День, спасенный его братом Люсьеном — Восстановлено подобие конституционного правления — Бонапарт Хозяин положения - Париж в восторге.

На следующее утро в городе было много народу, много разговоров на улицах, но беспорядка не было. Ближе к полудню, в час, назначенный для их встречи, делегаты обеих палат законодательного собрания в сопровождении множества людей двинулись в направлении Сен-Клу. Бонапарт с несколькими тысячами солдат уже был там. Ничего не было готово к приему советов, и в течение почти фатального периода поспешной подготовки якобинцы собирались группами, чтобы обсудить ситуацию, впервые заподозрив, что перед ними стоит не реформа конституции, какой бы радикальной она ни была, а ее свержение. Прошло много времени после назначенного, почти два часа, прежде чем комнаты дворца были готовы и члены советов были призваны к порядку — Пятьсот человек в Оранжерее на первом этаже одного крыла, Древние наверху, в другом крыле, занимая Зал Аполлона. Бонапарт и нерешительный, робкий Сийес заперлись в одной из комнат нижнего этажа, ожидая развития событий. Последний оставил у ворот экипаж, запряженный шестью лошадьми, для собственного пользования на случай несчастного случая. Солдаты стояли на страже у всех подходов, а приемные были заполнены рядовыми и офицерами, друзьями главного заговорщика. Вскоре с собраний начали поступать тревожные новости. Наверху Старейшины, охваченные сильным волнением, проголосовали за ряд обычных предложений и отложили заседание на некоторое время, что привело к отсрочке рассмотрения предложения доверить ведение дел Бонапарту. Они хотели

удостовериться посредством сообщения от Пятисот, как того требовал закон, была ли должным образом сформирована исполнительная власть и присутствовали ли все директора; ибо только в этом случае их действия были бы законными. Задержка была для них необъяснимой и казалась бесконечной, пока они прогуливались парами и группами, встревоженные и колеблющиеся. Наконец разнесся слух, что в их зал прибывает генерал, и они поспешили занять свои места. Когда они наконец собрались, разразилась анархия, поскольку секретарь объявил, ложно, конечно, что четыре директора подали в отставку, а пятый находится под подпиской о невыезде.

В этот момент в дверях появился Бонапарт со своим штабом, и внезапно воцарилась тишина. Сцена потрясла его. Храбрость генерала отличается от личной храбрости солдата перед лицом физической опасности, и то и другое не похоже на отвагу того, кто бросает вызов закону. Последним Бонапарт никогда не обладал. На мгновение он побледнел; но, собравшись с духом огромным усилием, он произнес бессвязные, но грубо красноречивые фразы. Они были на вулкане, сказал он. Он не был цезарем или Кромвелем, а простым солдатом, тихо живущим в Париже, которого неожиданно призвали спасти свою страну. Если бы он был узурпатором, то обратился бы не к законодательному собранию, а к солдатам Италии. Долгом присутствующих было спасти свободу и равенство — "и конституцию", - раздался чей-то голос. "Конституцию!" - был его ответ. "Вы нарушили это восемнадцатого Фруктидора; вы нарушили это двадцать второго Флореаля; вы нарушили это тридцатого Прериала. Конституция! Все фракции ссылаются на нее, и она была всеми нарушена. Ее все презирают; она больше не может спасти нас, потому что не вызывает ничьего уважения". Затем он попросил предоставить ему полномочия, необходимые в чрезвычайной ситуации, пообещав сложить их, когда его работа будет завершена. "В чем заключаются насущные опасности?" спросил кто-то. В чем они заключались на самом деле? Если бы он должен был говорить, он бы сказал. "Я заявляю, - воскликнул он, - что Баррас и Мулен пригласили меня возглавить партию, чтобы свергнуть всех людей либеральных идей". Неуклюжая ложь вызвала бурю. Неужели это и был тот самый якобинский заговор, о котором им говорили, — аристократ Баррас и демократ Мулен сговорились вместе! Они хотели знать подробности.

В перерыве между выступлениями оратор снова нашел нужную реплику и сразу же пустился в рассуждения, но не о подробностях, о которых просили, а разразился языковым смерчем, ругая конституцию и Пятсот человек и в то же время ловко угрожая, что, если против него поднимется старый клич "вне закона", он призовет гренадеров, чьи фуражки он видел, и солдат, чьи штыки были на виду. "Помните, что я иду с богиней процветания в сопровождении бога войны!" - "Генерал, - прошептал Буррьен ему на ухо, - вы больше не понимаете, что говорите". Президент Древних был в растерянности. Как мог совет, как бы ему ни хотелось это сделать, удовлетворить требования генерала по поводу такого представления, как это? В третий раз со скамей подсудимых раздались призывы к подробностям заговора, которые сделали необходимыми предполагаемые меры. И в третий раз дар Бонапарта к притворным уверткам не сработал. Он не мог думать ни о чем, кроме Барраса и Мулена; но теперь, еще раз упомянув их имена, он добавил, что что делало их опасными, так это то, что они выражали то, чего желали почти все; в противном случае они были бы не хуже очень большого числа других, которые в глубине души придерживались того же мнения. "Если свобода погибнет, - воскликнул он, - вы будете в ответе перед вселенной, потомками, Францией и вашими семьями". Это прозвучало как кульминация и оставило слушателей совершенно равнодушными. С этими словами его встревоженные

товарищи буквально выволокли его из комнаты. Затем была выполнена заранее подготовленная программа, и был вынесен вотум доверия Бонапарту. Чтобы исправить ошибки в его речи, на следующий день "Авторитет" напечатал исправленную версию в том же общем тоне, но более соответствующую тому, какой она должна была быть.

Шум внизу был ужасающим. Люсьен ожидал, что Древние будут действовать быстро и сразу же доведут свой указ до Пятисот. Он надеялся выдвинуть и поддержать ходатайство о его санкционировании, не давая времени на обдумывание. Формальности, связанные с открытием сессии, прошли спокойно, и собрание, не прерывая, выслушало короткую, туманную и неубедительную речь, в которой депутат-бонапартист заявил, что объявил о предполагаемом заговоре. Задержка заседания на два часа, однако, дала якобинцам время подумать; в палате представителей не было никаких дел, заявления об отставке директоров им не были представлены, и, очевидно, чтобы скоротать время, было предложено, чтобы присутствующие делегаты торжественно, один за другим, подтвердили свою присягу конституции. Это сделали все, кроме Бергоэнга, единственного непокорного, который сложил с себя полномочия. Люсьен лично совершил торжественный обряд. Но в ходе утомительного процесса, длившегося более двух часов, начали раздаваться отрывочные выкрики: "Никакой диктовки!" "Долой диктаторов!" "Мы все здесь свободны!" Наконец крики стали громче, чтобы достичь сочувствующих ушей охранников снаружи. В этот критический момент Баррас подал в отставку. Оно было зачитано полностью, включая отрывок, в котором говорилось, что с возвращением прославленного воина, для которого он имел честь открыть путь, и на фоне поразительных знаков доверия, которые законодательный орган проявил к своему генералу, он почувствовал уверенность, что свободе больше ничего не угрожает, и что поэтому он рад вернуться к частной жизни.

Делегаты, по крайней мере большинство из них, не знали о том факте, что Сийес и Роже-Дюко уже передали свои заявления об отставке Бонапарту, и не знали, что Гойе и Мулен находились под давлением. Эти формулировки, читаемые между строк, давали понять, что Директория находится на грани роспуска или уже распущена, и подтверждали их подозрения о надвигающейся революции. Якобинское большинство было совершенно сбито с толку. Некоторые предлагали немедленные выборы новой Директории; другие настаивали на конституционном сроке отсрочки и призывали к отсрочке. Самые прозорливые увидели ловушку, в которую они попали, и начали говорить о том, что означают эти обстоятельства. "Я полагаю, - сказал Грандмезон, - что среди присутствующих кто-то знает, откуда мы пришли и куда направляемся". В этот критический момент двери открылись, и на пороге появился Бонапарт, окруженный гренадерами. Воцарился хаос. Делегаты встали со своих мест, кто-то направился к окнам, кто-то с угрожающими жестами бросился к незваному гостю, кто-то кричал: "Объявите его вне закона!" - "Объявите его вне закона!" - и требовал, чтобы было внесено соответствующее предложение. Это удвоило беспорядки. "Выставьте его вон!" "Объявите диктатора вне закона!" - кричала толпа. "Убирайся, опрометчивый человек!" - сказал кто-то рядом. "Вы нарушаете святилище закона". "Разве ради этого, - сказал другой, - вы одержали победу?" В пылу страсти произошло неизбежное столкновение, и разгневанные представители грубо расправились с Бонапартом. На следующий день говорили, что гренадер по имени Томе бросился перед Бонапартом и получил в рукав своего мундира удар кинжалом Арена, старого корсиканского врага, который предназначался его генералу; но ни один заслуживающий доверия свидетель так и не заявил, что видел этот поступок или какую-либо рану. Охваченный волнением и смертельной агонией человека, поставившего все на карту в сомнительном

событии, лидер побледнел и потерял сознание. Солдаты подхватили его на руки и потащили вниз по лестнице в кабинет, который он занимал, где к нему вскоре вернулось самообладание. Крики обезумевших солдат полностью восстановили силы, и он потребовал лошадь. Его собственной лошади не было под рукой, и он представлял собой жалкую фигуру, садясь на норовистого скакуна и обуздывая его, первого, кто предложил. Но наконец он обрел свое седло и свой голос. Выскочив на открытую террасу, он обратился к войскам с речью и встретил быстрый отклик в виде их сердечных приветствий; они быстро построились в линию.

Наступил решающий момент. Действительно ли солдаты, какими бы полными энтузиазма они ни казались, подчинились бы, если бы им приказали принять насильственные меры? Среди генералов было много встревоженных лиц. После своего вторжения в Древние времена Бонапарт ворвался в прихожую, где сидели его командиры, восклицая: "Этому должен быть положен конец". Во время его второго отсутствия Серюрье понял намек и прошелся взад-вперед, декламируя: "Они собирались убить вашего генерала, но будьте спокойны!" В Оранжеере Люсьен совершил чудо, успокоил собрание, упорно отказывался вносить предложение о объявлении вне закона и потребовал слушания дела своего брата. Поскольку его мольбы не возымели действия, он, наконец, встал с кресла и с отчаянным криком: "Здесь нет свободы!" - выбежал из комнаты. Мрачные почести этого дня должны были достаться ему. Бонапарт отправил шеренгу солдат сопровождать его сквозь толпу. Грохнули барабаны, призывая к тишине, и привели лошадь, на которую он сел. Представившись затем войскам, он заявил как президент Пятисот, что большинство членов законодательного собрания - честные люди, но что в зале, из которого он вышел, было несколько убийц, английских наемников, которые держали остальных в страхе. "Ура Бонапарту!" - закричали солдаты, но они не сделали ни малейшего движения, чтобы очистить оранжерею, и Наполеон не отдал приказа. Это был исторический момент. Люсьен, схватив у прохожего обнаженную шпагу и приставив ее к груди Наполеона, воскликнул: "Клянусь, я убил бы своего собственного брата, если бы он когда-нибудь поставил под угрозу свободы французов!" Наконец в рядах произошло движение. "Должны ли мы войти в зал?" - спросил Мюрат Бонапарта. "Да", - последовал ответ. "И если они будут сопротивляться, убивайте, убивайте! Да, следуйте за мной! Я - бог дня! К счастью, эти истерические слова слышали лишь немногие. "Не шевелись!" - сказал Люсьен. "Ты думаешь, что разговариваешь с мамлюками?" С этими словами прозвучал приказ, грохот барабанов заглушил гул разговоров, началось сражение, и гренадеры во главе с братьями на конях двинулись вперед. Сопротивления не последовало, помощники шерифа быстро скрылись в темноте через двери и окна, и через несколько мгновений разгромленное помещение опустело.

Если бы Бонапарту не суждено было стать ни цезарем, ни Кромвелем, именно Сийес, как гражданское лицо и создатель конституции, должен был склонить законодательные советы в пользу реформы; но сейчас его сердце было занято поддержкой Бонапарта не больше, чем когда-либо. Стремясь стать лидером и навязать Франции конституцию, которая благодаря своему "совершенству" должна была обладать авторитетом, он всегда был отодвинут на второй план. Вместо того чтобы воспользоваться этой величайшей возможностью для него как законодателя, он и Роже-Дюко тихонько удалились в свой экипаж. Подготовленная им "совершенная" конституция, принимая во внимание то, что только что произошло, следовательно, опиралась бы, как и свергнутая, на военную силу. Тем не менее он прекрасно понимал, что Бонапарт зашел слишком далеко и что его ошибка должна быть исправлена.

Страна еще не созрела для военного деспота, который, подобно шведскому королю Карлу XII, поставил бы свой сапог во главе представителей народа или же без зазрения совести выставил бы их за дверь. Соответственно, несколько делегатов-бонапартистов, бежавших вместе с остальными и нашедших убежище в тавернах или частных домах по соседству, были по его совету, хотя и с некоторым трудом, найдены Люсьеном и вызваны на встречу, несмотря на позднее время, в их соответствующих местах, какими бы холодными и неудобными они ни были. Более пятидесяти из пятисот — некоторые беспристрастные свидетели утверждают, что их число достигает ста двадцати — отважились прийти, и видимость представительного правления была восстановлена. Им была представлена на рассмотрение новая, невозможная и неуклюжая конституция, разработанная Сийесом.

Тем временем к Бонапарту полностью вернулось самообладание. На острове Святой Елены он заявил, что все заговоры того времени были похожи друг на друга без головы, потому что им нужен был "меч"; и что, обладая им, он один мог выбирать то, что ему больше нравилось. Мадам де Ремюза он сказал: "Это была одна из эпох в моей жизни, когда я был наиболее искусен. Я встретился с аббатом Сийесом и пообещал привести в действие его многословную конституцию. Я принял лидеров якобинцев и агентов бурбонов. Я ни от чьих советов не отказывался, но давал только те, которые отвечали интересам моих планов. Я скрылся из поля зрения людей, потому что знал, что, когда придет время, любопытство посмотреть на меня бросит их мне под ноги. Все попали в мои сети, и когда я стал главой государства, во Франции не было партии, которая не лелеяла бы надежды на мой успех". Мадам де Сталь, возвращаясь восемнадцатого Брюмера из Швейцарии в Париж, увидела Барраса, направлявшегося в свою загородную резиденцию Гросбуа. Когда она приехала, люди больше не говорили об абстракциях, об Учредительном собрании, о народе или о Конвенте: все говорили о человеке - о том, что сделал генерал Бонапарт. Ее собственные чувства, по ее словам, были смешанными. Если бы битва началась и якобинцы одержали победу, она могла бы развернуться и бежать, потому что кровь пролилась бы снова. И все же при мысли о триумфе Бонапарта она почувствовала пророческую грусть. Она не могла оплакивать свободу, потому что свободы никогда не существовало во Франции. Это был голос подавленных и обескураженных конституционных республиканцев, которые не знали и не предлагали никакого средства правовой защиты. Роялисты полностью осознавали, чего они хотели. Они вздыхали по деспоту во Франции, по другому Ришелье, свирепому, несговорчивому хозяину, орудующему железным прутom, без которого жители никогда не смогли бы перестроиться в нацию. Как говорилось в письме, написанном несколько ранее из Кобленца, их города-убежища на Рейне, они желали "объединения сил в руках властного хозяина ... который благодаря великолепию кромвелизму внушал бы благоговейный страх людям, которых он заставил уважать и благословлять их собственное рабство". Основная масса нации устала от войны и стремилась к миру, который принес бы процветание, удовольствие и славу. Несколько честных и суровых радикалов погибли вместе со своими жадными и шумными товарищами; якобинской партии больше не было. Во французской проблеме произошла полная перестановка факторов.

По этой причине сбежавшие законодатели, добравшиеся в ту ночь до Парижа, не нашли почти никакого утешения, рассказывая свою унылую историю. Повсюду царил совершенное спокойствие, то тут, то там проявлялись признаки большого удовлетворения тем, что могло произойти или уже произошло. Великий город занимался своими обычными делами, и когда поздно вечером Фуше опубликовал манифест о том, что Бонапарт в его попытке осудить "контрреволюционные" меры до того, как Пятьсот человек едва избежали

убийства, документ был зачитан на сценах всех театров нетерпеливой публике, которая в каждом случае аплодировала с почти бешеным энтузиазмом. Париж и вся Франция устали от Директории, они жаждали всего нового, власти, порядка, внешней и внутренней политики, которая надежно закрепила бы гражданские свободы, завоеванные Революцией, но поставленные под угрозу насилием, своекорыстием и неспособностью авантюристов, стоявших у руля государства.

ГЛАВА XII [\[13\]](#)

БОНАПАРТ - ПЕРВЫЙ КОНСУЛ

Позиция Бонапарта — Отсутствие энтузиазма — Временное консульство — Меры безопасности — Новая Конституция — Авторитарная исполнительная власть — Плебисцит — Бонапарт, Первый консул — Новые чиновники — Попытки умиротворить Церковь — Настроения во Франции — Восстановлено доверие — Финансовая стабильность.

Когда вечером восемнадцатого Брюмера Бонапарт вернулся в Париж, он был вершителем судеб Франции, ибо великие государственные полномочия, как исполнительные, так и законодательные, находились в руках его самого и его приспешников. Для толпы, возможно, не было большим подвигом разогнать силой законодательный орган, опирающийся на силу, и с помощью армии поменяться ролями с теми самыми якобинцами, которые сами всегда были готовы обратиться к армии. Более того, по их мнению, другая конституция более или менее не имела большого значения: следующая, несомненно, была бы всего лишь перестройкой старых устройств. Революция была в руках ее друзей, и мир должен идти своим путем. Талейран и роялисты понимали, что дневная работа превратила олигархию Директории в своего рода могущественную монархию: временную, как они надеялись, которая позволит им в конечном итоге вернуть бурбонов.

Но Наполеон Бонапарт был, как всегда, мудр для своего поколения и, насколько он понимал себя, знал, что, хотя оба эти понятия иллюзорны, он должен действовать осторожно. Как игрок, он поставил на карту все и выиграл: он намеревался прикарманить ставки. И все же, как мало он выиграл! Крики "предатель" и "вне закона" все еще звучали в его ушах; без сомнения, он представлял себе ужасную альтернативу своему опасному побегу. Несмотря на решимость идти дальше, он, тем не менее, протрезвел. В армии и народе царило временное ликование. Он знал, что среди последних оно скоро угаснет, что и произошло. Уже ходили слухи, что, хотя мадам Дж. Бонапарт испытывала финансовые затруднения, у ее мужа было тридцать миллионов на депозитах в разных банках. Это, конечно, было неправдой, потому что генерал обратился к парижским брокерам за средствами, необходимыми для вознаграждения своих пособников. Безжалостное вымогательство кредиторов породило в нем озлобление против их класса, которое он испытывал до последнего дня своей жизни. Было подсчитано, что этот день обошелся ему в полтора миллиона долларов; каждый человек под его командованием получил новую форму, двенадцать франков наличными и крепкий напиток; остальное было потрачено на награждение его генералов и политических сторонников. Конституционные и умеренные республиканцы чувствовали, что их дело и судьба нации находятся на волоске. Роялисты были единственной фракцией, которая была бы рада, если бы Бонапарт немедленно узурпировал власть. Он и его друзья понимали, что нация, все еще увлеченная Революцией в теории, должна быть возглавлена парадом конституционных мер.

Изуродованные камеры приступили к работе в ту же ночь, когда их собирали заново в Сент-Клауде. Люсьен обратился к ним с речью на знакомую тему римских свобод, напомнив

о государстве, в котором консульские фации были символом свободы. Страна одобрила бы это, и ее враги были бы разоружены, если бы эти знаки отличия снова были выставлены напоказ. Буле де ла Мерт представил временный план: временное консульство в составе Бонапарта, Сийеса и Роже Дюко; перерыв в работе законодательного органа до двадцатого февраля 1800 года; назначение двух комитетов из двадцати пяти человек, по одному от каждого совета, для оказания помощи консулам в предлагаемом обновлении; отстранение от должности пятидесяти семи делегатов, которые вели себя несносно. Чтобы сохранить видимость законности и исторической преемственности, комитет Пятисот должен был предложить принять Древнюю конституцию; новая конституция должна поддерживать единую и неделимую республику, уважать народный суверенитет и обеспечивать представительное правительство с разделением властей, в то время как собственность, свобода и равенство должны быть гарантированы вне всяких сомнений. После официального заявления о том, что Директория прекратила свое существование, каждая из этих мер была должным образом принята обеими палатами по очереди, и консулы были приведены к присяге, пообещав непоколебимую верность народному суверенитету, единой и неделимой Французской республике, свободе и равенству, а также представительному правительству. Приняв решение, которое Бонапарт в тот день вполне заслужил от своей страны, палата закрылась ранним утром. Когда солнце взошло над Парижем и всей Францией, страна нашла своего деспота; судя по всему, он должен был стать благодетельным деспотом. Консулы встретились в тот же день в Люксембургском дворце: имя генерала стояло первым в алфавитном порядке, и по предложению Роже-Дюко он занял пост президента и исполнительную власть на двадцать четыре часа, остальные должны были последовать за ним по очереди. Их первой работой было создание временного министерства: трое старых членов были без обсуждения сохранены: Камбасерес от юстиции, Бурдон от военно-морского флота и Рейнхард от иностранных дел. Дюбуа-Крансе был заменен Бертье в области войны, Робера Линдета - Годеном в области финансов, Кинетта-Лапласом в области внутренних дел. Было много споров по поводу назначения Фуше министром полиции, но по настоятельным представлениям Бонапарта он был назначен повторно. Ходили слухи, что якобинцы намеревались собраться в Тулузе, и Ланну было приказано немедленно принять командование в этом городе. Для общественности было сделано простое и безопасное объявление, обещающее лучшие дни для республики.

Люди и меры сработали хорошо. Казна, совершенно истощенная, медленно пополнялась практикой простой честности; разрозненные вооруженные силы были осторожно собраны и приведены в порядок, но гарнизон Парижа не был увеличен более чем на девять тысяч человек, и демонстрации силы не было. Семья Бонапартов переехала в Люксембург, но ее глава всегда появлялся в гражданской одежде. Он много бывал за границей, посещая ученых, литераторов и финансистов и беседуя с ними. Полностью восстановив душевное равновесие, он делал и говорил добрые вещи, шутил по поводу сцен в Сен-Клу и объяснял печальные слова, которые он произнес. Его высказывания повторялись повсюду, и через несколько дней в его гостиных появились толпы влиятельных посетителей. Вполне можно поверить, что проникательные наблюдатели отметили его внешность и манеры, его впалые щеки, бледное лицо, суровый лоб; его ненасытное, всеобъемлющее любопытство, острые расспросы и тактичные ответы, непреодолимый магнетизм его энергии, его ума и его молодости. Семейные связи не были очевидны; особенно Люсьен держался на заднем плане. Не было никаких пророческих заявлений, никаких хвастливых заявлений, но все глубоко ощущали, что консулы были силой, активной силой, говорившей мало, трудившейся до

изнеможения, и что важные результаты проявятся в свое время. Действительно, улучшения в управлении были очевидны с самого начала.

Трудолюбие Сийеса и Бонапарта действительно не имело себе равных. Возникали трения, но один был необходим другому; они должны были работать вместе, и гибкий Талейран должен был поддерживать мир. "Совершенная" конституция Сийеса предлагала исключительно громоздкий план правления, но в нем содержалось многое из того, что принадлежало самому Бонапарту и, следовательно, соответствовало целям Бонапарта. Соответственно, он был взят за отправную точку. В итоге фактически принятый и обнародованный документ оказался внешне похожим, но внутренне противоположным документу Сийеса. Умело закрывая глаза всем классам на его возможности как инструмента контроля над нацией со стороны центральной власти, его положения были идеально приспособлены для примирения всех фракций, за исключением якобинцев, которые в результате бегства или обращения были фактически уничтожены. Шестьдесят два члена из Пятисот были свергнуты. Остальным, в награду за их позднюю самоуспокоенность, во имя общественного блага было предложено занять должности министров иностранных дел или дипломатических агентов, а в некоторых случаях и представителей правительства в провинциях; их положение делегатов не должно было подвергаться опасности в результате принятия. Целью этого было выдворение большинства старых политиков-республиканцев из Парижа под видом компенсации им за прошлые заслуги. Великая фундаментальная идея Сийеса заключалась в обеспечении формы народного представительства без его содержания — "уверенности, идущей снизу", как он выражался, "власти, идущей сверху". Чтобы обеспечить это, он разработал план, почти идентичный тому, который Бонапарт изложил Талейрану тремя годами ранее. Он был принят для новой конституции. Каждый из пяти миллионов граждан Франции должен был иметь право голоса. Из них каждый десятый должен был быть избран всеобщим голосованием кандидатом в местные органы власти; это составляло "общественный список". Затем эти "знатные люди коммун" должны были выбрать каждого десятого из своего числа в качестве "знати департамента", кандидата на должности в департаменте, составляя таким образом "список департаментов"; а они, в свою очередь, каждого десятого из своего числа в качестве "знати Франции", кандидатов в национальное законодательное собрание и на высшие государственные должности, формируя таким образом "национальный список". Из числа этих последних администрация и сенат, осуществляя полномочия по назначению, должны были выбирать высших должностных лиц государства. Таково было популярное представление Бонапарта "без глаз, ушей и власти".

Законодательный орган также должен был хранить молчание и быть бессильным. Он был разделен на совет, трибунат, законодательную власть и сенат. Первый, выбранный по желанию исполнительной власти, обладал инициативой; на втором три оратора могли обсуждать предложенные меры, но голосование не могло быть проведено; на третьем обсуждения не было, но члены проголосовали; четвертый также был немой, но у него было право вето. Все, кроме сената, должны были заседать за закрытыми дверями, а публичность должна была контролироваться администрацией. У Сийеса был план, согласно которому главный судья, которого следовало бы назвать "великим выборщиком", должен быть выбран сенаторами, поскольку они также выбирали представителей народа из числа избранных кандидатов. Этот титулованный сановник должен был назначить всех гражданских и военных чиновников, а также двух консулов для наблюдения за администрацией. Бонапарт презрительно недоумевал, как человек, "обладающий

некоторым талантом и толикой чести, согласился бы играть роль свиньи, откармливаемой на столько-то миллионов". Он обратился к Дауну за предложениями, но этот пламенный республиканец хотел иметь как сильную исполнительную власть, так и сильное прямое выражение народной воли. Новый самодержец почувствовал, что последнего следует избегать любой ценой, и предложил через одного из своих приближенных назначить исполнительную власть из трех консулов, из которых первый должен был служить в течение десяти лет и быть главой государства. У него должно быть право исполнять законы, и только у него должна быть власть назначать. Поскольку он должен был назначать членов государственного совета, он также должен был иметь право инициировать законодательство. В случае необходимости он может действовать в административном порядке; то есть он может узаконить любое регулирование вообще как административную необходимость. Он может править указом. Этот централизованный двигатель деспотизма был доведен до совершенства системой префектов, созданной по образцу королевских интендантов и призванной стать краеугольным камнем всей структуры. Он был принят и до сих пор преобладает в республиканской Франции. В каждом административном подразделении города или страны местные советы, в соответствии со строгими правилами относительно сферы их деятельности и решений, были вверены в ведение префекта. Этот мелкий диктатор был верным слугой центральной власти, назначаемый или смещаемый ею по своему усмотрению. Через этих людей рука Первого консула была на каждом хуторе, деревушке, городишке. Фактически, даже мэры крупных городов были его назначенцами.

НАПОЛЕОН, РАБОТАЮЩИЙ При СВЕТЕ ЛАМПЫ

По эскизу Энгра, принадлежащему месье Жермену Бапсту.

Эта чудовищная, но чудесная хартия, хотя и была номинально подготовлена ими, не была предложена для обсуждения ни двум комитетам, ни самим советам. В течение недель, потраченных на его разработку, нация была умело подготовлена к его приему. В столице список запрещенных лиц, составленный коварным Фуше в бытность министром полиции, по заведомой неосторожности попал в руки репортеров. Оно содержало мешанину имен, нежных и простых, преступных и невинных, друзей и врагов, и на первый взгляд было абсурдным. Никто не взял бы на себя ответственность, хотя, как говорили, это исходило от полиции преждевременно и нерегулярно. Консулы, особенно Бонапарт, проявляли весьма увлекательную активность, стирая одно имя за другим, пока не осталось ничего важного. В ходе обычной уголовной процедуры несколько известных личностей были удалены со сцены; важные персоны, которым угрожала опасность, с благодарностью подчинились и вступили в ряды доверенных лиц, в частности Журдан. По мере того как поступали новости из департаментов, становилось ясно, что якобинство повсюду потерпело поражение и им можно пренебречь. Немногочисленные гарнизоны и административные чиновники были на стороне нового правительства, жители городов и поселков были полны энтузиазма. Ужасы уходящего режима на время умили неистовство роялистской партии. Действительно, умеренность стала лозунгом. Франция, выражаясь языком того времени, должна была испить воды Леты. Пример был приведен в Париже, и двадцать четыре отборных человека были направлены по одному в каждое военное ведомство, чтобы выставлять напоказ и подчеркивать этот факт, изучать и формировать общественное мнение. В основном это были люди старого режима, которые искренне приняли идею консульства. Они работали добросовестно и успешно. Никто еще не знал положений новой конституции, хотя все одобряли ее положения, какими бы они ни были, потому что они должны быть лучше, чем положения старой. Пятнадцатого декабря 1799 года, через шесть недель после завершения работы над документом, он был представлен непосредственно нации в целом, по предложению национального или всенародного указа - плебисцита. Те, кто тогда еще жил, были поражены всеобщей апатией, ведь было подано всего около трех миллионов голосов. Нам кажется, что весь народ был охвачен эпидемией египетской тьмы. Поскольку каждый избиратель мог лишь присоединиться к предложению о принятии конституции в том виде, в каком оно было предложено, или не согласиться с ним, результатом стало подавляющее одобрение, при этом число голосов "против" составило всего одну тысячу пятьсот шестьдесят семь.

Двадцать второго декабря, еще до того, как стали известны результаты плебисцита, новая хартия была введена в действие. Трудно точно определить состав ассамблеи, собравшейся в Люксембургском дворце, чтобы определить, кто должен быть постоянными консулами. Согласно анекдоту того времени, Сийес начал свое заседание с объяснения опасностей военного деспотизма, если первый консул будет солдатом. Бонапарт выразительно прошептал своим сторонникам, что они должны рассредоточиться по залу и что, когда они увидят, что он берет Сийеса за руку, они должны закричать: "Браво— Бонапарт!" Затем, выйдя вперед в конце выступления Сийеса, он напустил на себя вид великодушного дружелюбия и сказал: "Давайте не будем расходиться во мнениях, мой друг; со своей стороны, я голосую за аббата Сийеса. За кого вы голосуете? Захваченный врасплох, Сийес

пробормотал: "Я голосую за генерала Бонапарта". Тот немедленно протянул руку, и говоривший схватил ее. "Браво, Бонапарт!" — раздалось со всех сторон, и сторонники Сийеса присоединились к этому крику. Таким образом, очевидно, по общему согласию, проницательный интриган, как гласит история, был провозглашен первым консулом. Во всяком случае, Бонапарт взял этот пост в свои руки без вопросов со стороны общественности. Конституционный комитет должен был выбрать двух его коллег. Они назвали Дауну как одного, но Бонапарт бросил бюллетени в огонь. Сийес любезно представил еще два имени — "нужных людей", как он заверил комитет, — Камбасереса и Лебрена. Первый был выдающимся юристом, второй - самым способным финансистом своего времени. Оба были назначены, и оба оказали отличную услугу консульству. Сийес уже был назначен "хранителем" секретных фондов Директории — шестисот тысяч франков, — которые он называл "une poignée для души". Вскоре после этого он принял от Первого консула огромное поместье Крон, а затем был отодвинут в неизвестность в качестве главы сената. Все другие крупные чиновники были назначены почти таким же образом. "Щука пожирает двух других рыб", - сказала мадам Пермон матери первого консула вскоре после этого. - "Щука пожирает двух других рыб".

Когда гарантии так называемого народного согласия были обеспечены, следующим шагом стало принятие и осуществление всеобъемлющей политики примирения. Эмигрантам-роялистам было предложено вернуться при условии, что они примут новую власть и придадут ей изящество своим присутствием и манерами. Аналогичным образом была объявлена амнистия жертвам Фруктидора. Годен, который был опытным финансистом при бурбонах и проявил свой характер в качестве временного министра, был назначен постоянным руководителем казначейства. Умеренный и способный Камбасерес стал министром юстиции, а Форфейт возглавил военно-морской флот. Карно, чья критика Директории в его широко читаемой защите сделала так много для подрыва ее престижа и ускорения ее падения, был отозван и назначен военным министром. Талейран был прощен за дезертирство с базы накануне египетской экспедиции. Как вы помните, было условлено, что, когда флот отправится из Тулона в Александрию, он должен был отправиться в Константинополь, чтобы обмануть султана и предотвратить то самое сопротивление, которое впоследствии оказалось столь катастрофическим. Но в последний момент он отказался. В результате его скандальной попытки вымогательства взятки у американских посланников вскоре после этого он был вынужден уйти в отставку, а затем подал прошение об отставке в ожидании результатов. Никогда не было более бесчестной жадности, чем у него, более распушенной жизни и более тонкого обмана; но в то же время он был самым искусным дипломатом эпохи, посвятившим себя дипломатии как политической силе, и более знакомым с придворными интригами и устремлениями европейских династий, чем кто-либо из его современников, за исключением, возможно, Меттерниха, который стал известен гораздо позже. Поэтому он был незаменим и был вновь назначен министром иностранных дел. Великий Лаплас был временно назначен министром внутренних дел, но его непригодность для этого поста была настолько очевидна, что вскоре его перевели в сенат и уступили место Люсьену Бонапарту.

Но все это было мелочью по сравнению с предполагаемым примирением с Церковью, путь к которому теперь был тщательно подготовлен. Пий VI умер в плену на французской земле и был похоронен без почестей. После совершения соответствующих поминальных церемоний священнослужители были освобождены от запрета, наложенного на них якобинцами. От многих священников, которые не могли принять гражданскую конституцию духовенства,

принятую в 1790 году, не требовалось никакой клятвы в поддержку новой хартии; они могли служить своим приверженцам, не опасаясь преследований; они сразу же возвращались из ссылки или выходили из своих убежищ в большом количестве. Выступая в роли философа, Первый консул заявлял, что видит необходимость Церкви как главной опоры сильного общественного организма и хорошего правительства. Как дальновидный интриган, он ясно чувствовал, что военная мощь была надежной опорой, но что в конце концов также потребуется прочный моральный фундамент в сердцах сотен тысяч людей в Европе, которые благословят человека, который восстановит для них институт, который был видимым знаком их надежд на вечность. Эту желанную привязанность и одобрение Бонапарт с самого начала намеревался обеспечить. Изменился ли сам этот насмешник, почитатель науки, будущий мусульманский пророк? Возможно. Ответственность часто разрушает безразличие.

Было хорошо известно, что эта политика терпимости является временной мерой, за которой должно последовать постоянное урегулирование, удовлетворяющее всех верующих. Более того, поскольку запрет был снят и с изгнанных роялистов, ряд эмигрантов также вернулись: у них и их духовенства вскоре возникла идея, что Бонапарт готовит реставрацию монархии, и они рассмотрят предложения о восстановлении тесного союза церкви и государства, почти идентичности, которая была единственной выдающейся чертой французского абсолютизма. По этой причине мятежный Запад сделал предложение Первому консулу, и эмиссары были пропущены через строй, допущены к аудиенции и им было разрешено изложить свою позицию. Бонапарт проявил внимание. Андинье оказался требовательным и невозможным, Хайд был мягок и неуверен в себе; только позже в Бернье, простом деревенском священнике, он нашел человека по душе, проникательного и интригующего, но разумного и умелого. Вскоре он стал важным посредником в решении сложной проблемы возвращения Западу французского гражданства. До сих пор повстанцы нижней Нормандии и Бретани следовали либо за местной знатью, типичными представителями которой были Андинье и Фротте, либо за крестьянскими реакционерами, такими как Жорж Кадудаль, смелыми, отчаянными, непримиримыми людьми, которые требовали либо войны, либо своего короля. Бонапарт решил игнорировать как высших, так и низших, отчаявшихся людей, которым есть что приобрести и мало что потерять; поэтому он обратился к среднему типу людей, мягких и простых, при посредничестве Эдувиля от имени правительства и Бернье от имени народа. Последний в сопровождении графа Бурмона, наконец, прибыл в Париж, и оба были побеждены, причем Бурмон, как оказалось, погубил Наполеона. Был разработан метод умиротворения, который вскоре был успешно введен в действие, во многом благодаря превосходной ловкости Бернье. Фротте был схвачен и казнен, Кадудаль бежал в Англию. Роялистская агитация на Западе на какое-то время прекратилась: усилия партии в Провансе, хотя и были тщательно изучены и широко применялись, оказались безрезультатными, и внутренние реформы администрации были там, как и во всей Франции, эффективно осуществлены. Политика терпимости и умеренности покорила тысячи и низвела угрюмое меньшинство до бездеятельности.

Переворот в Брюмере уникален в истории Франции. Когда он завершился, в народе не осталось и следа страха или недоверия. Радикальная сторона революции перестала существовать. Ее идеалы гражданской свободы были воплощены в Бонапарте, национальный дух укрепился, а надежды возросли. Таковы были свидетельства всех самых незаинтересованных наблюдателей. Бринкманн, швед с большими способностями, написал восемнадцатого ноября, что ни один законный монарх никогда не находил после своего

восшествия на престол более покорного народа, чем нашел Бонапарт. "Это буквально правда, - говорится в его письме. - Франция сделает невозможное, чтобы помочь ему. За исключением презренной орды анархистов, люди так устали, им так претят революционные ужасы и безумия, что они уверены, что любые перемены будут к лучшему. Каждый класс общества высмеивает героизм демагогов, и со всех сторон раздаются призывы к их изгнанию, а не к реализации их идеальных видений. Даже роялисты всех мастей искренне преданы Бонапарту, ибо они приписывают ему намерение постепенно восстановить старый порядок. Равнодушные привязаны к нему как к человеку, лучше всего способному принести мир Франции; а просвещенные республиканцы, хотя и трепещут за свои институты, предпочитают видеть, как единый талантливый человек, а не клуб интриганов, захватывает и удерживает государственную власть".

Ни одно из мер Бонапарта не было более искусным, чем финансовая политика, с помощью которой он завоевал преданность капиталистов. Если страна была истощена старым режимом, то к чему привело безрассудство якобинцев? Банкротство, беспорядок и абсолютное недоверие — хаос, ненадолго воцарившийся во всех финансовых ведомствах. Новый порядок восстановил общественное доверие до такой степени, что возрождение кредитования казалось чудом. После событий в Брюмере эти пять процентов упали до полутора процентов. от их номинальной стоимости они немедленно выросли до двенадцати процентов; и при окончательном удовлетворительном выполнении того, что, казалось, предвещал этот день, они выросли до семнадцати. Позорные законы о принудительных займах, принятые при Директории, исчезли вместе с сопутствующим им Законом о заложниках. Мгновенно в систему прямого налогообложения был внесен порядок, а в сбор налогов - регулярность. Таинственные антиякобинские меры, обнародованные в качестве предупреждения, а затем модифицированные таким образом, чтобы парализовать и изгнать никчемных расточителей Директории, в то же время отрезвляя и удерживая для общественного использования способных и здравомыслящих людей вроде Журдана, сработали как заклинание; они были уведомлением о том, что неправильностям всех провидцев, какими бы они ни были, положен конец, и что расточительство способностей, а также денег должно смениться здоровой экономией. Вместо мер временного облегчения новая конституция навсегда заменила финансовую систему дальновидного регулирования, которая полностью возродила всеобщее доверие, а вместе с ним и государственный кредит, восстановив тем самым производственный потенциал страны. Банк Франции, организованный в январе 1800 года, установил норму для учетных ставок, предоставил стране надежную валюту и стал видимым признаком новой эры.

ГЛАВА XIII

БОНАПАРТ ОЛИЦЕТВОРИТ РЕВОЛЮЦИЮ [\[14\]](#)

Конец революции — Альтернативы — Слава Франции — Бонапарт как идеалист — Перестройка армии — Россия и Великие державы — Слабость коалиции — Политика Англии — Дебаты в парламенте — Влияние Каннинга — Австрийские планы — Французское мнение и пресса — Консолидация французской власти — Бонапарт в Тюильри — Вашингтонский фестиваль.

Никто лучше Бонапарта не понимал связи в государстве между внешними и внутренними делами. Вторая коалиция, насколько это касалось России, Австрии, Англии и Турции, действительно была очень слабо укреплена. Они были едины в своей решимости подчинить революционную Францию, но помимо этого у них не было общих интересов. Их ревность к контролю над Средиземноморьем была такова, что сильное правительство в Париже могло надеяться посеять между ними раздор. Поэтому, когда пятнадцатого декабря 1799 года временное консульство подошло к концу и новая конституция, известная во французской истории как конституция от двадцать второго Фримэра VIII года, вступила в силу, правительство вступило в жизнь, что было наиболее важно для интересов Франции, не как пустой план, а как полноценный организм, где все должности заполнены, механизм действительно приведен в движение, а администрация готова к взаимодействию с другими правительствами Европы. Слова прокламации Бонапарта были такими: "Граждане, революция основана на принципах, из которых она исходила. Она закончилась". Что касается внутренней жизни Франции, то более правдивых слов нельзя было бы написать. Под его знаменами никогда не было ни истинной свободы, ни истинного братства; уравнение было более успешным, и равенство в вопросе гражданских прав можно было считать завоеванным. То, что осталось от этих принципов, как показали события, было воплощено для самой Франции в Первом консуле и его благотворительных мерах. Для всей Европы это воплощение Революции в новом монархе вскоре стало столь же очевидным. Франция приняла его. Допустят ли выжившие династии его, как представителя французской национальности, к месту на своем Олимпе? Ничто, кроме настоятельной необходимости, не заставило бы их сделать это, да и то только на данный момент.

1799—1800

Таким образом, перед новой властью были открыты два пути: во-первых, добиться согласия, каким бы неприятным оно ни было, консолидировав Францию как нацию и однородный народ, какими сделала ее Революция, увеличив ее процветание, развив ее гений, показав миру пример того, какими могут быть жители мирного, просвещенного, трудолюбивого государства в отличие от закоренелого, невосприимчивого и угрюмого населения, которое все еще оставалось пассивным при династическом правлении; или, во-вторых, восстановить экспансивный антинациональный характер революции и, используя великолепную военную систему, созданную в ту эпоху как разрушительная сила, чтобы угрожать династиям в самом их существовании и, таким образом, сделать их сначала уважительными нейтралами, а затем послушными инструментами как в их собственном восстановлении, так и в освобождении их подданных. Казалось, в этой чрезвычайной ситуации у Первого консула были две альтернативы. Выбирая ни то, ни другое на постоянной основе, а одно или другое по желанию, поскольку каждый возникающий вопрос делал это целесообразным, результатом стало вмешательство, которое выдвинуло на первый план сначала ту, а затем другую политику, сделало обе частично успешными, но не полностью, и закончилось крахом интригана.

Ответственность лежала не на нем: он вел себя так под давлением национального духа. Революционные тирании, одна за другой, переняли внешнюю политику Ришелье и Людовика XIV. Ничто не могло быть более определенным, ничто так не укоренилось, как основа французского существования. Сама Франция должна иметь границы древней Галлии, а Средиземное море должно быть французским озером. С этой целью династии должны быть возмещены убытки: Испания могла бы получить Португалию, Пруссия - гегемонию в

Северной Германии, Австрия могла бы расшириться в Баварии и Италии. В качестве оплота обороны сухопутная граница должна быть окружена небольшими буферными государствами, полуавтономными, но зависимыми: Батавией, Гельвецией, Цизальпиной. Еще более важная морская граница должна была быть укреплена путем полного исключения Великобритании из Континента; Италия должна была быть преобразована, с оккупацией и подчинением Пьемонта и Тосканы, а церковные государства распределены между светскими державами, главенствующими из которых должны были стать римская и Неаполитанская республики. Это была грандиозная задача, но идеалы не имеют физических границ. Слава - это окружающий дух Франции эфир. Покой, порядок, материальное процветание, домашняя жизнь, религия — все это должно быть незыблемой основой существования, но жизнь - это триумф, великолепие, власть. Таким образом, Бонапарт стал изучать иностранные дела не как наследник и воплощение Революции, а как воплощение Франции и ее извечной политики. С перспективой мира должна быть связана перспектива войны: войны за границы, наследие галлов; за распространение французской мысли и влияния; за вторжение в непримиримые земли. Объемные и тщательные исследования иностранных дел, которые по его приказу провели способные советники, все еще существуют, чтобы показать его кропотливое рвение в увековечении освященной веками и священной политики, которой ни один человек, стремящийся завоевать сердце французов, не осмеливался пренебречь или позволить предаться забвению.

Воспользовавшись временным отречением людей от всякой власти и кратковременным отказом от любой деятельности, даже представляющей интерес, бессознательный идеалист начал свою работу. Никогда еще человек не был более практичным в своих собственных глазах или, с его собственной точки зрения, более конкретным и прямолинейным в своих мотивах или поведении. Пользуясь любой представившейся возможностью, он принадлежал к тому типу людей, которых сегодня во Франции называют оппортунистами. Но, несмотря на все это, ни малейшим элементом его божественного величия не был вездесущий идеализм. Принимая во внимание его происхождение и раннее воспитание, легко понять, что если бы, как впервые предположила мадам де Сталь, природа передала это качество в его роду от какого-нибудь далекого итальянца раннего Возрождения, оно развилось бы под влиянием Руссо и Рейналя. Откуда бы это ни пришло, это не последняя из причин более позднего политического возрождения, которое привело к созданию нового современного общества, завершению процесса, начавшегося с английской революции. Только это качество делает Наполеона элементом первостепенной важности во всемирной истории. Другие черты делают его таковым в эпоху, ныне называемую его именем.

Его первая мысль была об армии. Вполне вероятно, что участие Моро в последнем политическом ударе — факт, которому на начальных этапах он был обязан своим успехом, — было вызвано личными амбициями; он, вероятно, думал, что, когда Бонапарт однажды станет гражданским лицом, его единственный военный соперник будет устранен. Соответственно, когда был опубликован план предстоящей кампании, выяснилось, что Моро должен был командовать крупными силами в Центральной Европе, состоящими из набранных армий Рейна и Гельвеции, которые будут называться по имени первых. Массена, чьи блестящие победы в Швейцарии рассеяли уныние, вызванное бедствиями предыдущего года в Италии, должен был получить верховное командование силами, которые все еще должны были называться Итальянской армией — именем, ставшим столь славным при Лоди, Арколе, Кастильоне и Риволи. Действительно, казалось, что Первый консул сам отказался от всех амбиций солдата, чтобы полностью стать государственным деятелем.

Властный и ревнивый, но предусмотрительный Моро должен был в полной мере использовать свои полномочия, блестящий Массена должен был увенчаться лаврами своего старого командира. Но существовала резервная армия, о которой не говорили и не выставляли напоказ, которая была тихо, безмолвно и ненавязчиво сформирована под умелой рукой Бертье из новобранцев, умело смешанных с отборными ветеранами. Подразделения были собраны в разных местах, по-видимому, без единства, и, таким образом, были обучены и организованы без наблюдения. В то время как большая его часть находилась в пределах французских границ, готовая к немедленной мобилизации, и со штаб-квартирой якобы в Дижоне, часть была отправлена под номинальным командованием преданного адъютанта в Женеву, чтобы поддержать честь Франции в Швейцарии.

Однако французский народ желал не войны, а мира. Список компетентных и достойных восхищения администраторов, выбранных правительством, был достаточным доказательством того, что государственные дела должны решаться тщательно. Восстановление армии показало, что мир должен быть заключен с честью. Следующим шагом было вести себя так, чтобы Франция подумала, что ее новый главный судья стремится ко всеобщему умиротворению. С момента возвращения Бонапарта из Египта произошло стечение обстоятельств, указывавших на легкое решение этой проблемы. Российский царь был очень недоволен Георгом III из-за того, что русские солдаты, участвовавшие в капитуляции Алкмара, были прохладно приняты при транспортировке в Англию, а затем фактически заключены в тюрьму на острове Гернси. Когда вскоре после этого англичане осадили Мальту, великим магистром которой он мечтал стать, он был готов обвинить Великобританию в предательстве. Но еще больше он был зол на Австрию. Как уже говорилось, часть его армии под командованием Корсакова была разбита Массеной при Цюрихе двадцать пятого сентября 1799 года. Суворов с другим крылом в то время полностью владел Пьемонтом; и в соответствии с инструкциями своего хозяина он пригласил беглого Карла Эммануила IV вернуться с Сардинии и вновь обосноваться в Турине.

Австрийский эрцгерцог Карл отступил после поражения при Массене в первой битве при Цюрихе в июне 1799 года, чтобы принять командование в центральной Германии. Франциск, будучи полон решимости сохранить всю северную Италию за собой и, следовательно, предотвратить восстановление савойского дома на материке, специально приказал Суворову помочь своим соотечественникам к северу от Альп. Русский генерал не нашел ничего подготовленного для своего перехода по Сен-Готарду; напротив, ему на каждом шагу так мешало отсутствие мулов для его обоза и так беспокоили атаки французов, что его экспедиция превратилась в сплошную катастрофу. Он приписывал свои несчастья австрийскому безразличию или чему похуже. Гонимые из долины в долину, через ледяные вершины и бесплодные перевалы, его войска гибли в огромном количестве, и их паника была полной, когда они слышали об ужасном поражении Корсакова. Прежде чем удалось соединиться с остатками этой армии, Массена развернулся и атаковал самого Суворова, вынудив его бежать на восток, насколько это было возможно, пока он не достиг границ Баварии. Это привело в ярость царя; он потребовал, чтобы итальянские князья были восстановлены в своих правительствах и чтобы Тугут был отправлен в отставку в качестве гарантии добросовестности. Наконец он услышал, что, когда Анкона пала под объединенными атаками австрийцев, русских и турок, его собственный штандарт был спущен, и только австрийский остался развеваться. Для мрачного энтузиаста, считавшего себя зеркалом рыцарства и великодушия, это было величайшим оскорблением, и в декабре

1799 года он решил выйти из коалиции. Это была возможность для Бонапарта, и он сразу же начал оказывать Павлу самые лестные знаки внимания, которые сделали царя на всю оставшуюся его короткую жизнь страстным поклонником планов и личности Первого консула. Таким образом, Англия и Австрия были единственными грозными противниками, оставшимися в коалиции против Франции.

С показной простотой Бонапарт написал и Георгу III, и Франциску II, как мужчина мужчине, объявляя о своем приходе к власти и умоляя в интересах торговли, национального благосостояния и семейного счастья прекратить военные действия после восьми лет войны. Французский народ, который смотрел на Первого консула как на правителя, созданного им самими, был восхищен этой простой прямоотой и польщен мыслью о том, что их представитель обращается на равных с монархами Европы по божественному праву. Питт ошибочно полагал, что Бонапарт все еще олицетворяет якобинство, и пребывал в заблуждении, что Франция полностью истощена. Английская армия была готова и собиралась высадиться на западном побережье Франции. Клебер в Египте, до сих пор державшийся великолепно, был готов уступить безжалостной судьбе и принять унижительные условия эвакуации из страны. Если бы пламя гражданской войны, которая снова бушевала во Франции, было раздуто еще больше, и контроль над Левантом оказался в руках Англии, великий английский премьер смог бы за несколько месяцев выдвинуть условия, гораздо более выгодные, чем те, на которые он мог надеяться в данный момент. Поэтому лорд Гренвилл написал резкое письмо Талейрану, отказываясь от переговоров с правительством, стабильность которого не была гарантирована, и в слабой, неполитичной форме предлагая, что, хотя французы имеют право выбирать свое собственное правительство, возвращение бурбонов было бы лучшей гарантией постоянной и устоявшейся администрации. Этот пункт предоставил возможность Бонапарту дать умный ответ, осудив Англию как виновницу войны, которая бушевала весь 1799 год и вот-вот должна была возобновиться, и напомнив королю, что он сам правил с согласия своего народа.

Дебаты, которые последовали в парламенте, были весьма поучительными, потому что первый консул был полностью прав. Великобритания была главной движущей силой коалиции. Лондонские остряки публично заявили, что Англия потратила половину своего национального долга на уничтожение бурбонов, а другую половину - на восстановление их власти. Это была ключевая нота либеральной оппозиции. Лорд Холланд был готов поручиться за искренность Бонапарта, но лорды посмеялись над ним. В Палате общин Уайтбрид обвинил эксцессы Французской революции в неоправданном вмешательстве других держав; Англия обязана была ради самой себя заключить мир, когда могла, даже с узурпатором. Эрскин не видел в курсе Англии ничего, кроме слепого упрямства, которое обрушило на нацию долги и бедствия. "Что бы вы сказали, - спросил Тирни, - если бы победоносный Бонапарт отказался вести переговоры иначе, как со Стюартами?" Но настрой парламента и народа был за продолжение войны. Гренвилл в верхней палате заявил, что Бонапарт был всего лишь новым выразителем революционного зла Директории. Он заключал договоры или перемирия с Сардинией, Тосканой, Моденой и второстепенными итальянскими государствами только для того, чтобы нарушить их; он презирал нейтралитет Пармы; он втянул Венецию в войну на ее погибель; он растоптал Геную; и он уничтожил свободу Швейцарии, произнося ложные обещания мира и дружбы. Слушатели поддерживали его подавляющим большинством голосов.

В нижней палате Каннинг осудил Первого консула как узурпатора, который, подобно призраку, носил на голове нечто, напоминающее корону. Питт достиг расцвета своей величественной власти в одной из величайших речей своей жизни. Следует отбросить второстепенные политические соображения. Бонапарт был разрушителем Европы. Единственным убежищем от бедствий, которыми он собирался затопить народы, была Англия. Он сам неохотно согласился на переговоры в Лилле; именно Фруктидор прервал их, и именно Бонапарт был автором Фруктидора. Его можно было бы упрекнуть в том, что он желал восстановления древней монархии во Франции, но истощенная и доведенная до отчаяния страна не могла найти длительного отдыха, необходимого для восстановления сил, кроме как при бурбонах. Успех его просьбы был даже большим, чем у Гренвилла. Таким образом, апеллируя к старому отвращению к революционным излишества, которое так глубоко укоренилось в английских массах, и ловко намекая, что именно за это выступал Бонапарт, - факт, который, казалось, подтверждался его карьерой, — министерство получило новую жизнь, и люди поверили, что через несколько месяцев Франция в полном изнеможении падет перед коалицией.

Личное письмо Бонапарта императору оказалось, как автор, несомненно, и предвидел, столь же безуспешным. Австрия, благодаря своим двойным отношениям с Россией в последней кампании, теперь оккупировала Ломбардию, Пьемонт и Папскую область; она намеревалась сохранить их и умеренно, но твердо отказалась вести переговоры на предложенной основе, которой было Кампо Формио.

Среди других неудачных капитуляций, на которые Франция при Директории пошла ради спокойствия и безопасности, была капитуляция свободы прессы. Консульский указ от семнадцатого января 1800 года еще больше подчеркнул эту недемократическую политику и запретил все политические журналы, кроме тринадцати. Номинально эта мера применялась только во время войны. В качестве его оправдания приводилась ссылка на необходимость. Серьезные проступки, которые свободная и предприимчивая пресса всегда совершала и, несомненно, совершит во время военных действий, неизменно вызывают гневные осуждения военных писателей. Нельзя было ожидать, что "правитель со шпорами и в сапогах", о котором Наполеон говорил на острове Святой Елены, будет действовать иначе, чем он действовал. К сожалению, единственные газеты, которые продолжали публиковаться, сразу же превратились в простые административные органы. Поэтому, когда с помощью искусной демонстрации фактов ход переговоров как в Англии, так и в Австрии был представлен общественности, население Парижа и провинций легко воспылало воинственным пылом. Умные и остроумные пасквилады, оскорбительные и язвительные абзацы, которыми пестрели все газеты, начиная с "Монитор" и ниже, усиливали возбуждение. Французскому воображению понравилось зачитывать предполагаемый вызов Георгу, приглашая его, как новообращенного к легитимности, отречься от престола в пользу оставшегося в живых наследника Стюартов. Забыв о недавнем прошлом, нация была готова любой ценой сохранить честь Франции в борьбе со своим озлобленным и закоренелым врагом. Французы были уверены, что обильные потоки английского золота больше не смогут субсидировать континентальные державы, поскольку по-настоящему истощилась Великобритания, а не Франция.

Ведомый человеком, чей гений, как считалось, был столь же плодотворен в политических, административных и финансовых приемах, сколь и в военных действиях, с замечательным государственным механизмом и всеобщим доверием к своему правителю, французский

народ становился все более уверенным в том, что он может сейчас и окончательно победить в борьбе с Англией за господство. Это мнение еще больше укрепилось, потому что застарелая злоба гражданского конфликта на западе снова была утихомирена, по крайней мере временно, а возможно, и навсегда. Опустошитель Египта и Сирии все еще протягивал одной рукой самые мягкие предложения примирения недовольным общинам этого района, другой он демонстрировал свой мощный меч, в то время как в своих прокламациях он угрожал мерами столь же суровыми, как те, которые он применял против мятежных бедуинов. Этот курс возымел желаемый эффект и, приведя французских повстанцев к согласию, казалось, мог приучить их к покорности. Таким образом, армия Запада могла быть сокращена численно; и поскольку в то же самое время Батавская республика была охвачена пылом восторженной лояльности, то же самое могла сделать и армия Голландии. Таким образом, более тридцати тысяч отличных солдат были освобождены для использования в других местах.

Одновременно с этими событиями была проведена тщательнейшая подготовка к шагу, который мог бы сделать честь Бонапарту, если бы был предпринят должным образом, но мог легко нанести ущерб полному успеху его планов. Согласно новой конституции, каждому департаменту правительства было присвоено определенное место жительства. Резиденцией консулов должен был стать Тюильри. Как мог абсолютный диктатор разместить свои пенаты в некогда доме абсолютной королевской семьи, не вызывая всеобщего недоверия? Первым шагом было переименование здания в "дворец правительства", следующим - освящение его во славу. Издалека и вблизи собирались статуи великих, чтобы украсить его залы. Их выбор привел в значительное замешательство генералов и государственных деятелей всех времен и народов. Александр, Цезарь, Фридрих; Катон, Цицерон, Брут; Мирабо, Марсо и Жубер; и многие другие, менее известные, были изображены в виде фигур. Но превыше всего был поставлен образ Вашингтона, весть о смерти которого только что достигла Европы. Его пример должен был стать настоящим источником вдохновения для нового правителя. Чтобы как пробудить воображение людей, так и убедить их в разумности происходящего, в армии был объявлен траур по великому американцу и в его честь был учрежден праздник. Возвеличить человека, которого все считали типичным и идеальным республиканцем того времени, было на удивление эффективной идеей, поскольку она полностью соответствовала утвержденным традициям Революции.

Празднование было назначено на девятое февраля 1800 года и прошло с большим успехом. Уже было решено пробудить общественный энтузиазм, организовав грандиозные военные церемонии, когда захваченные штандарты из Абукира были наконец доставлены в Госпиталь инвалидов. Они и вашингтонский фестиваль были переплетены с непревзойденным искусством: в то время как о победах Первого консула вспоминали во время внушительного парада, простые и впечатляющие слова талантливого оратора месье де Фонтанеса напомнили нации, что бессмертный Вашингтон проявил в качестве полководца больше силы, чем блеска, и пробудил мало энтузиазма, но большую уверенность; что он был одним из людей, вдохновленных правлением, которые время от времени появляются в мире; что он не был ни партизаном, ни демагогом; и что, когда однажды был подписан мир, он сложил оружие, чтобы стать мудрейшим из конструктивных деятелей. законодатели. "Да, Вашингтон! твои советы будут услышаны — ты, воин, законодатель, администратор! Тот, кто в юности превзошел тебя в битве, подобно тебе, закроет раны своей страны руками победителей". Менее сообразительные умы, чем у парижан, разгадали бы мораль обращения даже без произнесения речи. Когда на

следующий день официальный журнал опубликовал восторженные слова и описал блестящую церемонию, грядущий монарх уже жил под крышей бурбонов. Поскольку Бонапарт сделал освобождение Лафайета непременным условием договора, ратифицированного в Кампо Формио, можно было ожидать, что это имя, столь долго употреблявшееся в других местах в естественном сочетании, в таком случае будет упомянуто в связи с именем Вашингтона; но почести того дня должны были быть разделены с мертвым иностранцем, а не с живым французом.

ГЛАВА XIV [\[15\]](#)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ДЕСПОТИЗМ

Политика Первого консула — Его семья — Новые чиновники — Государственный совет — Вездесущность Бонапарта — Иностранные дела — Франция и Россия — Ошибка Пруссии — Невозможный мир — Планы Бонапарта — Его цели — Характер Великобритании — Обращение Бонапарта к армии — Военная ситуация.

1800

Создатели бумажной конституции не могут предвидеть каждую деталь в реализации ее положений; и вопреки ожиданиям, по крайней мере, Сийеса, форма, которую новое правительство приняло с самого начала, была в значительной степени личной. Консульство и министерство были полностью такими, их члены отбирались с обостренным деловым чутьем, как у крупного промышленного или коммерческого мастера, за личный характер, честность, способности и преданность. "Какой революционер, - сказал Наполеон своему брату Жозефу, - не был бы уверен в порядке вещей, когда министром является Фуше? Какой джентльмен не ожидал бы, что существование станет возможным при бывшем епископе Отенского? Один держит меня слева, другой - справа. Я открываю широкий путь, по которому могут идти все ". До сих пор это было правдой, но такая приятная дискриминация не могла быть применена при заполнении сотен второстепенных должностей. Франция не уступает ни одной стране в стремлении своего народа занять руководящие посты, и среди тысяч алчных претендентов было нелегко сделать выбор. При отборе мелких чиновников было допущено много ошибок, и разочарованные образовали большой класс озлобленных недовольных с самого начала создания консульской системы. Нужно было заполнить сенат, законодательный орган, государственный совет, трибунат, всю судебную администрацию. Было件нятно, что официальное вознаграждение не будет скупым. Когда это было окончательно установлено, жалованье сенатора составляло двадцать пять тысяч франков, трибуна - пятнадцать тысяч, законодателя - десять тысяч. В качестве показателя относительной важности интересно отметить, что первый консул получал пятьсот тысяч в год, а каждый из его коллег - по сто пятьдесят тысяч.

Париж и Франция так быстро и основательно усвоили концепцию монархии в консульстве, что полномочия и состояние Первого консула едва ли рассматривались в сравнении с полномочиями двух других, которые, будучи далеки от равенства, едва ли были коадьютантами. То, что нация чувствовала и принимала, но о чем едва ли говорили

шепотом, семья Бонапартов обсуждала с бесстыдной жадностью. Как бы далеко Наполеон ни отошел в других отношениях от примитивных институтов корсиканского варварства, в одном он никогда так далеко не отступал: в чувстве клановости. Его братья и сестры были равнодушными мужчинами и женщинами, но они были недисциплинированы в речах и поведении: их естественные аппетиты никогда не скрывались, а языки были обузданы. Наполеон признавал братские узы в племенном смысле; каждого из них он желал щедро обеспечить деньгами и почестями и ожидал ответной привязанности и верности. За его спиной они обсуждали его смерть и наследование престола, сколачивали группы сторонников, боролись за влияние и власть. Об этом не мог не знать их брат, и опасность их неправильного поведения всегда присутствовала в нем. Но он не мог заставить себя остановить их. В этот момент, когда их деятельность была наиболее пагубной, он хотел, чтобы Люсьен был главным политиком, Жозеф - главным переговорщиком, Луи - генералом, а Жером - адмиралом. Их отношения с официальной Францией могут принести пользу или испортить судьбу не только их брата, но и их самих.

Новые чиновники были отобраны из всех слоев общества, из всех оттенков мнений. Намерение состояло в том, чтобы их не связывало ничего, кроме общих интересов в новом порядке. Сенат стал высшим местом для преуспевающих стариков, людей, чьи дни прошли. На его скамейках были найдены Монж, Бертолле, Волни и им подобные. Безмолвный законодательный орган был заполнен большинством тех, чьи пылкие и необразованные амбиции были легко подавлены сроком пребывания в должности, и они нашли достаточную отдушину в безгласном голосовании. Трибунами, "законодательными евнухами", как их называли, были такие люди, как Дауну, Бенджамин Констант и Дж. Б. Сэй — избранные среди способных и интеллигентных людей того времени. Их обязанностью было обсуждать природу и полезность всех законопроектов с инициаторами, государственным советом; и ожидалось, что пламенная логика и беспощадная критика, которые они, несомненно, применяют, не причинят вреда скамьям, на которых сидели их оппоненты. Если бы свобода дебатов и свобода слова стали слишком опасными даже в такой отдаленности от действий, излишний институт можно было бы подавить без каких-либо сбоев в государственном механизме. Возможно, намек на это был в том факте, что "трибуны" нашли приют в Пале-Рояле, в то время притоне проституток и прибежище огромного игорного ада, которых было так много. До конца своих дней трибунал был единственным убежищем свободы в соответствии с конституцией VIII года. Предполагалось, как только что было сказано, что бессилие трибунов будет компенсировано независимостью государственного совета.

Таким образом, в этом последнем органе были собраны три важных класса: искренние бонапартисты, такие как Редерер, Рено де Сен-Жан-д'Анжели и Буле де ла Мерт; умные специалисты, такие как Гантом, Шапталь и Фуркруа, которые были вполне готовы служить Первому консулу; и ряд прозелитов из числа роялистов и других фракций. По большей части это были люди с большими способностями, и на какое-то время они обнаружили в Первом консуле бескорыстие в служении Франции, которое сделало их его преданными слугами. Личность совета принадлежала Бонапарту, и какой бы независимостью он ни обладал, она принадлежала ему. Апелляционный суд был должным образом организован сенатом, который имел это право как страж конституции. Судьи и советники верховного суда, краеугольного камня судебной системы, были назначены одним и тем же органом. Другие суды также были умело укомплектованы чиновниками, которые, хотя и не были подобострастными, были стойкими сторонниками нового правительства.

До того времени, когда кампания могла начаться весной 1800 года, все эти этапы должны были проходить гладко и фактически проходили; но они проводились благодаря вдохновению и активности одного человека. Государственный совет был его высшим "я", сенат - его инструментом управления; законодательный орган был настолько же молчалив, насколько трибунал шумлив, — ни то, ни другое не было серьезным препятствием для его планов. Принималось законодательство величайшей важности; все это было разработано в целях централизации и подробно изучено Первым консулом. Управление шло почти без каких-либо трений; но это происходило потому, что Бонапарт не спускал глаз с каждого отдельного ведомства и тщательно контролировал его работу. По специальной договоренности международные отношения рассматривались и улаживались в ходе тайных консультаций главой государства и Талейраном; но последний не осмеливался притворяться, что в распутывании нитей столь запутанной паутины или в их искусном перестановке инициатива принадлежала ему. Карно, на своей старой работе, с неизменным прежним гением, почти не нуждался в поощрении; но даже в его ведомстве каждый корпус, каждый батальон, каждый полк, каждая рота всех родов войск — кавалерия, пехота и артиллерия всех классов, новобранцы, солдаты резерва и ополчение, — все без исключения были известны Первому консулу. Какими бы невероятными и преувеличенными ни казались подобные утверждения, свидетельства их истинности настолько многочисленны и безукоризненны, что читателю кажется, будто в этот кризис в Европе появилось существо, не являющееся ни человеком, ни демоном, ни небожителем, но человек со сверхчеловеческой выносливостью, проницательностью и трудом, ангел без совершенства, демон без злонамеренности. Ибо, в целом, деятельность Бонапарта, хотя и изобиловала опасными уловками и, как убедительно показало будущее, была вдохновлена своекорыстием, была благотворной, конструктивной и постоянной не только для Франции, но и для Европы и всего мира.

В первые месяцы 1800 года ситуация на Континенте была еще более странной, чем обычно. В 1799 году Директория в качестве финансовой меры объединила Бельгию с Францией, и ее провинции, как и все другие части страны, платили высокие налоги. Это не могло быть изменено; и в отношении небольших государств, все еще номинально независимых, но фактически находящихся под контролем Франции, старая политика Директории также не могла быть немедленно отброшена. Массена только что произвел принудительный сбор в Швейцарии. Генуя была обложена новой контрибуцией в размере двух миллионов франков и ей угрожали принудительным сбором. Было решено, что Голландия заплатит сорок миллионов франков за восстановление Флашинга; Амстердаму предложили одолжить еще десять, но он отказался. Гамбург был тайно предоставлен Пруссии в качестве цены за союз с Францией. Публично монархию Гогенцоллернов хвалили за ее отказ выдать коалиции некоторых важных политических беженцев, и ей предлагали дружбу Франции ценой от четырех до шести миллионов франков. Было решено, что Португалии, которая, будучи истощенной длительным союзом с Англией, теперь искренне желала мира, Талейран должен неофициально сообщить, что ее можно купить контрибуцией в размере от восьми до десяти миллионов долларов для армии Италии. Российский император Павел I, и без того разгневанный на Австрию, подтвердил свою дружбу с Францией многими актами вежливости. Русские военнопленные получили новую одежду и были освобождены; Первый консул, признавая донкихотский интерес царя к мальтийским рыцарям, прислал ему меч Валлетты, захваченный при захвате острова. Вскоре между Францией и Россией был подписан мирный договор.

Это, конечно, эффективно сдержало Турцию, и вскоре после этого Павел назначил компетентных экспертов для рассмотрения деталей совместной франко-русской экспедиции по сухопутному вторжению в Индию и раздела Азии между двумя державами. План был разработан агентом Директории по имени Гуттин, который после пребывания в России смело предположил, что, поскольку современные идеи никогда не смогут даже коснуться России, и поскольку международная пропаганда космополитического республиканизма должна прекратиться на ее границах, остается только один путь: искать союза с ней. Бонапарт внимательно изучил длинный и убедительный отчет, начал свои приготовления к реализации политики в далеком будущем, помнил об этом в Тильзите и, потерпев крах в своей надежде сохранить за Россией статус восточной державы, столкнулся с первым серьезным испытанием в кампании по принуждению ее. Экспедиция, запланированная им с Полем как боковой удар по Великобритании, в деталях охватывала как Индию, так и Персию. В случае успеха даже островное королевство может однажды оказаться укрощенной и обученной единицей в федерации западной и центральной Европы под властью нового западного императора, делящего мир с тем, кто называл себя восточным; наследником и преемницей тех римлян, которые правили из Византии.

Центр тяжести на Континенте оставался в Пруссии. Как страна Фридриха и соперница Австрии, она считала себя представителем либеральной стороны немецкой жизни. На самом деле, в Берлине была сильная французская партия, которая считала, что республика вела борьбу за Пруссию, ослабляя австрийский дом. Но Фридрих Вильгельм III, молодой король, был робок, осторожен и полон чувства собственного достоинства. Он был одержим благовидной идеей, которую также лелеял его премьер-министр, о том, что твердый нейтралитет восстановит силы его страны и народа, в то время как междоусобная война истощает остальную Европу. На этом основании он до сих пор оставался непоколебимым; и хотя симпатии его дома всегда были, в основном, на стороне абсолютизма, он отказался от союза с абсолютистской коалицией и упрямо выбирал между двумя альтернативами. И он не дрогнул, пока не подорвал свой собственный престиж. Сама страна была бы принесена в жертву, если бы не национальное восстание, которое несколько лет спустя вынудило его занять решительную позицию. Директория стремилась сделать Пруссию частью французской системы в Европе и в конце концов послала Сийеса привлечь ее в качестве союзника. Но посланник потратил больше энергии на интриги против своих нанимателей и на разработку планов для монархической системы, которая должна была заменить их во Франции, чем на свою надлежащую работу, и преуспел только в утверждении короля Пруссии в его политике. Бонапарт послал двух представителей, Дюрока и Берновилля, возобновить переговоры и заручиться активной помощью Пруссии. Они были приняты с большой добротой, и надежды последнего посланника возросли, но только для того, чтобы разбиться вдребезги. В частном порядке король уведомил Сандоса, своего министра в Париже, что, если Франция потерпит поражение в неизбежном надвигающемся конфликте, Пруссия вернет себе свои территории на левом берегу Рейна и объявит войну, чтобы обезопасить их. Договоры, в которых она от них отказалась, в данном случае были макулатурой; но до тех пор, пока исход дела не будет решен, она не пошевелит ни рукой, ни ногой.

Поскольку Пруссия упорно сохраняла нейтралитет, а все второстепенные государства были раздражены не только продолжающимся размещением у них французских войск, но и новыми требованиями денег, Франция фактически осталась одна против Австрии и Англии в предстоящей кампании. Это положение было совершенно ясно французскому народу; но

ввиду всего, что произошло после смены правительства, всем казалось, что не только разумные предложения мира со стороны Первого консула были отклонены, но и что честь Франции была неразрывно связана с навязанной ему военной политикой. Хотя это и не доказано, повторяется, что именно этого хотел Бонапарт. Последующие события подтверждают гипотезу; и если это правда, то ни один интриган никогда не добивался такого совершенного успеха. Очевидно, ему навязали агрессивную карьеру.

Таким образом, результатом изучения Бонапартом австрийской и британской политики, французского темперамента и личных амбиций стали три великие революционные концепции внешней политики: господство в бассейне Средиземного моря и, следовательно, на Востоке; распространение революционной либеральной системы в Европе путем завоевания и протектората Континента; и мировое лидерство французской нации, все еще, как всегда, стремящейся к высоким идеалам и великим деяниям. Подобные идеи не были чужды древнему режиму, но Англия воспрепятствовала их осуществлению. Республика, слегка расширив их, боролась за них так, как Франция никогда раньше не боролась, потому что эти вещи не могли быть достигнуты ради династии, и теперь их озаряли видения возрождения человечества. И все же Англия стояла на пути. Бонапарт придал им новую форму и новую интенсивность с новым определением; по логике вещей, его успех должен был олицетворять тот самый великолепный из идеалов, который когда-либо ослеплял поэтов, теологов и королей, — универсальность империи во имя мира и ее искусства и, как следствие, возвышение всего человечества. Благодаря завоеваниям Александра, Цезаря и Карла Великого, каждый из которых, в свою очередь, был движим честолюбием и пламенным рвением, нации, племена и институты были переплавлены в одном тигле. Каждый из этих героев проделал удивительную работу по развитию цивилизации, но их успехи были косвенными. Эксперимент планировалось провести в четвертый раз. Превратит ли Англия снова и окончательно Французскую утопию в руины?

На данный момент Великобритания может быть вполне довольна. После свержения Типпу Индия стала в большей безопасности, Цейлон был завоеван, Египет блокирован, а также восстановлено господство в Вест-Индии. Мальта была в ее руках, голландский флот был уничтожен, французский и испанский флоты были заключены в тюрьму в Бресте. Это правда, что либеральные волнения, начатые и поддерживаемые недовольством ее среднего и низшего классов, было трудно подавить; но они были безжалостно подавлены, как только вышли на поверхность, и в целом общественное мнение поддержало эту политику. О том, что Гренвилл субсидировал Жоржа Кадудаль полумиллионом франков на реорганизацию Шуаннери западной Франции и нанесение "существенного удара", почти никто не подозревал. Доказательство обнаружилось только столетие спустя. "Убийство" - уродливое слово: его не использовали, но оно предполагалось. Если таков был характер Великобритании, то Австрия, ее союзница, была еще более непримиримой. Экспансия в Италии была центральной концепцией ее политики. Не было никаких затрат денег и людей, которых она отказалась бы рассмотреть для стирания пятна на Кампо Формио. Она пополнила свою казну и свою армию с помощью Британии и вела себя вызывающе. Письмо ее императору от Первого консула, адресованное равному равному, было высшим оскорблением.

Первые четыре месяца консульства не оставили Первого консула без врагов дома, многочисленных и ожесточенных; более того, многие ограниченные умы — люди, которые, подобно Талейрану, не знали о том, насколько невозможным стало постоянное возвращение

бурбонов, — рассматривали пребывание Бонапарта у власти только как переход к старому порядку. Но в критический момент, в апреле последнего года восемнадцатого века, Франция в целом, включая даже те фракции, которые надеялись использовать его в качестве инструмента, почувствовала, что ее доктрины, ее устремления и ее судьба были олицетворены в великом корсиканце. Его собственные мотивы можно с полным основанием заклеить как мотивы личных амбиций, но они были гораздо большим. Каким бы полуобразованным и наполовину варварским он ни был в своем презрении к человеческим ограничениям, в его сердце было четкое представление о том, что добро может исходить только от добра, и поэтому у него была определенная цель сделать все возможное, чтобы осветить свой собственный взлет возрождением общества. Сам будучи человеком без родины, — ибо все его патриотические устремления погибли в результате отчаянного поражения Корсики, — он мало заботился о территориальных границах и совершенно не понимал прочности национальных уз. Не имея искреннего церковного чувства или искренней веры, он отчасти понимал ценность религиозного чувства в личности, но совершенно недооценивал его моральное преобладание в общественном организме. Церковь для него была немногим больше, чем "белая" полиция. Непревзойденный актер, он в полной мере оценил влияние драматического слова и ситуации на обывательское сознание, но часто обманывал себя, полагая, что другие введены в заблуждение его игрой.

Это вовсе не противоречит возможной искренности якобы миролюбивой внешней политики, которую он проводил, что еще до того, как ему, по-видимому, было навязано решение сражаться, к войскам были обращены два манифеста. Обращаясь к Рейнской армии, он сказал: "Вы завоевали Голландию, Рейн и Италию и продиктовали мир под стенами охваченной ужасом Вены. Теперь речь идет не о защите ваших границ, а о подавлении враждебных государств". Обращаясь, в частности, к армии Италии, он сказал, ссылаясь на слишком печально известный случай, когда в прошлом году полубригады показало белое перо: "Все ли они мертвы, храбрецы Кастильоне, Риволи и Ноймаркта? Они скорее погибли бы, чем изменили своему цвету; и они, несомненно, потащили бы своих младших товарищей к чести и долгу. Солдаты, вы говорите, что ваши пайки распределяются нерегулярно. Что бы вы сделали, если бы, подобно Двадцати четырем двум солдатам легкой пехоты, подобно Восемнадцати тридцати двум линейным солдатам, вы оказались посреди пустыни без хлеба, без воды, и вам нечего было есть, кроме мяса лошадей и мулов? "Победа даст нам хлеб", - говорили они; а вы — вы бросаете свои знамена!" Такие слова из уст такого человека не могли оставить равнодушным ни одного солдата ни одной нации. Французы в рядах были в восторге от них; генерал, написавший их, понимал, что мир без славы - это сломанная трость для честолюбивого правителя. Он протянул оливковую ветвь, но он должен, чтобы полностью завоевать свой народ, наказать тех, кто отверг ее. Австрия, в частности, должна получить еще один урок смирения.

Накануне активных боевых действий в первые месяцы 1800 года военная ситуация была следующей: итальянская линия обороны тянулась от Генуи вокруг Савоны до Кол-ди-Тенда. На нем было тридцать тысяч человек под командованием Массены, в то время как еще десять тысяч охраняли перевалы в Альпах. Ему противостояли австрийские силы численностью в восемьдесят тысяч человек под командованием Меласа, генерала старой формальной школы, которому мешали традиции и механизм Городского совета в Вене. В Тоскане, в Папской области и в Пьемонте было двадцать тысяч австрийских солдат в гарнизоне. На Рейне стоял Моро со ста двадцатью тысячами человек, столкнувшись лицом к лицу с менее способным противником, чем Мелас, в лице Крея, чья армия была примерно

равна по численности его собственной. Австрийские линии тянулись от водопадов Рейна на север от их штаб-квартиры в Донауэшингене до Кинцига. Величайшего из австрийских генералов, эрцгерцога Карла, не было на поле боя. Чувствительный эпилептик, он был ранен непрекращающимся и назойливым вмешательством венских бюрократов и временно уволился со службы. План Франциска и его министерства состоял в том, чтобы отбросить уступающие силы Массены; затем, с помощью английского флота, прибывшего в марте под командованием Кита, захватить Геную, где Массена, несомненно, должен был закрепиться; затем перейти Вар и еще больше увеличить численное превосходство австрийцев путем союза с роялистами Прованса, которые организовывались под командованием Пишегрю, только что бежавшего из Гвианы; и, наконец, перенести войну в сердце Франции, пока Крэй сдерживал Моро.

ГЛАВА XV

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МУДРОСТЬ И СТРАТЕГИЯ [\[16\]](#)

План кампании Бонапарта — Его отношение к Моро — Резервная армия — Передвижения Моро — Поражение австрийцев — Дальнейшее продвижение Моро — Бонапарт с армией — Итальянская кампания — Позиция австрийцев — Сенбернар — Переход через Альпы — Военные проблемы — Великая стратегия — Подготовка Бонапарта.

Согласно статье новой конституции Франции, первый консул не мог быть также главнокомандующим вооруженными силами; но, как он сказал Мио де Мелито, ничто не запрещало ему находиться рядом с армией. Тем не менее, его военное величие теперь впервые проявило свои колоссальные масштабы. До сих пор, какими бы великолепными ни были его достижения, они были достигнуты в качестве подчиненного, выполняющего одну часть большого плана и обеспечивающего известность своим собственным идеям только за счет пренебрежения идеями номинальных начальников. Теперь он руководил большой войной во всей ее полноте. Было только одно препятствие — способности и ревность Моро. С превосходством истинного величия Бонапарт сразу оценил военную ситуацию и, пренебрегая всеми досадными деталями, которые могли бы сойти за существенные для людей с меньшими способностями, проанализировал ее по большим и простым элементам. Если Крэй будет разбит, французская армия сможет дойти до Вены и диктовать мир до того, как Мелас успеет произвести эффект в Италии. Следовательно, его план состоял в том, чтобы объединить близ Шафхаузена различные части резервной армии, которые он незаметно организовывал, и, прикрываясь Рейном, соединиться с Моро; затем за счет подавляющего численного превосходства обойти левый фланг Крея, отрезать его соединения и, зайдя его армии в тыл, либо захватить ее, либо уничтожить. Более того, отряд этих победоносных сил мог затем легко пересечь нижние перевалы Альп и атаковать австрийскую армию в Италии с тыла, даже если в промежутке времени эти силы должны были одержать победу. В этом единственном великолепном сочетании заключается доказательство гениальности его автора. Его пять великих стратегических принципов таковы: единое операционное направление с одним наступлением; сосредоточение армии в качестве первой цели; оперативное направление на фланге противника, выходящее в его тыл; окружение фланга противника таким образом, чтобы поставить под угрозу его соединения; и, наконец, защита ваших собственных соединений. Резко контрастируя с принципами его великого предшественника Фридриха, эти принципы еще не опровергнуты ни современной наукой, ни революционными изменениями, произошедшими в материале войны и в количестве людей, участвующих в современных конфликтах.

Но идея была слишком хороша для тех условий. Моро не хотел быть заместителем командующего, и Бонапарт прекрасно понимал, что сам он еще недостаточно прочен на своем политическом посту, чтобы оттолкнуть столь влиятельного соперника. На самом деле, шестнадцатого марта он написал Моро частное письмо, в котором сказал: "Генерал Дессоль скажет вам, что никто больше меня не заинтересован в вашей личной славе и в вашем счастье. Англичане вступают в бой. Чего они хотят? Сегодня я - своего рода манекен,

потерявший свою свободу и свое счастье. Величие - это прекрасно, но только в памяти и воображении. Я завидую вашей счастливой судьбе. Вы собираетесь совершать великие дела вместе с храбрыми людьми. Я бы с радостью поменял свой консульский пурпур на эполеты командира бригады, подчиняющегося вашим приказам. Все военные концепции Первого консула должны были быть тщательно изложены; это для кампании в центральной Германии было осуществлено только несколько лет спустя. Моро, сознавая свою собственную власть, даже не захотел принять предложения Бонапарта о проведении форсирования Рейна. Поэтому ему волей-неволей пришлось действовать самостоятельно, за исключением инструкций из Парижа о том, что он должен немедленно перейти в наступление и загнать противника в Баварию за Лехом, чтобы перехватить его прямое сообщение с Миланом через Боденское озеро и Гризонд. Лекурб с двадцатью тысячами человек должен был наблюдать за высокогорными альпийскими перевалами. Затем опасный соперник был предоставлен полностью самому себе, и направление резервной армии было изменено на Италию. Это, конечно, было сделано для того, чтобы такой успех, которого Моро, несомненно, добился бы с его помощью, не поставил под угрозу политическую ситуацию в Париже. Нельзя допустить, чтобы он восстановил репутацию, запятнанную как его подозрительной связью с заговором Пишегрю, так и его участием, вопреки тому, о чем он всю жизнь заявлял, в революции Брюмера.

В начале марта существование доселе скрытой армии было раскрыто приказом о ее продвижении к Цюриху для подготовки к переходу через Альпы. Швейцария, попавшая в руки Франции в результате операций Массены в предыдущем году и, следовательно, больше не остававшаяся нейтральной, ее территория была открыта для использования в наступательных операциях против противника. Массена получил свои первые инструкции несколькими днями ранее. Они должны были сосредоточить итальянскую армию для защиты Генуи и входа во Францию. Мелас, несомненно, следовал хорошо известному австрийскому плану продвижения тремя колоннами для концентрической атаки. Французский генерал должен был обойти две колонны и встретить третью всеми своими силами. Однако в апреле ему сообщили о новой комбинации и приказали занимать оборону до тех пор, пока резервная армия не перейдет Альпы. "Искусство войны, - всегда говорил Бонапарт, - состоит в том, чтобы выиграть время, когда твои силы ничтожны". Это Массена, обладавший блестящими способностями, взялся сделать, когда шестого апреля храбрый и опытный Мелас атаковал его с шестьюдесятью тысячами человек. Но, несмотря на неоднократные успехи против превосходящих сил, к концу месяца активное сопротивление стало невозможным, и весь французский центр был вынужден двадцать первого апреля отступить за стены Генуи, положение которой теперь стало опасным, поскольку она была блокирована английским флотом, а провизии становилось все меньше, запасов хватало не более чем на месяц. Сюше с левой частью армии Массены, численностью в десять тысяч человек, отступал вдоль побережья, преследуемый Меласом с двадцатью восемью тысячами, пока четырнадцатого мая первый не переправился через Вар. Отт с двадцатью четырьмя тысячами человек был оставлен осаждать Геную, в которой Массена продержался до четвертого июня - осада, считавшаяся одной из самых упорных в истории.

Таково было плачевное руководство предыдущего года в военном министерстве в Париже, что силы Моро ни в чем не были должным образом снабжены, и он не двинется в путь раньше, чем через месяц после назначенного срока. Только двадцать пятого апреля, после настоятельной просьбы Бонапарта, он отважился осуществить свой собственный осторожный план переправы через Рейн четырьмя дивизиями, а не одним объединенным

корпусом, как предлагал первый консул. Меньше рисковали и, вероятно, меньше выигрывали; но сложное движение процветало. Сделав ложный маневр, как бы для того, чтобы занять Шварцвальд, он полностью ввел Крея в заблуждение относительно своих истинных намерений и вынудил его оставить свою сильную позицию в Донауэшингене. Благодаря серии искусных контрмаршей, в ходе которых различные французские корпуса несколько раз форсировали Рейн, все командование Моро было, наконец, объединено за Шварцвальдом, успешно обойдя с фланга не только этот опасный горный хребет, но и противника, который все еще был занят охраной его восточных выходов.

Наступление французов привело к удачному завершению, перед которым австрийцы отступили, чтобы закрепиться на позиции. В последние дни апреля Моро обнаружил, что всего с двадцатью пятью тысячами человек противостоит массе австрийцев под командованием Крея при Энгене. В тылу, слева от него, но вне досягаемости, находилась дивизия его собственной армии под командованием Сен-Сира. Второго мая, ожидая их скорого прибытия, он вступил в бой со своими недостаточными силами. Подкрепление не прибыло; но после отчаянного боя, понеся серьезные потери, он разгромил врага. На следующий день вошел Сен-Сир, и австрийцы, узнав, что Штоках с его обильными припасами попал в руки французской дивизии под командованием Лекурба, отступили на северо-восток, к Дунаю. Успех Моро был безоговорочным. Крей больше не мог отступать в сторону Тироля через Швейцарию и Форарльберг; он также потерял большой запас боеприпасов, наиболее ценных для их захватчиков, помимо пяти тысяч пленных и трех тысяч убитых.

Тем не менее, он все еще был непоколебим и два дня спустя выступил в Месскирхе. После ожесточенного и кровопролитного конфликта пятого мая он снова потерпел поражение. Победа Моро была бы ошеломляющей, если бы Сен-Сир во второй раз необъяснимо не сумел привести в действие свою дивизию. Расследование показало, что, хотя этот дивизионный генерал не проявлял рвения и не проявлял доброй воли при толковании приказов, он строго соблюдал их букву. Таким образом, его небрежность была упущена из виду. Вскоре выяснилось, что австрийцы снова собрались для защиты своих складов в Биберахе. На этот раз Сен-Сир проявил пылкость и заметным огнем повел свои меньшие силы против центра противника, выбив их с занимаемых позиций. Все еще окрыленный победой, он затем вызвал вторую дивизию под командованием Ришпансе и, снова атаковав основные силы армии противника, которые были сосредоточены на склонах Меттенберга, выбил их и с этой позиции. Два дня спустя Лекурб захватил Мемминген с восемнадцатью сотнями пленных, а десятого числа австрийцы отступили, чтобы решительно занять укрепленный лагерь в Ульме. Вполне вероятно, что Моро за два дня выбил бы их с этой позиции, если бы его силы остались нетронутыми; но Карно лично прибыл просить об отделении корпуса Лекурба для службы в Италии, и просьба такого человека не могла быть отклонена.

Первый консул изучал ситуацию во Франции так же тщательно, как он анализировал ситуацию в Европе. Бернадот был главным командующим всеми солдатами в пределах республики. Он был самым торжественным образом обязан относиться к каждой фракции с предельным вниманием и мягкостью повсюду в стране; прежде всего, усыпить бдительность Запада. Рассудительному Камбасересу была доверена верховная власть в Париже: "на время отсутствия Первого консула", - гласил его приказ. Его обязанностью было безжалостно подавлять все признаки беспорядков с помощью полиции под командованием Фуше и солдат под командованием Дюбуа. Тщательно распространялась весть о том, что

Бонапарт скоро вернется, на самом деле очень скоро; среди наиболее настроенных людей возникло беспокойство при мысли о его отсутствии, о том, что его тщательно сбалансированный механизм оставлен на попечение других. Его отъезд был тщательно подготовлен. Партизаны Массены были начеку, чтобы не жертвовать судьбой своего героя. Новость, правдивая, хотя и неточная, о том, что Клебер капитулировал в Египте, не вызвала особого ажиотажа, но сам факт был довольно уродливым. "Поймите, - были более поздние инструкции Бонапарта Талейрану, - что, если бы я остался в Египте, эта великолепная колония была бы нашей, точно так же, как, если бы я остался во Франции, мы не потеряли бы Италию". Дезэ, о выдающихся способностях и энергичном характере которого Бонапарт составил самое высокое мнение, был уже в пути, и для него было оставлено письмо, настоятельно призывающее его как можно скорее прибыть в Италию. Славная весть о блестящих успехах Моро была зачитана со сцены оперы, где первый консул руководил восторженными аплодисментами, и в тот же вечер, отправив победителю поздравительное послание "слава и трижды слава", он отбыл в Дижон. На следующий день Париж успокоился, был весел и блистателен. Так продолжалось до его собственного триумфального возвращения. Отдохнув короткий день в Дижоне, он поспешил в Женеву, где оставался три дня для консультаций с Неккером. Оттуда он направился в Лозанну, куда прибыл Карно с известием о своей успешной миссии. Моро был польщен большим вниманием, проявленным к такому посольству. Со всех сторон новости были удовлетворительными. Организационная работа Бертье была тщательной и всесторонней: новобранцы были обучены эффективности. Генералы блистали здоровьем, бодростью духа и в прекрасной форме. Первый консул, одетый в синий сюртук своей гражданской должности, иногда в довольно поношенное серое пальто, с тонкой шпагой на боку и мягкой треуголкой на голове, был действительно очень неприметной фигурой. Он служил в армии, но, по-видимому, формально не командовал ею.

Предыдущий план Бонапарта по использованию резервной армии состоял в том, что она должна была занять дивизию Лекурба, переправиться из Цюриха через Сплуген в Италию, где, поглотив силы Массены, она, наконец, превысила бы сто тысяч человек и была бы достаточно сильна, чтобы завоевать Мелас. Но огромное численное превосходство последнего в течение апреля позволило ему тем временем прервать всякую связь с Массеной, и опасались худшего. Поэтому было решено пересечь Альпы гораздо дальше на запад; и Бертье было приказано сначала изучить Сен-Готард и Симплон, затем перевалы Большой и Малый Сен-Бернар, первый из которых все еще ошибочно считался маршрутом Ганнибала. Такая легкая адаптация к меняющимся условиям была еще одним признаком военного величия Первого консула. От идеи похода на Милан также быстро отказались, чтобы как можно скорее освободить Массену от Тортоны. К девятому мая все было в порядке. По "подсчетам генерала, а не канцелярии", как выразился Бертье, на Женевском озере или вблизи него насчитывалось сорок две тысячи человек. Когда десятого числа Бонапарт прибыл в Лозанну, Ланн находился у подножия Большого Сен-Бернара с восемью тысячами пехотинцев; четыре другие дивизии, насчитывавшие двадцать пять тысяч человек, стояли между Лозанной и верховьем озера; еще одна дивизия, численностью в пять тысяч человек, под командованием Шабрана, находилась в Савойе у подножия Малого Сен-Бернара. Помимо них, Тюрро с пятью тысячами человек, которые первоначально составляли часть левого крыла Массены, находился на южной оконечности перевала Мон-Сени; а пятнадцать тысяч человек, отделенных от Моро, уже маршировали под командованием Монси к северному входу в Сен-Готард.

Положение австрийцев и французов в Италии тринадцатого мая существенно не изменилось и, конечно, по-прежнему было в пользу первых. Массена находился в Генуе с двенадцатью тысячами свободных войск и шестнадцатью тысячами больных или раненых. Отт вел осаду с двадцатью четырьмя тысячами человек. Мелас со своими двадцатью восемью тысячами человек все еще находился на Варе, твердо убежденный, что французская резервная армия объединится с десятью тысячами Суше в Провансе и атакует с фронта. Пять дней спустя ему сообщили правду, и, оставив семнадцатитысячный корпус охранять Ривьеру, он поспешил с остальными обратно в Турин, которого достиг двадцать пятого. Десять тысяч австрийцев наблюдали за Сен-Готардом в Беллинцоне, три тысячи находились в долине Дора-Балтеа для наблюдения за южным выходом с хребта Сен-Бернар, в то время как пять тысяч находились на прибрежной реке Дора и одна тысяча на Стуре для аналогичных целей в отношении горы Сени. Шесть тысяч человек выступили из Тосканы на подкрепление Меласу, и три тысячи остались там; в то время как в Романье, Истрии и в различных гарнизонах верхней Италии было еще шестнадцать тысяч.

Четырнадцатого мая началось то, что по праву считается одним из самых смелых и блестящих ходов Бонапарта. Даже в наши дни, после значительного улучшения уклона, дорога через Большой Сен-Бернар на долгом участке едва проходима для колесных транспортных средств; тогда это была жалкая тропа для мулов, больше похожая на русло горного потока, чем на шоссе, и в это время года снежные бури с мокрым снегом часто бушуют около приюта и на более высоких участках тропы. Первый консул тщательно продумал основные направления своей стратегии; детали он мудро оставил способным лейтенантам. Одна за другой сменявшие друг друга дивизии, во главе с Ланном, взбирались на кручи, пересекали ярмо и спускались по другому берегу к Аосте. Было, конечно, немного снега, и в любом случае не было колеи для лафетов; поэтому пушки были демонтированы, уложены на сани из выдолбленных бревен и протащены исключительно человеческой силой по неровной дороге.

Переход в верхнюю долину Аосты был достаточно обычным делом, и шестнадцатого числа голова колонны Шабрана также благополучно прибыла туда на Маленьком Сенбернаре. Но у каждого предприятия бывают свои кризисы. Ниже, на крутой и отвесной скале, находился форт Бард, который полностью контролировал долину. Он оказался неприступным. Ланн колебался целый день. Бертье написал ему, что судьба Италии, возможно, республики, зависела от ее захвата. Это оказалось простительным преувеличением. Авангард французов свернул на неровную горную тропу, которая вела на север через Монте-Альбаредо, и, оставив свою артиллерию позади, продвинулся, или, скорее, перелез через нее, к Иврее. Сам Бонапарт прибыл два дня спустя и, услышав, что Мелас покинул Вар, приказал улучшить дорогу. Ланн в перерыве атаковал Ивреа, но потерпел неудачу из-за отсутствия пушек. Мармон, начальник артиллерии, не мог дожидаться, пока инженеры закончат прокладку новой дороги, но, обернув все свои колеса сеном и посыпав улицы деревушки у подножия форта Бард навозом, благополучно перевез все орудия под покровом ночи. Австрийцы не могли стрелять по отвесу вниз и, хотя знали о движении, были беспомощны. Гарнизон какое-то время продержался, но первого июня сдался. Иврея пала сразу; три тысячи австрийцев в долине были рассеяны; и итальянские равнины были открыты для отважных авантюристов, многие из которых, когда-то обойдя Альпы с фланга под командованием того же предводителя, теперь атаковали их и преодолели. Их враг сначала не поверил, затем был удивлен и пребывал в нерешительности;

его силы были настолько рассеяны, что казалось, он больше не сможет удерживать Тортону. Если бы эта крепость попала в руки французов, Генуя могла бы быть быстро освобождена.

Бонапарт сразу же прекрасно осознал не только позицию Австрии, но и благоприятные возможности, которые это открывало для него. Его идеи немедленно начали расширяться и меняться. Почему бы не воспользоваться временем, которое должно пройти, прежде чем австрийцы смогут сосредоточиться для решительных действий, оставить Массену удерживать Геную еще на несколько дней, самому выступить в Милан и обезопасить Ломбардию, затем перейти По и, отрезав все соединения Меласа, предложить ему сражение? То, что одно-единственное сражение может решить судьбу Италии, было концепцией стратега. Обратный порядок разгрома Меласа, освобождения Генуи, взятия Милана и вытеснения врага за Адду означал бы долгую кампанию. Это было первое проявление этой проницательной концепции, которая повторяется еще дважды в жизни Наполеона — в 1809 и 1813 годах.

К концу месяца каждая часть армии выполнила свою работу. Тюрро перешел Мон-Сени и оттеснил австрийскую гвардию. Монси благополучно миновал Сен-Готард и был готов в Беллинцоне. Боковая колонна под командованием Бетанкура пересекла Симплон и находилась недалеко от Домо д'Оссола. Второго июня объединенные французские силы благополучно пересекли реку Тичино, и авангард вошел в Милан, когда австрийский гарнизон отступил сначала в Лоди, а затем в Крему. Мюрата послали со своей кавалерией отогнать отступающие колонны так далеко, чтобы они не смогли помешать следующей серьезной операции - форсированию реки По. Бонапарт отпраздновал свое возвращение не только восстановлением Цизальпинской республики и большими гражданскими празднествами, но и религиозной церемонией, на которой он заявил о своем уважении к Святому Отцу и своей привязанности к вере. Великий собор был на его особом попечении. Среди статуй святых, украшающих его бесчисленные вершины, одной из лучших является его собственный портрет.

ГЛАВА XVI [\[17\]](#)

МАРЕНГО

Сдача Генуи — Стратегия Бонапарта — Политика в Милане — Его чрезмерная самоуверенность - Выбранное поле битвы — Победитель при Маренго - Французы побеждены — Поражение восстановлено — Дезэ и Клебер — Типичная кампания — Заговоры в Париже — Франция завоевана в Италии — Значение Маренго — Бонапарт возвращается в Париж — Его заявка на мир — Австрия дезавуирует переговоры — Конференции в Люневиле — Военные действия возобновлены.

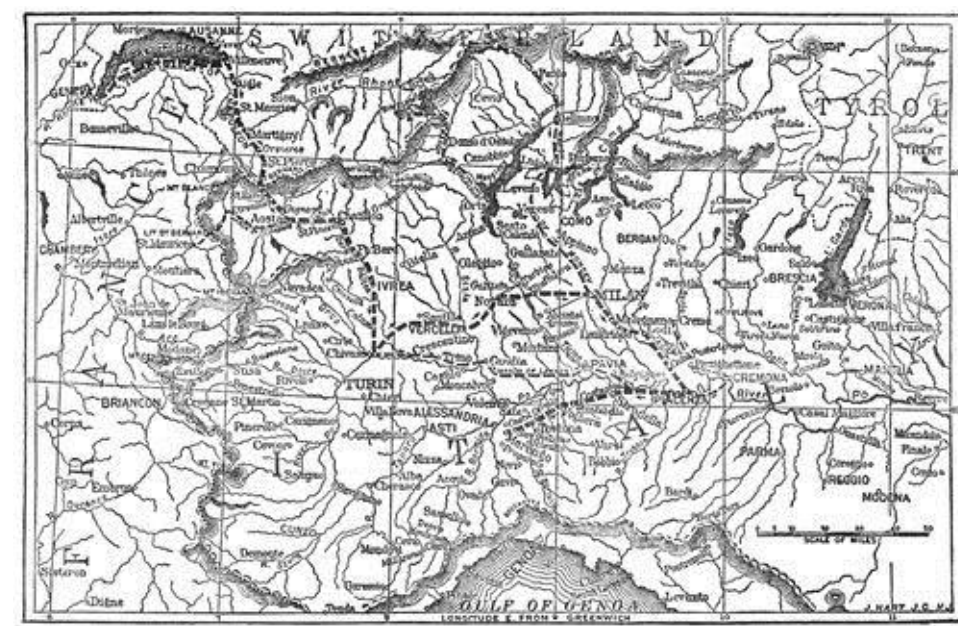
Весть обо всех этих передвижениях достигла Меласа в Турине, где он с обычной проницательностью хорошего армейского генерала ожидал начала сражения. Поскольку Суше находился на западе, на реке Вар, а Бонапарт впереди, его положение было критическим. Его первым намерением было наступать через Верчелли и ударить в тыл Бонапарту; но, узнав, сколь велики силы, переправившиеся через Сен-Готард, он выбрал в

качестве пункта сбора своей армии город Алессандрию, расположение которого среди низин и полноводных рек напоминает Мантую, и превратил его в те дни малой дальности и слабых снарядов в мощную крепость. Это было его дерзкое намерение прорваться через французский центр. Тем временем Массена, героически и настойчиво руководивший обороной Генуи до последнего, был вынужден начать переговоры о капитуляции. Он был озлоблен, обвиняя Меласа в том, что его бросили и принесли в жертву: взгляд на карту покажет, насколько совершенно невозможным было бы для французских войск с севера пересечь Апеннины, чтобы прийти ему на помощь, и, более того, стратегические шаги не предусматривали и не могли предвидеть опрометчивого упорства Австрии в осаде Генуи в то время, когда необходимость Меласа требовала, чтобы каждый человек в пределах досягаемости собрался в Алессандрии как можно быстрее. Если бы французский генерал продержался еще три дня, Отт был бы вынужден снять осаду, чтобы высвободить свои собственные войска для более масштабного сражения, которое вскоре должно было развернуться. Как бы то ни было, предложенные условия были наилучшими из возможных, и четвертого июня французы выступили маршем с восемью тысячами человек без каких-либо условий, однако покинули место действия по воде, вместо того чтобы немедленно присоединиться к Сюше для усиления армии: шаг, который Бонапарт яростно осудил в последние дни своей жизни. Шестого числа Отт отправился со своей армией на встречу с Австрией. Если бы он отказался от захвата Генуи, он мог бы присоединиться к силам Меласа со своей армией целым и невредимым. Дальнейшее показало, что кто-то совершил серьезную ошибку и что этот кто-то не был французским главнокомандующим.

Одновременно Бонапарт руководил из Милана медленным переправой через великую реку в трех местах между Пьяченцей и Павией и стягивал со всех сторон разрозненные роты, которые очищали местность в различных стычках. Он оставил укрепленный лагерь в Страделле и пять свободных мостов через реку По на случай, если его разобьют и вынудят отступить. Восьмого числа был схвачен один из курьеров Меласа в Венту, и его депеши, в которых рассказывалось о катастрофе в Генуе, также предоставили первому консулу полную информацию о передвижениях и планах его противника. Французы и австрийцы начали свое наступление примерно в одно и то же время; первые, однако, в более тесном строю и на меньшем расстоянии друг от друга. Отт и Ланн встретились в Кастеджио, недалеко от Монтебелло. Приказ Бонапарта состоял в том, чтобы уничтожить, если возможно, первую появившуюся австрийскую колонну, "поскольку она по необходимости должна быть слабой". В первом сражении французы, которые значительно уступали в численности, потерпели поражение; но быстро подошло подкрепление под командованием Виктора, их разгром быстро превратился в победу, и враг был отброшен к Сквивии с потерей четырех тысяч человек.

Короткая неделя в Милане, начиная со второго июня, была прекрасной демонстрацией сосредоточенной энергии Бонапарта. Это был триумфальный въезд, самый впечатляющий, серия красноречивых бюллетеней, волнующих душу и просвещающих, а также политическая реорганизация Цизальпинской республики, наглядный урок Франции того, чего ей следовало ожидать. Ужасы австрийского правления были выставлены напоказ и отвергнуты. Чего еще можно было ожидать от королей Европы? Что касается религии, люди хотят их поклонения, пусть священники совершают желаемые обряды. Из Генуи, когда она попала в руки Франции, а это произошло в течение нескольких дней, была выпущена прокламация, объявляющая политику консульства. Осуществляя свою власть,

правительство полностью восстановило бы римско-католический культ, во-первых, потому, что религия необходима для человека и в нем самом, во-вторых, потому, что религия Рима является наилучшей формой и лучше всего подходит для демократических республиканских институтов. То, что уже произошло во Франции, было достаточным доказательством того, что Первый консул уладит дела с новым папой и признает его, каким бы незаконным ни было его избрание.

Карта кампании Маренго.

Мелас все еще находился к западу от Александрии, на расстоянии двухдневного перехода. Бонапарт, выехав из Милана в штаб, остался в тылу, собирая наступающую армию и отдавая приказы, но личным появлением на передовой, пока все не было готово, не подавал никаких признаков того, где будет принято решение. У него на устах всегда была максима готовиться к решительным действиям, привлекая всех доступных людей; никто не мог сказать, когда результатом может стать присутствие нескольких человек больше или меньше. В данном случае он, по-видимому, нарушил свой собственный принцип, поскольку не менее двадцати трех тысяч человек были отправлены так далеко от пределов досягаемости — некоторые для того, чтобы отрезать австрийцам все шансы на бегство на север, восток и юг, а некоторые для различных других целей, — что теперь в его распоряжении было только тридцать четыре тысячи человек. Его чрезмерная самоуверенность была в некотором смысле оправдана ошибками противника, но едва не обошлась дорого. Дело зашло так далеко, что Луазон с еще шестью тысячами солдат остался в Пьяченце. Двенадцатого числа Мелас присоединился к Отту в Александрии, что, принимая во внимание грандиозную стратегию Бонапарта, было неизбежно. Дезэ, повинаясь срочному вызову, который он получил от первого консула, наконец добрался до французского штаба в Страделле одиннадцатого и был немедленно назначен командующим одним из трех корпусов, его коллегами были Виктор и Ланн.

Равнинная местность вокруг Тортоны и Алессандрии орошается двумя небольшими реками, Скривией и Бормидой, которые текут параллельно друг другу на север, к По. Оросительные каналы и небольшие притоки, окаймленные ивами полларда и другими невысокими деревьями, разделяют поля, которые сами по себе засажены фруктовыми садами или дают богатые урожаи зерновых. У Бонапарта было принято выбирать для своих сражений открытую равнину, если это было возможно. Тогда он мог, не опасаясь, что ему помешают, использовать свое любимое оружие - артиллерию, которую он часто со страшным эффектом массировал на флангах, в то время как его эффективная кавалерия неоднократно предпринимала атаки, чтобы прорвать центр противника и разрозненными массами подставлять ряды противника под мушкетный огонь и штыковую атаку своей пехоты. Таких полей, конечно, было множество между Тортоной на реке Скривия и Алессандрией на реке Танаро, к западу от ее впадения в Бормиду. Лучший был рядом с большим шоссе, которое, идя с востока, соединяет эти два города и идет дальше, прямо на запад, через Асти к Турину. Две важные дороги ведут на юг, по одной из каждого города, в Нови, где они соединяются, а затем ведут в Геную. На северной стороне образовавшегося таким образом треугольника, всего в трех милях к востоку от Алессандрии, находится деревушка Маренго, где Виктор находился тринадцатого июня, ожидая атаки Меласа, когда тот должен был совершить вылазку из крепости. Ланн находился примерно в трех милях позади, у Сан-Джулиано. Десо был отправлен на юг, к Нови, на тот случай, если Мелас повернет в этом направлении и попытается обойти его с фланга. Бонапарт с консульской гвардией — отборным корпусом из тысячи двухсот доверенных ветеранов, который он сформировал из того, что было сформировано для личной охраны в его первой итальянской кампании, — стоял у Тортоны. Он с трудом мог поверить в то, что австрийцам хватит смелости пойти в прямую атаку, и поэтому расположил свои войска таким рассеянным образом.

Но Мелас, хотя и медлительный и старомодный, был бесстрашен, а австрийцы были отважными бойцами. Утром четырнадцатого он начал переправляться через Бормиду, и когда его фургон подъехал к французским аванпостам в Маренго, он смог развернуться к востоку от ручья. Виктор получил приказ удерживать деревню любой ценой, чтобы выиграть время для сосредоточения разрозненных французских колонн справа и слева от своей позиции, которая должна была стать центром. На равнинном поле боя прочные кирпичные или каменные стены деревни, церковного двора или больших фермерских дворов, подобных ломбардским, представляют собой наиболее желанное укрытие, и часто, как при Маренго, Асперне и даже Ватерлоо, потеря или завоевание такой позиции меняет ход сражения; ибо армия, оснащенная кремневыми мушкетами и небольшими полевыми ружьями без ружей, хотя и одерживает победу на открытом месте, не осмеливается оставить значительную часть своего противника таким образом укрытым в тылу. Отсюда постоянно повторяющееся и огромное значение усадеб и хуторов на полях наполеоновских сражений. Ланн должен был развернуться справа, а Мюрат был отправлен со своей кавалерией частично для поддержки формирующейся линии, а частично для предотвращения флангового движения вдоль медленного, поросшего ивняком течения Бормиды. Если бы Десо смог подойти вовремя, он сформировал бы левый фланг; тем временем младший Келлерманн был размещен со своими драгунами для охраны открытого фланга Виктора.

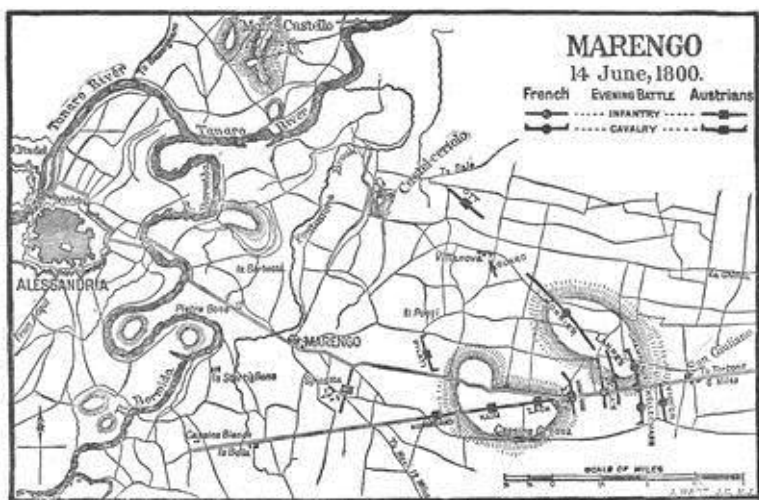
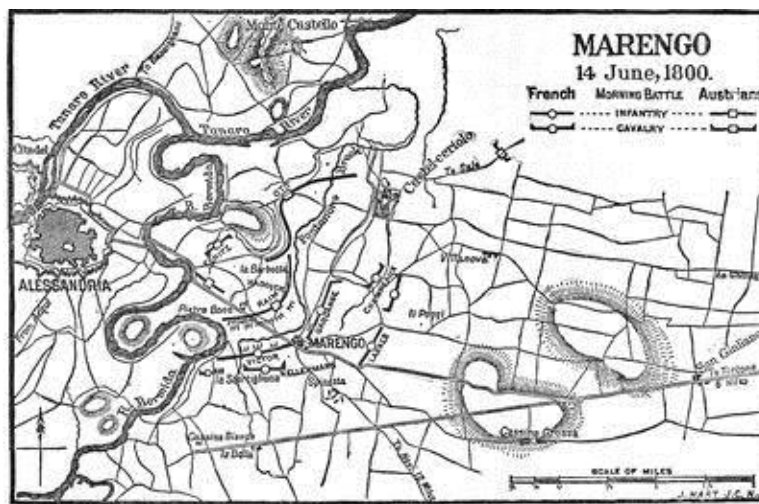
Первые атаки австрийцев были отбиты, но с потерями и трудностями. В десять утра подошел Отт и атаковал фланг Ланна. Бои становились все жарче и отчаяннее, и известие от Десо заключалось в том, что он сможет прибыть только в четыре часа дня. Бонапарт

призвал свой небольшой резерв под командованием Монье для усиления Ланна, но это было бесполезно. К полудню французы были выбиты из Маренго, их фронт был прорван, и их колонны полным ходом отступали на восток, в сторону Сан-Джулиано. Первый консул был в отчаянии и в качестве последнего средства послал восемьсот человек консульской гвардии. В течение первого часа дня отступление было приостановлено. Но вскоре французы были обойдены с левого фланга австрийской кавалерией и снова начали отступать. Бонапарт сел на обочине дороги и, взмахивая хлыстом для верховой езды, приказал беглецам стоять и ждать подхода резерва - соединения войск, которого не существовало. По оценкам, семь тысяч солдат — пятая часть всех его наличных сил — уже пали. Десо все еще был недостижим. Мелас считал, что день выигран. Возможно, если бы груз семидесяти лет и легкое ранение сделали австрийского командующего лично менее измотанным, он, несмотря на то, что долго переносил жару, усталость и пыль, вел бы свои победоносные колонны вперед, пока полностью не рассеял врага. Как бы то ни было, он поручил окончательное поражение дезорганизованных, но медленно и упрямо отступающих французов Заку, своему начальнику штаба, и вернулся в Александрию. Его отряд, выстроенный в одну основную колонну, следовал прямо вперед, в то время как Отт с небольшой группой отклонился влево, чтобы искать параллельную линию преследования.

В этот момент, около пяти часов пополудни, Дезэ появился во главе своей спешащей очереди. В одно мгновение Бонапарт разослал всадников во все стороны, которым было приказано объявить, что "французская линия снова формируется". Обескураженные люди, которые все еще были в строю, набрались смелости, собралось много отставших, и шеренга действительно снова выстроилась. Мармон даже собрал батарею из восемнадцати орудий, а Келлерман с бригадой драгун, которая так долго прикрывала левый фланг Виктора, внезапно появился в хорошей форме справа от Десо. В одно мгновение все изменилось. Дезэ и Келлерман с яростью бросились вперед и слева от основной австрийской колонны. Первая половина вскоре пришла в замешательство; шесть тысяч человек сложили оружие. Второй тайм был деморализован и обратился в бегство. Их офицеры с трудом, но достаточно сплотили летучие отряды, чтобы удерживать мост через Бормиду, пока Отт не присоединился к отступающим и благополучно не перешел реку. Еще до наступления темноты часть армии Меласа, около двадцати тысяч из тридцати, собранных им в Александрии, была за рекой, и французы снова полностью овладели Маренго. Но доблестный Дезэ погиб в момент победы. "Из всех генералов Революции, - сказал Наполеон Гурго, - я знаю только Гоша и Дезэ, которые могли бы пойти дальше". О последнем он сказал во время путешествия на остров Святой Елены, что тот был лучшим генералом, которого он когда-либо знал.

Однако были еще двое, которых он, возможно, вспомнил. Верно, что среди всех чисто французских генералов республики и Директории имя Гоша, столь преждевременно оборванное смертью, стоит выше всех. Но был и другой человек с такой же известностью: на втором месте после него стоит Клебер. Последний, признавая отчаянное положение французской колонии в Египте, в начале 1800 года заключил с сэром Сиднеем Смитом в Эль-Арише договор о почетном выходе. Но принятие его в Лондоне затянулось, и никаких приготовлений к выполнению условий сделано не было. В промежутке Клебер, встревоженный растущей численностью турецких войск, повернулся против турецкого паши, который теперь стоял в Гелиополисе с семьюдесятью тысячами человек, с печально уменьшившейся двенадцатитысячной армией французов, и двадцатого марта 1800 года в самом удивительном сражении, когда-либо виденном египетским солнцем, смел орду с лица

земли. Именно его замечательное руководство в последующие месяцы вместе с достижениями ученых придало злополучной экспедиции весь блеск, который когда-либо был на нее пролит. В тот самый день, когда при Маренго Дезэ получил в свое сердце роковую пулю, Клебер пал жертвой кинжала мусульманского фанатика. Унижение французов в Египте завершилось годом позже капитуляцией его преемника Мону. Таким образом, Моро был теперь единственным способным приверженцем революционных традиций в ведении войны.

МАРЕНГО, 14 июня 1800 года.

Расстояние примерно в три с половиной мили отделяет поле утреннего сражения при Маренго от поля вечернего сражения близ Сан-Джулиано; австрийцы отступили через Бормиду в Александрию; французы расположились бивуаком близ Маренго.

Ровно через месяц после начала переправы через Сен-Бернар австрийцы начали переговоры, и их генерал согласился эвакуировать всю северную Италию с ее укрепленными пунктами вплоть до реки Минчо. Единственными итальянскими землями,

оставшимися под австрийской оккупацией, были Тоскана и Анкона. Стратегический урок, который Бонапарт извлек из победы при Маренго, часто повторяется авторами по военной науке, а именно, что искусство войны - это искусство комбинаций. Его недоброжелатели присваивают сегодняшние почести Десо и Келлерману. Суждение потомков должно совпадать с суждением его современных критиков. Планировать - это уже значит управлять; но на войне, как и везде, хотеть - это одно, а делать - совсем другое. Успешное сражение дезорганизует армию противника, но успешная стратегия полностью уничтожает ее мощь. Когда воля и поступок сопутствуют друг другу, результат неоспорим. Победа при Маренго была таким решением. Бонапарт, командующий армией, проиграл его; Бонапарт, главнокомандующий, выиграл его таким, каким он был. Но даже если бы Дезэ не появился, успех был бы достигнут в другом месте. Дорога на Страделлу была открыта, французские соединения не прерывались. Хотя такие более поздние объяснения не имеют большой ценности, Наполеон, вероятно, был прав, когда сказал Гурго: французская армия находилась в ненормальном положении, ее тыл был обращен к Мантуе и Австрии. Ее единственной линией отступления был левый берег По, и оставлять эту линию коммуникаций без обороны было недопустимо. На обычной позиции все подразделения должны быть стянуты для боя. Здесь это было невозможно без потери всех преимуществ кампании. Если бы мы потерпели поражение, в этом не было бы упрека, хотя вполне справедливо поражение в битве было бы приписано ему; в этом случае была бы очевидна прочность позиций, удерживаемых войсками, поскольку этому армия была бы обязана своей безопасностью, а также возможностью дожидаться подкреплений из Швейцарии и Франции и вновь собраться в Менце, поскольку таким образом мы могли бы удержаться на левом берегу По, в то время как Мелас мог надеяться только на то, что отойдет к Мантуе и займет свою обычную позицию. Это был комментарий Наполеона в конце его жизни: точно так же он заявил, как утверждает Антоммарчи, что он перешел бы реку По по одному из своих пяти мостов, прикрываемых его батареями, объединил бы свою первую дивизию с теми, которые он оставил позади, а затем атаковал бы и уничтожал каждый последующий австрийский корпус, когда он пересекал реку в погоне. В любом случае Маренго был образцом наступательной кампании, организованной не для того, чтобы выигрывать сражения и сохранять жизни солдат, а для уничтожения врага. В правом деле эта политика велика и гуманна; в неправом деле любая война - это бойня. Утверждать, как это делают многие, что Маренго был великолепен, но непатриотичен, значит просто отречься от дела, за которое боролись. Что касается стратегии кампании, окончательное суждение должно быть вынесено самим Наполеоном: чтобы быть хорошим полководцем, вы должны знать математику; в тысяче случаев это помогает прояснить ваши идеи. Возможно, своим успехом я обязан своим математическим идеям: генерал никогда не должен делать фотографии, это хуже всего. Из-за того, что партизан захватил позицию, вам не нужно думать, что там была вся армия; мой великий талант, мое главное отличие - видеть ясно во всем, это даже стиль моего красноречия - видеть за всеми его проявлениями корень вопроса. Это перпендикуляр, короче наклонного. Великое искусство боя заключается в том, чтобы во время действия менять направление операций: моя собственная идея, совершенно новая. Это сделало меня победителем при Маренго: враг двинулся против моего направления операций, чтобы перерезать его; я изменил его, и тогда он оказался отрезанным.

На протяжении всего своего отсутствия в Париже мысли Бонапарта были почти так же поглощены внутренними делами, как и иностранными. Его переписка, хотя и изобилующая подробностями, дает лишь слабое представление о многообразии его забот о семье, армии и нации. Столица была полна заговоров, махинаций, сговоров и интриг: иначе и быть не

могло, и он это чувствовал. Там были британцы и шуаны, объединившиеся, чтобы вновь разжечь пламя гражданской войны и избавить землю от человека, который не захотел восстановить Бурбонов. Институт был вовлечен в процесс восстановления исключенных им фруктидорианцев. Нужно было задобрить Фуше и подкупить его обещаниями, если только полиция подавит заговоры, появляющиеся повсюду, как грибы. Там были Бернадотт и все обидчивые генералы, претенденты на власть, которым следовало льстить и успокаивать. Там были газеты, которые вдохновлялись и подпитывались тщательно организованным бюро новостей. Была Жозефина, требовавшая денег, и его братья, которых нужно было умиротворить. Были консулы, которыми нужно было руководить, и колеса правительства, которые нужно было смазывать. Все эти вопросы привлекли его внимание.

Но, несмотря на такую всестороннюю заботу, все пошло не так. Девятнадцатого июня Каудаль написал Гренвиллю, что все устроено, восстание вспыхнет на западе и юге: роялисты были уверены в успехе, если только шестьдесят отобранных человек уберут "персонажа" со сцены. Фуше предупредил своего начальника, что низкопробные радикалы, группа, состоящая из красных якобинцев и недовольных солдат на половинном жалованье, направили агента следить за ним. Цель можно себе представить. Роялисты и анархисты считали Первого консула паразитом. Талейран нес воду на обоих плечах: инсайдеры администрации называли его и Сийеса со своими приверженцами партией орлеанистов, замышляя посадить кого-нибудь из представителей этой линии на неэффективный трон как порождение других монархий. Люсьен и семья Бонапартов начали обсуждать наследственность и поговаривать о наследовании в консульстве, как в королевстве. Они собрали много сторонников: орлеанисты и бонапартисты в равной степени рассчитывали на возможность смерти Первого консула либо в результате убийства, либо в бою, на еще более высокую вероятность его поражения. Смерть и поражение, которые они считали для него синонимами, все заговорщики любого рода и состояния строили планы разделить условное наследие его свержения. Только победа могла спасти Первого консула и его личное правление: победить в Италии означало безраздельно властвовать во Франции. Простые люди, похоже, ни на минуту не сомневались, и их инстинкт был верен.

До сих пор мы видели в Бонапарте смешение генерала и политика, причем первый преобладал; теперь мы должны тщательно различать не одного, а почти двух человек в Первом консуле, как впоследствии в императоре, — государственного деятеля и генерала. Первый отныне всегда на виду, всегда на виду; второй часто прячется и выполняет свою великую работу, служа первому. Битва при Маренго была первым из четырех решающих сражений государственного деятеля, и он знал это. Это дало ему бесспорное господство над Францией. Никогда еще нация не получала более подробного объяснения боя, как в то время, так и впоследствии, чем этот. Существовала реальная опасность того, что временная проверка могла затуманить в сознании людей истинное величие основной концепции и ее исполнения. Предотвратить подобную неудачу было крайне важно. В форме бюллетеней, вдохновенных статей в подбострастной прессе, в разговорах, с помощью намеков, инсинуаций и по любым другим известным каналам такие сообщения распространялись как гарантия полной стоимости большого успеха для главного магистрата Франции. В сочетании с победами Моро это восстановило финансы страны; ибо этот генерал, занявший в промежутке Мюнхен, наложил единовременный налог в размере сорока миллионов франков на Южную Германию, в то время как Пьемонт и реорганизованные Лигурийская и Цизальпинская республики теперь должны были ежемесячно выплачивать дань в размере аналогичной суммы в год.

Оставив Массену командовать итальянской армией, Первый консул поспешил в Милан, где пробыл ровно столько, чтобы отправить в Вену уполномоченного по вопросам мира. Затем он поспешил в Париж. Общественность сначала не поняла, что главный судья так дерзко нарушает конституцию. Когда стало ясно его намерение принять военное командование, не было слышно никакого недовольства; единственным результатом было создание кружка вокруг Талейрана, который обсуждал последствия, если дерзкий авантюрист будет убит. Пока обсуждался вопрос о том, кто должен быть следующим человеком - Карно или Лафайет, их заседание было отложено на неопределенный срок в связи с получением новостей и скорым возвращением Бонапарта. Его путешествие по провинциям сопровождалось непрерывными оvationами; в каждом городе была своя триумфальная арка. По его приказу прием, оказанный Парижем человеку, которого победа быстро сделала своим кумиром, демонстративно держался в умеренных рамках, но вечером в день его возвращения — третьего июля 1800 года - весь город озарился ярким сиянием. Все говорили о Ганнибале и Альпах, об армии, карабкающейся, как серна, и трудящейся, как волы, о приюте Святого Бернара с его преданными братьями и их проницательными собаками, о пропастях и лавинах и о кульминации всех этих трудов на равнинах Италии, не забывая о трогательной утрате доблестного и красивого Дезэ.

Час демонстрации прошел, настало время серьезных достижений. Во-первых, если возможно, необходимо обеспечить мир, которого так горячо желали. В письме из Милана императору Франциску, объясняющем, почему в интересах Австрии было отказаться от Англии и стать другом Франции на старых условиях Кампо Формио, Бонапарт писал: "Давайте дадим мир и покой нынешнему поколению. Если будущие поколения будут достаточно глупы, чтобы сражаться, очень хорошо; после нескольких лет войны они научатся становиться мудрыми и жить в мире ". Но Австрия, только что выторговавшая новую субсидию из явно неисчерпаемой казны Англии, не могла рассматривать сепаратный мир, и кабинет министров послал агента с очень ограниченными полномочиями посмотреть, нельзя ли заставить Францию пойти на некоторые уступки, которые были бы полезны для всеобщего умиротворения. Выбранный персонаж был одним из тех, кто, кажется, случайно время от времени появляется на торжественных исторических советах, чтобы придать им серьезности грубыми ошибками и пародийным героизмом. Граф Сен-Жюльен, австрийский дипломат, прикомандированный после падения Генуи к армии, был выбран Бонапартом для передачи своего предложения о всеобщем перемирии в Вену. Именно его отправили обратно в Милан со встречным предложением Австрии, в котором он соглашался на перемирие, но предлагал более четкое определение условий, на которых должны были вестись переговоры о мире, чем можно было найти в Кампо-Формио, документе, исполнение которого из-за вмешавшихся обстоятельств и новых обязательств стало невозможным.

Незадачливый дипломат, узнав в Милане, что Бонапарт уже в Париже, пренебрег его инструкциями и последовал за ними. Прибыв на берега Сены, он был встречен с показной сердечностью и вверен хитростям Талейрана, который намеревался таким образом использовать свою жертву, чтобы убедить французский народ в том, что мира легко достичь, поскольку среди них есть живой полномочный представитель. Приняв широкое толкование французским министром своих полномочий, польщенный невежда сделал свой первый неверный шаг и начал переговоры. В течение недели он фактически подписал предварительные соглашения, выполнение которых определенно разделило бы Австрию и Англию. Когда Сен-Жюльен в августе прибыл в Вену, Тугут был взбешен и проводил

бессонные ночи при одной только мысли о том, что официальные переговоры проводились без ведома Великобритании, союзника и незаменимой поддержки его хозяина. Чтобы, насколько это было возможно, устранить зло, отчет о фактах был немедленно отправлен в Англию, предварительные предложения Талейрана были полностью отвергнуты, а сам Сен-Жюльен был дезавуирован и заключен в тюрьму.

Силы австрийцев были почти истощены, но были собраны новые войска. Эрцгерцог Джон, еще совсем мальчик, но с талантами, превозносимыми как превосходящие таланты эрцгерцога Карла, был поставлен на место Крея. Меласа отстранили, чтобы освободить место Беллегарду, более молодому, но менее способному человеку. У первого было восемьдесят тысяч человек и резерв под командованием Кленау; генерал Иллер с тридцатью тысячами находился в Тироле; а Бельгард с девяноста тысячами находился на Минчо. Испытанный и умелый Кобенцль был отправлен возобновить переговоры. Жозеф Бонапарт был назначен полномочным представителем Франции для встречи с ним. Их конференции проходили в основном в Люневиле, пограничном городке к юго-востоку от Нанси. Продление перемирия, необходимого для этих договоренностей, было куплено уступкой трех крепостей Моро, и его было тем легче обеспечить, что Бонапарт, хотя и был взбешен своей неспособностью обеспечить мир из-за Маренго, все еще чувствовал, что мир необходим. Вскоре после этого придворные интриги в Вене свергли Тугута, и Кобенцль был вынужден предать присущую его положению слабость. Чтобы скрыть истощение Австрии, ему было поручено выдвинуть смелое требование об английском союзнике и настаивать на срочном заключении всеобщего мира; но он тайно дал Талейрану понять, что достаточная уступка в Италии обеспечит сепаратный мир с Австрией. Бонапарт не собирался ни добиваться мира с Англией, ни предоставлять Австрии больше, чем он первоначально предложил. Наконец, в ноябре он решил возобновить военные действия, заявив, что состояние нации и промедление Австрии оправдывают продолжение войны. Жозеф Бонапарт и австрийский полномочный представитель продолжили свои переговоры в Люневиле, но перемирие было расторгнуто.

ГЛАВА XVII

ЛЮНЕВИЛЬСКИЙ МИР [\[18\]](#)

Военные действия в Германии — Позиция Моро — Битва при Гогенлиндене, Слава Моро — Люневильский мир — Царь выходит из Коалиции — Нрав Франции, Бонапарта и простого народа — Его трудоспособность, Его Социальные недостатки — Его Сила и независимость, Дворянство—эмигранты — Их возвращение - Их Обращение.

К началу военных действий в Германии австрийцы занимали очень сильную позицию за Гостиницей. Линия Моро проходила недалеко от Мюнхена, огибая леса на Изаре. Чтобы усилить его силы, было направлено достаточное количество войск, чтобы довести его численность примерно до ста тысяч человек, и двадцать пять тысяч были расквартированы под командованием Ожеро на Майне. Массена, чей все более ярко выраженный республиканизм не остался незамеченным в Париже, был признан виновным в плохом

управлении в Италии, и его заменил Брюн. Это затмение, как и предполагалось, было лишь временным. Мюрат был размещен в центральной Италии для наблюдения за Неаполем; Макдональд стоял в Граубюндоне с пятнадцатитысячным войском, готовый в любой момент повернуть на север или юг, в зависимости от необходимости. Пришло время нанести решающий удар там, где только он мог быть нанесен, в Баварии.

Оборонительная позиция эрцгерцога Иоанна была очень сильной. Моро тщательно изучил преимущества сражения на высокогорной равнине, на которой он сам стоял, и в сырые дни ранней зимы неохотно начал готовиться к наступлению. Его враг, с чрезмерной самоуверенностью молодости, приготовился одновременно отказаться от всей прочности своей позиции и точно так же двинулся вперед. Французы едва могли поверить своим чувствам, когда первого декабря их левый фланг был остановлен в своем наступлении и отброшен назад тем, что, очевидно, было главной армией их противника. Моро приготовился принять австрийцев на знакомой земле. Вечер следующего дня застал его армию выстроенной близ Хознлиндена, в восемнадцати милях к востоку от Мюнхена, так что все пути подхода со стороны соседних лесов были в их руках, а все дороги на Мюнхен перекрыты.

1800—01

Знаменитое сражение началось утром четвертого декабря. Оно началось в половине восьмого, основная атака была нанесена по центру. Моро, поддержанный Гренье, Неем и Груши, легко выдержал натиск, в то время как справа и слева фланги начали окружать австрийцев, которые теперь брели по неизвестным лесным тропам. Когда все было готово, Ней и Груши внезапно были выделены для прорыва и соединения своих сил с силами Ришпанса, которые вышли в тыл австрийцам. Маневр был успешно завершен, и к трем часам пополудни день был выигран для французов с незначительными потерями по сравнению с потерями австрийцев, которые составили свыше двадцати тысяч убитыми и ранеными, не считая большого количества артиллерии и огромных запасов. Бегство обернулось разгромом, и даже эрцгерцог чудом избежал поимки. Преследование Моро было яростным, и через две недели он был уже недалеко от Вены, где царили бы смятение и ужас, если бы эрцгерцога Карла не убедили принять верховное командование в критической ситуации. К счастью также и для Франциска, эта быстрота оставила корпус Ожеро в опасности из-за возможного наступления Кленау, и, как бы ни хотелось Моро затмить своего соперника в Париже, он не осмелился идти дальше и был вынужден довольствоваться победой, более крупной, чем любая из одержанных Бонапартом. Кампания, конечно, была закончена, и, чтобы освободить Ожеро от всех угроз, на Рождество в Штайере было подписано перемирие. В Италии Брюн с трудом продвинулся к Тренту на реке Адидже. Он был там, чтобы присоединиться к Макдональду, чей подвиг - переправа пятнадцати тысяч человек через Сплюген в разгар зимы - едва ли привлек то внимание, которого заслуживал.

Трезвое суждение потомков в свете самой полной информации состоит в том, что почти каждое движение австрийской и французской армий при Гогенлиндене было случайным и неуклюжим, первая была невежественной, вторая - удачливой. Но учитывая открытую дорогу на Вену с севера и быстрые успехи французских войск к югу от Альп, последствия были решающими. Моро пользовался во Франции известностью, которая, хотя и была фиктивной, имела огромное политическое значение. Первый консул должен быть первым в

щедром признании, чтобы не оттолкнуть важную группу сторонников республиканцев; он быстро понял это и воспользовался плодами победы.

Гогенлинден быстро завершил дело в Люневиле. Девятого февраля 1801 года был подписан сепаратный мир для Австрии, который фактически разрушил освященную веками политику территориальной экспансии Габсбургов. Ее линия в северной Италии была закреплена за Адидже; великий герцог Тосканский потерял свои земли и, подобно герцогу Моденскому, не получил никакой другой компенсации, кроме субсидии из Брейсгау в Германии; Рейн от истока до устья должен был стать границей Франции; а искалеченные таким образом светские князья должны были получить компенсацию за счет секуляризации церковных земель на правом берегу. Австрия, таким образом, не только осталась незначительной в Италии, она была лишена своего независимого положения великой державы в Европе; она даже оказалась под угрозой своего германского господства, поскольку духовные князья империи были ее главной опорой в сейме, и уменьшение их численности означало превосходство Пруссии в Германии. Мирный договор был заключен от имени Франции Жозефом Бонапартом; он был подписан Австрией не только от своего имени, но и от имени германского сообщества, в которое, согласно его условиям, Первый консул мог, при необходимости, вмешаться, чтобы обеспечить выполнение положений, содержащихся в документе.

Такие положения могли означать только либо постоянное унижение Австрии, либо возобновление военных действий всякий раз, когда это позволяли набранные силы. Сомнительно, были бы они приняты даже тогда, если бы Первому консулу в конце концов не удалось склонить царя на свою сторону. Следует помнить, что в предыдущем году французский посланник в Санкт-Петербурге предложил передать Мальту России. Это было, конечно, еще одним шагом в процессе расширения разногласий, уже возникших в коалиции. Предложение было воспринято царем с большим восторгом; и когда пятого сентября 1800 года англичане вынудили французский гарнизон этой крепости капитулировать и, пренебрегая правами великого магистра, вступили в полное владение островом, Павел, открыто обвинив Англию и Австрию в предательстве, заключил "вооруженный нейтралитет" со Швецией, Данией и Пруссией, чтобы сдержать английскую агрессию на море. Истинным мотивом присоединения Фридриха Вильгельма III к этому движению было подавление стремлений Австрии к аннексии баварских земель. Он настаивал на своем нейтралитете и не хотел вступать в союз с Бонапартом; но он был рад видеть, что его соперник ослаблен. Царь полагал, что, ослабив власть Австрии в Италии, это государство окажется бессильным сдержать амбиции России на Востоке. Один авторитетный источник утверждает, что Первый консул заверил царя, что он собирается восстановить бурбонов и сам был бы доволен итальянским княжеством; но это сомнительно. Однако русский самодержец был настолько пылок, что настаивал на разработке планов предполагаемой франко-российской экспедиции, которая должна была пройти через Хиву и Герат и нанести удар в самое сердце могущества Англии путем завоевания Индии. Это был первый из тех спортивных трюков, которыми Бонапарт долгие годы с таким триумфом разыгрывал старые династии Европы. Успех этой комбинации временно обеспечил мир на Континенте на наиболее выгодных для него условиях.

Народ Франции устал от ужасающей серьезности, которая была характерна для философских и политических потрясений восемнадцатого века, и все больше и больше стремился к славе и удовольствиям. Это было верно для всех политических школ, за

исключением лишь очень немногих людей серьезного склада ума. Массы возненавидели королевскую власть. Они жили в условиях так называемой республики, и когда требовалось какое-то выражение национальной жизни в целом, они и их авторы использовали общепринятый классический термин "империя". Слово "гражданин", употребляемое по отношению к обоим полам как форма обращения, напоминало о днях грубой уравниловки. Оно просуществовало при Директории; вместе с консульством оно исчезло сначала из официальных документов, а затем, несмотря на сопротивление нескольких радикалов, вскоре повсюду уступило место старому "месье" и "мадам". Подобным же образом прежние привычки приличного общества незаметно восстановились с возвращением к известности тех, кто был воспитан в них. Свободе больше не могли угрожать замечательные обычаи, связь которых с монархией была забыта. Подобные инциденты имели большое значение для движения, которое при гарантированной стабильности Консульства немедленно привлекло к его услугам тех людей, которые представляли не столько величие, сколько возможности Франции. За исключением того, что было присуще немногочисленному роялистам и немногочисленным радикалам, мощь нации сплотилась в поддержку нового порядка. Когда Дауну, Кабанис, Грегуар, Карно и Лафайет были отождествлены с Консульством, якобинство, превратившее раннее благородство революции в низость, вполне могло спрятать свою голову. По крайней мере, какое-то время большинство верило, что высшие цели Революции должны быть достигнуты при новом правительстве.

Бонапарты проживали в Люксембурге с ноября 1799 года по февраль 1800 года. За это короткое время небольшая группа посетителей, среди которых было много роялистов, регулярно посещала город; но республиканская сторона старательно сохраняла видное положение, и поэтому первый консул выдал свою сестру Каролину замуж за Мюрата, сына трактирщика в Каоре. В течение этого периода годовщина смерти Людовика XVI была вычеркнута из списка государственных праздников, но даты четырнадцатого июля, штурм Бастилии, и двадцать второго сентября, основания республики, были сохранены. После переезда семьи в Тюильри в феврале 1800 года мало что изменилось, за исключением того, что было положено разумное начало церемониалу и этикету, что предвещало дальнейшие перемены, и носители благородных фамилий становились все более и более заметными. "Это не совсем двор, - сказала княгиня Долгорукая о приемах, - но это уже не лагерь". По отношению к тем, кто стремился к фамильярному обращению равенства, Первый консул становился все более неприветливым; для простых людей гражданской и военной жизни он всегда был доступен, и с ними он был прост, даже доверителен в своих манерах и тоне. "Я получил твое письмо, мой доблестный товарищ", - написал он сержанту. "Я знаю твои заслуги: ... ты один из храбрых гренадеров армии. Вы включены в список на получение одного из ста презентационных мечей, которые я распорядился раздать. Каждый солдат в вашем корпусе считал, что вы заслуживаете этого больше всего. Я очень хочу увидеть вас снова. Военный министр посылает вам приказ прибыть в Париж". После битвы при Монтебелло, в которой Ланн сражался за пять дней до Маренго, когда Куанье, простой солдат, не умевший ни читать, ни писать, но совершивший несколько отважных поступков в этом своем первом сражении, был по приказу Бертье представлен в десять часов вечера консулу, последний игриво схватил своего посетителя за ухо и держал его так в течение короткого катехизиса. В конце концов обрадованный крестьянин, очарованный такой фамильярностью, увидел, что его заслуги отмечены в таинственной книге, и был уволен с замечанием, что, без сомнения, в конце концов он заслужит службу в гвардии, члены которой должны быть ветеранами четырех кампаний. Результатом таких инцидентов было превращение народного восхищения в страсть.

Никто никогда не заявлял, что Наполеон Бонапарт был джентльменом, подвижным воспитанным самоуважением и вниманием к другим. Многие считали, что его приступы лихорадочной чувствительности, которые теперь начали отмечаться, были вызваны истерическим темпераментом: в обществе он часто сидел в зловещем молчании; иногда он плакал слезами, которые мир считал бы недостойными мужчины, и, казалось, у него временно помутился рассудок. Но у него было много грубоватого добродушия и значительной здоровой чувствительности. Он регулярно работал по двенадцать-пятнадцать часов в день, разрабатывая схемы, которые парализовывали его секретарей своей масштабностью. Часы, которые такой деловой человек проводил в обществе женщин, не были отмечены той быстрой оценкой и вниманием, которые доставляют удовольствие знатной даме. Никто так не страдал от рук женщин, как Бонапарт. Mme. Жюно и мадам де Ремюза не забыли ничего, что могло бы поставить его грубые страсти в разительный контраст с их собственным целомудрием или даже с утонченной распушенностью этого заведомо безнравственного общества, презиравшего старомодные ограничения. Долгая борьба за признание и внимание, которую эта "некомпетентная женщина", мадам де Сталь, вела с Бонапартом, закончилась ее поражением, и тогда она обратила против своего противника оружие своего остроумного пера.

Несомненно, что при всем своем гении великий государственный деятель и великий полководец не смог понять силу женщины. Его молодость не дала ему должного места в обществе тех матерей, возлюбленных и подруг, которые в рутине повседневной жизни, благодаря инстинкту, обучению и способностям формируют каждое поколение по мере того, как оно поднимается на свое место. Годы совершеннолетия были поглощены политическими интригами, а годы ранней зрелости - задачами, которые не возлагались на большинство мужчин до среднего возраста. Среди бурь Революции сформировался генерал, не имевший опыта работы с теми общественными силами мира, которые в конце концов подавляют все остальные. Его супружеская жизнь началась со страсти и честолюбия; нормальному развитию отношений помешали последовавшие ураганы чередующейся ревности и физического влечения. Социальная власть его жены была велика, но поверхностна; и хотя она решительно поддерживала амбиции своего мужа и часто пленяла его чувства, ей не удалось создать с ним никаких дружеских отношений в благородном предприятии. Врожденная грубость гиганта, следовательно, никогда не уменьшалась, и общество тех, кто превратил угождение и удовольствие в изящное искусство, кто считал развлечения главной заботой жизни, было в целом утомительным для мужчины, который смотрел на многих чересчур готовых женщин как на инструменты для удовлетворения физической страсти; для генерала, который видел во всех женщинах возможных матерей солдат; для "научного" политика, который смотрел на семью и на детей как на пассивные факторы в математической задаче; для своевольного диктатора, не знающего о неизменном превосходстве женщины в ее собственной сфере. Но даже мадам де Ремюза признает, что были времена и места, когда серьезные женщины с искренними представлениями о долге получали от него самое любезное и внимательное обращение. В целом, природа Наполеона была настолько подчинена его гигантским планам, что он был невосприимчив к женскому очарованию, которым так часто управляют мужчины. Он не терпел ни Эгерийцев, ни Ипатий, ни Клеопатр, ни Мессалин, хотя "Таймс" легко могла бы снабдить его примерами каждого типа.

Консульство - это период величайшей и наиболее стойкой славы Бонапарта. В том, что он делал, новая Франция искренне сочувствовала; старая Франция, со всеми ее пороками,

злостью и ожесточением, хотя и существовала, находилась в упадке и оставалась таковой еще несколько лет. Многочисленные мемуары, касающиеся того времени, были по большей части написаны во времена Реставрации, когда отвращение к чувствам породило страсть к самой низменной клевете и чрезмерно преувеличило мелкие дефекты этикета, поведения и одежды предыдущего режима. Обрывки свидетельств, которые предоставляют эти труды, должны быть тщательно изучены и рассматриваться с точки зрения обстоятельств, которые их породили. Поскольку такая задача практически безнадежна, за него должны говорить деяния Первого консула, а не заявления о них и о нем, сделанные им самим и другими. Он не общался с светским обществом Парижа; он, конечно, самым произвольным образом изгнал из его пределов мадам де Сталь, блестящую женщину, чьи труды многие восхваляют, но мало кто сейчас читает, и чей дом был средоточием недовольных способностей того времени; он никогда не ценил дух истинной свободы и часто неправильно понимал более благородных людей, которые от ее имени искали его могущественной защиты и покровительства; он не был чувствителен к более утонченным чувствам ума, часто насмехаясь над "идеологами"; и хотя он наслаждался обществом других людей. С Жозефиной и ее друзьями он отвергал их вмешательство в свои планы и, по-видимому, никогда не забывал, что ее ревнивая преданность росла вместе с его властью и репутацией. Все это должно быть признано при характеристике Бонапарта на пике его величия; но гнусные намеки и приписывание грязных черт, которыми так изобилуют дневники того времени, должны рассматриваться в связи с темными характерами тех, кто их записывал, и, с учетом времени и подготовки человека, могут быть отнесены к чистилищу злости, из которого они вышли.

Изгнание сломало дух, но не смягчило сердца и не просветило умы давно изгнанной аристократии и их друзей. Новое общество смотрело на тысячи и тысячи вернувшихся эмигрантов с некоторой жалостью и большим безразличием, когда они бродили по Парижу и другим городам в выцветшей, поношенной, старомодной одежде. Их жилища располагались на чердаках и в подвалах, их древние титулы тщательно скрывались; тех немногих, кого узнал и предал какой-нибудь мстительный шпион, законные уловки преследовали вплоть до смерти, а остальные были запуганы. Их трусливое поспешное бегство спасло им жизни, но разрушило их короля, их честь и самоуважение. Артуа в Турине, Конде в Вормсе, мелкая знать в Кобленце, вельможи в Брюсселе, духовенство в Англии со своими приверженцами, вельможами и джентльменами; каждая из этих групп страдала не так, как остальные, но все они в конце концов оказались объектами подозрения у своих хозяев и давно уже опустились до позорной нищеты. Служба в иностранных армиях, на которую они надеялись, была для них настолько взвешенной, что их услуги были незначительны. В поисках поддержки они были вынуждены заниматься преподаванием и другими подобными благородными занятиями, какие только могли найти, затем, благодаря надежному происхождению, многие становились ремесленниками и даже прислугой, но, потерпев неудачу в этом, они часто опускались до низменной нищеты, протягивая руки за подаянием, которое их печальный вид и приглушенные мольбы привлекали у прохожих. Особенно это касалось Гамбурга, где нашли убежище двадцать пять тысяч человек, и Эрлангена в Баварии. Но они рассеялись повсюду и стали притчей во языцех во всей Европе.

Тем не менее, несмотря на Условности, террор и Директорию, они лелеяли большие надежды, сохраняли некоторые формы учтивости и организованности, сохранили свои юбилеи, свой военный стиль и даже формальную систему, социальную и военную; мечтали о восстановлении в полной форме и возвращении к былому богатству, достоинству и

социальной власти; политической власти, которой они не имели в памяти людей, церковной властью они пользовались не как французы, а как романисты. Их бывшее веселое высокомерие уступило место едкому юмору, порожденному голодом и нуждой, но они сохранили самообладание и честолюбие, несмотря на ошибки, которые совершали и нагромождали друг на друга, возлагая свои надежды на бедствия Директории, которые настолько превосходили их собственные, что обеспечили, по их убеждению, восстановление монархии. Брюмер и его последствия открыли им глаза и спутали их планы; каждый шаг по укреплению власти Бонапарта был новым ударом по их притязаниям, а амнистия, которую он даровал из своего милосердия, была желчью и ожесточением. Но факты сильнее чувств; они возвращались толпами, по самым скромным подсчетам, сто двадцать пять тысяч, медленно и мучительно добиваясь вычеркивания своих имен из списка запрещенных, наслаждаясь родным языком и знакомыми пейзажами, добывая скудные средства к существованию своим привычным искусством, плетя интриги, заискивая даже перед крохами, которые падали со столов власть имущих. Знатные дамы, которые никогда не убегали, давали им слабое утешение, якобинцы насмехались, но разносторонний Талейран и, прежде всего, интригующий Фуше были открыты для предложений.

Через несколько месяцев их бедственное положение начало вызывать значительное сочувствие, и это сочувствие постепенно нашло выражение в театрах и газетах. Следующим событием стало движение за восстановление, по крайней мере частично, наследия и положения в обществе. Затем на их головы обрушился легкий, но симптоматичный шторм. Конфискованные поместья, церковные и светские, теперь находились в новых руках, и по мере того, как порядок следовал за анархией, их ценность для республиканцев, которые их приобрели, неуклонно возрастала. Любая попытка сместить собственников означала бы свержение все еще ненадежной власти Бонапарта. Поэтому он относился к просителям с презрением. Что он сделал, то сделано. Они снова были дома и могли бы остаться, если бы подчинились: в противном случае их существование было их собственным делом. Что касается острова Святой Елены, то он считал, что допустил ошибку; что он мог бы собрать все значительные поместья, все еще находящиеся в государственной собственности, и раздать их по частям бывшим владельцам. Возможно, и в то же время невероятно, что он мог бы примирить значительную часть социальной и церковной иерархии для использования в империи. В этом смысле история Франции в определенной степени оправдывает его сожаления. Но на самом деле он поставил старую часть дворянства намного ниже среднего и высшего бюргерства, сплотившегося в его поддержку. Это был выбор врагов, и он выбрал радикалов и роялистов. Они приняли вызов и постигла участь заговорщиков.

ГЛАВА XVIII

УМИРОТВОРЕНИЕ ЕВРОПЫ [\[19\]](#)

Россия, Италия и Испания — Королевство Этрурия — Консульство и члены Королевской семьи — Церковь во Франции — Конкордат — Дела в Англии — Франция и Россия — Битва при Копенгагене — Предварительные условия мира — Условия Соглашения — Франция и Соединенные Штаты.

1801

Гений Бонапарта был всеобъемлющим, потому что он заставлял один шаг вперед следовать вплотную за другим, и это без видимого принуждения; по этой причине он зашел так далеко. Люневильский мирный договор был первым шагом к всеобщему умиротворению. Что нужно было сделать с остальной Италией, с Испанией и Португалией, чтобы обеспечить себе господство в Западной Европе? На уговоры консульства царь дал сердечный ответ. Он предложил своего рода демонстрацию против Великобритании, не только на Востоке, но и на самых ее берегах; он посоветовал Пруссии захватить Ганновер, прогнал самозванца Людовика XVIII и его двор из Миттау в середине зимы и выслал эмиссара Бурбонов из Санкт-Петербурга. Чтобы поставить Австрии мат, он поддержал дело Пьемонта и Обеих Сицилий, предложил Рейн в качестве французской границы и возвращение Египта Турции. Его восточный план был следствием вооруженного нейтралитета, который он организовал, чтобы поставить Англии мат. Чтобы с уважением отнестись к России, которая таким образом вступилась за монархический Неаполь, и сохранить добрую волю, ничего не было сказано о восстановлении Парthenопейской республики. Вместо этого Фердинанд IV, хотя и был вынужден покинуть Папскую область и вернуть картины и другую добычу, которые в обычае того времени он перевез в свою столицу, остался в полном распоряжении своей короны. Английским кораблям запрещался вход в его порты, а расходы на содержание французского армейского корпуса, который должен был находиться под командованием Сульта в Таренте, должны были покрываться его казной.

Дела Испании достигли критического уровня из-за низких интриг ее двора. Маренго уничтожил влияние антифранцузской партии в Мадриде. Годой, прозванный "принцем мира" за то, что он заключил Базельский мирный договор, был назначен премьер-министром под влиянием королевы Луизы, в которую он был без ума. Хотя ему удавалось быть одновременно любовником королевы и близким другом короля, он, тем не менее, был неспособным государственным деятелем. В 1796 году он сделал Испанию еще более подвластной Франции первым Сан-Ильдефонским мирным договором; и общественное негодование было таково, что ему пришлось уйти в отставку. Благодаря влиянию Бонапарта он был восстановлен у власти, и по второму Сан-Ильдефонскому мирному договору Испания стала раболепным союзником консульства. По условиям этого соглашения, как уже частично выражено в Люневильском договоре, не только Парма и Эльба оставались в руках Франции, но и Луизиана была передана ей, французские колонии в Южной Америке были расширены, и были организованы объединенные силы французских и испанских войск, что

вынудило Португалию отказаться от союза с Англией и принять условия Бонапарта. Маленькое, но важное королевство должно было также закрыть свои гавани для английских кораблей и выплатить Франции двадцать пять миллионов франков. Взамен Тоскана должна была быть преобразована в королевство под названием Этрурия для Людовика, наследника Фердинанда Пармского. Последний был сыном дона Филиппа Испанского, и поскольку его сын, молодой король, женился на дочери правящих монархов Испании, новая королевская семья была фактически испанской, их младенец имел лишь отдаленную австрийскую кровь.

Когда вскоре после этого один актер в Париже продекламировал со сцены в присутствии Бонапарта строчку: "Я свершил правосудие, мадам, и никогда не забуду своего существования", зал содрогнулся от аплодисментов. Молодого короля также привезли в Париж и выставили напоказ в качестве слуги в приемной Первого консула. Некоторые сочли подобную игру недостойной, но национальное тщеславие было пощекотано. Сопутствующие республики уже вращались вокруг великой центральной французской республики; неужели королевства тоже начали присоединяться к этому кругу? Будет видно, что по сравнению с радикальной антироялистской политикой Директории тремя годами ранее эти меры следует считать умеренными. Отказ от римской и партенопейской республик и создание нового королевства для Бурбонов были действиями, имевшими большое значение для европейских дворов.

Но еще более важным шагом были отношения, установленные между консульством и папством. Среди всех институтов, воздвигнутых Бонапартом, ни один не оказался более ценным, чем тот, который вернул французскую церковь Риму. "Гражданская конституция" якобинской республики фактически создала добровольную галликанскую церковь, потому что все послушное духовенство, одним из которых, как следует помнить, был сводный брат мадам Мер Феш, стало зависимым от государства в плане поддержки и верности. Законами 1790 года старые епархиальные границы были стерты, епископы и священники были избраны народом, а безбрачие духовенства было отменено. Как следствие, сначала было ожесточенное сопротивление и суровые репрессии. Но в последние годы правления Директории как свобода совести, так и свобода религии теоретически царили по всей Франции. Однако существовали постоянные социальные беспорядки, ссоры между сектантами, как христианскими, так и неверующими, вольность в речах и поведении; короче говоря, состояние, чреватое катастрофой. В юности Наполеон прошел через стадию безудержного неверия и написал диссертацию, в которой неблагоприятно сравнивал Спасителя с Аполлоном Тианским. Но с годами масштабы папства поразили его воображение, в то время как зреющая политическая мудрость убедила его в его могуществе. Когда его амбиции стали доминирующими, он бросил вызов Директории и в 1797 году оставил стоять каркас папского здания, потому что он уже видел, что французский народ вернулся к верности папе. Несмотря на курс, навязанный ему событиями при Фруктидоре, он понимал, что воссоединение всех слоев населения возможно только при благосклонности Рима.

Вскоре после вступления Бонапарта в должность первого консула начала распространяться трогательная история о том, как великий человек часто и явно испытывал волнение, слушая перезвон деревенских курантов из окон своего дома в Мальмезоне, очевидно, вспоминая священное влияние веры своей матери. Акт консульства, распорядившегося провести погребальные обряды в честь Пия VI, был признанием народного движения. После восьмимесячного междуцарствия в Венеции тринадцатого

марта 1800 года был избран новый папа, Пий VII. Это было сделано под эгидой Австрии и после долгих ожесточенных споров между беглыми членами неполного конклава, однако вскоре после этого Бонапарт сообщил понтифику, что, за исключением дипломатических миссий, которые Австрия все еще оккупировала, территории его предшественников на определенных условиях были в его распоряжении. Папский секретарь кардинал Консальви отправился в Париж после того, что считалось приличествующей случаю задержкой; и до середины июля 1801 года был заключен договор, известный как Конкордат. Первый консул признал, что законы 1790 года должны быть отменены и что государство должно официально признать Папу римского главой Церкви. Назначения архиепископов и епископов, произведенные правительством, не должны были вступать в силу до тех пор, пока не будут подтверждены в Риме. Взамен папа должен был положить конец конфликту государства и Церкви во Франции, сплотить всех добрых католиков на поддержку республики, смириться с потерей конфискованных церковных владений в обмен на субсидию в пятьдесят миллионов франков и признать духовенство гражданскими чиновниками, находящимися на содержании государства. Таким образом, одним махом мера религиозной свободы, которую революционный атеизм невольно установил, была уничтожена, и французская нация перешла под измененный контроль Рима; но, с другой стороны, самая сильная поддержка бурбонов была уничтожена, существующий порядок признан, и Бонапарт был уверен, как он заявил на острове Святой Елены, что ввиду подавляющего влияния Франции в Италии папа, как мелкий итальянский князек, станет полностью подчиненным ему. Как и во всех случаях разумного компромисса, который является основой государственной мудрости, ни одна партия или клика ни во Франции, ни в Риме не была полностью удовлетворена. Папа и его советники были раздражены серией "органических статей", которые, хотя и были неотъемлемой частью договора, исходили только от светской власти и толковали договор в выгодном для светской власти смысле. Вольнодумцы Франции глумились, философы саркастически улыбались, военные власти были шокированы, вернувшиеся эмигранты возмущены. Но великая французская нация была консолидирована в мгновение ока, и Конкордат просуществовал более столетия. Папа чувствовал, что церковь во Франции была спасена как от пожара, и навязал этот договор своим невольным союзникам, в то время как Бонапарт был еще более безапелляционен и высокомерен со своими непокорными чиновниками. Оба знали, что это было так или религиозная анархия.

Но вскоре миру предстояло увидеть еще более странное зрелище. Какую бы форму ни принимала борьба между Францией и Англией за господство на протяжении долгих столетий, она всегда была ожесточенной и отравленной. Французская революция предоставила английским тори возможность, как они верили, окончательно и буквально сокрушить Францию, даже в той степени, которую лорд Чатем всегда объявлял необходимой для прочного мира. Младший Питт унаследовал идеи своего отца, и завоевательная политика республики укрепила его положение, так что с самого начала нынешней борьбы между двумя странами британская нация питала к нему безграничное доверие. К сожалению, он использовал это общественное мнение, чтобы сохранить власть после того, как его убеждения изменились. Но какой бы успешной ни была война, многим казалось, что ее продолжительность безгранична, и для робких умов выплата щедрых субсидий сменявшим друг друга коалициям в сочетании с дорогостоящей бесхозяйственностью военно-морского истеблишмента предвещала банкротство. Питт отстранен от власти из-за вопроса об эмансипации католиков в Ирландии, вопроса, в котором он не соглашался с Георгом III, нервным, слабым королем; пришедшее на смену

министерство Аддингтона было популярным, потому что считалось, что это прежде всего мирное министерство.

Когда в 1799 году Россия, разъяренная вероломством Австрии и уставшая от тирании Англии на морях, инициировала возобновление вооруженного нейтралитета и изгнала французского претендента, деликатное внимание и существенные предложения Бонапарта, уже перечисленные, полностью завоевали сердце царя. В начале 1800 года конфиденциальный русский агент появился в Париже и убедил первого консула провозгласить себя королем. Он также предложил согласовать условия союза двух правителей, чтобы уничтожить английскую власть в Индии, в соответствии с планами, уже изложенными царем. Было быстро достигнуто соглашение, результатом которого в начале 1801 года стало предложение Павла о двух экспедициях: одной русской - по Дону и через Керри к Волге, оттуда через Уральские горы к Инду и от Инда к Гангу; другой франко-русской - проследовать по Дунаю, Черному морю, Дону и Волге в Астрахань и Персию, где она должна была соединиться с первой. План последнего был разработан в мельчайших деталях, и каждый пункт был тщательно прокомментирован Бонапартом.

Ответом Англии на вооруженный нейтралитет северных держав была отправка на Балтику мощного флота, который прибыл в Копенгаген в конце марта 1801 года. Переговоры были начаты сэром Хайдом Паркером, который благодаря своим дипломатическим способностям был назначен первым командующим, и продолжались несколько дней, но потерпели неудачу. Второго апреля Нельсон, следующий по старшинству, открыл огонь по линиям обороны, возведенным перед городом. Его успех был лишь частичным. В перерывах между начатыми им переговорами, якобы в интересах человечества, он вывел свои поврежденные корабли из-под опасности и заключил неубедительное перемирие. Цель Англии, однако, была достигнута другим путем. Ночью двадцать третьего марта 1801 года Павел был убит в своей постели не без подозрения в попустительстве со стороны своего сына Александра, который наследовал ему. Убийство было совершено бандой пьяных грубиянов, офицеров важных полков, доведенных до крайности неистовства. Клика знатных заговорщиков убедила себя и убийц в том, что Павел сошел с ума и ведет страну к гибели. Как и остальная Европа, империя была разделена на французскую и английскую партии, в последнюю входили все, кто вольготно жил на правительственных постах или унаследовал состояния. Народные массы и войска боготворили своего царя за его неповиновение Великобритании, за его симпатии к Франции и за изменение политики Екатерины. Это была дворцовая клика, которая, как снова и снова в российской истории, убивала монарха, срывая планы аристократов и высокопоставленных лиц. Новый царь, какова бы ни была его доля в договоре, который возвел его на трон, вел себя по меньшей мере как агент заговорщиков, поскольку не продолжал политику своего отца. Напротив, он немедленно освободил английские корабли в своих гаванях и, более того, отказался от всех претензий на Мальту. Лига нейтральных северян пала под собственным весом. Однако, несмотря на все это, Великобритания по-прежнему оставалась без поддерживающей континентальной коалиции в лице Маренго и Люневиля.

Смерть Павла также повлияла на положение Франции, которое снова стало ненадежным. Это более чем когда-либо расположило Первого консула уступить всеобщему призыву к миру. Предложения Аддингтона поначалу были встречены холодно, поскольку Бонапарт хотел восстановления всех колониальных завоеваний, достигнутых Англией за время долгой войны. Но смерть царя и отношение его преемника изменили ситуацию. Далее

пришли новости о том, что после смерти Клебера одно бедствие за другим постигали Мену в Египте. Он был вынужден сдать Каир в июне, и падение Александрии было лишь вопросом времени. После этого переговоры с Англией были серьезно возобновлены. Поскольку обе стороны в равной степени стремились к миру, договоренности были завершены в разумные сроки, и первого октября 1801 года предварительные соглашения были ратифицированы. Это известие было встречено в Лондоне радостными возгласами.

Англия обязалась по предварительным условиям Лондона восстановить все свои колониальные завоевания, за исключением Тринидада и Цейлона, и уйти с Мальты и других средиземноморских портов, которые она захватила. Франция должна была вернуть Египет Порте, вывести свои войска из Неаполя и гарантировать целостность Португалии, которую Первый консул намеревался объединить с Испанией для своих дальнейших целей. Неделью спустя был подписан секретный договор между Францией и Россией: две державы должны были согласованно урегулировать дела Германии и Италии. Идея постоянного вмешательства Франции в Германскую империю возникла у Ришелье; ни один русский монарх со времен Петра Великого не мог чувствовать себя защищенным без такой же привилегии. Таким образом, такое соглашение стало окончательной печатью нового союза Франции. С Турцией аналогичным образом старые дружеские отношения были восстановлены новым договором. Баварию успокоили обещаниями.

На далеком горизонте появилась бы еще одна туча войны, если бы ее вовремя не развеяли. Соединенные Штаты сильно пострадали от притязаний Директории контролировать их торговлю в интересах Франции под предлогом благодарности. Декларация о нейтралитете, сделанная Вашингтоном в 1793 году, была плохо принята в Париже; торговый договор, заключенный с Англией в следующем году, был расценен французским правительством как нарушение нейтралитета, и Директория приостановила дипломатические отношения. Их наглые агенты в Соединенных Штатах настолько запутали вопрос об отношениях этой нации соответственно с двумя странами, что возникла угроза разрыва с Францией, особенно после того, как была обнародована бесстыдная наглость Талейрана, требовавшего огромных взяток от американских посланников. Какими бы большими ни были их обязательства, Соединенные Штаты не собирались становиться данниками Франции. Признание Англией их нейтралитета передало им всю колониальную торговлю Франции, Голландии и Испании. Их принцип был фактически принципом вооруженного нейтралитета 1780 года: нейтральные корабли производили нейтральные товары, "свободные корабли, бесплатные товары". За это они были готовы сражаться. Первый консул осознал ценность для своих собственных планов большого нейтрального морского государства и тридцатого сентября 1800 года заключил конвенцию, регулирующую торговлю, которая на время устранила все источники трений между его правительством и правительством в Вашингтоне. Было взаимно согласовано, что флаг защищает товары и что торговые суда, находящиеся под конвоем, не могут подвергаться досмотру.

ГЛАВА XIX

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ФРАНЦИИ [\[20\]](#)

Польза мира — Всеобщее рвение к реформам — Усердие Первого консула — Государственный контроль над церковью — Бонапарт и Папа Римский — Органические статьи — Учреждение префектур — Банк Франции — Его успехи — Финансирование государственного долга.

Это всеобщее умиротворение вызвало всеобщее удовлетворение. Эддингтон думал, что мир будет не обычным, а настоящим примирением двух первых наций мира. Континентальные династии верили, что наконец-то экспансия либеральной Франции была обуздана. Сами французы не могли сдержать своей радости при мысли о новой социальной и политической структуре, достаточно удобной для проявления их пробудившейся энергии, достаточно сильной, чтобы завоевать уважение врагов дома и за границей. Строители приступили к работе еще до того, как была расчищена почва; возрождение французских институтов, неразрывно связавших имя Наполеона с жизнью современной Европы, шло полным ходом еще до завершения мирных переговоров.

1800—01

Мастер-мастер нашел в своем распоряжении два важнейших условия: чистую табличку с описанием монархической и революционной систем и большое количество способных и образованных людей, стремящихся сотрудничать с ним. Их целью, как и его, было сделать нацию сильной и прославленной. Но для них Революция, ограниченная в их сознании Францией, закончилась; в то время как для него, рассматривавшего ее как европейское движение, она была в полном разгаре. Были ли они роялистами, как Дюфрейн, или жирондистами, как Дефермон, или радикалами, как Фуркруа, или умеренными, как Реньо и Редерер, или помилованными антифруктидорианцами, как Порталис и Барбе-Марбуа, все они были одинаково воодушевлены рвением к сильной национальной жизни. Но Бонапарт и некоторые из его ближайших соратников рассматривали обновленное французское гражданство лишь как средство для достижения дальнейшей цели. В брошюре "Обзор ситуации", написанной в 1801 году, Отерив заявил, что прогнившая европейская структура, опирающаяся на баланс сил, была свергнута войнами Франции, которая теперь, благодаря своей военной и финансовой мощи, а также принципам своего правительства, готова и способна положить начало мирной и процветающей федерации наций. Это была революционная программа в другой форме: в новых условиях организации Франции она в конечном итоге превратилась в схему европейской империи, в которой центральной фигурой было модернизированное и прославленное воспроизведение Карла Великого, французского Шарлеманя.

Внимательные исследователи жизни и трудов Бонапарта едва ли могут поверить, что человеческая сила могла бы совершить то, что он уже сделал. Его деятельность как стратега и полководца, государственного деятеля и администратора до сих пор была невероятной: в первые годы консульства она была просто удвоена. До мельчайших деталей каждый департамент восходящего государства привлекал его внимание, более или менее полное, в зависимости от обстоятельств. В течение 1801 года самые способные наблюдатели в стране, получив по одному в каждую из воинских частей, на которые была разделена территория, были заняты составлением всеобъемлющих отчетов, которые послужили основой для законодательства. В этих документах принимались во внимание финансы, армия, администрация, общественное обучение, богадельни, дороги и каналы, торговля и промышленность, общественное настроение — короче говоря, все, что касалось

благосостояния народа. Они были материалом для изучения Бонапарта, и по большей части он овладел ими. В этой работе он полностью отверг теорию и идеалы революционеров; романтика закончилась, история должна начаться, сказал он. Управлять Францией такой, какая она есть, забыть Францию такой, какой она только что была; отбросить типовую единицу человечества, иметь дело с реальным человеком на каждом этапе; презирать обобщения, собирать детали; отказываться от возможностей, добиваться действительности — такова была тенденция его ума; практичная, полезная, работающая машина была его целью. Над этой задачей он часто трудился по четырнадцать часов в день, никогда не меньше десяти, и в лице своего секретаря Марета он имел такого же неутомимого министра, как и он сам, способного уловить каждую мысль и предложение, уточнить и выполнить любой приказ, координировать деятельность своего начальника со всеми подчиненными ветвями власти. Как следствие, нет ни одной из великих структур, составляющих логическое единство французской жизни в том виде, в каком она существует сегодня, на которую не произвел бы впечатления колоссальный ум Первого консула.

Например, Римская церковь, которую он вернул к жизни, состояла в равном количестве прелатов, принявших и отвергнувших "гражданскую конституцию" республики. Чтобы поразить воображение людей, в Соборе Парижской Богоматери была отслужена служба в честь Конкордата. Ожеро и несколько его друзей попросили освободить их от посещения, но были вынуждены присутствовать. Первый консул отправился туда со всем тем стилем — каретами, сбруей, лакеями и тому подобным, — которым пользовались короли Бурбонов. Но, в конце концов, персонажем был Наполеон Бонапарт, а не Луи Капет, и замечание, приписываемое старому генералу, правильно это или нет, совершенно неуместно — что все было восстановлено, за исключением двух миллионов французов, погибших за свободу. Разница была огромной. Например, священник, отказавшийся совершить обряд погребения танцовщицы, был отстранен от должности на три месяца, чтобы он мог вспомнить, как Иисус Христос "молился даже за своих врагов". Могло ли что-либо быть более противоположным положению вещей, как это было в 1762 и 1766 годах, когда дела Каласа, Сирвена и Лабарра, невинных людей, обреченных на жестокую, незаслуженную смерть при попустительстве церкви и государства, позволили Вольтеру обрушить свой первый удар грома на самоотверженную систему древней монархии, столь отвратительную для всякого разума и столь противоположную праведности?

Более того, папа был вынужден запретить тем, кто оскорбил Первого консула, проживать в Риме, и когда он предложил выплатить компенсацию за потерю Авиньона и восстановить миссии Болоньи, Феррары и Романьи, — не в обмен на Конкордат, который отдавал бы симонией, но как доказательство великодушия, мудрости и справедливости, — Первый консул торжественно переправил в Рим бранные останки Пия VI, которые до сих пор покоились на общем кладбище в Валенсии. Достоверно сообщается, что Бонапарт иронически заметил, что Конкордат был вакциной от религии: через пятьдесят лет ее больше не будет во Франции. Армия открыто выразила свое презрение к этому соглашению, государственный совет захихикал, когда было объявлено, что запрет папы Римского был снят с Талейрана, и в течение долгого времени общественное служение духовенства, которое называлось "освященной полицией", не воспринималось толпой всерьез. Столетие не смогло восстановить во Франции того уважения, которое даже насмешники испытывали к иерархии, существовавшей до Конкордата; более того, предсказание Первого консула в значительной степени исполнилось; но, с другой стороны, с тех пор прежней горечи не было равных.

Сокровенные мысли Бонапарта в то время не были раскрыты; если у него действительно было ясное и определенное представление о своей политике. Более поздние объяснения, однако, являются вероятными интерпретациями. Протестантизм одновременно сектантский и индивидуалистический по своим тенденциям, романизм стремится к централизованному объединенному контролю, как светскому, так и религиозному. Восстановитель романизма во Франции привлек внимание всей Римской Европы к своим более поздним планам имперской экспансии. Клерикальная или белая полиция Франции была образцом для аналогичного учреждения в других странах, поскольку военная или черная полиция Франции повсюду стала основой вооруженных сил. Но степень духовной миссии, возложенной на папу, измерялась столь же скупой рукой, как та, которая выделяла скудные стипендии архиепископам и епископам, ныне прелатству государственных чиновников, доходы которого когда-то были королевскими. Более того, органические статьи, которые были не чем иным, как консульскими указами, были беспощадны в использовании полицейской власти для контроля за общественным богослужением. Ни булла, ни экуменическое постановление не действовали во Франции, ни собор, ни синод не могли собираться в пределах ее границ без разрешения правительства, и прелат не мог покинуть свою епархию без ее согласия, даже если его вызвал в Рим папа. Светская жизнь церкви находилась в руках государства. Раздраженная такими безжалостными ограничениями, иерархия вздрагивала и кричала, но Франция оставалась неумолимой. Позже культы как протестантов, так и евреев были организованы аналогичным образом.

Седьмого февраля 1800 года были обнародованы меры, которые все еще контролируют управление департаментами во Франции, закон, который фактически возродил систему интендантов Бурбонов, установив в стране ту строгую иерархически-политическую централизацию, без которой не желало обходиться ни одно последующее правительство — роялистское, имперское или республиканское. Работая в сотрудничестве с замечательной социальной системой частной жизни, она минимизирует последствия политических революций и сохраняет самобытность Франции. Каждая местная администрация была консульством в миниатюре. В каждом департаменте был свой префект, в каждом округе — свой субпрефект, в каждой коммуне — свой мэр. Все эти должностные лица назначались исполнительной властью и подчинялись министру внутренних дел. У каждого был советник, назначенный из избирательных списков; и различные советы, некоторые из которых также назначались, некоторые, однако, избирались, были в обычное время лишь реестрами указов, ниспосланных свыше. До того, как эти меры были введены в действие, ни проселочные дороги, ни городские улицы не были безопасными, и разбой был распространен до самых ворот Парижа. Суды были дезорганизованы, полиция недисциплинирована, а местное самоуправление по большей части представляло собой фарс. В течение двух лет вся машина работала бесперебойно по всей стране. Общественный порядок был восстановлен, жизнь и собственность были в безопасности, промышленности были гарантированы вознаграждения, а производственной энергии людей не мешали страх несправедливости или неуверенность в обладании. Эта трансформация сделала институт терпимым для французов времен Наполеона, но сегодня вдумчивые люди понимают, что он уничтожил свободу при консульстве и Империи, и что у него все еще есть неизменные возможности как инструмента угнетения.

Знаменательно, что великая мера, которая шла рука об руку с этой, была настоящей реформой самого жизненно важного характера. Восемнадцатого января 1800 года был основан Банк Франции. Монархия в тяжелом положении выпускала векселя без

обеспечения; Конвент и Директория также наводнили страну никчемными бумагами, хотя они предполагали найти адекватное обеспечение во владениях короны и эмигрантов, которые были конфискованы и удерживались как национальная собственность. Но война и внутренние раздоры подрывали ценность этих земель, и в 1795 году золотой ливр стоил семьдесят пять в бумажках, в то время как год спустя цена поднялась до трехсот сорока. Директория прибегла к принудительным займам и законодательному регулированию стоимости, но безуспешно: к концу их карьеры все государственные земли, за исключением небольшой части, оцениваемой в четыреста миллионов франков, перешли в частные руки по цене, равной примерно одной сотой от их оценочной стоимости. Самое жадное ростовщичество, самая постыдная спекуляция были повсеместны, и из всех тех, кто владел собственностью в какой-либо форме в 1785 году, едва ли был хоть один, кто не был доведен до нищенства, в то время как, за многочисленными исключениями, конечно, авантюристы сомнительной репутации были теперь землевладельцами и контролирующими капиталистами. Государственные кредиторы увидели, что их обязательства юридически уменьшены до номинальной стоимости в одну треть номинальной стоимости, подлежащей оплате в бумажной форме, и эти облигации почти ничего не стоили. При таких условиях не было ничего удивительного в том, что сбор налогов даже с применением силы стал практически невозможным. Сумма недоимок на восемнадцатое Брюмера составляла тысячу сто миллионов франков. Директория и какое-то время Консульство существовали за счет взносов, взимаемых с покоренных государств.

1801

Общепризнанной целью Банка Франции была поддержка торговли и промышленности. На его капитал в тридцать миллионов франков правительство выделило пять миллионов, которые оно получило по гарантийным облигациям, выданным его служащими при вступлении в доверительное управление. Операции брокеров и ростовщиков были тогда подвергнуты строжайшему контролю, а сельскохозяйственные и промышленные предприятия регулировались и поощрялись восстановлением торговых палат и государственными наградами за выдающиеся достижения. В первый год своего финансового управления Годен добился успеха, который продолжался до конца его президентского срока. В каждом департаменте была введена новая и справедливая система сбора налогов, и взносы были установлены на определенный период по умеренным ставкам, чтобы пробудить доверие общественности. За один год доходы от государственных лесов удвоились, и реорганизация таможни привела к аналогичным результатам.

Для контроля за расходами Барбе-Марбуа был назначен государственным казначеем; Мольен был назначен директором специального управления по постепенной выплате государственного долга. Этому ведомству было поручено управление примерно четвертью оставшихся государственных земель для покупки государственных ценных бумаг; и когда их цена выросла, что вскоре и произошло, до пятидесяти процентов, исходя из их номинальной стоимости, были выпущены новые обязательства, на которые быстро подписались по той же ставке. Плавающий долг вскоре был погашен. Из оставшихся государственных средств сто двадцать миллионов франков были выделены на поддержание общественного образования и сорок миллионов - на пенсионный фонд. Победоносная армия оставалась расквартированной за границей. Эффект от всех этих мудро рассчитанных мер был ошеломляющим. Налоги выплачивались быстро и охотно, общественный кредит был восстановлен, а богатые классы стали самыми стойкими сторонниками консульства.

ГЛАВА XX

Код и УНИВЕРСИТЕТ [\[21\]](#)

Подготовка Кодекса — Люди, которые его составили — Его недостатки — Изменения, которые он внес — Преимущества, которые он принес — Французское образование при Королевской власти — Планы революции — Цели Бонапарта в области образования — Его предварительные меры — Французский университет.

Кульминацией этих благотворных изменений стали соответствующая реформа и упрощение законов. Имя Наполеона было стерто со многих его институтов, но оно все еще сохраняется в великолепной системе юриспруденции, известной как Кодекс Наполеона, и в анналах законодательства оно соперничает по блеску с Кодексом Юстиниана. Монархия еще до своего падения осознала неудобства, связанные с разнообразием юридической практики в различных французских провинциях. На одном полюсе находилось старое обычное право северных жителей, на другом - почти чистое римское право юга, а между ними - все разновидности своеобразной и сложной местной практики. Одним из значений революционного лозунга "Равенство" была реформа этого неравенства; но беспорядки, царившие в годы правления Ассамблеи, Конвента и Директории, сделали невозможным завершение этой работы. Тем не менее, те годы были полны дискуссий, и у Камбасереса был готов проект. Бонапарт был настолько убежден в неотложности реформы, что в ту самую ночь, когда он принял бразды правления, двум комиссиям было поручено выполнить неоднократные обещания, данные каждым республиканским правительством. Двенадцатого августа 1800 года был сформулирован и принят закон. В соответствии с его положениями для подготовки проекта был назначен комитет в составе трех выдающихся юристов — Тронше, Биге де Преаме и Порталиса с Маллевилем в качестве секретаря. Это было завершено за четыре месяца, передано в апелляционные суды для внесения предложений, а затем в государственный совет, заседания которого Бонапарт регулярно посещал, и быстро доработано до окончательной формы. В следующем году кодекс был обнародован.

Знаменитый свод законов обязан своей солидной ценностью своему историческому фундаменту, поскольку он представляет собой смесь древних обычаев, римского права и опыта Революции, причем третий элемент доминирует над двумя другими. Проект Камбасереса является его основой, обсуждения в комиссиях сформировали его форму, его пункты были отшлифованы в государственном совете в соответствии с мнениями Буле де ла Мерта, Берлье, Трейяра, Камбасереса и Лебрена, а сам Бонапарт был автором многих радикальных постановлений, касающихся брака, развода и собственности. Простота, прямота, понятность и уместность являются отличительными чертами всей структуры, поскольку они, по общему признанию, характерны для ума Первого консула. Его здравый смысл и трудолюбие отмечены на каждой странице. С другой стороны, во многих местах это также носит следы его ненаучного и нетренированного интеллекта; и Савиньи, прусский юрист, зашел так далеко, что охарактеризовал это как "политическую болезнь".

Это замечание верно, но только в том смысле, что, как в Римской империи, так и в наполеоновской Франции гражданская свобода развивалась в обратном соотношении к свободе политической. Остин считал, что кодекс был составлен в спешке и по незнанию, и что отсутствие определений используемых терминов, а также отсутствие изложения

принципов или различий придают ему "ошибочную краткость". Тем не менее, сама эта простота и краткость были его сильной стороной, и по сей день — со многими существенными изменениями, конечно, но все еще в неизменном виде — он успешно доминирует во Франции, Италии, Голландии, Бельгии и многих важных частях Германии. Полагая, что это самая стойкая часть его трудов, Бонапарт до последнего дня своей жизни претендовал на исключительную заслугу в его создании, к несправедливому принижению других великих умов, которые участвовали в его создании.

Несколько наиболее понятных изменений, которые он вызвал, проиллюстрируют его характер. Существует четыре раздела — один вводный, в трех других рассматриваются соответственно право лиц, право вещей и право собственности и наследования. Субъект гражданского права, "я", объект гражданского права, объективный или естественный мир, отношения между ними или собственность — таков, одним словом, метод; равенство всех людей перед законом является его принципом; уважение собственности и прямота судебного разбирательства являются его целями. Наследственное дворянство и первородство были определенно отменены — каждый ребенок любого пола имел равные права наследования перед законом. Право распоряжения имуществом по завещанию было расширено, с тем чтобы предоставить большую свободу, не нарушая при этом принцип семейной солидарности. Евреям были предоставлены полные права всех других граждан в соответствии с рядом дальновидных и мудрых положений, изложенных в специальных уставах, которые уничтожили многие из их устаревших обычаев и все ухищрения, с помощью которых они до сих пор избегали многих гражданских обязанностей и все еще уклонялись от исполнения обязанностей, которые тяжелым бременем ложились на других. Каждая религиозная конфессия была признана, и все они в равной степени поддерживались государством; но члены всех были обязаны пройти официальную регистрацию и дать согласие на обряд гражданского брака. В то время как, с одной стороны, признавалась необходимость развода при определенных условиях и принимались соответствующие меры; с другой стороны, ряд строгих и даже варварских правил связывал семью более тесно, чем когда-либо прежде или где-либо еще в мире, и превратил ее в социальную скалу, о которую тщетно бьются политические бури, пытаясь поколебать установленный порядок. Только железная воля Наполеона воплотила в жизнь идеи возрождения феодального общества, которые сформировали философы и которые тщетно пытались утвердить агитаторы.

Зло как абсолютной королевской власти, так и феодализма было, таким образом, устранено от огромного населения Западной Европы, которое стонало под их бременем еще долго после того, как они перестали иметь какое-либо значение или историческую жизнеспособность; и, кроме того, процессу ассимиляции в жизни и мышлении в значительной степени способствовало принятие идентичных законов миллионами людей, отличающихся по крови и языку. Хорошей работе еще больше способствовал ряд дополнительных уголовно-процессуальных и коммерческих кодексов, которые сегодня столь же действенны и благотворны, как и тогда, когда они были приняты. В этой связи бесполезно сравнивать достоинства соответствующих институтов латинской и тевтонской государственных систем Европы или вступать в долгую и ожесточенную полемику, которую вели между собой французские и английские публицисты. Существенно сравнить то, что нашел Наполеон, с тем, что он оставил тем же народам, и это провозглашает его одним из величайших социальных реформаторов мира.

Ни в каком отношении работа Революции не была более полной, чем в том, что касалось образования. У королевской Франции был помпезный список академий, научных и специальных школ, университетов, колледжей и обычных школ. Их устройство было бессистемным, их происхождение и управление по большей части были церковными, а их покровительство строго определялось социальным рангом. Начальное образование, полностью зависевшее от приходов, в основном вызывало презрение. Было много великих ученых и учителей и несколько избранных институтов; но зависимость всех либо от королевской милости, либо от римской иерархии, либо от того и другого, делала меру их эффективности пропорциональной интересу, проявляемому к ним короной и церковью. Следовательно, не существовало общей системы, эффективной ни во всех ее частях, ни даже во всех подразделениях одного подразделения.

Стремление к национальному единству проявилось, среди прочего, в требовании создания системы национального образования. Великие деятели Ассамблеи и Конвента склонили свои плечи перед этой задачей. Впервые в истории нации было признано, что после выравнивания классов единственной гарантией общественного порядка в будущем было образование масс. Соответственно, они наметили общую схему поэтапного обучения. Основой было народное образование в начальной школе; затем появилась система средних школ; а затем обучение на профессиональных факультетах, включая великолепную нормальную школу для подготовки учителей и первоклассное политехническое учебное заведение. Все это должно было увенчаться музеем, Французским колледжем и институтом. Образование должно было быть бесплатным и обязательным. Существенной чертой всего плана был характер начальной школы, которая должна была обучать не просто необходимым азам чтения, письма и шифрования, но и вводным элементам полной энциклопедии обучения. Вся структура была чисто светской, и не принималось во внимание образование женщин после восьми лет. Было объявлено, что молодые девушки должны обучаться у своих родителей и исключительно дома. Один Кондорсе верил в интеллектуальное равенство полов. Лаканаль добился указа о смешанных школах, при определенных условиях, в которых дочери республики должны были получать такое же образование, как и ее сыновья, "насколько это позволял их пол"; но они должны были заниматься главным образом прядением, шитьем одежды и домашними искусствами, которые тогда считались главными для их пола. Некоторые части огромной конструкции были запущены в эксплуатацию, но было обнаружено, что это выходит за рамки возможностей неустроенного народа. Талейран сократил его масштабы, но к моменту падения Директории ничего не было достигнуто, кроме основания политехнической школы.

НАПОЛЕОН КАК ПЕРВЫЙ КОНСУЛ

Профиль сепией кисти Лемуана. Принадлежит М. Пети

Выставка Наполеона, 1895.

Хорошо известно, что Бонапарт готовил себя к роли законодателя, поглощая книги, одолженные ему Камбасересом, и изучая мемориалы, уже подготовленные Конвентом. Однако даже тогда он в основном руководствовался своим инстинктом в сочетании с глубоким знанием людей. Последнее было его единственным руководством при разработке схемы общественного воспитания. План Талейрана был перед ним, но вывод был его собственным. Он совсем не заботился о том, чтобы сделать ученых или приумножить знания. Он был упрямо полон решимости стать гражданами, как он понимал это слово. Во времена полного хаоса он заявлял, что равнодушен к идеалам и движим чисто практическим духом, не делая ничего, кроме того, что казалось ему непосредственно необходимым. По этой причине для осуществления своего плана он выбрал в качестве агента не эксперта с большим опытом и твердыми убеждениями, а превосходного химика, который был членом печально известного Комитета общественной безопасности и в узких пределах обладал хорошими способностями. Одному Фуркрою было поручено разработать меру, которая, как сказал Редерер в ее поддержку, была политическим институтом, призванным объединить нынешнее поколение с подрастающим, привязать отцов к правительству через их детей, а детей - через их отцов - короче говоря, установить своего рода общественное отцовство.

Религиозные общества, которые все еще сохраняли свою власть над таким обучением, какое существовало, не имели никакой связи с государством и очень мало - с новым обществом. Новая система была изобретательно разработана для того, чтобы приобщить молодежь нации как к политической, так и к социальной жизни новой Франции. В каждой коммуне должна была быть начальная школа с учителями, назначаемыми мэром, под

наблюдением субпрефекта. Следующими по порядку были средние школы в главном городе каждого департамента, находящиеся под надзором префекта; и в подчинении у них были такие частные школы, которые подчинялись правительственным постановлениям. Следующий этап состоял из ограниченного числа лицеев или колледжей как с классической, так и с современной направленностью. Они были открыты только для тех учащихся, которые отличились в классе ниже, и из них, в свою очередь, пятая часть была переведена в профессиональные училища. Из них было девять категорий: юриспруденция; медицина; естественные науки; механическая и химическая технология; высшая математика; география, история и политическая экономия; искусство дизайна; астрономия; музыка и теория композиции. Первый консул не желал слушать ни о каком более всеобъемлющем или просвещенном плане до тех пор, пока он не будет приведен в успешное исполнение, поскольку вскоре это произошло под его импульсом и руководством Фуркруа.

После этого была раскрыта его конечная цель. Несколько лет спустя появился так называемый Университет Франции, в котором все обучение было столь же централизовано, как и администрация. Существовало три четко выраженные ступени: начальная, средняя и высшая, контролируемые полной и жесткой системой централизованного контроля. Все учебные заведения каждой ступени были разделены вертикальными линиями территориального деления на академии, каждая из которых имела своего ректора. Они, в свою очередь, контролировались высшим советом и великим магистром. Была возрождена нормальная школа, в лицеях были введены военная форма и дисциплина, а обучение было тщательно направлено на то, чтобы внушить уму понятия, соответствующие новым условиям французской жизни, какими их намеревался сформировать Бонапарт. Корпоративный университет в целом не был частью министерства, но, находясь в подчинении, отличался от него. Это положение, вероятно, стало причиной постоянства, которое не смогла разрушить никакая политическая революция. Только с тех пор, как Церковь получила разрешение на создание факультетов, поддерживаемых и контролируемых ею самой, появились признаки какого-либо изменения организации или какого-либо возвращения к академической свободе в государственных учреждениях.

ГЛАВА XXI

ШАГИ К МОНАРХИИ [\[22\]](#)

Новая эра — Цезарь, Кромвель и Бонапарт — Захват Пьемонта — Генуя — Этрурия — Вале — Голландия и Швейцария — Цензура прессы — Проявления недовольства — Экспедиция в Сан—Доминго - Туссен Лувертюр.

1801—02

С возвращением сорока тысяч семей эмигрантов по амнистии, которая вернула большинству бывших владельцев все, что не было продано, за исключением лесов, и которая в некоторых редких случаях позволяла выкупать на льготных условиях целые поместья; с реорганизацией судебной системы, администрации, законодательства, общественного обучения и финансов в соответствии с новой конституцией, разработанной

сильной рукой, которая ее создала, каждый наблюдатель увидел, что действительно началась новая эпоха. В то же время также была заметна тенденция развития событий к какой-либо форме правления, при которой власть одного человека должна была быть доминирующей. Это произвело лишь незначительный эффект в массах нации, но имели место проявления недовольства в двух небольших классах людей, находящихся на противоположных полюсах убеждений. Роялисты поверили, что их "груша созрела", и снова начали переговоры с Бонапартом. Республиканцы, которые раскаялись в событиях восемнадцатого Брюмера еще на следующий день после своего участия в них, были теперь совершенно встревожены и выражали свое недовольство там, где только у них были какие—либо средства выражения, - своими голосами в трибунате и своим молчаливым голосованием в законодательном собрании.

Ближе к концу VIII года, то есть в начале 1800-го, появился явно вдохновенный памфлет, озаглавленный "Параллель между Цезарем, Кромвелем и Бонапартом". Якобы это было сделано для того, чтобы развеять недоверие к амбициям последнего, выражавшееся во многих кругах, и было безвозмездно распространено по всей Франции. В нем говорилось, что, поскольку Бонапарт является человеком, превосходящим Кромвеля или Монка и сравнимым только с цезарем, должность первого консула должна быть передана по наследству в его семье. Истинный смысл манифеста заключался в том, что Франция уже должна приветствовать династию Бонапартов; если судьба уничтожит Наполеона, его преемником должен стать брат. Трактат был написан Фонтанесом, его доработка и театральная публикация были работой Люсьена. Фуше как республиканский знаменосец уже открыто выступил против принципа и практики наследования. Мме. Бесплодие Бонапарта было гарантией выборной высшей магистратуры. Чтобы предотвратить развод и повторный брак ради прямых наследников, он вступил в союз с Талейраном, Клеманом де Рис и влиятельными Богарне. Его циничное восхищение вызывала такая поспешность Люсьена. Первый консул сначала заподозрил этот факт, а затем с помощью Фуше убедился в нем сам. Он был зол, потому что, хотя и соглашался с принципом, его предпочтением был Луи, который, по его мнению, обладал всеми качествами и ни одним из недостатков, присущих клану; и, более того, публикация была настолько неразумной и поспешной, что была актом явного безрассудства, ставящим под угрозу все его планы. Таким образом, Люсьен был вынужден сложить с себя полномочия министра внутренних дел и уйти со сцены. С горечью в сердце он стал послом в Испании, и элегантная роскошь его поста едва ли смягчила удар, от которого он вздрогнул, увидев, что династическая идея была временно забыта его братом, а он сам навсегда лишен какой-либо доли в ней. Только после того, как Людовик оказался сломленным тростником, вопрос о разводе и повторном браке для получения наследника встал остро. На какое-то время над интриганами всех мастей воцарилась тишина: здоровье Наполеона было в добром здравии, а храм Януса был закрыт. Хуже всего было то, что народ не подавал никаких знаков, а коварный главный судья не предпринимал никаких значительных шагов до тех пор, пока в Лондоне не были подписаны предварительные условия мира. Затем он предпринял осторожное наступление. В январе 1802 года итальянские делегаты были вызваны в Лион, чтобы наметить конституцию для недавно реорганизованной Цизальпинской республики. Разумеется, было решено воспроизвести основные элементы того, что было сделано для консульской республики Франция. Важным было одно исключение: консульство, состоящее из трех членов, было заменено одним главным судьей под титулом "президент".

Сразу же возник вопрос, кем должен быть этот высокопоставленный чиновник? Здесь впервые уместно рассмотреть трудности, с которыми столкнулся Первый консул в отношениях со своей семьей, поскольку, с одной стороны, со своей первобытной корсиканской преданностью своим кровным родственникам, он искренне желал, чтобы его братья и сестры разделяли его продвижение. Он был бы рад видеть их богатыми, влиятельными и наделенными высокой степенью политической власти. С другой стороны, он был твердо намерен контролировать то, что создал сам. На великом государственном корабле должен был быть только один штурвал и один лоцман. Джозеф был старшим, можно ли рассматривать его в качестве возможного президента Италии? На это его ответ был категоричным. Если его попросят отказаться от своей скромной жизни, от уважения к нему как к умеренному и простому частному человеку, он должен получить взамен сущность и реальность правления. Например, к итальянской республике следует добавить, если Жозеф станет президентом, весь Пьемонт; Мюрат и французская оккупационная армия должны быть выведены, и все крепости на границе с Францией должны быть восстановлены! Жозеф не мог быть политической марионеткой. Но это была именно та политическая марионетка, о которой заявлял Наполеон, и Талейран нашел ее. Итак, Джозефу оставалось размышлять о прелестях простой жизни. Как для него, так и для Люсьена все это состояло из интриг и заговоров: обоим удалось собрать значительное число сторонников, поскольку их брат был бездетен, а он был солдатом, и в утробе будущего могло произойти почти все, что угодно.

Соответственно, после многих очевидных интриг среди делегатов в Лионе их выбор единогласно пал на Мельци, миланского дворянина. Агенты Первого консула быстро объяснили, что безопасность "Итальянской республики" — знаменательное название, которым она отныне называлась, "Виртуозная Италия, величие, свобода и единство" Альфиери — зависит от того, будет ли ею править он. Итальянцы немедленно составили официальное приглашение на этот счет, Бонапарт принял, и раболепствующие парижские газеты объявили, что в этом акте не было угрозы миру во Франции; их первый консул не мог бы отказаться от такого приглашения без недостатка вежливости, даже благоразумия. Мельци принял пост вице-президента, проконсулата. Чтобы навести мост между двумя своими владениями, консул-президент приготовился присоединить Пьемонт не к своей итальянской республике, а к Франции. Царь, взявшийся за оружие в защиту савойского дома, был мертв. Генерал Журден сообщил пьемонтцам, что на их земле находится французская военная дивизия, состоящая из шести префектур. Бонапарт сказал, что таким образом было достигнуто естественное воссоединение французской территории. Эта идея была напоминанием об империи Карла Великого. Как только был подписан Амьенский мирный договор, декрет сената оповестил мир о том, что Пьемонт является французским департаментом.

Вале не мог быть отдан Пьемонту из-за зависти швейцарцев. В равной степени было невозможно вернуть его Гельветийской республике, поскольку через него пролегла великолепная военная дорога Симплон, которую Франция строила через Альпы. Соответственно, маленькая земля была объявлена независимым государством. Что касается "Дженоа", то ее все еще существующая директорская структура теперь была бы столь же непрактична для работы, как в Цизальпине и Батавии. Поэтому Саличетти предложила своему правительству новый закон, подготовленный в Париже по консульскому образцу, и он был с благодарностью принят. Когда молодой король Этрурии умер двадцать седьмого

мая 1803 года, Мюрат и Кларк были назначены опекунами его вдовы, которая стала регентшей при своем малолетнем сыне.

С учетом национальной гордости подобный ход был сделан и в Голландии. По Амьенскому мирному договору Батавская республика должна была вернуть себе не только номинальную независимость, но и большую часть своих колоний, включая мыс Доброй Надежды и свои главные владения в Ост-Индии. В обмен на это ей была навязана новая конституция, которая опять-таки была просто конституцией Франции под другой маской. Главный судья назывался "Великим пенсионарием", и это место занимал Шиммельпеннинк, преданный поклонник Бонапарта. Французская армия продолжала оккупировать страну по настоянию государства. В Швейцарии также произошли перемены, но иного характера, ибо Первый консул досконально понимал иной характер ее народа. Они были несчастливы при прошлой конституции, и две озлобленные партии, унитарная и федералистская, боролись за господство. После вывода французских войск в соответствии с Амьенским мирным договором вскоре стало ясно, что существует опасность серьезных столкновений. Ней был послан оккупировать страну с тридцатью тысячами человек, а главные швейцарские государственные деятели были вызваны в Париж. В феврале 1803 года они приняли так называемый Акт посредничества, подготовленный Бонапартом и гарантированный им. Его положения были весьма мудрыми, но это поставило новое государство, тогда впервые названное Швейцарией, в зависимость от него в самом своем существовании. В знак новых отношений конфедерация должна была предоставить вспомогательную армию численностью в шестнадцать тысяч человек, а главный магистрат Франции официально принял титул Великого посредника Гельветийской республики. Хотя многие были недовольны этими отношениями, все же десять лет швейцарского нейтралитета, который гарантировал Бонапарт, были, вероятно, самыми процветающими в истории страны; следовательно, влияние Швейцарии, насколько оно было проявлено, было полностью на стороне Бонапарта.

Жесткая цензура прессы, установленная Первым консулом в начале его правления, хорошо сработала на него. Из общего числа семидесяти трех коррумпированных и склочных журналов, издававшихся при Директории, существовало только тринадцать политических газет. Они быстро стали самыми услужливыми рупорами исполнительной власти, повторяя настроения, о которых должна была узнать общественность, сообщая такие новости, какие им было разрешено сообщать, и редактировались наиболее искусно, чтобы развлекать и инструктировать своих читателей по всем вопросам, чуждым политике. Нация радовалась спокойствию, возникающему при созерцании безразличных вещей. "Почему Тацит не объяснил, как римский народ мирился с правившими им злыми императорами?" Это был типичный вопрос Наполеона, подразумевавший, что между социальным состоянием Рима и характером его правителей должно было существовать соответствие, которое историк не осмеливался открыто объяснить. Параллель в случае с французами была очевидна. Они упивались якобинством до тех пор, пока внезапно и сам предмет, и само название не стали невыносимыми; тогда они впали в противоположную порочную крайность - безразличие, которое искало отеческой руки в правительстве. Никакой акт, каким бы произвольным или насильственным он ни был, не мог потревожить народ, столь привыкший к революционным сдвигам. Когда три года спустя был издан позорный указ, запрещающий печатать или продавать книги или пьесы, не одобренные комитетом по пересмотру, почти нигде не было слышно протестов.

Но, тем не менее, с самого начала раздавались более или менее решительные протесты против перемен, которые превращали остатки республики в призрачные признаки грядущей монархии. С самого начала со скамьи подсудимых раздался единственный голос, голос Барнабе, который провозгласил, что Брюмер был объявлен вне закона; и многие глупцы до такой степени увлеклись громкими крамольными речами, что обвинение в заговоре было с некоторым основанием выдвинуто против Черакки и Арены, двух корсиканцев, которые были особенно яростны в осуждении своего соотечественника. В начале года сверхсрочная полиция сделала вид, что выясняет подробности, но предполагаемый заговор был чистой выдумкой. Армия, в особенности та ее часть, которая сражалась под командованием Моро, все еще во многом придерживалась республиканских традиций. Рейнские солдаты проявили гневное презрение к Конкордату, и их друзья сочувствовали им, инстинктивно чувствуя, что придворная религиозная иерархия, восстановленная юридически, будет склоняться к восстановлению монархии.

Первый консул, понимая, что реакция должна быть проверена на начальных этапах, решил найти занятие за границей для республиканских солдат, как он ранее делал для республиканских политиков. Среди других мер по возрождению торговли, ставших возможными благодаря Амьенскому миру, который обеспечил долгожданную "свободу морей", правительство решило возродить работоторговлю, чтобы более плотно заселить Антильские острова и создать более крупный рынок сбыта. Адмирал Брюи напомнил, что у древних рабство соответствовало любви к свободе; и утверждал, что, поскольку негры, предоставленные самим себе, предпочитали маниоку пшенице, а подслащенную воду вину, их нужно поработать, чтобы привить им цивилизованные вкусы и заставить потреблять излишки французского урожая! Поскольку они были уроженцами жаркого климата, не было никакой жестокости в том, чтобы перевезти их в Вест-Индию! В соответствии с этой варварской политикой Леклерку, мужу Полины Бонапарт, было поручено завоевать Сан-Доминго, который, воспользовавшись беспорядками, вызванными революцией, отстоял свою независимость. Бонапарт, возможно, не совсем понял опасности такой экспедиции. Если бы он это сделал, он, наверное, был готов принести в жертву его сестру, он вынужден мадам. Леклерк, чтобы сопровождать мужа. Отобранные войска были в основном взяты из Рейнской армии. Тридцать четыре первоклассных корабля, двадцать фрегатов и многочисленные транспорты с более чем двадцатью тысячами солдат на борту вышли в море четырнадцатого декабря 1801 года и благополучно прибыли в конце января 1802 года.

Но планам Бонапарта было суждено столкнуться с препятствием в лице самого замечательного человека негритянской крови, известного современной истории. Туссен Лувертьюр был потомком, как он утверждал, африканского вождя. Высоко одаренный от природы, он получил превосходное образование и постепенно, хотя и родился рабом, развил в себе врожденную силу лидера, пока все чернокожие в Сан-Доминго не стали относиться к нему с любовью и благоговением. Отстаивая свои человеческие свободы, он и его товарищи-рабы затем восстали против своих хозяев, и последовала рабская война. Это было временно остановлено британским вмешательством; но непривычные к климату белые солдаты гибли в таком количестве, что англичане были вынуждены оставить плодородную колонию под полным контролем негров. Лувертьюр, в подражание Бонапарту, организовал консульское правительство и с непревзойденной мудростью установил цивилизованное правление. Когда Леклерк потребовал сдаться, он отказался. Какое-то время его сопротивление было успешным, но в конце концов превосходящие силы вынудили его отступить в горы. Оттуда его обманом заманили в плен и отправили во Францию. Суровый

климат, который он держал взаперти в замке Жу во Франш-Конте, быстро подорвал его здоровье, и он умер двадцать седьмого апреля 1803 года. Но жара и мефитозные испарения его родного острова отомстили ему. Когда французские солдаты заболели и умерли от желтой лихорадки, местные жители начали освободительную борьбу, которая была отмечена с обеих сторон ужасным варварством. Менее чем за два года задача покорения стала безнадежной, и первого декабря 1803 года Рошамбо, сменив Леклерка, который годом ранее ушел в отставку, чтобы погибнуть на Тортугасе, сдал английскому флоту восемь тысяч человек, остатки экспедиции. С тех пор остров был предоставлен своей несчастливой судьбе и под властью туземцев вновь впал в полуварварство. Великолепный французский план колонизации Америки, лишившись поддержки как Сан-Доминго, так и Луизианы, рухнул, не оставив и следа. Однако само его существование было сильнейшим доказательством уверенности Бонапарта в прочном мире. Каким бы ни было его разочарование, он, по крайней мере, избавился от республиканского генерала и республиканской армии. Это было немного по сравнению с его надеждами, но это было уже что-то.

ГЛАВА XXII

ПОЖИЗНЕННОЕ КОНСУЛЬСТВО [\[23\]](#)

Заговоры против Бонапарта — Заговор Нивоza — Изобретательность Бонапарта — Промахи умеренных республиканцев — Чистка Трибуната и законодательного собрания — Власть Сената — Скрытность Бонапарта — Предложение пожизненного консульства — Самодовольство палат — Орден Почетного легиона — Уход Лафайета — Поправки к Конституции — Содержание нации — Изменение характера армии.

Едва состоялось торжественное открытие консульства, как была предпринята подлая попытка покушения на его главу. В начале 1800 года остатки якобинцев, террористов и анархистов организовали заговор с этой целью. Однако об их действиях стало известно Фуше, который наблюдал за ними таким образом, что их организация, хотя и не распалась, была доведена до бессилия. Многие люди с тех пор поверили, что коварный министр держал колоду в руках для своих собственных целей и что этот печально известный заговор Арена-Черакки, как его называли, был его собственным изобретением на случай, если в Италии будет убит Первый консул. Несомненно, что в течение долгой карьеры Фуше на посту министра он всегда держал наготове какой-нибудь план накануне каждого решающего сражения, в котором Наполеон Бонапарт должен был подвергнуть себя опасности и рискнуть своей жизнью. Следовательно, это вполне могло быть первым из них. Роялисты настойчиво вели переговоры с Бонапартом, когда он был еще набирающим силу солдатом. Теперь казалось, что он достиг вершины власти и только он один мог открыть или преградить путь к реставрации Людовика XVIII. Поиграв с их предложениями, он, как утверждается, дал самозванцу понять, что его наивысшей целью было итальянское княжество. Надежды, пробудившиеся таким образом, укрепили партию роялистов; но по мере того, как ее ряды увеличивались, разногласия не прекращались, пока одна фракция, самая сильная, стоявшая на строгой законности, не осталась верной так называемому

королю, который теперь жил в Митто, другая, под предводительством Артуа, строила интриги в Англии в пользу этого принца, а третья, устав от вздорной и сварливой слабости двух других, благоволила молодому герцогу Энгийенскому и с каждым днем усиливалась в Париже за счет дезертирства из обеих. Члены энгийской фракции были неутомимы, и в конце концов из числа их вандейских сторонников была сформирована тайная хунта, которая вечером двадцать четвертого декабря 1800 года поставила адскую машину перед экипажем первого консула, когда он ехал в оперу по узкой улочке Сен-Никез. Его кучер, вовремя заметив странное препятствие, свернул и быстро проехал мимо, едва спасая своих пассажиров от последствий ужасающего взрыва, который прогремел мгновение спустя, убив сразу нескольких невинных людей, ранив шестьдесят и разрушив около сорока домов. Первый консул и его супруга проехали дальше и, бледные от волнения, на несколько минут появились в своей ложе перед ожидающей публикой, которая уже слышала новость. Затем они тихо удалились. Это произвело на публику потрясающее впечатление, и меры, принятые впоследствии правительством, вызвали бурные аплодисменты.

Из этого обстоятельства Бонапарт извлек богатую жатву, его вероломство было сравнимо с вероломством самих заговорщиков. В этом позорном деянии сначала обвинили радикалов, и по указу сената сто тридцать из них были депортированы для медленных пыток в такие места, как Сейшельские острова, тропические острова в Индийском океане. Фуше, подозреваемый в затяжном якобинстве, был под пустяковым предлогом временно лишен своего портфеля и якобы восстановлен в благосклонности только в 1804 году. Однако, назначенный сенатором и пользующийся большим уважением, его обращение не понравилось братьям Первого консула. Их раздражение еще больше усилилось из-за того, что они знали о конфиденциальных отношениях между Наполеоном и сенатором. Во время ухода последнего из своего министерства он, по-видимому, был столь же влиятелен тайно, сколь и открыто, когда вновь вступил в должность. Тем временем Черакки, Арена и их огненноречивые товарищи были ложно осуждены и казнены. Вскоре стало известно, что истинными виновниками были вандейцы, но Бонапарт заявил, что изгнанным радикалам не будет позволено вернуться, поскольку их отсутствие является гарантией общественной безопасности. Только двое из настоящих преступников в конце концов были схвачены и казнены. Но самыми позорными последствиями этого заговора, известного во французской истории как Заговор Нивоза, были падение Моро и убийство герцога Энгийенского, более отдаленные причины которых восходят к сформировавшемуся в то время решению Первого консула уменьшить вероятность подобных кровавых нападений, вселив ужас в сердца всех своих врагов.

В результате перераспределения полномочий после восемнадцатого Брюмера и принятия конституции VIII года способные люди республики были обеспечены местами, частично на прибыльных должностях, связанных с администрацией, частично в трибунате и законодательном органе. Величайшими были первые, и их признанным лидером был Бенжамен Констан, друг мадам де Сталь. Они в какой-то мере олицетворяли мужество и идеализм Революции, но находились в ложном положении и не проявляли ни мудрости, ни благоразумия. Соответственно, они допустили серьезную тактическую ошибку и остановились на некоторых сомнительных параграфах, вводных к гражданскому кодексу, чтобы выразить свое недовольство самоутверждением Бонапарта. Они сопротивлялись не только восстановлению таких устаревших варварских обычаев, как конфискация государством имущества, принадлежащего тем, кто по какой-либо причине был лишен своих гражданских прав, и имущества неестественных иностранцев, умерших в его

пределах, но также нападали на положения судебных и финансовых законов, которые были мудро продуманы и имели большую пользу для страны, некоторые из них частично были их собственной работой. Пока они разговаривали, их друзья в законодательном органе проголосовали.

Согласно положению конституции, оба этих собрания должны были быть непрерывными, причем пятая часть старых членов уходила на пенсию каждый год; но метод определения класса, подлежащего отставке первым, и выбора их преемников не был представлен. Когда настало назначенное время для этой перемены, Первый консул был настолько полон решимости избавиться от назойливых республиканцев в трибунате, что даже подумывал об изгнании их силой или упразднении органа в целом. "Там двенадцать или пятнадцать метафизиков, - сказал он однажды, - годных только на то, чтобы их утопили. Это своего рода паразиты, которые есть у меня в одежде, но я не позволю нападать на себя, как Людовик XVI. Нет, я этого не вынесу". Однако Камбасерес нашел и перенял менее жестокий метод. Сенат был создан таким образом, чтобы представлять политическое безразличие, которое сделало возможной политическую карьеру Бонапарта, и с самого начала это был послушный инструмент. В нескольких случаях — как, например, когда они собирались принять Дауну в свое число — участникам приходилось испытывать ужас перед гневом своего создателя. Поскольку конституция и ее толкование были их особой обязанностью, им теперь было приказано в качестве конституционной меры выбрать не только имена как трибунов, так и законодателей, которые должны уйти, но и имена их преемников. Излишне говорить, что все пылкие и откровенные люди, такие как Дауну, Констан и Шенье, ушли. Единственным важным человеком среди избранных в трибунал был Карно. Пятнадцать генералов или высших офицеров и двадцать пять должностных лиц получили места в законодательном органе.

Не требуется особой проницательности, чтобы понять, что с учреждением послушного сената в качестве хранителя конституции и превыше всех ее положений впоследствии не было ничего невозможного под прикрытием обычной процедуры. Любая мера, которая была "консервативна по отношению к конституции", могла быть легализована. Казалось, настало время ввести наследственный элемент в консульство - шаг, которого в последнее время Бонапарт желал с рвением, но плохо скрывал от своих друзей.

Когда Амьенский мирный договор должен был быть официально ратифицирован, такая возможность наконец была найдена. Этот акт ознаменовал умиротворение мира, завершение, которого давно и горячо желали во Франции. Популярность того, кто был автором мира, не могла достичь более высоких пределов. Чтобы выразить благодарность государства и гарантировать непрерывность столь великой работы, его власть должна быть продлена. Что касается масштабов, то никто не мог узнать желаний Бонапарта: какую бы награду ни пожелали даровать великие государственные власти, он примет. Тщетны были все попытки проникнуть в глубину его желаний; ему пришлось навязать высшую честь. Но его друзья не смогли понять, что будет сочтено достойным, и, следовательно, изложенная программа была незначительной. Когда договор был представлен трибунам, их президент предложил, чтобы генералу Бонапарту, первому консулу, был вручен какой-нибудь яркий знак национальной признательности, и на этот счет была принята резолюция. Уже велась серьезная дискуссия о передаче ему Сен-Клу, ближайшей к Парижу королевской резиденции; но он в частном порядке заявил, что ничего не примет от народа в течение срока своих полномочий, и предложение было отклонено. Имея в виду нечто подобное,

совещательный комитет сразу же сообщил о действиях трибуната сенату, чтобы "первое собрание нации истолковало общее мнение", которое могли выразить только трибуны.

С ловкостью, приобретенной по привычке, покладистый сенат приготовился сформулировать указ. Как продление срока действия консульства, так и передача должности по наследству были предложены в качестве подходящих свидетельств. Притворившись, что общественная добродетель Первого консула воспротивится чему-либо столь радикальному, большинство отклонило эти предложения и продлило срок его полномочий на десять лет. Увидев, что он таким образом перегнул палку, сдержанный главный судья проявил опасную страстность. Но вскоре он овладел собой и ответил сенаторам формальной благодарностью, заявив, что его уважение к суверенитету народа не позволит ему согласиться на продление срока его полномочий без разрешения нации; что он готов, если потребуется, принести новую жертву. Сразу же была проведена встреча семьи и многих близких друзей, на которой либо Люсьен, либо "мудрый Камбасерес" предложили обратиться к нации. Затем государственный совет занялся этим вопросом и предложил провести плебисцит по вопросу о том, должен ли Наполеон Бонапарт быть пожизненным консулом? Редерер хотел добавить: "и иметь право назвать своего преемника", но Первый консул заявил, что это было бы посягательством на права народа, и вычеркнул эти слова. Одиннадцатого мая 1802 года было публично объявлено, что голосование начнется немедленно. Прошло три месяца, прежде чем были подведены итоги. В перерыве и трибунат, и сенат поспешили проголосовать за эту меру. Вскоре в Тюильри отовсюду начали поступать поздравления в связи с predetermined решением.

Более того, именно в этот промежуток времени две подневольные организации, наконец, одобрили меры, которые восстановили работоторговлю, хотя в Сан-Доминго еще не произошло ничего решающего. Учитывая обстоятельства, нетрудно понять популярность принятой примерно в то же время меры по учреждению ныне хорошо известного ордена Почетного легиона. Страсть к булавкам, значкам, лентам и всякого рода личным украшениям практически повсеместна. Они удовлетворяют чувство достижения среди способных мужчин и льстят тщеславию тех, кто таковыми не является. К этой страсти, которая сама по себе не обязательно была неблагородной, Первый консул решил обратиться за дальнейшей поддержкой.

Каждое новое важное учреждение, созданное до сих пор Бонапартом, могло бы, без особой изобретательности, быть превращено в опору автократического правления. Орден Почетного легиона был мерой, легко управляемой в интересах любого правительства, которое могло бы его контролировать. Священники и эмигранты теперь были его естественными союзниками, конституция была фактически отменена, беспокойные сенаторы, трибуны и законодатели были либо отправлены в отставку, либо иным образом призваны к порядку, а окружающие страны, одна из которых была королевством, были по отношению к Франции подобны снопам, склоняющимся перед снопом Иосифа. Редерер заявил, что великие дела нации сделали необходимым возрождение чувства чести. Хотя Конвенция отменила все титулы, она, тем не менее, предусматривала, что "оружие чести" может быть вручено солдатам, отличившимся. Статья новой конституции гарантировала от имени французского народа денежное вознаграждение его армиям. Эта простая фраза была одобрением, выбранным для создания корпорации, которая, подобно орденам абсолютизма, могла бы быть посредником между народом и его правителем, чтобы придать ему ту же таинственность, которая всегда окружает любого монарха, являющегося "источником чести". В хорошо продуманных и веских словах Первый консул заявил, что по-настоящему великие полководцы должны обладать высокой степенью гражданской добродетели. То, что люди в гражданской жизни были озабочены в основном не силой, как простые солдаты, какими бы храбрыми они ни были, а разумом и правдой, общим благополучием и обсуждением принципов: для него это было убедительным доказательством их права пить из этого источника, права более обязательного, чем у военных. Поэтому их нельзя было исключать. Республиканцы увидели ловушку и упорно сопротивлялись, но безуспешно. После принятия закона девятнадцатого мая 1802 года были сразу же установлены звания и определены декоративные значки. Каждый член парламента поклялся в преданности служению республике и сопротивлении любым попыткам реставрации феодализма во всех его проявлениях: таким образом, совесть была успокоена. Справа и слева люди науки, искусства и литературы появлялись со своими лентами и розетками; нация аплодировала, и мнение Бонапарта было оправдано. "Вы называете это игрушками! Что ж, ты управляешь мужчинами с помощью игрушек", - заявил он. Это событие оправдало его.

В августе были объявлены результаты плебисцита: из трех с половиной миллионов голосов только несколько тысяч проголосовали отрицательно. Одним из них был голос Лафайета. Его благодарность Бонапарту за освобождение из австрийской тюрьмы до сих пор выражалась в воздержании от открытого противодействия воле своего освободителя, хотя на самом деле он был самым сильным выразителем того немногочисленного, что осталось от просвещенного либерализма во Франции. Преисполненный решимости не одобрять даже отрицательно происходящее, но уйти из общественной жизни, он написал Первому консулу, протестуя против курса последнего. "Несомненно, - сказал он, - вы, кто первый в том ряду людей, которые возлагают дань на все века, чтобы найти себе соперника и место, хотели бы, чтобы такая революция, такие завоевания и кровопролитие, такие страдания и чудесные деяния имели для вас какую-то иную цель, кроме произвола власти". Протест, конечно, остался без внимания.

Таким образом, выражаясь языком Бонапарта, "свобода и равенство были поставлены выше каприза случая и неопределенности будущего". После объявления результатов голосования было внесено несколько заключительных штрихов в работу. Списки знати были упразднены, и небольшие кантональные собрания назначили кандидатов на более низкие должности. Коллегии выборщиков приемлемого размера присылали из округов

имена кандидатов в трибунат; аналогичные коллегии присылали из департаментов имена кандидатов в законодательный орган и сенат; в то время как все выборщики этих первичных собраний назначались пожизненно. Функции трибуната были ограничены, и с тех пор он совещался за закрытыми дверями. Государственный совет был лишен своего верховенства в результате создания малого тайного совета, который выполнял большую часть его работы. Полномочия сената были настолько расширены, что сделали его почти суверенным. Он мог приостановить действие конституции или истолковать ее, отменить решения судов и распустить трибунат и законодательный орган, всегда при условии, что такое предложение исходило от правительства. И правительство сохранило за собой только три прерогативы — право помилования, право назначать преемника на посту главного магистрата и право назначать сорок сенаторов. На самом деле, хитроумное манипулирование этими положениями сделало Первого консула пожизненным, а его должность - наследственной, без проведения дальнейшего плебисцита.

Несколько мудрых людей поняли, насколько скована нация, и один из них предложил в брошюре, что Бонапарта следует сделать королем, если только он восстановит конституционное правление. Было легко с презрением отмахнуться от предложения, столь подрывающего "свободу". Нация была довольна. Революция, наконец, достигла кульминации благодаря осуществлению своих идеалов в лице воина, способного реализовать их дома и защищать за границей. Границы Франции были расширены, в пределах ее границ воцарился порядок, мир был заключен с честью, в "империи" Франции была установлена "империя" либеральных идей - любимая фраза Конвента; и в ней существование благотворных институтов, пронизанных либеральным духом, было гарантировано надежным контролем того, кто мог превратить эксперименты в национальные привычки.

За пожизненным консулом стояла теперь очищенная и объединенная армия, набранная по системе, гарантировавшей ее бессрочность и эффективность. Порождение Революции, армия, была национальным институтом; но влияние Бонапарта в сочетании с законами о воинской повинности Директории и консульства постепенно и полностью изменили ее характер и дух. Отцы больше не отдавали своих сыновей ради принципа; семьи больше не видели, как призывники маршируют с чувством, что они приносят себя в жертву патриотизму. Многолетний опыт сделал это само собой разумеющимся; молодые люди отправлялись сражаться ради славы и, увы! слишком часто ради добычи. Со времен первой итальянской кампании под его командованием, которое теперь было пожизненным главным судьей, последний мотив всегда присутствовал и часто признавался. Командир, на которого можно было положиться в удовлетворении страсти французов к отличиям и в то же время класть деньги в кошельки своих солдат, мог быть уверен в их преданности.

ГЛАВА XXIII

Порог монархии [\[24\]](#)

Зрелый Бонапарт — Способности и возможности — Внешность — Ум и манеры — Личные привычки — Человек Франции — Консульский двор — Цинизм Первого

консула — Вражда между Бонапартом и Богарне — Неиспользование республиканского календаря — "Гений христианства".

Сейчас Бонапарту было тридцать четыре. До сих пор он был не только инструментом судьбы, но и полностью архитектором своего собственного состояния; он был и тем, и другим. На Корсике его незрелые способности были подорваны неподвластными ему условиями. Во время Революции он хватался за каждую соломинку, которая могла спасти ему жизнь и обеспечить ему пропитание. До женитьбы он был солдатом удачи, а фортуне было трудно - либо из-за профессионального мастерства, либо из-за политических интриг - добиться ее расположения. Соответственно, он обходился без них, страдая, заблуждаясь, мечтая, философствуя, наблюдая и накапливая опыт, который сделал его зрелым в том возрасте, когда большинство мужчин все еще мальчики. Наблюдатель не может заметить никакой революции в его характере, когда начали открываться возможности. Та же беспринципная предприимчивость, та же решимость воспользоваться шансами момента, та же способность максимально использовать обстоятельства; но теперь зерно - пшеница, а результат - мука.

Каждый успех - это начало нового усилия, и его интриги демонстрируют ту же самонадеянность, что и в детстве. Только теперь его планы разворачиваются не в холодных порывах привычных неудач, а в мягком дуновении процветающих влияний. Многие историки заявляют о существовании великого жизненного плана, заявляя, что с помощью сатанинских сил мальчик заранее спланировал каждую деталь своего возмужания. Этому нет ни малейших доказательств. Все, что ясно, - это постоянное использование великим умом, закаленным в огне опыта, все больших возможностей по мере их возникновения. Как и все люди, способные командовать, Бонапарт принадлежал не к одной эпохе, а ко всем эпохам. Его стихийная природа сделала время, место и условия, в которых он на самом деле жил, средством достижения своей цели, точно такими же, какими были бы в другом столетии и в другой среде. Кем бы он ни был в другом месте или в другую эпоху, он был олицетворением Франции, какой она была в его время, когда он по ее желанию и при попустительстве достиг вершины своего могущества.

1803

"Спокойный на огненном коне"; таким образом, он пожелал, чтобы великий художник того времени Дэвид изобразил его для потомков. Таким образом, он твердо решил и казаться, и быть. Но заслуживающие доверия портреты того времени, странным образом меняющиеся в зависимости от художника и настроения натурщика, оставляют в композиции совершенно иное впечатление, выраженное Ламартином как впечатление "беспокойного пламени". Его массивный лоб, нависающий над пронзительными голубыми глазами, тонко очерченный нос, тонкие изогнутые губы, сильный короткий подбородок, увенчанный редкими прямыми каштановыми волосами и твердо посаженный на крепкую шею, производили впечатление мужественной силы; то же самое делал и его длинный бюст. Но его довольно грязноватый цвет лица, невысокий рост, тонкие и изысканно вылепленные руки и ноги, ослепительные своей чистой белой кожей, удобство мягкой шляпы, свободной одежды и мятой обуви свидетельствовали о нервном темпераменте, нетерпимом к физической дисциплине. Обычно его голос был мягким и ласковым, но обращался он холодно и надменно, особенно к незнакомым людям; однако, когда он возбуждался, его речь была краткой, резкой, язвительной. Его жесты были неэлегантными, а осанка неловкой; он

говорил по-французски неправильно, и выражение его лица практически не имело отношения к его языку. Его улыбки были натянутыми, но смех был искренним. "Ударь по меди перчаткой, - сказал он, - и она немеет, но ударь по ней молотком, и она зазвенит". Таким образом, он был почти груб, обращаясь к важным лицам, но не был ни напускным, ни высокомерным. Все, кто его видел, свидетельствуют, что его присутствие было серьезным и благородным, даже величественным. Де Сталь заявил, что "больше и меньше человеческого, сравнение невозможно".

Современники-поэты считали, что у него потрясающее воображение: у него была плохая память на слова, но он с точностью запоминал цифры и детали, которые приводили в замешательство; и он владел финансовыми отчетами и статистикой в таком совершенстве, что ошеломлял своих агентов и министров. Он был близко знаком с личностями, жизнями и семейными архивами своих офицеров, и когда он расхаживал, заложив руки за спину, склонив голову набок, механически двигая губами из стороны в сторону, он мог открыть любую ячейку своей памяти и часами диктовать факты, цифры, приказы, предложения. Такие враги, как Ремюза и Талейран, считали его невоспитанным, но они признавали, что его суждения были безошибочны, а работоспособность несравненна; по крайней мере, из четырех человек в одном. Он был неутомимым читателем, особенно в области права, философии, управления и войны; и в беседах с великими специалистами он мог извлечь из их запасов метким вопросом точное объяснение трудных моментов таким искусным способом, что увлекал и очаровывал великих людей, общества которых он искал.

Время было его самым ценным товаром, и для каждого этапа и состояния жизни у него был свой распорядок, от которого он отклонялся крайне неохотно. В те годы его дни проходили в бережливом отношении к каждому часу. Он встал в семь, вызвал своих секретарей и увидел, что перед его глазами открыты оба письма и бумаги. Он прочитал все первые и услышал полные отчеты о последних, периодические издания и журналы на английском и немецком, а также французском языках. Тем временем его тщательно растерли с головы до ног шелковой щеткой, сбрызнули ароматизированным спиртом и вытерли губкой. Это дополнялось частыми ваннами - для чистоты, а не для бодрости. Затем он побрился перед зеркалом, которое держал наготове его телохранитель, мамелюк Рустан. Затем он быстро облачился в свою одежду, сшитую из самых лучших и мягких материалов, какие только можно было достать; его обычной формой были зеленые мундиры егерей с полковничьими эполетами, белые нанковые бриджи и лакированные сапоги со шпорами. Взяв у служащего носовой платок и табакерку, он прошел в свой кабинет и проработал до десяти, когда на маленьком столике красного дерева перед ним был накрыт простой завтрак - какое-нибудь незатейливое блюдо с единственным бокалом вина. Поев, он непринужденно устраивался на диване, проводя короткое время в размышлениях, часто в легком сне; затем, быстро просыпаясь, он возобновлял свою диктовку, расхаживая по комнате с нахмуренными бровями. Поздний вечер был посвящен прогулкам на свежем воздухе и приему посетителей, его обеденное время было в семь, вечер был посвящен отдыху, а в десять он уже спал. Когда дела были срочными, а это случалось очень часто, он снова вставал в полночь, принимал легкий напиток, шоколад или мороженое, и, закутавшись в халат, возобновлял свою работу с секретаршами под рукой. Его труды закончились, он снова удалился на покой и сразу же погрузился в крепкий сон. Охваченный тревогой, он удалился из Тюильри в тихий Мальмезон.

Провидцы могли бы произнести напрасную и красивую фразу, как они делали тогда и делают сейчас, что, пожав лавры и исчерпав славу завоеваний, он должен обратиться к улучшению расы, вести великую нацию с легкой руки народного закона по блестящим путям, озаренным светом века. Идеальной нации, о которой шла речь, не существовало. Именно потому, что деспотизм монархии и безумие революции показали полное отсутствие самоконтроля в нации, - потому что французы в целом стремились не к добродетели, а к удовольствиям, не к самоотречению, а к роскоши, не к строгой морали, а к славе, — потому что Бонапарт был человеком по сердцу им самим, у него было некоторое оправдание в его ответе на требование свободы печати: "Через мгновение, - сказал он, — у меня было бы тридцать роялистских журналов и столько же якобинских, и мне пришлось бы управлять меньшинством. " Многие современные серьезные, свободолюбивые французские государственные деятели имели основания с горечью в сердце вспоминать этот язык. Поскольку министерства во Франции рушатся, а дюжина законодательных фракций, каждая из которых имеет свой журнал, объединяются ни с какой иной целью, кроме спортивного свержения правительства, это, увя! слишком часто меньшинство, которое не управляет и не повелевает, а направляет общественную карьеру с помощью своего рода терпения. Это происходит потому, что контроль над правительством, даже на короткое время, означает автократический контроль над властью, покровительством и почестями, как это было устроено Бонапартом для его собственных целей.

Нет никаких сомнений в том, что Первый консул осознал, что он натворил и куда направлялся. Заговоры серьезно действовали ему на нервы; он все больше и больше отдалялся от общества всех, кроме нескольких доверенных лиц, и окружал себя все более строгим этикетом. Мне. Бонапарт собирал в Тюильри все большее число дворян, охотящихся за состоянием, которые надеялись, что возвышение Бонапарта все же станет ступенькой к восстановлению династии Бурбонов. Эти элегантные особы смеялись вслух над тем, что они слышали и видели. Одежда и состояние монархии были восстановлены, но ни сам главный судья, ни покойные республиканцы, укрепившие свое положение при дворе, не обладали манерами или моралью тех, для кого были созданы социальные институты королевской власти. Вернувшиеся аристократы находили очень забавным, что великий человек любил уединение, и находили развлечение в историях о привидениях, во вздохах ветра, в бесцеремонных островах грубого остроумия или в грубой фамильярности грубоватого общения с простыми людьми; они считали очень нелепым, что его пороки были обычными, а может быть, и хуже; они находили смешным, что вновь прибывшие поскользнулись на полированных полах, и им казалось забавным, что благородные дамы старого режима, которые, подобно г-же де Ремюза, приняли их за обычных людей. постоянные придворные дамы часто подвергались обращению и занимали должности, не предусмотренные обучением, которое они получали у придворных наставников.

Но, несмотря на все это, в Тюильри было невесело. Вождь становился робким и мрачным перед своими собственными достижениями, поскольку стремился справиться с трудностями, которых честолюбие не предвидит, но с которыми оно должно считаться. Никому так не нравилось, как Бонапарту, разъезжать по улицам в окружении охраны или размышлять на зеленых аллеях, где, как в Мальмезоне, каждое дерево иногда служило постом патруля. Однако даже он не мог изменить эту необходимость, и система шпионажа была окружена им, как клетка, для его защиты. Что же касается друзей, то их становилось все меньше и меньше, ибо одной из максим Первого консула был циничный афоризм Макиавелли о том, что с друзьями всегда нужно обращаться так, как будто однажды они

могут стать врагами. Даже понятие долга, не говоря уже о его практической реализации, было ему чуждо; великодушие, честность и искренность были утопическими концепциями, о которых его мир и его опыт никогда не знали. Привлекательные видения и идеалы добродетели, которые смешивались с рассуждениями Руссо или Вольтера, стали, подобно миражу в пустыне, пустыми иллюзиями, которые усиливают бесплодие личных интересов и честолюбия, скрывающихся за ними. Человеческая жадность, страсть, тщеславие — таковы, заявлял Бонапарт, движущие силы, с помощью которых правят короли; справедливость правителей была для него гарантией комфорта, материального процветания и суеверий, которые под именем религии создают моральную силу, необходимую для поддержания общественного порядка.

В кругу, непосредственно окружавшем Бонапарта, было много ссор и зависти. Поскольку Жозефина была бесплодна после своего второго брака, перейдет ли право наследования к ее детям или к родственникам ее мужа? Это становилось серьезным вопросом. Жозеф Бонапарт поддерживал связь нового порядка с республиканской идеей благодаря своей искусной дипломатии как в обществе, так и на зарубежных переговорах. Он был склонен уступать своему своевольному брату в любой крайности, а его красавица жена служила опорой семейным интересам. Энергичный и способный Люсьен достиг вершины своих возможностей и, сколотив солидное состояние, занимая пост французского посланника в Мадриде, начал отстаивать свою прежнюю демократическую независимость. Теперь он был вдовцом и, отказавшись жениться на королеве-регентше Этрурии, выбрал жену из народа, и этот шаг в конечном итоге стоил ему изгнания. Жозефине удалось добиться брака между своей дочерью Гортензией и третьим братом ее мужа, Людовиком; но хотя позже император подумывал о том, чтобы завещать свою власть их сыну, в настоящее время их ссоры, вместо того чтобы утихомириться, усилили вражду Бонапарт-Богарне. Иногда громким шепотом поговаривали, что единственным решением надвигающихся трудностей был развод Первого консула со своей женой; но этот вопрос еще не обсуждался всерьез. Консульская пара никогда не состояла в церковном браке, и многие с тех пор предположили, что это был недовольный муж, который высказался с явным пристрастием к легкому разводу, которое Бонапарт проявил при обсуждении гражданского кодекса. Джером был среди офицеров, блокированных английским флотом в Вест-Индии. Сбежав в Соединенные Штаты, он отчаянно влюбился в Элизабет Паттерсон, красивую женщину из Балтимора, и в декабре 1803 года женился на ней. Добрачный контракт составлен на языке, доказывающем, что ее отец понимал, на какой риск идет. Как и следовало ожидать, первый консул пришел в ярость, отказавшись признать этот брак или рожденного от него ребенка и запретив своей невестке жить во Франции. За короткое время недостойный объект его гнева покинул свою семью и вернулся, по-видимому, без особых угрызений совести, в лоно своего старшего брата и получил долю в великолепии Империи.

Женщины Бонапарта были умными интриганками. Мадам Мера тихо жила в своем собственном доме, где, к раздражению своего сына, продолжала говорить на корсиканском диалекте и экономить деньги; говорят, что она всегда сомневалась в постоянстве возвышения своего сына. Элиза, ныне мадам. Баччокки, была проницательной светской женщиной и с помощью Люсьена сформировала литературный кружок, в котором Шатобриан был просветителем. Полина вернулась из Сан-Доминго, чтобы выйти замуж за принца Боргезе, и прославилась своими супружескими изменами. Кэролайн, жена Мюрата, была раздосадована интеллектуальной неполноценностью своего мужа, но умело использовала свое положение на благо своей семьи. Из всех его связей ни одна не была

более полезной для главы государства, чем Феш, которого было легко убедить вернуться в Церковь, и вскоре после Конкордата он стал архиепископом Лионским и кардиналом. Республиканский календарь номинально все еще сохранялся, но после примирения государства и Церкви празднование десятидневного фестиваля Декади, учрежденного при республике, вышло из употребления, Церковь возобновила соблюдение воскресенья, и среди усердных служителей мессы в этот день был Первый консул. Его близкие отношения с церковным сановником не имели тенденции ослаблять узы, которые связывали его правительство с религиозными чувствами простых людей.

В большом мире за пределами Тюильри на мгновение воцарился покой. От якобинства и революционного брожения ничего не осталось. Улицам и населенным пунктам были возвращены старые названия, точно так же, как теперь все носили одежду старого режима, за исключением обедневших аристократов, которые в знак умеренного протеста продолжали носить брюки санкюлотов. Однако даже они получили обратно небольшую часть своего имущества, и новоиспеченные богачи увидели в подтверждении личного правления консулом так называемой республики гарантию того, что от них никогда не потребуются возврата остального бывшим владельцам. Поэтому оба в равной степени были удовлетворены тем, что было несомненно. Таким образом, монархисты и республиканцы были одинаково удовлетворены: последние - видимостью демократического правления, первые - реальностью, которая могла закончиться королевской властью, полным осуществлением их чаяний. Короче говоря, общественное доверие было восстановлено и проявилось в респектабельном, умеренном образе жизни, который был чужд Парижу при Директории. Все выглядело так, как если бы общество выполняло свои обычные функции в коммерции, ремесле, промышленности и религии. Даже искусство и литература возродились, как будто на прочной основе постоянной органической жизни. Мадам де Сталь доблестно боролась за известность и внимание великих людей, столь дорогих ее женскому сердцу, несмотря на всю их философию; но Бонапарт так и не простил ни ее настойчивого своекорыстия, ни того понимания его характера, которое проявили она и ее друзья, и он обнаружил, что атмосфера Парижа ей не нравится. Шатобриан, дворянин с большим воображением и блестящими литературными дарованиями, после нескольких неудачных начинаний романтической юности, наконец, опубликовал в 1797 году "Эссе о революциях", которое должно было стать миротворцем в борьбе идей, посредником между монархией и республикой. Она была пропитана атеизмом и философией Руссо. Очень скоро после ее появления автор стал объектом замечательного обращения и сразу же приступил к составлению своего трактата о "Гении христианства", этого изысканно литературного и благочестивого труда, который снискал ему славу. Хотя он до сих пор был неизвестен Бонапарту, его книга была настолько уместна по своему далеко идущему влиянию, что люди не могли избавиться от ощущения, что автор был спонсором Конкордата. Красноречивая и поэтичная по стилю, диссертация, тем не менее, суха во мнениях и скудна в аргументации. Таким образом, его жизнь была эфемерной, но его влияние, пока оно продолжалось, было высочайшим; в награду за его сочинение Шатобриан был назначен французским представителем сначала в Риме, затем в республике Вале.

ГЛАВА XXIV

РАСШИРЕНИЕ ИЛИ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИСТЕМА [\[25\]](#)

Толкование Международного договора — Документ, подписанный в Амьене — Политика Аддингтона — Влияние Англии в Германии — Реконструкция государственной системы Германии — Ее последствия — Лорд Уитворт в Париже — Позиция Бонапарта — Влияние армии — Разочарование Англии — Взаимные обвинения между Англией и Францией — Суд над Пельтье — Дипломатические разногласия — Отчет Себастьяни.

1802—03

Первый консул вполне мог считать, что конституция VIII года утвердила себя сама. Безумие якобинства было не просто остановлено, оно было полностью подавлено; политическая свобода, по-видимому, не была уменьшена, гражданские свободы были сформулированы и гарантированы, как никогда прежде; наконец, слава Франции никогда не была более блестящей, и консульство использовало свою славу, чтобы заключить мир с честью, которого так искренне желало. Ничего не оставалось, как обеспечить постоянство для начавшейся таким образом упорядоченной жизни. Мнения о том, насколько это возможно, сильно разошлись. Европейские дипломаты не питали особых надежд, зная, какое самообладание было проявлено обеими сторонами при заключении Амьенского мирного договора, какие запутанные вопросы были обойдены вниманием и как легко условия могли оказаться недействительными из-за противоположного толкования их духа; с другой стороны, Бонапарт, хотя и осознавал напряженность, которая в такую эпоху должна существовать в отношениях между монархиями и республиками, и воинственный нрав династий, полагал, что давление общественного мнения обеспечит соблюдение договора. Для него ее существенной чертой было возвращение Мальты ее бывшим владельцам, рыцарям Святого Иоанна, то есть в сферу французского влияния, или, другими словами, отказ Англии от абсолютного контроля в Средиземноморье. Похоже, он не вспомнил, что другие могли бы счесть соответствующее ослабление французского влияния на Континенте столь же важным для его правильного толкования.

Ибо Амьенский мирный договор содержал и другие положения. Война Англии не должна была оказаться напрасной. Тринидад и Цейлон были великолепными приобретениями для ее колониальной империи, и она сохранила за собой право пользоваться гаванями мыса Доброй Надежды. За исключением двух только что упомянутых островов, Испания и Батавская республика получили обратно все свои колонии, а Оранский дом должен был получить компенсацию за потерю власти в Голландии. Что касается восточного вопроса, гордость Англии не была унижена, Турция была оставлена в отношении своих территориальных границ, как и до войны, и снова признана сюзереном как Ионических островов, так и Египта. Взамен Великобритания должна была эвакуировать последнюю страну и, сдав Мальту, отказаться от своего контроля над Средиземноморским шоссе. Франция должна была эвакуировать Рим, Неаполь и Эльбу. Таков был документ, к которому двадцать седьмого марта 1802 года Жозеф Бонапарт, Корнуоллис, Азара и Шиммельпеннинк приложили руки от имени своих соответствующих стран - Франции, Великобритании, Испании и Батавской республики. Не было упомянуто ни о Пьемонте, ни о Гельветийской республике, ни о восстановлении Германии в соответствии с Люневильским миром, вопросом, который должен был быть решен по соглашению между Францией и Россией в соответствии с договором, подписанным восьмого октября 1801 года. Александр, новый царь, вступив на престол в марте прошлого года, быстро отказался от вооруженного

нейтралитета и доктрины "нейтральный флаг, нейтральные товары". Якобы он оставался дружелюбным по отношению к Бонапарту, но в своих инструкциях Маркову, своему послу в Париже, заявил, что первый консул, "льстя покойному царю, главным образом желал использовать его как оружие против Англии". Павлу, который был готов сражаться за "свободу морей" и сдержать Великобританию в Индии, Бонапарт мог уступить контроль в Италии; но Александру, который, было ясно, собирался покинуть Францию, он, естественно, не уступил бы ни малейшего континентального контроля сверх того, что было абсолютно необходимо для мира.

Успех переговоров в Амьене был во многом обусловлен личными качествами двух людей — лорда Корнуоллиса и Жозефа Бонапарта. Последнее было примирительным; первое, как Наполеон сказал лорду Эбрингтону в 1814 году, было честью для его страны из-за его честности и доброты. Не успел договор быть подписан, как лидеры оппозиции в английском парламенте начали заявлять, что он предоставил Франции господство на Континенте. Аддингтон решительно опроверг это утверждение. Аддисон всегда придерживался мнения, что Великобританию сделали островом для того, чтобы она могла быть арбитром на Континенте. Эту избитую доктрину Аддингтон энергично отстаивал и, уязвленный насмешками своих оппонентов, начал установление мира, уделяя больше внимания, чем когда-либо, освященной веками политике вмешательства в дела континента. В Батавской, гельветийской, Цизальпинской и Лигурийской республиках английские дипломатические агенты возобновили свои усилия по дискредитации французского влияния, утешая и поддерживая тех, кто с радостью опроверг бы все, что сделал Бонапарт. Недовольных было, однако, сравнительно немного, потому что народ, так долго бывший игрушкой старых европейских династий, лишь слегка воодушевился революционной эпохой и был доволен, если бы только он мог наслаждаться периодом непрерывного покоя.

Однако в Германии у английских посланников было лучшее поле деятельности, поскольку в этой разрушенной стране положение населения, хотя и напоминавшее положение тех, кто жил в только что перечисленных странах, не было идентичным. С тех пор как Франция утвердила доктрину о том, что ее естественной границей является Рейн, простейший ответ на вопрос о том, каким образом светские князья германского государства должны были получить компенсацию за захваченные территории, очевидно, был найден в повторении политики Ришелье по окончании Тридцатилетней войны, а именно в секуляризации епископств и их присоединении к династическим государствам. На Раштадтском конгрессе Австрия неохотно признала это в качестве руководящего принципа, каким бы пагубным он ни был для ее господства в империи — господства, основанного на поддержке церковных правителей, которые, не будучи связаны никакими династиями, естественно, сплотились вокруг великой римско-католической державы в противовес Пруссии, ее протестантскому сопернику. Таким образом, до сих пор римский католицизм в Германии был в основном консервативным, и английские дипломаты находили достаточно возможностей для проявления своей изобретательности в противопоставлении религиозных группировок, а также политических клик и династических интересов друг другу.

Но после Конкордата позиция Бонапарта настолько изменилась, что всем либеральным римским католикам в Германии и значительной части остальных практически не приходилось выбирать между Францией и Австрией. Таким образом, он смог провести в Германии превосходную политику полного переустройства, которую он проводил в Италии, — политику, получившую одобрение французского роялизма и французского

республиканизма. Как защитник Церкви, он мог зайти в этом благотворном процессе лишь настолько далеко, насколько ему удавалось убедить мир в необходимости этого. Настаивая, имея это в виду, на том, чтобы обе великие германские державы были отделены от Рейна линией маленьких государств, он начал разделять земли и передавать общины без малейшего оглядки на их волю. Ничто так убедительно не доказывает, насколько полностью был нарушен баланс сил или как были сокрушены старые концепции международных отношений, как положение германского корпуса и то, как Бонапарт распорядился им. Мелкие государства умоляюще пали к ногам Талейрана, и продажный министр пощадил те, которые заплатили больше всего; остальные исчезли с карты мира без какого-либо протеста, за исключением протестов их собственных свергнутых князей. Десятки коррумпированных маленьких дворов, опозоривших имя Германии, умерли, и никто не оплакал их кончину, и гордые имперские города были вынуждены склониться перед полуфеодальными династиями. Этот процесс вызвал хаос в местной зависти, которая помешала в Германии тому здоровому национальному развитию, которое уже продвинулось среди других европейских народов.

В результате ряда договоров работа неуклонно продолжалась. Царь был умиротворен щедрыми пожалованиями своим родственникам из правящего дома Вюртемберга. Пруссия получила в обмен Клеве и цену своего нейтралитета в таких прекрасных владениях, как Хильдесхайм, Падерборн, Кведлинбург и многих других; Австрия потерпела поражение, приняв итальянские соглашения, и меньшую долю, чем казалась ей правильной в Германии; но великий герцог Тосканский получил Зальцбург, Берхтесгаден, Бриксен, Трент и часть Эйхштедта. Бавария получила Пассау во исполнение обещаний Бонапарта. Баден и Дармштадт, как пограничные государства, стали немного сильнее, чем были. Суть соглашения между Францией и Россией заключалась в унижении Австрии, усилении Пруссии, расчленении Священной Римской империи и разрушении существовавшей до сих пор схемы европейской политики. Правящие дома Баварии, Вюртемберга, Бадена и Дармштадта были связаны родственными узами с царем. Ему казалось выгодным, что их сила возросла; с другой стороны, они разглядели в Бонапарте силу, которая вознаградила их за верность Франции, и стали его твердыми сторонниками. Излишне говорить, что английские государственные деятели с ужасом смотрели на это переустройство Европы и начали задаваться вопросом, может ли традиционный враг их страны таким образом беспрепятственно осуществлять свою волю во вред не только славе, но и процветанию Англии, возможно, даже угрожая ее независимости.

Эти изменения неуклонно происходили всю осень 1802 года и первый месяц 1803 года, завершившись в феврале этого года. До тех пор о них не объявляли как о "постановлении имперских делегатов", названном так из вежливости, и, что бы там ни подозревали, до тех пор они не были определенно известны. Но уже в сентябре 1802 года Аддингтон предпринял шаг, который доказывает, что в то раннее время его правительство было намерено дать свое собственное толкование Амьенского мирного договора, или, скорее, рассматривать любое толкование Люневильского мирного договора не в пользу Англии как нарушение Амьенского мирного договора. Этим шагом стало назначение послом Великобритании в Париже лорда Уитворта, величественного, несгибаемого, сдержанного аристократа. Он был бы замечательным представителем Великобритании при дворе Бурбонов; его присутствие на квазиреспубликанских консульских приемах Бонапарта само по себе было постоянным упреком новому порядку. Характер его инструкций соответствовал его назначению. Они выразили подозрение, что Франция тайно планирует

нанести ущерб интересам Англии, и потребовали от него уделять особое внимание землям, "находящимся под властью республики". В качестве повода для недовольства была названа аннексия Пьемонта, равно как и отношение Франции к трем новым республикам. Он должен был отказаться от какой-либо сатисфакции в отношении Мальты и не посвящать "его Величество в то, какими могут быть в конечном итоге его намерения в отношении острова". В частности, он должен был следить за политикой Франции в отношении Индии, как Восточной, так и Западной. Такого человека с такими инструкциями никоим образом нельзя было считать министром мира. В декабре он начал утверждать, что французская нация презирает свое правительство и что финансы Бонапарта находятся в серьезном расстройстве. С тех пор придирки и придирчивость перемежались в его переписке с заявлениями, внешне спокойными, но сдержанно возмущенными курсом Франции. Более того, он сказал, что каждый мирный год лучше для Великобритании, чем год войны, потому что это придаст силы и мужества тем французам, которые заинтересованы в свержении Консульства, которое, с другой стороны, будет ослаблено бездействием.

Первый консул был столь же проницателен. Говорят, что зимой член государственного совета выразил свое удовлетворение установившимся миром. "Делают ли подписи великих держав менее опасными для нас?" Последовал ответ Бонапарта. Ответ был, конечно, отрицательным. "Ну, тогда, - продолжил он, - сделай необходимый вывод. Если эти государства всегда ведут войну *in petto*, чтобы возобновить ее, то чем скорее она начнется, тем лучше; ибо с каждым днем стирается память об их поражениях, в то время как престиж наших побед забывается в равной мере. Таким образом, все преимущества на их стороне. Помните, что первый консул ни в коем случае не похож на этих королей милостью Божьей, которые смотрят на свои королевства как на семейные реликвии. Для них это преимущество, для нас - помеха. Ненавидимое своими соседями, вынужденное сдерживать различные классы внутреннего недовольства и в то же время вызывать уважение у стольких внешних врагов, французское государство нуждается в славе, а следовательно, и в войне. Она должна либо превзойти все остальные, либо пасть. Я буду мириться с миром до тех пор, пока мои соседи в состоянии сохранять его, но я буду считать преимуществом, если они вынудят меня взяться за оружие до того, как оно заржавеет.... С нашей точки зрения, я рассматриваю мир как короткое перемирие и считаю себя обреченным сражаться почти без перерыва в течение всего срока моих полномочий". Эта формулировка, хотя и заслуживающая доверия, была изложена гораздо позже, как и заявление Люсьена в его мемуарах о том, что именно амбиции, а не патриотизм после заключения Амьенского мира сделали войну необходимостью для его брата. Заметки того времени, дошедшие до нас от тех, кто не был в гуще заговоров и интриг, — таких людей, как Рапп и ему подобные, — создают иное впечатление: Бонапарт был искренне сыт по горло войной и действительно желал мира, конечно, не мира спада, а мира дальнейшего проникновения во французский престиж и влияние, мира вторжения, как это удачно назвали.

Однако невозможно быть уверенным в самом сокровенном желании первого консула, принимая во внимание огромную армию за его спиной, жаждущую войны и все еще размещенную в наиболее выгодных стратегических точках Европы. Там, где существует такая армия, должна быть могущественная военная партия, и такая партия должна влиять на великого полководца. Еще в 1875 году великие военачальники Германской империи едва не сорвали государственную политику Бисмарка и почти преуспели в возобновлении франко-прусской войны с целью низведения Франции до вассалитета. Подобное влияние, возможно, временами оказывалось на Бонапарта; но обвинение в том, что уже в 1802 году

Франция была обреченной жертвой амбиций Бонапарта, а вся Европа - лишь его орудием, остается недоказанным. Он еще не был убежден, что война необходима для расширения его влияния, и только два года спустя появились доказательства того, что его мечты о западной империи приобрели определенную форму. Затем, когда Франция боролась за свою жизнь с Англией, управляемой узколобым и нездоровым королем, и когда вся династическая Европа объединилась против него, он, похоже, убедился, что наконец пришло время, когда, чтобы победить Англию и уничтожить династическое правление в Европе, он должен всеми имеющимися в его распоряжении средствами объединить западный мир под своей властью.

Промышленные и торговые круги Англии с радостью приветствовали как предварительные переговоры в Лондоне, так и Амьенский мир. Это правда, что христианские чувства в стране были потрясены официальным восстановлением работоторговли со стороны Франции; но это чувство было на мгновение подавлено ввиду неисчислимых выгод для торговли, которых можно было справедливо ожидать в результате заключения мира. Однако в этом ожидании торговцы были разочарованы, поскольку Консульство немедленно ввело в действие определенные произвольные и раздражающие правила судоходства, призванные ограничить любые посягательства на его жесткую защитную политику. Благочестивая филантропия Англии всегда видела, как миссионерское рвение шло рука об руку с британской торговлей как лучшим средством одновременного исполнения предназначения Англии и улучшения мира. Соответственно, общественное мнение снова подхватило клич против работоторговли, и вскоре оно изменилось настолько, что приветственные крики толпы превратились в новые проклятия Бонапарту. С тех пор влияния, которые объединились, чтобы создать воинственный настрой в Англии, были кумулятивными. Частные лица обнаружили, что пункт договора, который снимал все конфискации с их собственности во Франции, было нелегко привести в исполнение. Государственные деятели начали говорить, что путем дальнейшего расширения системы федеративных штатов под французской гегемонией их морская империя не обеспечит ничего, кроме незначительной транспортной торговли с колониями, в то время как европейская торговля, которая была гораздо важнее, будет передана в другие руки. Король опасался, что вместе с гарантией территориальной неприкосновенности, которая была его опорой, исчезнет и сам абсолютизм.

Горькое недовольство британцев было выражено в публичной прессе почти до того, как высохли чернила на Амьенском мирном договоре. Бонапарт, требуя права назначать консулов в главных портах Англии и Ирландии, назначил должностных лиц и отправил их на их должности. Под предлогом того, что эти люди были шпионами, которым было поручено составлять и пересылать в Париж планы гаваней, они были схвачены и им было запрещено приступать к своим обязанностям. Более того, некто Пельтье, эмигрант, начал без помех со стороны властей издавать в Лондоне французский роялистский журнал "L'Ambigu", в котором постыдным, но блестящим образом высмеивал первого консула и оскорблял его. Через два месяца после заключения мирного договора Бонапарт начал протестовать против такой вольности. Английская администрация сослалась на конституционные гарантии свободы прессы и подтвердила правдивость обвинений, выдвинутых против консулов. Вскоре волна взаимных обвинений хлынула вовсю, и колонки "Монитер" были заполнены материалами, аналогичными оскорбительному содержанию английской прессы. Парижские газеты начали заявлять, что "Карфаген должен быть разрушен". Ирония судьбы заключалась в том, что в то время как в Англии правительство могло отрицать свою ответственность за высказывания газет, Бонапарта, который

полностью уничтожил свободу прессы во Франции, можно было привлечь к строгой ответственности за каждое напечатанное слово.

Уже в июле первый консул сделал свои претензии предметом дипломатического протеста. Получив мягкий ответ, он затем перечислил в качестве жалоб, помимо лицензии английских газет, проживание эмигрантов в Великобритании, укрывательство ею заговорщиков, таких как Жорж Кадудаль, и ее защиту принцев Бурбонов. Хотя Закон об иностранцах позволил бы правительству Англии высылать политических беженцев, это противоречило мудрой политике, и это было объяснено французскому послу. Однако для того, чтобы временно умиротворить французское правительство, Пельтье был привлечен к ответственности за клевету на Первого консула. Благодаря мастерству адвоката подсудимого судебный процесс превратился в ликование по поводу свободы прессы; и хотя технически виновный был осужден, он так и не был привлечен к ответственности. После этого, с помощью субсидии от Бонапарта, ирландские радикалы начали публиковать в Лондоне пламенную статью, содержание которой поставлялось из Парижа и предназначалось для противодействия влиянию английских журналов.

Тем временем Первый консул дал все основания полагать, что его единственной войной должна быть дипломатическая; его главным интересом явно было улучшение французской промышленности, расширение благотворных общественных работ и укрепление своей колониальной империи. Луизиана была передана Франции Испанией в обмен на королевство Этрурия, и снаряжалась экспедиция, чтобы отправиться туда и завладеть ею. Усилия были направлены также на восток: Себастьяни, искусный дипломат, был направлен в сентябре под видом коммерческого агента тщательно изучить персидские дела и доложить о ситуации в Леванте. В качестве контрмеры протесту, который, как полагал Бонапарт, будет поднят в связи с аннексией Пьемонта, он наполнил Ирландию секретными агентами, в обязанности которых входило разжигать и организовывать дух восстания, одновременно тщательно изучая страну. Якобы они тоже были коммерческими агентами, и даже когда некоторые из их инструкций были изъяты английскими официальными лицами, ничего обратного доказать не удалось. В их случае, как и в случае с Себастьяни, не похоже, что Бонапарт стремился к чему-либо, кроме как обеспечить себе альтернативу в случае крайней необходимости. То, что в конечном итоге ему пришлось выбрать альтернативу в Ирландии, не является доказательством обратного. Точно так же не было явной враждебности в том факте, рассматриваемом с любой точки зрения, что прекрасная тридцатитысячная армия Нея, направленная в Швейцарию якобы в интересах поддержания порядка, служила также для сдерживания как Пруссии, так и Австрии, если они проявят беспокойство в условиях новой реорганизации Европы. Когда Англия выразила протест, Бонапарт объявил в ноте своему послу в Англии от двадцать третьего октября 1802 года, что его решение принято. Если возникала угроза войны, то это должна была быть континентальная война, следствием которой могло быть только принуждение его к завоеванию Европы. Ему было около тридцати трех лет. До сих пор он уничтожал только второсортные государства. "Кто знает, сколько времени ему потребуется, чтобы снова изменить облик Европы и возродить западную империю?" Этот документ Отто, посол, фактически замалчивал, зная, в какой степени эта угроза поставит под угрозу мир.

Летом 1802 года Фокс отправился в Париж, где в начале сентября был представлен Бонапарту. Английский государственный деятель был очарован и отбыл с убеждением, что его хозяин не желает ничего, кроме мира, проводя либеральную политику как внутри

страны, так и за рубежом, насколько это совместимо с безопасностью. Но английская пресса не стала менее злобной ни из-за благоприятного репортажа Фокса, ни из-за блестящей защиты Франции, с которой он выступил со своего места в парламенте. Ближе к концу января 1803 года Талейран выступил с протестом перед Уитвортом, резко потребовав, что Англия намерена делать с Мальтой. Уитворт дал уклончивый ответ, намекнув, что мнение короля об изменениях, произошедших в Европе после заключения мирного договора, может иметь важное значение для определения его решения относительно распоряжения островом. Это был первый официальный намек на то, что Англия не намерена выполнять свое обещание. Несколько дней спустя Себастьяни вернулся с Востока, и тридцатого января 1803 года "Монитор" опубликовала его подробный отчет. Это был длинный документ, полностью объясняющий все причины слабости Англии на Востоке и излагающий возможности восстановления французских колоний в Египте и Леванте. Там была только одна угрожающая фраза, но она выражала неприятную правду о том, что "шесть тысяч французских солдат теперь могут завоевать Египет". Публикация в Англии этого документа вызвала огромную бурю в обществе, и многим историкам было приятно рассматривать курс Бонапарта как фактическое объявление войны. На самом деле это был просто французский Роланд для английского Оливера. Если Англия намеревалась сохранить Мальту, пусть она остерегается своего престижа на Востоке. Если бы Бонапарт предложил действовать на основании доклада Себастьяни, он, конечно, не опубликовал бы его. Конечно, английское население совершенно не смогло осознать столь важный момент, и инцидент настолько обострил отношения Франции и Англии, что вся Европа увидела надвигающийся кризис — одна или другая, или обе должны согласиться на изменение договора в отношении Мальты, иначе начнется война.

ГЛАВА XXV

НАПРЯЖЕННОСТЬ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ [\[26\]](#)

Взаимные впечатления — Неизбежность войны — Состояние Англии — Бонапарт как французский бюргер — Демократия Тюильри — Частная беседа Бонапарта и Уитворта — Мобилизованное английское ополчение — Горячие слова на приеме у Бонапарта — Объяснение сцены — Франция все еще спокойна — Англия Непоколебима — Объявление войны.

1803

По достоверным оценкам, число иностранцев, прибывших во Францию в 1802 году, составило двадцать тысяч, из которых четыре пятых были британцами, в том числе Фокс и лорд Холланд. Впечатления сочувствующих англичан были не просто благоприятными, их чувства были ошеломлены. Как и сама Великобритания, Франция, казалось, помолодела благодаря последовательным революциям, национальная жизнь обрела новую силу благодаря движению и переменам. Им было ясно, что новая Франция окажется врагом гораздо более грозным, чем недавняя или бывшая. Искатели удовольствий не находили ничего из того, чего желали, ни безрассудного порока, ни легкомысленного веселья. Париж был серьезным, уравновешенным, почти сдержанным. Страна была оживленной и мирной,

сельское хозяйство процветало, церковь восстановлена, жизнь и товары в безопасности, автомобильные дороги улучшены, социальные и торговые отношения налажены с достоинством. Личность Бонапарта произвела на них впечатление проницательного государственного деятеля; они думали и боялись, что это сочетание Кромвеля и Вашингтона. Они не видели ничего похожего на их собственное промышленное возрождение; они могли видеть, что правитель не был великим финансистом, даже справедливым экономистом. Но он был одинаково велик и как воин, и как гражданское лицо, поэтому они вернулись, чтобы сообщить глухим, что мир должен поддерживаться даже ценой больших жертв. Либеральные и сочувствующие немцы сделали аналогичные наблюдения, и они с интересом отметили простую жизнь и незамысловатые обычаи, царившие в Тюильри, в качестве примера для людей власти, пришедших на смену теоретикам Революции. Франции, которая принесла бы себя в жертву во искупление монархических преступлений, возрождательницы народов, распространительницы утопий, больше не было. Твердая и прямолинейная, как правительница, она выглядела уже не чародейкой, а Беллоной; будучи возрожденной, она бросала вызов невозрожденным династиям, которые сохранили лишь одно высокое качество: они были единственным внешним выражением континентальной национальности.

В музее в Льеже, Бельгия

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ, ПЕРВЫЙ КОНСУЛ

С картины Жана-Огюста-Доминика Энгра, подаренной городу Льеж Наполеоном в 1806 году. Утверждается, что это один из немногих портретов, для которых позировал Бонапарт.

Эти напряженные отношения между двумя великими западными державами были естественным следствием их противоположных интересов и того факта, что ни одна из них еще не была истощена войной. Говоря об Амьенском мирном договоре вскоре после его подписания, Георг III сказал: "Я называю это экспериментальным миром; это ничто иное". Это был двойной эксперимент. Насколько Бонапарт обуздает свои амбиции? Насколько Англия откажется от своего контроля над европейской торговлей? Вскоре стало ясно, что ни одна из сторон не настроена на примирение и что так называемый мир был всего лишь перемирием. Более того, Бонапарт вскоре после прибытия лорда Уитворта пришел к выводу, что перемирие будет коротким. Соответственно, он отозвал из Лондона слишком миролюбивого Отто, заменив его в декабре генералом Андреосси. Его убежденность подкреплялась формулировками, которые английский посол использовал в беседе с Талейраном в январе. Мирный период, каким бы коротким он ни был, настолько укрепил Бонапарта в благосклонности французов, что он также почувствовал себя в состоянии уволить трех других государственных служащих, которые, казалось, не желали мириться с новым состоянием абсолютного контроля со стороны Первого консула. Это были Фуше, Редерер и Буррьен: первый - проницательный, беспринципный, своекорыстный якобинец;

второй - мудрый, преданный, но бесстрашный и иногда доставляющий хлопоты советник; третий - продажный, легкомысленный и часто лживый секретарь, который слишком полагался на ранние знакомства, чтобы продолжать раздражающую близость. Почти в то же время Ланн был восстановлен в благосклонности, а консульская охрана была усилена. В начале того, что казалось честной борьбой за жизнь, главный герой, казалось, был полон решимости сбросить с себя всякий груз, отказаться даже от своих настоящих друзей, когда возникнут проблемы.

Земельная аристократия Великобритании увидела, что успехи Бонапарта поставили под угрозу весь ее престиж; ее контроль над парламентом, ее влияние в местных органах власти, ее иерархия в церкви и государстве, ее абсурдный контроль над избирательным правом - все это резко контрастировало с реформами диаметрально противоположной направленности, проводившимися во Франции, где бюргеры и крестьяне стали самостоятельными и выставляли напоказ свои права и власть перед всей Европой. Британская революция была неизбежна. Великие мастера промышленности были столь же свирепы и решительны. Произошло внезапное объединение всех важных интересов. Если Пьемонт был аннексирован, Швейцария установила протекторат, Италия была вынуждена смириться, земли долины и устья Рейна были запуганы или привлечены к сочувственному подчинению, а Люневильский мирный договор вступил в силу, островное королевство действительно оказалось в изоляции. Такое континентальное сочетание закрыло бы дверь перед лицом британской торговли. И все же мир был больше Континента и рынки не менее важны. Таким образом, континентальная коалиция открывала бы пути к океану, и ни одна из держав, великая или малая, не была бы в состоянии содержать боеспособную армию с боеспособным флотом. Политика союзов и субсидий была всегда под рукой, и к этому снова вернулось английское министерство. Ни Австрия, ни Россия, ни Пруссия, какими бы устаревшими ни были их системы и политика, какими бы нестабильными ни были их правительства и финансы, какими бы неопределенными ни были сами их границы и лояльность их подданных; залатанными, заштопанными и изношенными ни были их династические отношения; ни одна из них не была довольна, ни легка, ни надежна. Под рукой был материал для новой коалиции, такой же прогнившей, как и другие, поскольку династическая ткань одежды устарела, а также растущее и новое чувство национальности. К работе по обновлению приложили свои руки Джордж и его министры; обновили старые вещи, старые модели, старую моду - все это следовало выбросить в мусорный мешок.

Война, которая была неизбежна, ни в коем случае не была бы войной между Англией и Францией в собственном смысле этого слова, а скорее призывом к оружию в связи с расширением революционной системы Бонапартом в его собственных целях. Прекрасно понимая, что если война неизбежна, то ради его же блага она должна была начаться быстро, Бонапарт решил выяснить, неизбежна ли она, и сделать это таким образом, чтобы еще больше расположить к себе тот класс французского народа, который теперь казался его самой сильной опорой, — крупный средний класс, или буржуазию. Будь он генералом, дипломатом или государственным деятелем, он никогда с тех пор, как появился во французской общественной жизни, не позволял им забыть, что он был одним из них. Между прочим, можно отметить, что его решимость удовлетворять средний класс, когда это возможно, сыграла значительную роль в грандиозной схеме общественных работ, задуманной и частично осуществленной им самим. Строительство больших каналов, совершенствование шоссежных дорог, щедрое расходование государственных средств на административные здания, украшавшие провинциальные города, при одновременном

распределении ассигнований на эти работы между жителями, общий контроль над этими предприятиями из Парижа — все это чрезвычайно усилило влияние, которое главный магистрат имел на страну в целом. Он одевался, вел себя и разговаривал, насколько это было в его силах, как французский бюргер, презрительно и демонстративно используя формы общества и дипломатии как необходимые безделушки, пока они были полезны, но подвергая их общественному презрению всякий раз, когда это служило его целям.

Во многом та же политика проявлялась и на официальных приемах, проводимых в Тюильри. Во-первых, семейная жизнь Бонапартов тщательно подчеркивалась присутствием жены Первого консула и его сестер со своими семьями. Ни при консульстве, ни при Империи любовницам никогда не разрешалось выставлять себя напоказ на публике. Предполагалось, что в первой семье страны действуют те же стандарты супружеской верности, что и в народных массах. Кроме того, проявлялась добродушная фамильярность, иногда даже бесцеремонность и грубоватость, подобная той, что распространена среди представителей среднего класса, — доброжелательность, которой они восхищались превыше всех других качеств. В торжественных случаях высшие государственные чины с дипломатическим корпусом выстраивались в круг, подобный тому, что было принято при дворах с незапамятных времен; но какими бы величественными они ни были, им приходилось мириться с почти таким же обращением со стороны Первого консула во время обхода, какое обычно получали от него его родственники, гражданские и военные чиновники и простой народ Франции. Эти бесцеремонные методы предоставили Бонапарту именно тот шанс, в котором он нуждался, чтобы заставить Англию объясниться. В воскресенье, тринадцатого марта 1803 года, в Тюильри состоялась консульская церемония. Никто, по-видимому, не думал, что оно будет отличаться от любого другого, и присутствующие были обычными, присутствовал лорд Уитворт, чтобы представить некоторых английских леди и джентльменов мадам. Бонапарт. Но этому событию было суждено стать исторически важнейшим, и то, что произошло, стало предметом большего искажения фактов и напыщенной риторики, чем любое отдельное событие в жизни Наполеона.

В течение нескольких недель до этого Франция продолжала размещать вооружение в своих портах, предназначенное, как было объявлено, и, вероятно, не без оснований, для укрепления своего колониального могущества в Вест-Индии и Америке, а также для укрепления своего торгового положения в Леванте и на дальнем Востоке. Эти передвижения, так же как и передвижения ее войск, были объявлены англичанами приготовлениями, направленными исключительно на возобновление войны. В пятницу, семнадцатого февраля, Уитворт, вопреки всем дипломатическим прецедентам, был вызван в Тюильри, где был принят Бонапартом с "сносной сердечностью", по собственным словам посла, и сел по одну сторону стола Первого консула в его личном кабинете, в то время как глава государства опустился в кресло по другую сторону и начал без церемоний излагать свое мнение относительно ситуации. Признавая свое раздражение по поводу недоверия, проявленного Англией при толковании Амьенского мирного договора, он категорически отказался мириться с продолжающейся оккупацией ею Мальты и Александрии, но отверг какие-либо намерения либо захватить Египет, либо начать войну. Рассуждая о соответствующих вооруженных силах Англии и Франции, он стремился доказать, что ни та, ни другая ничего не выиграют, вступив в войну. Во многих случаях, предшествовавших этому, Бонапарт решительно заявлял о своей убежденности в том, что западный мир был единым целым, лицом к лицу с другим целым, восточным миром. Их взаимность - это жизнь всего земного шара. В этом случае он прямо спросил, почему две западные державы первой

величины, одна владычица морей, другая владычица суши, не могут договориться о сотрудничестве и управлении миром. Но Уитворт не был философом и, помня о своих инструкциях, не подал виду, что обратил на них внимание. Таким образом, в заключение, Первый консул потребовал скорейшей эвакуации Мальты как события, которое должно привести к миру или войне. По его словам, если бы он действительно желал войны, то мог бы без труда захватить Египет месяцем раньше. Уитворт привел возражения, которые использовались все это время, и когда собирался привести в пример территории и влияние, приобретенные Францией, был прерван Бонапартом с явным раздражением. "Я полагаю, вы имеете в виду Пьемонт и Швейцарию. Это мелочи", — "Выражение, которое он использовал, - Уитворт прерывает цитату, чтобы сказать, - было слишком тривиальным и вульгарным, чтобы найти место в депеше или где-либо еще, кроме как в устах кучера наемного экипажа", — "и это должно было быть предвидено, - продолжал Бонапарт, - пока шли переговоры. Vous n'avez pas le droit d'en parler à cette heure." ["Теперь вы не имеете права говорить об этом".] Наполеон сказал о своем характере, что оно никогда не опускалось ниже шеи; а что касается его вульгарного выражения, любой французский ученый может привести его и увидеть, что Уитворт поступил правильно, не сообщив об этом; ибо перевести его означало бы исказить пропорции его значения. Более того, английский дипломат, должно быть, почувствовал правоту рассуждений Бонапарта, поскольку он сразу же перешел к вопросу об английских притязаниях на Францию, и первый консул извинил задержку, заявив, что у него не было никаких дурных намерений. Уитворт прямо заявляет, что он не произвел никакого другого впечатления, кроме того, что Бонапарт намеревался "напугать и запугать".

Под таким впечатлением английское министерство решило ответить хвастовством на хвастовство. Несмотря на все усилия Фокса, в парламенте наблюдалось значительное единодушие антифранцузских настроений. Это правительство воспламенилось королевским посланием, отправленным этому органу восьмого марта, в котором несоразмерно преувеличивались военные приготовления в портах Франции и Голландии, приводя их в качестве причины, по которой должны быть приняты дополнительные меры для безопасности Англии. Десятого марта было вызвано ополчение. Известие о послании достигло Парижа двенадцатого марта. Дюрок находился в Пруссии со специальным посольством. Документ был немедленно направлен ему с инструкцией передать Фридриху Вильгельму, что в случае объявления войны Франция оккупирует Ганновер - угроза, призванная заставить этого монарха активно участвовать в сохранении мира. Не исключено, что это было частью той же системы бахвальства, которая заставила Бонапарта подготовить сцену тринадцатого марта, прежде чем до него дошли новости о том, что Англия вооружает свое ополчение.

Пока двор собирался, первый консул проводил время в беседе с дамами своей семьи и фамильярно шутил с их сопровождающими, в частности, играл со своим племянником, маленьким Наполеоном, сыном Людовика. Вид у него был невозмутимый, и он был даже весел. Когда ему сказали, что круг сформирован, его манера изменилась, и он вышел вперед, чтобы совершить свой обход. Уитворт и Маркофф стояли бок о бок. Спросив первого, есть ли у него новости из Англии, и получив утвердительный ответ, он сказал, как сообщал Уитворт: "Итак, вы полны решимости начать войну". "Нет, первый консул, - ответил я, - "Мы слишком хорошо понимаем преимущества мира". "Мы, - сказал он, - воюем уже пятнадцать лет". Поскольку он, казалось, ждал ответа, я заметил: "Это уже слишком долго". "Но, - сказал он, - вы хотите войны еще пятнадцать лет, и вы вынуждаете меня к ней". Я сказал ему: "Мы слишком хорошо понимаем преимущества мира". Это было очень далеко от намерений его

Величества. Затем он подошел к графу Маркову и шевалье Азаре, которые стояли немного поодаль от меня, и сказал им: "Англичане желают войны, но если они первыми обнажат меч, я буду последним, кто вложит его в ножны. Они не уважают договоры. Отныне необходимо будет покрывать их черным крепом. - Я полагаю, он имел в виду договоры. Затем он пошел по кругу, и все те, к кому он обращался, сочли, что он проявляет явные признаки раздражения. Через несколько минут он вернулся ко мне, к моему великому раздражению, и возобновил разговор, если таковым его можно назвать, в чем-то лично вежливом по отношению ко мне. [Читатель обратит внимание на слова "лично гражданский".] Затем он начал снова: "Зачем такое вооружение? Против кого такие меры предосторожности? У меня нет ни одного линейного корабля в гаванях Франции, но если вы хотите вооружиться, я тоже вооружусь; если вы хотите сражаться, я тоже буду сражаться. Возможно, вы могли бы уничтожить Францию, но никогда не запугали бы ее. " "Никто не пожелал бы, - сказал я, - ни того, ни другого. Мир хотел бы жить с ней в хороших отношениях". "Тогда нужно уважать договоры", - ответил он. "Горе тем, кто не уважает договоры! Они будут отвечать за это перед всей Европой." Он был слишком взволнован, чтобы продолжать разговор. Поэтому я ничего не ответил, и он удалился в свои апартаменты, повторяя последнюю фразу.... Я убежден, что не было ни одного человека, который не ощущал бы крайней неприличности своего поведения и полного отсутствия достоинства и порядочности в данном случае". Таков собственный отчет лорда Уитворта. То, что это в значительной степени точно, подтверждается депешей Бонапарта Андреосси, датированной той же ночью, в которой слова, использованные Первым консулом, приведены почти в идентичной форме.

Это широко обсуждаемое "оскорбление британского посла", сцена, в которой Бонапарт был представлен угрожающим нанести удар Уитворту, "яростная речь" и т.д., Которая была указана в качестве причины, по которой Англия разорвала Амьенский мирный договор. На самом деле, вся картина говорит сама за себя. Поведение Бонапарта не было куртуазным, и его поведение было проявлением бахвальства; в остальном, эта сцена была не просто, как объяснил Талейран, методом Первого консула привлечь внимание всей Европы к политической ситуации: это было одновременно средством предупредить Англию в интересах мира и Францию в интересах войны, если война все же должна была начаться.

Пять дней спустя сам Уитворт написал, что его агент не видел в Гавре ничего, "что можно было бы истолковать как вооружение; и, - добавляет посол, - я искренне верю, что так обстоит дело в каждом порту Франции". Он также заявил, что, судя по ноте Талейрана французскому посланнику в Лондоне, Франция не была готова объявить войну. Министр Соединенных Штатов в Париже придерживался того же мнения. Когда четвертого апреля Бонапарт в следующий раз принимал дипломатический корпус, Уитворт сообщил, что у него есть все основания быть довольным обращением с ним.

Но депеши лорда Уитворта не были опубликованы в Англии в том виде, в каком они были написаны и переданы. Они были напечатаны с такими пропусками и изменениями, что служили целям министерства, которое должно было разжигать общественное мнение. Переговоры продолжались несколько недель, но без искренности. Англия, отказавшись допустить в пределы укреплений Мальты неаполитанский гарнизон, который был предусмотрен, на том основании, что ему нельзя было доверять, предложила сохранить остров до тех пор, пока передача не будет осуществлена безопасно. Затем Бонапарт предложил либо австрийскую, либо русскую оккупацию сроком на несколько лет, но Англия это отвергла. Затем Франция предложила совместную французскую и английскую

оккупацию, но это также было отклонено, и Уитворту было поручено придерживаться ультиматума о десятилетней оккупации Англии.

Десятого мая произошел дипломатический разрыв, а шестнадцатого мая Англия официально объявила войну. Уилберфорс заявил в противовес этому закону, что "язык Бонапарта на более поздних этапах переговоров" давал основания полагать, что он согласился бы с независимостью Мальты или даже с сохранением ее за англичанами в течение десяти лет. Умеренные и либеральные англичане сочли позицию Уитворта далекой от примирительной.

Первое появление Уильяма Питта в Палате общин после тяжелой болезни собрало двадцать третьего числа блестящую аудиторию. С затаенным интересом они слушали, как он, задыхаясь, излагал красноречивые эпизоды, в которых он обличал пылающее пламя якобинства, воплощенное в Бонапарте, и высмеивал вигов, выступавших за дело опустошителя. Тройной взрыв аплодисментов, беспрецедентный в Вестминстере, которыми приветствовали его речь в конце, был зловещим для тех, кто должен был последовать за ней. Даже Фокс, чье безупречное красноречие было выслушано с почтительным вниманием, не смог ни на йоту уменьшить энтузиазм по поводу войны. Таким образом, многовековая борьба между Францией и Англией, непоколебимый упорядоченный консерватизм и буйный либерализм, пылающий рвением, снова возобновилась. Континентальные державы были пешками на доске, игроками были Питт и Бонапарт.

ГЛАВА XXVI

ФРАНЦИЯ И АНГЛИЯ В ВООРУЖЕНИИ [\[27\]](#)

Спорный вопрос — Нападение на английскую торговлю — Бонапарт отказывается от своей колониальной системы — Соседи Франции — Ложный выпад против Англии — Армия в Булони — Англия вызвала — Энтузиазм во Франции.

Широко обсуждаемый вопрос о том, был ли Бонапарт победителем в дипломатической борьбе, желал ли разрыва, когда он произошел, и хотел ли войны, в свете самой полной информации, по-видимому, не имеет ответа. Если он был глубоким философом и конструктивным государственным деятелем, склонным отказаться от борьбы за господство в открытом море и ограничить экспансию Франции Континентом, он был готов, и его желания были выполнены; если, с другой стороны, он намеревался противостоять Англии на море и ее союзникам на суше, он был не готов, поскольку у него не было боевого флота, и он не ожидал войны так скоро. В Австралии зарождалась колониальная империя, Декан направлялся в Реюньон с эскадрой, чтобы создать базу для действий против Британской Индии, Мыс Доброй Надежды был французским, были все шансы на создание мощного союза махратты и Франции в самой Индии. На Ионические острова, в Грецию и Египет возлагались большие надежды. Мальту могли отнять у Англии и так далее. Десять его боевых кораблей были далеко, остальные тридцать три были просто доступны, и не более; были получены заказы на постройку двадцати трех новых, и визит в Нормандию убедил его,

что все шестьдесят шесть могут быть укомплектованы великолепными экипажами из западной Франции. Он позволял себе много бравады по поводу возможностей. Но суровый факт заключается в том, что в мае 1803 года военно-морская мощь Франции была незначительной, в то время как сухопутная мощь Франции находилась в наивысшем состоянии эффективности. Питт держал в руках свой огромный флот и возможную коалицию, Бонапарт - свою армию и свой несравненный военный гений.

Военные действия начались с захвата многих французских торговых судов, которые конструктивно находились в английских гаванях, хотя во многих случаях действительно находились в море. Ответ Первого консула на это поведение был столь же своевольным: каждый англичанин в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет, находившийся в пределах границ Франции, был схвачен и брошен в тюрьму. В течение долгих двенадцати лет эти несчастные содержались в качестве военнопленных. Французское эмбарго на вражеские корабли опередило английское на три дня, и одновременно с его публикацией Кларку было поручено отогнать английские корабли из гаваней Тосканы. В последних числах мая армия под командованием Мортье заняла Ганновер и, закрыв Бремен и Гамбург для британской торговли, потребовала от них крупных денежных контрибуций. В июне еще одно подразделение под командованием Сен-Сира вошло в Неаполь, который в строгом соответствии с Амьенским мирным договором был эвакуирован, и наложило аналогичное эмбарго на порты Таранто, Бриндизи и Отранто. В случае с Ганновером Франция полностью проигнорировала тонкий пункт международного права, который до сих пор проводил различие между Георгом III как королем Англии и немецким курфюрстом, чьим наследием был Ганновер; в случае с Неаполем она продемонстрировала пренебрежение к договорным обязательствам, не совсем согласующимся с проклятиями Бонапарта тем, кто их не соблюдал.

Наконец, в июле декретом была введена знаменитая "Континентальная система", которая категорически запрещала ввоз всех английских товаров во Францию или сферу ее влияния. Чтобы отрезать своего врага от другой четверти земного шара, укрепить морскую державу, враждебную Англии, и заполучить новые ресурсы, Бонапарт уже протянул руку дружбы Соединенным Штатам, продав им в апреле огромную территорию, известную тогда под названием Луизиана. Это событие не уступало по важности никому другому в их истории; ибо оно дало им немедленный контроль над всей межконтинентальной речной системой, а позже и над Тихоокеанским побережьем, в то время как косвенно оно подготовило почву для конфликта 1812 года, который окончательно обеспечил их коммерческую независимость. С тех пор Бонапарт сосредоточил свою энергию на установлении контроля над Европой. Его финансовое положение было тяжелым, поскольку Барбе-Марбуа потерпел неудачу в своих попытках договориться о займе в размере сорока миллионов франков у голландских банкиров. Возможно, это был разговор между Бонапартом и Ральфом Изардом из Южной Каролины, который привлек внимание Первого консула к Луизиане как к быстрому приобретению. Соединенные Штаты легко получили наличные там, где французы потерпели неудачу, в Амстердаме, при посредничестве Стивена Жирара. Имея на руках шестьдесят миллионов франков в качестве обеспечения, Бонапарт собрал еще столько же в кредит, и покупательная способность этих ста двадцати миллионов франков была полностью равна покупательной способности четырехкратной суммы на сегодняшний день. На эти деньги он переоборудовал свой маленький флот и закупил двести пятьдесят тысяч мушкетов, сто тысяч кавалерийских пистолетов, тридцать тысяч сабель и сотню батарей полевой артиллерии, все оружие улучшенного качества и образца, оружие,

использовавшееся при Аустерлице, и которому, как он сказал Латур-Мобуру, он обязан этой знаменательной победой. Вест-Индия и Луизиана в одном полушарии, в другом - мыс Доброй Надежды, Египет и часть Индии, с островом Святой Елены и Мальтой в качестве портов захода — об этом он мечтал; но неспособность обезопасить Сан-Доминго и очевидное намерение Англии сохранить Мальту, объединившись, превратили весь облачный замок в руины. Континент должен быть сферой его деятельности.

Сразу же государства, граничащие с Францией, почувствовали свое положение. Голландия согласилась предоставить пять линейных кораблей, сотню канонерских лодок, одиннадцать тысяч человек и провиант для восемнадцатитысячной французской армии. За это Франция гарантировала свою территориальную целостность возвращением всех своих колоний, не исключая даже Цейлона. Швейцария в любом случае должна была предоставить половину своей маленькой армии, а в случае нападения на Францию - почти всю. Продажа Луизианы вызвала ужас по всей Испании, которая всегда надеялась вернуть ее и с этой целью включила в свой договор с Францией пункт, сохраняющий за ней право выкупа. Высмеивая ее раздражение, Бонапарт направил армию к границе и потребовал взамен двадцати пяти кораблей и двадцати восьми тысяч человек, оговоренных в договоре 1796 года, субсидию в размере не менее шести миллионов франков в месяц. Годой, "принц мира", назначенный главным министром Испании, первым подумал о войне, но его коварный противник пригрозил слабому королю Карлу IV публичным разоблачением скандальных отношений между его королевой и этим министром, и до конца года требование было удовлетворено. Португалия купила нейтралитет взносом в миллион франков в месяц, а Генуя согласилась предоставить шесть тысяч моряков для французского флота. В результате Англия начала наживаться на испанской торговле.

Второй подготовкой к войне было широко обсуждаемое снаряжение экспедиции для вторжения в Англию. Общеизвестно, что Британская империя когда-либо была укреплена в результате отделения королевства от европейского континента узким, но бурным устьем реки. Вторжения повторялись со времен самих англосаксов вплоть до экспедиции Вильгельма Оранского; но растущее богатство обеспечивало все большее количество вооружений и с каждым годом настолько затрудняло доступ к берегам Англии, что, в конце концов, успешное вторжение стало рассматриваться ее врагами как невозможное. С другой стороны, англичане по-прежнему были настроены скептически и периодически впадали в панику по этому вопросу. Даже сейчас остроумная выдумка вроде "Битвы при Доркинге" или возрождение проекта прокладки туннелей под Ла-Маншем могут вызвать такую тревогу, что застрахуют получение любого гранта на усиление военно-морского флота. Это недоверие было хорошо известно французам. В течение многих лет проект нападения на Англию был стандартным предложением Конвента и Директории для вымогательства денег у чиновников и патриотов. Это наследство было использовано Первым консулом по полной программе. В целом его подготовка, несомненно, была уловкой, но, вероятно, были времена, когда схема оправдывала себя как альтернатива. Он сказал Уитворту, что у него был только один шанс из ста на успех; он никогда всерьез не пытался реализовать его; и в недипломатичном, но явно искреннем обращении к Отто двадцать третьего октября весь акцент его аргументации сделан на шансах завоевания континента.

Тем не менее он потратил огромные деньги. Булонь была ближайшим к Англии местом, где можно было собрать и обучить могучие силы. Туда были призваны для формирования английской армии цвет войск, сто пятьдесят тысяч ветеранов и рекрутов под

командованием Сульта, Нея, Даву и Виктора. Впервые Бонапарт смог проявить свою волю при создании боевой машины. Результатом стала лучшая машина, созданная на сегодняшний день. Была усовершенствована тактика, реформирована система организации, упрощено снаряжение, укреплен дисциплина и энтузиазм доведен до высшей степени. Кроме того, солдаты были обучены управлению большими плоскодонками, с которых их учили высаживаться с точностью и мастерством, как в штормовую погоду, так и перед лицом сопротивления. Некоторые из них также были проинструктированы об обязанностях матроса, чтобы при необходимости воспользоваться их услугами на борту военного корабля. В письме морскому министру Декресу, датированном тринадцатым сентября 1805 года, Первый консул признал, что его успех в этом отношении не был поразительным: он обнаружил, что его огромные поплавки были почти неуправляемы при течениях и приливах Ла-Манша и что для переправы потребуется трехдневный штиль. Также стало ясно, что попытка не могла увенчаться успехом без сотрудничества флота. Главным преимуществом лагеря в Булони, как его тогда видел Бонапарт, было то, что он мог содержать там от восьмидесяти до ста тысяч человек в благоприятных условиях, готовых в любой момент быть переброшенными в Германию.

Но эффект в Англии в начале этого предприятия был ошеломляющим. Ее постоянная армия уже насчитывала сто тридцать тысяч человек, ополчение насчитывало семьдесят тысяч, а резерв - пятьдесят тысяч. Кроме того, был создан отряд добровольцев, число которых в конечном итоге достигло трехсот восьмидесяти тысяч в Англии и более восьмидесяти тысяч в Ирландии. Была организована система сигналов между наблюдательными судами в Канале и береговыми станциями, маяки были готовы на каждой вершине холма, и вся земля была превращена в лагерь. Военно-морской флот был не менее укреплен: численность личного состава была увеличена с восьмидесяти до ста двадцати тысяч человек, а для защиты побережья были собраны сто линейных кораблей, сотня или более фрегатов и несколько сотен судов меньшего размера, таких как крейсера и канонерские лодки. Питт подорвал министерство Аддингтона, призывая к еще большим средствам защиты, и некоторое время ежедневно появлялся во главе трех тысяч добровольцев, набранных в его собственных поместьях или поблизости от них. Даже Фокс на время отказался от своих симпатий к Франции. Парламент санкционировал заем в двенадцать миллионов фунтов стерлингов, который был незамедлительно взят, и повысил налоги, чтобы удвоить доходы. "Нация торговцев", как насмешливо назвал их Первый консул, снова стояла спокойно, готовая встретиться лицом к лицу со своим наследственным врагом, под бременем расходов, которые, как верили люди год назад, сокрушат их. Это были "легкие расстройства", которые, как сказал Лас Касес изгнанник с острова Святой Елены, навсегда помешали вторжению, которое затем в его горечи было представлено как серьезная цель. Это правда, что в период экстравагантных приготовлений была отчеканена медаль с профилем Бонапарта на реверсе, а на аверсе - Геркулес, душащий Тритона, и что обсуждались меры по управлению завоеванным островом и изъятию с него предметов искусства. Но дальнейшие доказательства того, что все это движение было в основном предлогом для сбора и тренировки крупных сухопутных войск, которые должны были находиться в готовности против Австрии и России, будут приведены в другой связи, и в целом это, кажется, перевешивает то, что указывает на определенное, непрерывное намерение вторгнуться в Англию. Принимая во внимание огромные сухопутные и морские силы, собранные Великобританией, вполне возможно, что у первого консула могло сложиться представление о вторжении обратного рода, о высадке английской армии на восточных берегах Ла-Манша и наступательном движении английских войск против

французских армий. Если так, то он держал это глубоко в уме, но и к этой альтернативе он был готов из-за лагеря в Булони.

Хотя революции не удалось дать французам политическую свободу, она достигла кульминации при Бонапарте в предоставлении им гражданских прав. Принимая во внимание ненависть, которую испытывали династические власти к движению, пошатнувшему их троны, легко можно утверждать, что для защиты этого огромного завоевания была необходима политическая централизация, подобная Консульской. На какой бы стороне этого вопроса ни лежала правда, несомненно одно — нация в целом чувствовала, что умеренный республиканизм восторжествовал; и как бы сильно они ни пострадали в торговле, промышленности и сельском хозяйстве из-за возобновления войны, они, тем не менее, с энтузиазмом поддерживали своего лидера и его меры. Его злейшие враги признавали и до сих пор признают национальный характер поддержки, которую он оказал в 1803 году. Правительство пользовалось такой популярностью, что даже решилось назначить мадемуазель Мосье пенсию в тридцать долларов в месяц. Robespierre. Адресов, обещавших добровольную помощь, было множество. Массы, еще не свободные от старого чувства безопасности, создаваемого руководством влиятельного человека или семьи, обученной управлению общественными интересами, были утешены присутствием и работой своего главного судьи. В трибунате более высокая степень того же духа нашла выражение в знаменательной фразе "консульское величество", с которой оратор обращался к первому консулу. Не было никаких проявлений недовольства цензурой прессы, которая рассматривалась как необходимая военная мера. Книги не могли быть опубликованы до тех пор, пока цензоры не поддержат экземпляр в течение семи дней и не дадут своего разрешения; газеты не могли перепечатывать новости из иностранных журналов, и содержание их колонок безжалостно контролировалось. Когда "Монитор" и ему подобные изливали презрение к английскому вероломству и писали о пунической вере, когда они изображали Альбион как безумно стремящийся навстречу своей судьбе, читателям это нравилось и они аплодировали.

ГЛАВА XXVII

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РОЯЛИСТАМ И РЕСПУБЛИКАНЦАМ [\[28\]](#)

Моро и республиканцы — Заговоры роялистов — Падение Моро — Страсть к заговорам — Разногласия роялистов — Герцог Энгийенский — Его планы и поведение — Деятельность французской полиции — Выступления против Энгийена — Экспедиция с целью его захвата — Его заключение — Прибытие в Париж — Бонапарт в Мальмезоне — Комиссия по суду над Энгийеном — Решение Бонапарта — Просьбы о помиловании — Суд над Энгийеном — Казнь — Объяснения первого консула — Катастрофические последствия Содеянного — Отвращение из Чувства.

1803—04

Но все еще оставалось очень мало крепких людей, которые чувствовали, что одна сторона Революции атрофируется за счет того, что так умело представлял Бонапарт. Несмотря на его

немилость, они были услышаны; и Карно даже осмелился выступить в трибунате против преклонения перед этим вторым молодым Августом, который использовал формы содружества для основания империи. В сенате также были остатки этой маленькой секты, всего около восьми членов. Их сила заключалась не в них самих и не в их строгих республиканских принципах, а в скрытых симпатиях многих влиятельных офицеров армии. Во время второй кампании в Италии Моро подавил свое недовольство, когда Рейнская армия была ослаблена в критический момент переброской двадцати пяти тысяч человек в Италию, чтобы обеспечить славу Маренго. Официальный журнал ложно заявил, что его солдатам платили из государственной казны. Состояние общественной морали было таково, что обвинение сочли оскорбительным, как на самом деле и предполагалось. Моро в ответ хвастался, что он получил из Парижа всего восемнадцать миллионов франков, что он обложил Германию налогом в размере сорока четырех миллионов и что из общей суммы был избыток в семь миллионов, который был распределен между солдатами и офицерами. Этот документ хранился в военном министерстве, и газетам было запрещено печатать присланные им экземпляры. Можно представить чувства автора. Если бы он и другие недовольные проявили хитрость, которую проявил Бонапарт, их противодействие было бы опасным; но за ними так тщательно следили, что каждое их движение было известно заранее и пресекалось. Более того, козни их врагов незаметно привели их к совершению глупых поступков и произнесению опрометчивых слов, которые поставили их в сферу действия закона. В этой конкретной сети заговоров Фуше не был главным, хотя и был ценным консультантом.

Эта система была великолепно проиллюстрирована падением Моро, который не был осторожным человеком и позволил агентам роялистов поддерживать с ним связь. Один из них, аббат Давид, был схвачен, но никаких порочащих улик получено не было. Вслед за этим пришлось прибегнуть к услугам Мехи де ла Туш, подлой твари, которая после участия в сентябрьских массовых убийствах 1792 года и подпольной шпионской карьеры во время террора выступила против Бонапарта восемнадцатого Брюмера. В то время он находился в изгнании за участие в заговоре Нивоза и с готовностью согласился на свою новую работу. После многих приключений он, наконец, завоевал доверие не только французских роялистов в Англии, но и Пелхэма и других членов британского правительства. Он описал консульскому правительству разногласия между лидерами Бурбонов и агентами Великобритании, рассказав, как Жорж Кадудаль, лидер шуанов, был высажен во Франции двадцать первого августа 1803 года с английского корабля под командованием капитана Райта, и изложил план, посредством которого можно было бы побудить роялистов довести заговор, агентом которого был Жорж, до конца. Его план был принят, и после письма из Альтоны Людовику XVIII, находящемуся сейчас в Варшаве, с предложением своих услуг он посетил Мюнхен и, вероятно, Штутгарт, где рассказал историю якобинского восстания, которое вскоре должно было произойти во Франции, и получил от английских министров-резидентов деньги и инструкции для его организации. Официальные опровержения того периода, сделанные британским правительством относительно его участия в заговоре Кадудалья, долгое время считались правдивыми и были включены в стандартные исторические источники. С момента открытия в течение нескольких лет британских архивов для исследователей доказательством обратного является патент. Связанный список депеш, писем и отчетов представляет собой убедительные и порочащие доказательства того, что независимо от того, были министры посвящены в заговор с целью убийства Первого консула или нет, французские заговорщики находились на жалованье у Великобритании.

Чтобы уличить Моро в заговоре Кадудая, о котором им стало известно, парижская полиция наняла другого человека того же склада, по имени Лайоле, который был офицером Рейнской армии и которому, как таковому, удалось встретиться с Моро и вырвать у него несколько слов сочувствия к Пишегрю. Вслед за этим полиция еще более низменными средствами собрала два комитета, один из роялистов, а другой из старых якобинцев, и каждый из них избрал Моро своим лидером. Это было возможно, потому что претендент на престол Бурбонов, в соответствии с письмом Мехи, издал прокламацию, обещающую конституционное правление и продажу государственных земель в случае его восстановления. Затем Лайоле отправился в Лондон, где убедил Пишегрю, что Франция устала от Бонапарта, что Моро готов и что настало время свергнуть консульство. Как следствие, обманщик и приманка вместе с главными военачальниками эмигрантов высадились с корабля капитана Райта четырнадцатого января 1804 года в Бивиле, близ Дьеппа. Артуа и его сын должны были последовать за ним через несколько дней. В результате дальнейших искажений Моро и Пишегрю оказались вместе на тротуаре улицы возле церкви Мадлен, и в присутствии Лайоле они обменялись несколькими ни к чему не обязывающими фразами. Через несколько дней полицейский агент, обратившийся к Моро как к послу Пишегрю, получил сообщение, что, если последний возглавит движение, — и в этом случае от консулов и правительства придется избавиться, — его друзья будут защищены влиянием, которое можно заручиться в сенате. Моро упорно отказывался либо встречаться с Жоржем Кадудалем, либо быть замешанным в заговоре с целью захвата Бонапарта, лидером которого был Шуан.

Примерно в середине февраля все было готово, и Моро был арестован. На допросе он слабо протестовал и, будучи уличен на основании своих собственных документов в непоследовательности, был заключен в тюрьму. Несколько недель спустя Пишегрю был обнаружен с помощью осведомителя, и его тоже бросили в тюрьму. Наконец, девятого марта сам Жорж был схвачен на улицах Парижа после отчаянного и кровавого сопротивления. Вскоре самой популярной картинкой в витринах магазинов города стала цветная гравюра, изображающая пятьдесят "негодяев", которые были признаны замешанными в заговоре против Первого консула, и среди лиц было безошибочное сходство с Моро. После долгого судебного разбирательства Жорж и его сообщники были осуждены и расстреляны. Пишегрю был найден мертвым в своей камере: хотя роялисты, заключенные в соседней камере, впоследствии заявили, что слышали потасовку в ту роковую ночь, нет никаких разумных сомнений в том, что заключенный покончил с собой. Подозрения, брошенные на Моро, полностью подорвали его популярность, и как из армии, так и от гражданских лиц поступали многочисленные обращения с его осуждением. Незадолго до суда он совершил ужасную ошибку, отправив Бонапарту оправдательное письмо. Это он сделал по наущению своей глупой, амбициозной жены, которая, похоже, в свою очередь получила предложение от мадам . Récamier. Ходили слухи, что эта идея возникла у Фуше. Факт и характер апелляции наводили на мысль о виновности, но первое решение суда было оправдательным. Однако народные настроения были настолько сильны, что Первый консул вынудил пересмотреть приговор, и заключенный был приговорен к тюремному заключению сроком на два года. Бонапарт, взбешенный такой мягкостью, заменил казнь изгнанием. Моро удалился в Америку, где оставался до 1813 года, когда вернулся, чтобы взяться за оружие против Наполеона под Дрезденом, и был убит.

"Я не подвергался реальной опасности, - писал Бонапарт Мельци шестого марта 1804 года, - поскольку полиция следила за всеми этими махинациями". Вердикт истории указывает на

то, что это вездесущее ведомство поощряет своими шпионами и агентами многие из тех же самых махинаций, но не оставляет сомнений в отчаянном характере их зачинщиков. Чего на самом деле хотела Англия и якобы бурбоны, так это якобинского восстания; многие из их разъяренных агентов, конечно, без колебаний совершили бы покушение. Общее мнение во Франции не было ошибочным, осуждая крайние меры, предпринятые бурбонами для достижения своих целей, и на данный момент роялисты всех трех фракций хранили молчание, чувствуя, что их делу нанесен удар, от которого оно, возможно, никогда не оправится. Что касается умеренной республиканской партии, то она была временно уничтожена судьбой Моро. Искусный как генерал и искренний как демократ, его карьера была близорукой и противоречивой. Дружба заставила его скрыть свои знания о сделках Пишегрю с роялистами в 1797 году. Честолюбие побудило его помогать в Брюмере, но он не хотел мириться с последствиями. Нерешительность завела его в ловушку, но даже тогда он мог бы спастись, если бы не письмо, которое он написал по совету гордой и глупой жены.

Заключительные сцены этой драмы о заговоре и контрзаговоре, о покушении и кровопролитии, о лжи, предательстве и казни сформировали подходящую развязку пьесы. Та эпоха видела и одобряла акты мести, которые в более спокойные времена сочли бы непростительными. Нельсон санкционировал судебное убийство Караччоли, неаполитанского адмирала, чье преступление заключалось в том, что в интересах Парthenопейской республики он сражался с английским флотом. Окраины Австрии не были чисты от убийств, совершенных в Раштадте. Чуть позже бурбоны с согласия союзных государей приказали казнить Нея за то, что он дезертировал от них, чтобы поддержать своего бывшего начальника при Ватерлоо. Бонапарт, полагаясь на убеждение, что все считают его измученным и невинным человеком, действующим в целях самообороны, и, очевидно, не сознавая, насколько сильно Кадудаль дискредитировал роялистскую агитацию, решил так ошеломить и без того поверженных бурбонов, чтобы сделать их безвредными на долгие годы.

Ни Артуа, ни его сын Берри не въезжали во Францию; самозванный Людовик XVIII находился в далекой Варшаве. Оба этих претендента были скорее красноречивы, чем отважны. Даже парижские роялисты сомневались в лидерстве кого-либо из них, и сторонники конституционной монархии в течение некоторого времени были склонны сплотиться вокруг третьего Бурбона, герцога Энгиенского, очевидного наследника славы дома, столь прославленного знаменитым генералом Людовика XIV, известным как "Великий Конде". Молодой герцог был одновременно бесстрашен и умен. Горя желанием взяться за оружие в честной борьбе за дело своего дома, он консультировался как с английскими агентами, так и с агентами-эмигрантами относительно того, как это лучше всего осуществить; но он был невиновен в заговоре с целью убийства.

Некоторое время он жил в непосредственной близости от французской границы в Эттенхайме, поместье в Бадене, примерно в шестнадцати милях от Страсбурга, где кардинал Роан проживал со своей племянницей с тех пор, как отказался от страсбургского епископства после Конкордата. Герцог в течение некоторого времени был тайно женат на этой даме, принцессе Шарлотте Роган-Рошфор, и по этой причине, хотя его неоднократно предупреждали об опасности, он не хотел искать убежища в Англии. До Амьенского мирного договора он был другом швейцарских реакционеров и покровителем роялистов в Эльзасе; после разрыва он активно способствовал укреплению их приверженности делу Бурбонов. В ответ на манифест самозванного короля, его родственника в Варшаве, изданный в марте 1803

года, он заявил, что по-прежнему верен ему. Когда началась война, он попросил разрешения поступить на английскую службу и отразить ожидавшееся вторжение Бонапарта; но Англия не позволила бурбонам обнажить меч на своей земле.

В этот кризис публикация варшавского манифеста и ответ герцога сделали его дальнейшее пребывание в Эттенхайме предметом еще большего беспокойства его друзей; но он остался и потратил много энергии на разработку планов вторжения во Францию через Эльзас. Поскольку вероятность войны на Континенте росла, он снова обратился к английскому двору за назначением, на этот раз через Стюарта, британского посланника в Вене. Теперь он желал получить работу на материке, либо в армии союзников, либо в первых английских войсках, которые должны были высадиться на Континенте. Тем временем активность английских резидентов при второстепенных немецких дворах усилила его намерение набрать полк из антибонапартистских элементов центральной Европы, офицерами которого должны были стать рассеянные ветераны, сражавшиеся при втором Конде, но уволенные с австрийской службы после Люневильского мирного договора. Известие об аресте Моро и о заговоре Кадудалья было подобно удару грома, и герцог, хотя и не сознавал за собой вины, приготовился удалиться во Фрейбург в Брайсгау; но, чтобы скрыть свое беспокойство, он устроил охоту и другие празднества, которые продолжались целую неделю.

Первым намерением Бонапарта было захватить Шарля Артуа по прибытии во Францию; но тщательное наблюдение за берегом показало, что осторожность принца снова взяла верх над его мужеством. Разочаровавшись в этом квартале, полицейские агенты начали развивать интенсивную деятельность на границе с Германией. Они утверждали, что обнаружили в Оффенбурге, с которым герцог Энгийенский поддерживал постоянную связь, существование группы эмигрантов, которых там не было. Они сообщили, что молодой принц иногда приезжал в Страсбург, чтобы посетить театр; они представили двух безобидных посетителей в Эттенхайме как офицеров принца Конде, прибывших из Англии; что еще хуже, они объявили эмигрировавшего друга герцога, жившего неподалеку, — престарелого маркиза Тумери, чье имя в устах немцев имело отдаленное сходство с именем Дюмуре, — самым этим опасным генералом. Это произошло за несколько дней до девятого марта, и почти одновременно Бонапарт получил от агента в Неаполе выдержку из одного из писем Дюмуре Нельсону, в котором содержался призыв разработать согласованный план не только обороны, но и нападения. Тогда никто не сомневался, что сам Дюмуре был на Рейне, занятый вместе с Энгиемом совершенствованием этого самого плана.

Поползли всевозможные слухи. Стало известно, что старый интриган генерал Уилло снова на Юге. Люди заявляли, что Берри направляется в Бретань, что Шарль Артуа, возможно, уже в Париже, что Энгьен и Дюмуре находятся на восточной границе. Это было идеальное вложение средств. Когда Жоржа схватили, он заявил, что был сподвижником принцев, а затем погрузился в глубокое молчание, которое больше не нарушал. Его слуга показал, что видел своего хозяина общающимся с молодым человеком выдающейся наружности в пригороде Шайо. Полиция вспомнила, что в январе герцог Энгийенский потребовал у французского посла в Вене паспорт для пересечения границы Франции, и, вспомнив празднества в Эттенхайме, предположила, что они были всего лишь предлогом для сокрытия отсутствия хозяина в Париже в то время, которое, как утверждалось, совпадало с таинственной беседой, имевшей место между Жоржем и неизвестной незнакомкой. Это была цепочка улик, которая убедила Бонапарта в участии Энгьена в заговоре с целью его

убийства. Правда, ему не грозила реальная опасность, поскольку полиция была начеку; но меняло ли это чудовищность интриг Бурбонов против его жизни? Было вполне естественно, что ужас, ненависть и ярость, накопившиеся в сознании Первого консула, сосредоточились на объекте, находящемся в пределах его досягаемости.

Со всеми были проведены консультации с Реалем, Фуше и Талейраном. Пока что их личные интересы были связаны с благополучием их правителя, и они одинаково настаивали на быстрых и безжалостных действиях, чтобы положить конец интригам и соглашениям того времени. Двум первым не требовалось никаких подтверждений верности. Талейран дал свое письменное согласие восьмого марта; он так заигрывал с роялистами, что теперь его позиция должна быть определенной. Более поздние попытки дискредитировать записку как подделку потерпели неудачу. Более того, есть все основания полагать, что все трое намеревались захватом и казнью Бурбона таким образом "женить", как говорилось, Первого консула на террористической стороне Революции, чтобы он никогда не смог отступить от позиции радикализма, которой, по их мнению, он был недостаточно привержен, даже пока. Десятого марта совет заслушал и, как единое целое, одобрил план Бонапарта, хотя Лебрен был уклончив, а Камбасерес возражал. В ту ночь одна колонна двойной экспедиции была отправлена к Рейну; ею командовал Орденер, и она направлялась в Эттенхайм. Другой, под командованием Коленкура, на следующий день отправился в Оффенбург с дипломатической нотой баденскому двору. Последний командир был совершенно не осведомлен о том, что было в руках у его коллеги, получив указание просто разогнать сообщенную о нем компанию эмигрантов и потребовать выдачи печально известной интриганки, баронессы де Райх. Орденеру предстояло захватить герцога Энгийенского. Две колонны без промедления двинулись через Страсбург. Обнаружив, что баронесса уже взята в плен, а полицейский отчет необоснован, генералы выполнили подробные инструкции своего начальника относительно другой части своей задачи.

Двенадцатого числа Энгьен был предупрежден об опасности, но его нельзя было запугать, и тринадцатого он послал гонца сообщить, насколько близка опасность. Четырнадцатого числа из Страсбурга был выслан французский шпион; в Эттенхайме его узнали, и его преследовали, но он сбежал, чтобы сообщить обо всем благоприятном. Тем не менее опрометчивый молодой герцог отказался переезжать. Утром пятнадцатого он проснулся и обнаружил, что дом окружен французскими войсками. Поскольку все пути к отступлению были перекрыты, он сдался, а все его документы были изъяты. Вместе со своими домочадцами и друзьями он был поспешно доставлен в Страсбургскую цитадель, где его продержали под стражей два дня. Курьеры были немедленно отправлены в Париж, и двор в Карлсруэ получил официальное уведомление о том, что было сделано, подписанное Талейраном. Из депеш, полученных семнадцатого числа от обеих его экспедиций, Бонапарт узнал, что Дюмуре не было на Рейне, а девятнадцатого он лично изучил бумаги герцога, которые были инвентаризированы в присутствии их владельца, а затем отправлены в Мальмезон.

В ночь на семнадцатое в Страсбург прибыли приказы, написанные в то время, когда Бонапарт все еще верил в правдивость сообщений о Дюмуре, которые предписывали немедленную доставку заключенных — то есть Энгьена и Дюмуре — в Париж. В соответствии с этим герцога разбудили в полночь, усадили в почтовую карету и быстро повезли к месту назначения. Он прибыл в одиннадцать утра двадцатого числа и был немедленно доставлен в Венсен. Его припадок вызвал глубочайшую скорбь и ужас в Бадене,

и Массиас, французский посланник в Карлсруэ, не только отправил письмо непосредственно в Париж, в котором заявлял, что поведение герцога всегда было "невинным и умеренным", но и лично уведомил префекта Страсбурга, что в Эттенхайме не было ни собрания эмигрантов, ни заговора. Впоследствии Наполеон обвинил Талейрана в том, что он скрыл депешу Массиаса; и неизвестно, отправил ли префект рапорт на тот же счет или нет.

Двенадцатого числа Первый консул удалился в уединенный Мальмезон. Было очевидно, что под поверхностью скрывались бурные чувства, но в выражении его лица читалось ледяное спокойствие. Время от времени он декламировал отрывки стихов на тему милосердия, но главным его занятием были консультации с полицейским агентом Реалем и с Савари, его адъютантом. Было решено, что тюрьмой станет Венсенский замок, что суд будет военным, состоящим из полковников парижского гарнизона, и что главным обвинением против герцога должно быть то, что он поднял оружие против своей страны. Его должны были спросить, был ли ему известен заговор с целью покушения и не должен ли он сам, в случае успеха, въехать в Эльзас.

Военный трибунал был создан по образцу тех безжалостных трибуналов, которые были созданы революцией. Статут, объявляющий, что любой француз, поднимающий оружие против своей страны, является предателем и достоин смерти, никогда не был отменен. Консульство восстановило деятельность этих военных комиссий, чтобы укротить непокорных призывников и снисходительно наказать нарушителей, заговорщиков и шпионов. Эти суды привыкли прислушиваться к сигналам правительства о суровости или снисходительности, какими бы они ни были на данный момент. Поэтому создание такого органа специально для наказания любого правонарушителя не представляло особых трудностей. В данном случае никто из членов комиссии, кроме председателя и судьи-адвоката, не знал, где находится обвиняемый. Преваль, которого выбрали председательствовать, отказался, когда услышал имя заключенного, сославшись на то, что и он, и его отец служили в роялистском полку д'Энгиен, и поэтому у него сохранились нежные воспоминания, несовместимые со службой, которая от него требовалась. Генерал Хулин, старый якобинец, не стал оправдываться и, прекрасно понимая, чего от него ожидают, был приглашен сообщить о приговоре непосредственно Первому консулу.

В течение этих дней Бонапарт также постоянно имел при себе как документы английского посланника в Мюнхене, так и подстрекательские, лживые донесения своих полицейских агентов. Он изучил их и проанализировал меры, принятые для охраны восточной границы от эмигрантов и их враждебных сторонников, которые устраивали демонстрации в Швабии. До вечера семнадцатого он считал, что Дюмурье был в Эттенхайме; но, хотя ему сообщили о его ошибке, уже принятое решение стало железным, и документы герцога были прочитаны девятнадцатого с явной решимостью истолковать их как доказательство его вины. В них не было доказательств прямого соучастия Жоржа, но они содержали две фразы, которые, вырванные из истинного смысла переписки, имели ужасное значение— в одной герцог называл французский народ "своим самым жестоким врагом", в другой он заявлял, что за время своего "двухлетнего пребывания на границе он установил связь с французскими войсками на Рейне". Они были включены в протоколы допросов на суде и переданы в пользование Реалю. Если герцог вмешивался в лояльность войск, то зачем нужны доказательства того, что он в каком-либо смысле был участником заговора?

Мме. Бонапарт с глубокой скорбью узнала о решимости, проявленной ее мужем. В основном его действия и убеждения держались в секрете, но она доверила и то, и другое мадам де Ремюза, а сам первый консул рассказал о них Жозефу. Двадцатого числа указ о суде над герцогом и вопросы, которые должны были быть заданы, были продиктованы первым консулом из Тюильри, и вскоре после полудня он вернулся в Мальмезон, где в три часа дня Жозеф нашел его прогуливающимся по парку, беседующим с Талейраном, который, прихрамывая, шел рядом с ним. "Я боюсь этого калеки", - приветствовала Джозефина своего шурина. "Прервите этот долгий разговор, если можете". Посредничество старшего брата было добрым и умелым, и на какое-то время первый консул, казалось, смягчился под влиянием воспоминаний об их отрочестве, среди которых появлялась и исчезала фигура принца Конде. Но преобладали другие чувства: братья расходились во мнениях по поводу женитьбы Люсьена, а также по вопросу о происхождении, если консульская власть станет наследственной; прежняя холодность наконец улеглась и охладила последние надежды мягкосердечных сторонников помилования. На слезные мольбы Жозефины ее муж ответил: "Уходи, ты еще ребенок, ты не понимаешь общественных обязанностей". К пяти часам стало известно, что герцог прибыл в Венсен, и Савари немедленно был отправлен в город за распоряжениями к Мюрату, военному коменданту. По прибытии в офис Мюрата, из которого Талейран как раз собирался уходить, ему сообщили, что военный трибунал уже созван и что его обязанностью будет охранять заключенного и приводить в исполнение любой вынесенный приговор.

Сцены той роковой и скорбной ночи не поддаются описанию. Венсенский замок был окружен стражей, когда, наконец, примерно за час до полуночи различные придворные собрались. Их взгляды были мрачными и обеспокоенными, поскольку они гадали, кем мог быть таинственный преступник. Никто не знал, кроме Хулина, президента; судьи-адвоката; и Савари, предназначенного палача. В соседней комнате герцог, бледный и измученный долгим путешествием, жевал скудный ужин, которым поделился со своей собакой, и объяснял тюремщику свои мрачные предчувствия в связи с перспективой длительного заключения. Он подумал, что было бы лучше, если бы только он мог удовлетворить свою страсть к охоте, и, конечно, они вдвоем, как пленник и сторож, могли бы побродить по лесу вместе. Но в конце концов он заснул от невероятной усталости. Тюремщик не мог оправдать надежд своего нового заключенного, поскольку в то самое утро руководил рытьем могилы во рву замка. В полночь герцога разбудили и он предстал перед судьей-адвокатом. Реаль по непонятным причинам отсутствовал, и допроса, столь тщательно подготовленного Бонапартом, под рукой не было. На грубые вопросы, сформулированные Хулином с помощью меморандума Мюрата, заключенный, несмотря на неоднократные намеки членов военного трибунала относительно последствий, отвечал только, что он получал пенсию от Англии и обратился к ее министрам с просьбой о военной службе; что он надеялся сражаться за свое дело с войсками, набранными в Германии из числа недовольных и эмигрантов; что он уже сражался против Франции. Но он решительно отрицал какие-либо отношения с Дюмурье или Пишегрю и что-либо знал о заговоре с целью убийства Первого консула. Затем его позвали в бар в тускло освещенной гостиной, где заседала комиссия. К бумагам, содержащим вопросы и ответы, ему по иронии судьбы разрешили прикрепить просьбу об аудиенции у Первого консула. "Мое имя, мое положение, мой образ мыслей и ужас моего положения, - сказал он, - внушают мне надежду, что он не откажет в моей просьбе". Трибунал последовал своему инстинкту: его члены, хорошо зная знакомые уставы, по которым подобные органы действовали со времен Конвента, но не имея под рукой слов или формы вердикта, предписанных безжалостными законами в отношении тех, кто поднял

оружие против Франции, оставили в протоколе пробел, который нужно было заполнить позже, и вынесли свое решение о немедленном приведении в исполнение "обычного приговора". На самом деле они были заняты составлением петиции о помиловании Первому консулу, когда Савари ворвался в комнату, требуя, что было сделано и что они тогда делали. Выхватив ручку из рук Хулина, он воскликнул: "Остальное - мое дело", - и вышел из комнаты.

Двадцать первого было два часа ночи. - Следуйте за мной, - сказал неразговорчивый Харел Энгйену, - и соберите все свое мужество. Несколько шагов через ров, поворот за угол, и в свете факелов показалась шеренга солдат недалеко от открытой могилы. Когда адъютант начал зачитывать приговор, жертва на мгновение запнулась и воскликнула: "О Боже! что я наделала?" Но тут же овладела собой. Спокойно обрезав прядь волос и сняв с пальца кольцо, он попросил, чтобы их послали принцессе Шарлотте. Залп — и в одно мгновение он был мертв. Савари прищипорил своего коня, чтобы сообщить эту новость в Мальмезон. У ворот Парижа он встретил карету Реаля, который, казалось, был почти подавлен тем, что услышал в ответ на свои нетерпеливые вопросы, и напуган собственной небрежностью. Если бы это действительно было так, то это следовало бы отнести к недоразумению, а не к недостатку рвения.

Бонапарт до конца верил, что его жертва была виновной заговорщицей. Какое-то время он прибегал к некоторым недостойным уловкам, стремясь показать, что казнь была результатом грубой ошибки; но позже он оправдывал свое поведение государственными соображениями и утверждал, что этот акт был актом самообороны. "На меня напали, — как сообщалось, сказал он, - на меня напали со всех сторон враги, которых бурбоны подняли против меня. Под угрозой духовых ружей, адских машин и всевозможных смертоносных уловок у меня не было суда на земле, к которому я мог бы обратиться за защитой; следовательно, я имел право защитить себя, и, предав смерти одного из тех, чьи последователи угрожали моей жизни, я имел право вселить спасительный ужас в других ". Когда он был на смертном одре, его бестолковый слуга зачитал в "Английском обозрении" горькое обвинение его как виновного в убийстве герцога. Умиравший поднялся и, взяв свое завещание, написал собственной рукой: "Я приказал схватить герцога Энгйенского и судить его, потому что это было необходимо для безопасности, интересов и чести французского народа, когда, по его собственному признанию, граф д'Артуа поддерживал шестьдесят убийц в Париже. При аналогичных обстоятельствах я бы снова поступил так же". Тем не менее время от времени он пытался переложить всю ответственность на Талейрана. Обращаясь к лорду Эбрингтону, к О'Мире, к Лас Кейсу, к Монтолону, он утверждал, что Талейран сдержал свое стремление к милосердию.

Исполнитель этого кровавого преступления слишком хорошо представлял Революцию, чтобы соответствовать новому обществу. При получении этой новости мир содрогнулся. Но единственным европейским монархом, осмелившимся протестовать, был царь, который разорвал дипломатические отношения и объявил траур при своем дворе. Но он не мог пойти дальше, поскольку не мог найти никого на Континенте, кто присоединился бы к нему в объявлении войны. Пруссия сохраняла нейтралитет, а ее король хранил молчание. Австрия вывела свои войска из Швабии и отправила курьера сообщить в Париж, что она понимает определенные политические потребности. Осенью, однако, когда у них появилось время понаблюдать за Францией и оценить политику Бонапарта, Россия и Австрия начали сближаться. Династическая политика, таким образом, делала невозможным публичное

выражение народного мнения; но во Франции, как и по всей Европе, массы были возбуждены. Разве эпоха насилия не прошла? Были ли они просто для того, чтобы сменить одну тиранию на другую, более кровавую? Те же самые люди, которые много лет назад смотрели в немом оцепенении и единодушным одобрением на события Террора в Париже, теперь были настороже и встревожены возможностью его возобновления. Первый консул был подавлен и разгневан. Многие из его ближайших друзей с самого начала выступали против его курса, и он глубоко ощущал их плохо скрываемое неодобрение. Его единственным средством было произвольное запрещение любых дискуссий, и он прибегнул к нему. Намереваясь возложить вину за заговор и убийство на Англию и бурбонов, он обнаружил, что его считают не кем иным, как убийцей. Ришелье мог безнаказанно казнить Монморанси, но Бонапарт не мог убить Конде. Много лет спустя он диктовал Меновально: "Заслуженная смерть герцога Энгийенского нанесла ущерб общественному мнению Наполеона и политически не принесла ему никакой пользы". Но массы, как говорится, непостоянны и их легко отвлечь. Через три дня после казни Талейран дал успешный бал.

Парижский мир на самом деле был очень непостоянен. Общество было сильно взволновано казнью Энгьена, но слухи о надвигающейся войне давали более интересные темы для разговоров. Легкомысленное большинство испытывало несколько мимолетных эмоций, сплетничало попеременно то на одну, то на другую тему, а затем продолжало свои развлечения. Серьезные люди, искренне желавшие благополучия своей стране, были глубоко тронуты и шепотом делились друг с другом серьезными предчувствиями. Мир в целом был чувствителен к обоим течениям мысли, но в основном массы считали предстоящие церемонии коронации, великолепие империи и перспективы безграничной славы, открывающиеся благодаря беспрепятственному контролю Наполеона, гораздо более занимательными в качестве предмета легкомысленных спекуляций, чем что-либо другое.

ГЛАВА XXVIII

ДЕКЛАРАЦИЯ ИМПЕРИИ [\[29\]](#)

Принципы Бонапарта — Его понимание условий Франции — Значение убийства Энгьена — Династии Европы — Возможности наследственной власти — Новая Франция — Стремление к династии — Предложения монархии — Предложенная Империя — Новая конституция — Имперское государство — Новое дворянство — Устройство Империи — Новый суд — Плебисцит.

Шаг за шагом, кропотливо и болезненно, с помощью хитрости и осмотрительности, проявляя непревзойденный гений солдата и политика, Наполеон Бонапарт теперь взобрался на вершину революционной власти. Непокорный, как младший офицер в условиях изношенной системы, он не нашел подходящей сферы для своих неумных амбиций в стране своего рождения, единственном отечестве, которое он когда-либо знал; и в этой ограниченной области он был неэффективен как агитатор и неудачлив как революционер. Но с острой проницательностью он изучал и постигал более масштабное движение по мере того, как оно развивалось во Франции. Постоянно стоя на распутье и безразличный к принципам, он тщательно обдумывал каждый путь и в конце концов

выбрал тот, который казался наиболее подходящим для того, чтобы направить его стопы к цели его честолюбия. Богатый ресурсами, он всегда стремился разработать двойной план, и в случае неудачи один прием легко переходил к другому. Его карьера была отмечена множеством грубых ошибок, и он часто оказывался на краю какой-нибудь пропасти, которая грозила провалом и разорением; и все же, подобно машинисту полуночного поезда, он постоянно включал сигнальную лампу осторожности. Не обращая внимания на опасности, подстерегающие за стенами революционной тьмы, которые преграждали ему путь, он всегда останавливался перед теми, кто непосредственно противостоял ему, а иногда далеко отступал, чтобы найти безопасный путь. Брюмер был едва ли не единственным событием в его большой жизни, когда он, по неосторожности, во весь рост натолкнулся на открытую пропасть. Судьба была благосклонна, и он был спасен. Люсьен, сохраняя присутствие духа, выжал газ и, дав волю сдерживаемому энтузиазму солдат в критический момент, благополучно перевел машину через рушащийся мост.

На мгновение протрезвев от размышлений о прошлой опасности, грозившей уничтожением, и о растущей ответственности в будущем, Первый консул воплотил в жизнь многие важные революционные идеалы. Но в этом процессе он в полной мере воспользовался состоянием французского общества, чтобы стать незаменимым для продолжения французской жизни на ее новом пути. Демонстрируя гражданскую свободу и восстановленный общественный порядок, он настолько преуменьшил конституционную сторону своего правительства, что превратил его фактически в тиранию. Самозванное содружество с главным магистратом, претендующим на то, что его должность является общественным достоянием, было вполне готово к созданию либеральной империи под руководством правителя, который на самом деле обладал высшей властью как собственностью.

1804

Убийство герцога Энгиенского стало фактически уведомлением об этом факте всех династий Европы, а также французской нации. Их поведение было убедительным доказательством того, что они понимали это как таковое. Смерть была участью, уготованной не только внутренним и личным врагам Первого гражданина, но и иностранному врагу, принцу или крестьянину, которые вступали в заговор против того, кого французы любили чтить. Если бы континентальные державы были готовы к войне, вполне возможно, что они сделали бы казнь Бурбона, а он был самым популярным представителем своего рода, поводом для немедленных действий. Но они были далеки от готовности. Когда несколько дней спустя "Монитор" сообщил о высокой вероятности того, что теперь стало несомненным фактом, что Дрейк и Смит, британские дипломатические агенты в Центральной Европе, были безнадежно скомпрометированы в заговоре с целью убийства главного судьи Франции, горечь всех классов, даже аристократии, во Франции была утолена. Великобритания официально ничего не могла сделать, кроме как создать коалицию и укрепить свои силы. Курфюрст Баварский уволил Дрейка, британского посланника при своем дворе, как подлого заговорщика; герцог Вюртембергский поздравил Бонапарта с его побегом от наемных убийц; император Священной Римской Империи в Вене хранил молчание, в то время как его министры выражали сочувствие Франции; король Пруссии и Александр Российский обменялись письмами о взаимном уважении и ожидали британских субсидий для завершения их вооружения: но они не нанесли никакого оскорбления никаким официальным образом. Папа безудержно выражал свое горе, но не

высказывал никаких возражений, и неаполитанский двор, конечно, был безразличен. В высших кругах Европы повсеместно надевали траурные одежды; Людовик XVIII вернул свой орден Золотого руна в Мадрид, потому что Бонапарт получил и сохранил его знаки отличия, а свергнутый с престола король Швеции Густав вернул Фридриху Вильгельму значки с Красным Орлом по аналогичной причине. Претенденты могут потакать своим чувствам, на что не осмеливаются трудолюбивые короли. Вполне возможно, что Бонапарт считал себя и династию, происходящую от его чресл, лучшими, если не единственными консерваторами новой Франции; что он представлял себе чисто французскую империю, которая должна была стать для этой страны хранилищем всего, что было завоевано Революцией; и что он верил, что сможет преодолеть инерцию огромной скорости, с которой он вступил на путь единоличного правления. Но это маловероятно, ибо никто не знал французов лучше, не ценил так высоко, как он, их патриотизм и страсть к лидерству среди наций. Именно потому, что бурбоны не смогли воплотить эти качества, реконструированная Франция презирала Бурбонов; именно потому, что новая Франция увидела их воплощение в Бонапарте, она помогла ему подняться. Он, должно быть, очень хорошо знал, что, поднявшись так высоко, он будет вынужден подняться еще выше.

Он также понимал династическую исключительность Европы. В некотором смысле дома Ганновера, Гогенцоллернов и Савойи были фаворитами в королевских советах; однако они были древними княжескими родами, и их приход к верховной власти не потряс народных чувств; сомнительный и запятнанный кровью титул царя не уменьшил его влияния, поскольку его преемственность была не более неправильной, чем у многих его предшественников на полуазиатском русском троне. Но заменить Бурбонов, старейшую династию Европы по божественному праву, а на просвещенном Западе - короля-гражданина низкого происхождения, который основывал свои притязания на народном избирательном праве, означало бросить вызов системе, кроме которой для миллионов умов ничто иное было немыслимо. Борьба для достижения цели была не добровольным выбором, а абсолютной необходимостью; у французов не должно быть никаких сомнений, кроме того, что их популярный суверен был столь же способен утвердить свое звание пэра среди королей, как и любой человек королевского происхождения и церковного помазания.

Таковы были условия, при которых барк либеральной империи должен был отправиться в плавание. Кажется невозможным, чтобы какой-либо пилот смог спасти ее во время таких тайфунов, с которыми ей пришлось столкнуться. У Бонапарта было больше шансов на успех, чем у любого другого, и в течение многих лет его судно было подтянутым и дерзким; но у него не было дружественных гаваней, в которых его можно было бы переоборудовать, он выдержал один шторм только для того, чтобы попасть в другой, более жестокий, и в конце концов даже сверхъестественные способности великого капитана подвели его. Даже с самого начала предзнаменования были не столь благоприятными, как казалось, поскольку вызов, заключенный в убийстве Энгьена, был лучше понят за границей, чем дома. На данный момент ошибка, которая в конечном счете привела к гибели Наполеона, казалась малозначащей. Французская общественность почти сразу же начала обсуждать, не следует ли сделать консульские полномочия наследственными, и в течение недели после их возникновения предала "энгиенское дело" очевидному забвению.

Для этого было множество причин. Недовольство в армии практически исчезло с позором Моро, и долгое время после этого и генералы, и рядовые были полностью послушны. Бурбоны вернулись к своим заговорам, но настолько неэффективно, что ни кабинеты

министров Европы, ни французский народ не проявили к ним никакого активного интереса. Таким образом, роялизм во Франции был временно подавлен. Франция 1803 года была новой Францией. Ее церковь была реконструирована; ее армия была предана Бонапарту как человеку нации; ее революция была частично урезана, а частично преобразована в формы личного правления, ее законы пересмотрены и кодифицированы, ее старые рыцарские ордена заменены новыми, ее финансовое управление очищено и усилено, ее система образования обновлена, ее социальной и семейной жизни придано новое направление благодаря строгому регулированию завещательных распоряжений, ее правительство централизовано — короче говоря, вся структура, от фундамента до башни, была отремонтирована, отреставрирована, укреплена и приобрела свой современный вид.

Народ, состоявший из сменявших друг друга иммигрантов и завоевателей со времен Юлия Цезаря, был полностью объединен духом Французской революции. Они были убеждены, что завоевания революции были бы лучше обеспечены, если бы власть дома, который должен представлять принципы этого события, передавалась по наследству. Все, за исключением немногих, искренне верили, что патриотизм по отношению к новой Франции был в значительной степени лишь другим названием и формой преданности человеку, который стоял у истоков ее зарождения и называл себя ее прародителем. В течение некоторого времени фраза "французская империя" использовалась ораторами и писателями для обозначения величия ее институтов. Уже в мае 1802 года австрийский посол услышал, как о Первом консуле говорили как об "императоре Галлии", а в марте 1803 года английский джентльмен в Париже записал то же самое выражение в своем дневнике. Поэтому нигде в стране не было ни шока, ни удивления, когда двадцать седьмого марта 1804 года сенат представил Первому консулу обращение, в котором от имени народа предлагалось, чтобы он принял меры, "чтобы сохранить для сыновей то, что он сделал для отцов". Предположительно, это был момент наибольшей непопулярности Бонапарта — не прошло и недели после казни герцога Энгиенского; когда еще не был завершен нелепый судебный процесс над Моро, а его друзья представляли своего героя жертвой ненависти Бонапарта; до того, как Жорж был осужден, и пока Пишегрю был еще жив. И все же все ожидали этого события, большинство желало его, отчасти по причине, указанной сенатом, отчасти ради драматического эффекта, отчасти потому, что они не хотели ни бурбонов, ни повторения террора. Сенат теперь был известен как инструмент Первого консула; Фуше не уступал ни одному из своих коллег по власти, и он жаждал возобновления благосклонности, императорской, если это был желаемый ярлык. Несмотря на изменения, трибунал по-прежнему пользовался национальным уважением: было желательно, чтобы официальная инициатива исходила от этого органа. В течение недель, прошедших между обращением к сенату и концом апреля, Бонапарт убедился, что ни Австрия, ни Пруссия не будут сопротивляться и что армия и народ готовы к этому. Действительно, судьба Моро, как чувствовали все офицеры, пролила свет на вероятность неподчинения и с ослепительной яркостью осветила возможности уступчивости. Все попытки историков доказать, что Франция не хотела империи, терпят неудачу. Каждый новый современный документ, который выходит на свет, содержит более или менее доказательства обратного. Французы любого уровня интеллекта понимали римское значение понятия "империя", и действительно, это было легко постичь. У них был давний опыт отстаивания общих интересов в условиях олигархии; этот тип демократии поставил их на грань разорения, поскольку нигде не могла быть установлена ответственность или назначены наказания. Но интересы всех, находящиеся в ведении одного высшего человека, были концепцией настолько простой, что казались почти осязаемыми, и для нации, отвлеченной революцией,

наиболее привлекательной. Это была имперская демократия, которую они желали, которую они получили и которая на какое-то время сохранила свой характер. Поэтому двадцать пятого числа Первый консул снова взял щит Революции и сообщил сенату, что он с интересом ознакомился с их планом "обеспечить торжество равенства и общественной свободы" и был бы рад узнать их мысли без утайки. "Я хотел бы четырнадцатого июля этого года обратиться к французскому народу: "Пятнадцать лет назад стихийным движением вы взяли за оружие, вы обеспечили свободу, равенство, славу. Сегодня эти главные сокровища нации, вне всякого сомнения, надежно защищены от любой бури; они сохранены для вас и ваших детей".

Тридцатого апреля член трибуната, получивший щедрую взятку, представил законченный проект. В промежутке комитет поинтересовался, какой титул хотел бы иметь будущий представитель новой наследственной должности — консула, штатгальтера или императора. Его благоразумный выбор пал на последнее. В наш век это слово приобрело новое значение, но тогда оно все еще имело древнеримское значение. Это умиротворяло профессиональную гордость, занявшую место республиканства в армии, и, хотя явно отменяло радикальную демократию, это также бросало вызов абсолютному роялизму. Соответственно, трибуны проголосовали за то, чтобы Наполеону Бонапарту было доверено управление Францией в качестве императора и чтобы императорская власть была объявлена наследственной. Был только один человек, который осмелился вмешаться в его отрицательный голос — первый защитник Наполеона, ветеран-республиканец Карно. Он признал, что в стране уже был временный диктатор и что республиканские конституции страны были нестабильны, но он думал, что с миром придут мудрость и постоянство, как в Соединенных Штатах. Бонапарт, безусловно, был человеком добродетельным и талантливым, но как насчет его потомков? Коммод был сыном Марка Аврелия. Какими бы великолепными ни были заслуги человека, общественная благодарность имеет границы, и эти границы были достигнуты; переступить их означало бы уничтожить свободу, которую Первый консул помог восстановить. Но если бы нация желала того, чему он сознательно противостоял, он бы удалился в частную жизнь и безоговорочно подчинился ее воле.

Законодательный орган был быстро созван на специальное заседание и, согласно конституции, своим одобрением придал этим решениям законный характер. Как только позволили приличия, новая конституция была представлена на рассмотрение государственного совета, обсуждена под руководством Бонапарта и отправлена на рассмотрение сената. Восемнадцатого мая документ был принят в этом органе четырьмя несогласными голосами, включая аббата Сийеса, который ненавидел все хартии, созданные не им самим. В тот же день указ сената о создании империи был передан первому консулу в Сен-Клу, где он был должным образом одобрен им и официально обнародован. Было установлено, что трудности, связанные с наследственностью, удалось избежать, предоставив Наполеону, но никому из его преемников, право усыновления; и если не будет ни естественного, ни приемного наследника, установив наследование сначала в семье Жозефа, затем в семье Людовика, оба из которых были объявлены имперскими принцами. Таким образом, были устранены все шансы для возвращения династии, которая могла нарушить существующие имущественные отношения.

Изменения в конституции были радикальными, и многие из них не были обнародованы до тех пор, пока они не были введены в действие. Трибунат остался нетронутым, но законодательная власть была разделена на три секции: юридическую, административную и финансовую. Его члены частично восстановили свободу слова и могли снова обсуждать, но только за закрытыми дверями, предложенные им меры. Сенат стал палатой лордов. К его числу добавились шесть великих сановников, шестнадцать военных вельмож, называемых маршалами, и ряд высших административных чиновников. Ссылаясь на имперское государство великого немца, которого звали Карлом Великим по-французски, имперские офицеры Наполеона были обозначены, некоторые титулами из истории Карллинга, такими как "Великий курфюрст", "Архи-канцлер империи", "Государственный архи-канцлер", "Главный казначей"; другие - древними французскими обозначениями, такими как "констебль" и "Верховный адмирал". К ним, как и к принцам империи, следовало обращаться "монсеньор" или "Ваше высочество", либо "император", либо "светлейший", в

зависимости от обстоятельств. К самому императору следовало обращаться "Ваше величество" или "сир". Его гражданский лист составлял двадцать пять миллионов франков; доход каждого "высшего" сановника составлял треть миллиона. Камбасерес был назначен канцлером; Лебрен - казначеем; Жозеф Бонапарт был назначен курфюрстом, а Луи - констеблем; Фуше был вновь назначен министром полиции; Талейран остался министром иностранных дел. Геральдический знак, выбранный для печати династии Наполеонов, был любимым символом Священной Римской империи - орлом "au vol", то есть в полете.

В идее всего этого безвкусного государства не было ничего оригинального, кроме института маршалов, который в целом был таковым. В период процветания эта военная иерархия была оплотом Империи, но в условиях невзгод она оказывалась серьезным элементом слабости. Список был составлен разумно, чтобы обеспечить добрую волю армии. Журдан, который в качестве министра консульства успешно усмирил Пьемонт, был назван победителем при Флерюсе в 1794 году; таким образом, его республиканство было одновременно отозвано и окончательно подавлено. Бертье был вознагражден за свое мастерство на посту начальника штаба; Массена - за отвагу при Риволи, победу при Цюрихе, выдержку при Генуе. Ожеро, еще один новообращенный демократ, запомнился Кастильоне; Брюн был назначен за его кампанию в Голландии против герцога Йоркского; Даву за его египетские лавры; Ланн и Ней за их храбрость во многих боях; Мюрат как великий командующий кавалерией; Бессьер как начальник гвардии; Бернадот, Сульт, Монси и Мортье по политическим соображениям и за их общую репутацию.

"Лежащий лев" был предложен в качестве геральдического символа новой империи, но Наполеон отверг его. Во всех своих приготовлениях он тщательно различал "Государство", которым, конечно же, была Франция с ее естественными границами, и "Империю", которая, очевидно, была чем-то большим; отдыхающий лев мог олицетворять первое, парящий орел явно был приспособлением для другого, которое, подобно царству Карла Великого, не знало "естественных" препятствий в своем расширении.

Самым непосредственным признаком нового порядка стала изменившаяся жизнь в Тюильри. Дворец больше не был переполнен могущественными, но неуклюжими людьми, которые не знали, как подходить, кланяться и отступать, и которые не могли с достоинством носить свою элегантную одежду; равно как и другими, которые, более утонченные в своем обучении, снисходительно улыбались несовершенным манерам первых. Был организован тщательный суд с тщательным надзором и строгим этикетом. Вскоре каждый мог вести себя с достаточным изяществом и достоинством. Феш был Главным Раздавальщиком Милостыни; Дюрок был главным маршалом дворца; Талейран - главным камергером; Бертье - распорядителем Собак; и Коленкур - распорядителем Лошади. Многие из вернувшихся эмигрантов занимали второстепенные должности императорского достоинства. Совершенство церемониала было обеспечено назначением Сегюра, бывшего посланника Людовика XVI в России, для регулирования всего этикета. Предполагалось, что все будут изучать правила и присутствовать на многочисленных репетициях. Mme. Кампан, бывшая фрейлина Марии-Антуанетты, была вызвана, чтобы оказать ей помощь.

Наконец, не была забыта ставшая традиционной формальность получения народного одобрения. Безусловно, поставленный вопрос заключался всего лишь в том, должна ли императорская власть оставаться в семье императора. Ответом было громовое "да"; в общей сложности из трех с половиной миллионов голосов только две с половиной тысячи

высказались отрицательно. Знамением времени было то, что среди последних были имена всех парижских юристов, кроме трех.

ГЛАВА XXIX

Спуск в Англию [\[30\]](#)

Легитимность, желаемая для империи — Условия Папы Римского — Фестиваль в Булони — Позиция Жозефины — Двор в Ахене — Питт и Континентальные державы — Непокорная Франция — Ложный выпад против Англии — Военно—морские планы Наполеона - Консолидация его морской мощи — Маневры его флота — Попытка мистифицировать Англию — Основная цель — Собственное заявление Наполеона — Подтверждающее доказательство — Пророчество Питта — "Падение" невозможно.

1804—05

Когда Пипин Короткий спросил папу Захарию в 752 году, делает ли это имя или факт законного короля, ответ был таким: "Тот король, у кого есть власть"; и в знак этой доктрины именно папская санкция закрепила законность карлингов, короновав Пипина Бонифация королем. Полвека спустя папа Лев III, действуя высокомерно, но признанным авторитетом, аналогичным образом утвердил их императорское достоинство, возложив императорскую корону на голову Карла Великого. Это событие произошло в Рождество памятного 800 года. В начале мая 1804 года, тысячелетие спустя, пришло известие, что обладатель трона Святого Петра должен еще раз опорожнить маленький пузырек на голову другого западного императора, и на этот раз не по собственной воле и не в вечном Риме, а по требованию императора, и в Париже, наследнике классической славы. Этот вызов привел слабого понтифика в отчаяние. Но Конкордат был заключен недавно, и, несомненно, соблюдение его условий могло обеспечить другие столь желанные преимущества; дипломатические миссии, некогда принадлежавшие ему, но теперь составляющие прекраснейшие провинции итальянской республики, все еще находились за пределами его светской власти; более того, за Авиньон и Карпантрас, потерянные им после заключения Толентинского мира в 1797 году, так и не было получено адекватной компенсации.

Наконец было дано нерешительное согласие: понтифик приедет "ради блага религии", если император пригласит его под этим предлогом. Кроме того, он надеялся, что будут пересмотрены органические статьи Конкордата, если он, как глава Церкви, потребует изгнания "конституционных" епископов. Одним из незначительных условий было то, что Святой Отец ни при каких обстоятельствах не примет мадам. Талейран. Из благодарности за Конкордат он, конечно, снял запрет на отлучение от церкви с бывшего епископа и разрешил ему "управлять всеми гражданскими делами", но толкование этого пункта как разрешения на вступление в брак было невыносимо раздражающим. Император в ответ перечислил все свои заслуги перед Церковью и папством; и чего еще можно было ожидать от того, кто уже так много сделал? Этим бессрочным обещанием папа был вынужден удовлетвориться, и церемония коронации была назначена на второе декабря.

НАПОЛЕОН КАК ПЕРВЫЙ КОНСУЛ

Сэр:

Поскольку вы хотели бы знать, когда, где и при каких условиях я нарисовал карандашный портрет Наполеона, который только что прислал вам, вот отчет:

В 1801 году я был назначен членом цизальпинской делегации, которая отправилась в Лион, чтобы разработать проект конституции моей страны под председательством Наполеона, тогдашнего первого консула. Когда все было улажено, Первый консул прибыл, чтобы лично председательствовать на Цизальпинской ассамблее, зная, что он будет избран президентом нашей республики, которой он дал при этих условиях название Итальянской республики.

Я сидел недалеко от него в то время, когда довольно пространный и красноречивый оратор произносил многословную речь, лишенную смысла и вкуса. Возможно, Бонапарт не обращал на это внимания, но он спокойно смотрел на говорившего, думая о чем-то более важном. Я видел его в профиль, как он изображен на моем рисунке, и прекрасный свет, льющийся из большого окна в передней части церкви, где мы собрались, выделял его нос гораздо ярче, чем остальные черты лица. Эскиз, почти заверченный, имел такой почти полный успех, что для его завершения оставалось сделать немного. Все и в Лионе, и в Париже, куда я впоследствии поехал, считали его в то время самым ярким портретом этого необыкновенного человека.

Это, сэр, мой отчет о портрете. Я к вашим услугам.

С величайшей преданностью,

Милан, 4 июня 1828 года.

Сейчас в Бодлианской библиотеке.

Но подобные празднества и мероприятия начались сразу же после провозглашения Империи восемнадцатого мая 1804 года. Наиболее успешная церемония инаугурации состоялась в июне в больнице инвалидов. Титулованные эмигранты, которых теперь было много в обществе, приняли весьма забавные позы. Они надули губы и презрительными жестами выразили чувство стыда за то, что опустились до такого низкого положения. Но наши свидетельства убедительны в том, что путем неустанных уговоров они, по словам более позднего историка, "вынудили себя быть принужденными". Самозваная аристократия того времени не походила ни на кого другого: большинство их титулов были либо новыми, либо принадлежали лицам, имеющим иное значение, не по рождению, а благодаря богатству или влиянию, которые не так давно женились или приняли те достоинства, которыми они щеголяли. Это долгое время было правдой даже при старой монархии; революция позволила многим ловким дельцам присвоить территориальные названия и доли, которые по самым благим причинам не подвергались сомнению нуждающимися авантюристами старшего поколения; зарождающееся имперское общество, хотя еще и не привыкшее к суровым ограничениям придворных, быстро прогрессировало и, более того, обладало всем влиянием, которое проистекает из источника чести, который также является источником власти. Алчные претенденты на императорскую милость, должно быть, терпели более раздражающих партнеров, чем даже грубые солдаты и семья Бонапартов, которые, хотя и были совершенно обычными, по крайней мере, были приятны на вид и проявляли все возможное рвение, чтобы приобрести манеры более опытного дворянина. Число тех, кто выразил свое отвращение к слабости Наполеона в безвкусной демонстрации, которой он так восхищался, действительно было невелико. Курьер сказал, что при устройстве империи доселе великий человек стремился к деградации, и Бетховен изменил посвящение своей Героической симфонии с формы "Бонапарту" на печальную подпись "Памяти великого человека". Надпись на новых монетах Наполеона была самой значимой: Французская Республика, император Наполеон. Быть императором Французской Республики означало бы продолжать быть великим. Человеческая природа и неблагоприятная окружающая среда сделали это невозможным.

Тюильри, однако, сверкал свечами и драгоценностями; сразу же начались придворные расточительность и излишества. Благодаря Сегуру, по крайней мере, внешний вид был великолепен. Чтобы чаша аристократии переполнилась, милосердие Империи впервые проявилось в помиловании всех дворян, которые были замешаны в убийстве Жоржа. Первое путешествие императора состоялось в июле в его лагерь в Булони, где раздача наград и принесение армией присяги на верность стали поводом для второй великолепной церемонии. Древние франкские воины имели обыкновение сажать своих королей на сцену, сделанную из их собственных щитов. Наполеон принимал приветствия своих войск, сидя в железном кресле, которое, как говорили, принадлежало Дагоберту, и глядя через море на скалы Альбиона.

В этом знаменательном путешествии, которое должно было иметь как политическое, так и военное значение, его сопровождала Жозефина. Ее положение было далеко не комфортным. Как вы помните, ее муж, впервые приехав в Италию, был разочарован в

ожиданиях, что она вскоре подарит ему наследника, и ее интриги в Милане были причиной частых ссор между ними. Бонапарт оправдал свою публичную и скандальную связь с некой мадам . Фуже в Египте, предположив, что, если бы у него мог родиться сын, он женился бы на матери ребенка; примирение Брюмера было актом целесообразности, и, хотя оно отлично сработало для консульства, дискуссии, которые велись о линии происхождения с тех пор, как разговоры об империи стали всеобщими, показали нестабильность отношений между императорской парой; даже формальные положения новой конституции не внушали особого доверия партии Богарне. Таким образом, новая императрица была воплощением кротости, но в настоящее время она была, согласно старой римской формуле, "Кайей", а ее муж - "Гаем". Бок о бок и, по-видимому, в полном согласии они проследовали из Булони в Ахен, древнюю столицу Карла Великого, расположенную на границе с Германией.

Словно в насмешку над римскими и германскими притязаниями Франциска, наполеон и его супруга устроили высший суд в этом историческом городе, чьи воспоминания благоухали европейским могуществом, а стены были бастионами средневековой римской империи, которая, хотя сама по себе была неэффективным анахронизмом, вот-вот должна была возродиться в современном обличье. Герцоги, принцы и короли Германии, либо лично, либо через своих послов, приезжали засвидетельствовать свое почтение; даже у Австрии был представитель. Константин сделал столицу своей воссоединенной империи, построив новый Рим на берегах Босфора; Париж и Франция могли видеть, как легко Наполеон мог бы провести аналогичную политику. Они действительно наблюдали, и не без тревоги.

Но пока князья земли толкали друг друга в честь этого нового монарха монархов, подземные течения чувств делали свое дело. Уже "Империя" означала войну; но война до сих пор велась только с Англией и обязательно должна была быть либо морским конфликтом, либо дорогостоящим и рискованным вторжением. Возвращение Питта к власти двенадцатого мая означало сопротивление объединенной Британии Бонапарту и всем его начинаниям: на ее собственной земле, если необходимо, но предпочтительно путем возобновления старой политики премьер-министра о континентальной коалиции против Франции. Ирония судьбы заключалась в том, что благодаря хитросплетениям партийной политики и слабоумию короля сильный человек вернулся к власти с презренным и слабосильным кабинетом министров. Следовательно, во-первых, он мог только укрепить островное королевство. Однако вскоре начали появляться признаки того, что его враг пойдет ему навстречу, по крайней мере, на полпути к созданию новой коалиции; военное объединение Западной Европы дало бы императору Наполеону новую власть над Францией, ту вторую тетиву к его луку, которую он всегда намеревался иметь при себе и в которой он сейчас нуждался больше, чем когда-либо. Более того, успех означал бы для него немедленную реализацию французской империи, настолько выходящей за границы самой Франции, что люди забыли бы старую нацию в великолепии нового всеобъемлющего французского политического организма, разрушающего национальность как фактор влияния в мире.

В июле Россия, правителя которой на самом деле мало заботила смерть Энгиена и которой двигали безграничные амбиции в отношении восточной империи, выступила с официальным протестом против внешней политики Франции, потребовав эвакуации Неаполя и выплаты контрибуции королю Сардинии. Талейран грубо ответил, что Франция не просила объяснений подозрительной смерти императора Павла; что Россия натурализовала известных французских эмигрантов; что она послала в Париж в лице

Маркова неприятного дипломата, который саркастическим пренебрежением к своим манерам явно демонстрировал враждебность своего хозяина по отношению к Франции; и что, более того, она оккупировала Ионические острова. "Император Франции хочет мира, - сказал Талейран, - но с помощью Бога и его армий ему не нужно никого бояться". Взятые в связи с некоторыми своевольными действиями, уже совершенными Наполеоном, - как, например, изгнание по его приказу со своих постов английских посланников в Штутгарте и Мюнхене, которые неосмотрительно вступили в заговор с Мехи де ла Туш; и гораздо более произвольный арест в Гамбурге Румбольда, недавно назначенного посланником Англии в Саксонии, когда он направлялся к исполнению своих дипломатических обязанностей, — эти слова Талейрана означали не что иное, как вызов всему Континенту, а также Англии. Россия тщетно протестовала против нарушения нейтральной территории Бадена путем захвата Энгена; Пруссия добилась успеха в своих протестах в отношении Румбольда, но ввиду продолжающейся оккупации Ганновера усиленным французским гарнизоном эта скудная милость не успокоила ее министров.

Эти провокации, по-видимому, являются совокупным доказательством того, что показные приготовления к вторжению в Англию были не более чем уловкой. Возможно, дело было в том, что, как всегда, колоссальный гений человека, который знал, что по военной мощи он равен всему Континенту, готовился к любой из альтернатив. Романтика его имперской политики не знала границ: потерпев неудачу при пересечении Ла-Манша, он мог утвердить свое новое положение, разгромив коалицию, которая, несомненно, была сформирована немедленно в результате его поведения и освященной веками политики Питта; или, с другой стороны, сдерживаемый на Континенте, он мог бы восстановить все одним сокрушительным ударом по Англии. Но это самое большее, что можно допустить, даже принимая во внимание его большую подготовку и кажущуюся серьезность.

Осенью 1803 года и весной 1804 года в Булони наблюдалось неуклонное развитие ресурсов. Было условлено, что французский линейный флот из десяти кораблей под командованием Латуша-Тревия должен покинуть Тулон тридцатого июля, как бы для повторной оккупации Египта, и таким образом соблазнить Нельсона последовать за ним в надежде повторить свою победу на местах его прежних подвигов. Но французский адмирал должен был повернуть и появиться в Рошфоре в Бискайском заливе, усилить свое вооружение добавлением к нему шести первоклассных судов с несколькими фрегатами, а затем, сделав большой крюк, прибыть в Дуврский пролив, как бы обогнув Кейп-Клир с Запада. "Хозяева Ла-Манша на шесть часов, мы хозяева мира", - написал император. Этому плану помешала безвременная кончина адмирала.

Однако в сентябре был разработан гораздо более грандиозный проект. Политика Наполеона по умиротворению Испании подарками и обещаниями герцогу Пармскому сделала королеву этой страны его другом, а ее преступная близость с Годоем, принцем Мира, была уже печально известна, и она, и ее любовник заплатили за терпимость униженным рабством. По указке Первого консула Испания вторглась в Португалию и унизила ее, корабли которой помогали Нельсону в Леванте и чьи прекрасные гавани были бесценны для Англии. По Амьенскому миру он передал испанскую колонию Тринидад Англии, не посоветовавшись с ее владельцем, и продал Луизиану, полностью игнорируя право выкупа, оставленное за Испанией. Теперь он вынудил свою союзницу заключить чудовищный договор, по которому она должна была сохранять нейтралитет Португалии и увеличить свои субсидии до непомерной суммы в шесть миллионов франков в месяц. Этот

союз сделал Наполеона абсолютным хозяином морских ресурсов Испании, когда в декабре 1804 года, что было неизбежно, разразилась война между Англией и Испанией: он начал действовать еще раньше, как будто французское господство на морях должно было продлиться не шесть часов, а навсегда. На всех его верфях и арсеналах началась лихорадочная деятельность; банды журналистов наводнили портовые города и хватали всех свободных моряков, и за несколько недель имперская морская пехота почти удвоилась по количеству кораблей, орудий и людей. К сожалению, его эффективность снижалась прямо пропорционально его громоздким размерам. Вильнев, новый командующий в Тулоне, хотя и способный во многих отношениях, был слишком хорошо осведомлен о полной деморализации французского военно-морского флота. Следовательно, он был лишен всякого энтузиазма и стеснялся возложенной на него задачи.

Это не имело большого значения, поскольку теперь его эскадре и эскадре Рошфора предстояло отправиться в Вест-Индию порознь, чтобы отвлечь англичан; попутно им предстояло вернуть Сан-Доминго, если это возможно, и укрепить Гваделупу, Мартинику и Санта-Люцию. Гантеом, командующий в Бресте, должен был вывести свою эскадру из двадцати линейных кораблей с Ожеро и восемнадцатью тысячами человек на борту, отплыть на запад, на полпути к Ньюфаундленду, в качестве отвлекающего маневра, затем, возвращаясь, высадить солдат на севере Ирландии и, отплыв оттуда, войти в Ла-Манш с севера, чтобы сотрудничать с флотилией вторжения, которая с большими затратами была собрана в Булони и близ нее. О том, насколько несерьезным был император в этом эффектном плане, свидетельствует его тщательно изученное письмо от шестнадцатого января 1805 года, в котором он предлагает атаковать Англию в Ост-Индии той же брестской эскадрой и силами в тридцать тысяч человек. Это предположение было серьезно сделано еще до того, как Вильнев вышел в море; его не следует рассматривать как одно из случайных заблуждений, которые такой человек может либо считать свидетельствующими о подлинном состоянии ума, либо которые могут быть высмеяны им самим и забыты другими как химерические, в зависимости от поворота дел. Эскадре Рошфора удалось миновать английских блокадников и благополучно достичь Мартиники. Вильнев покинул Тулон семнадцатого января 1805 года под прикрытием шторма, который он надеялся использовать для бегства от Нельсона; но он настолько рассеял его корабли, что сделал невозможными какие-либо согласованные действия, и отдельные суда с некоторым трудом вернулись в порт отправления. Гантеом даже не предпринял попытки прорвать английскую блокаду перед Брестом.

Три месяца спустя был обнаружен третий нелепый план мистификации Англии, индийская экспедиция все еще оставалась в резерве. На этот раз очевидной целью было объединение всех французских военно-морских сил в Вест-Индии, и соответствующие приказы были отданы. Оттуда под командованием Вильнева огромный флот, сорок линейных кораблей, должен был вернуться огромным обходом вокруг Шотландии и через Северное море, чтобы очистить Ла-Манш и удерживать его в таком состоянии до тех пор, пока флотилия транспортов не сможет пересечь его. Вся схема была заклеена как концепция сухопутного жителя. Фактически, рассматриваемая как серьезный замысел, она превращает каждое качество ума Наполеона в противоположность тому, чем оно было на самом деле. Чудовищные расходы на содержание в течение такого длительного времени и без обычных военных контрибуций флота и многочисленной армии, совершенно несоразмерных требованиям вторжения; театральный характер всех этих мероприятий; кажущаяся беспечность неопределенной задержки; спокойствие, с которым великий

полководец выслушал новость о Трафальгаре, — все это соображения, которые в совокупности приводят к выводу, что он всерьез не участвовал ни в морской кампании, ни в вторжении, и что его настоящим вооружением были дорогостоящие сухопутные войска, подготовленные с целью завоевания Австрии, врага против Германии. которым в следующем году оно было фактически использовано; в то время как военно-морское вооружение, включая Булонскую флотилию, предназначалось для предотвращения, что оно и сделало, активного вмешательства Англии с целью разрушить ее собственную так называемую блокаду континентальных портов и тем самым возобновить ее торговлю.

Генералы Наполеона, чьи способности были столь же замечательны, как и слабость его адмиралов, были заинтересованы, как доказывают их собственные воспоминания и воспоминания других проницательных наблюдателей, в европейской империи, с помощью которой их достоинство должно было быть увековечено и укреплено. Иосиф сказал прусскому министру, что сила его брата в армии заключалась в новых лаврах, которые они надеялись сорвать, и в богатстве, которое последует в результате. Император открыл правду своему любимому брату, когда сказал, что сам он никогда не попытался бы высадиться на британских берегах, но что он может отправить Нея в Ирландию. Возможно, важной каплей стало то, что, когда Роберт Фултон, как утверждает традиция, предложил сделать флотилию независимой от ветра и волн с помощью пара, Наполеон, апостол науки, друг Монжа и Волни, сотрудник Института, проявил очень мало научного интереса. В течение некоторого времени он кокетничал с великим американским изобретателем, предоставляя ему недостаточные субсидии для реализации его планов по применению паровой энергии к различным судовым машинам разрушения. Следует, однако, помнить, что нет никаких доказательств фактических переговоров между ними о применении steam к навигации. Император, вероятно, намеревался удержать других от использования изобретений Фултона; то, что он сам не проводил справедливых испытаний, по-видимому, показывает, что он не имел от них реальной пользы.

Большинство английских историков полагали, что прогноз Наполеона предусматривал успешное вторжение в их страну, и, как следствие, Великобритания выплатит огромную военную контрибуцию, на которую можно было бы набрать его непобедимые легионы и подчинить континентальные державы. Англичане всегда считали, что для британцев было делом высокой предприимчивости внушить благоговейный трепет корсиканскому людеду масштабом своих приготовлений к сопротивлению ему, и путем постоянных повторений убедили большое количество людей, что это, помимо прочих почестей, принадлежит и им. Они редко принимали во внимание беспокойство другой стороны о том, что английские войска могут быть высажены на Континент под защитой такой подавляющей морской державы, какой обладала Великобритания. Конечно, никогда не будет известно, насколько серьезной была широко выставляемая напоказ цель императора в 1803 и 1804 годах. Но даже более значительным признаком, чем те, которые уже были перечислены, является тот факт, что в январе 1805 года, когда государственный совет обсуждал бюджет, он заявил, что в течение двух лет Франция шла на огромные жертвы. "Всеобщая война на Континенте, - сказал он, - не потребовала бы большего. Сейчас у меня самая сильная из возможных армий, полноценная военная организация, и в данный момент я нахожусь на той опоре, которую я обычно в первую очередь должен обеспечить в случае настоящей войны. Чтобы собрать такие силы в мирное время — двадцать тысяч артиллерийских орудий, лошадей и обозов в полном составе, — нужен был предлог, чтобы собрать их все вместе, не вызывая подозрений у других континентальных держав. Этот предлог был предоставлен проектом высадки в

Англии. Два года назад я бы так с вами не разговаривал, но, тем не менее, это было моей единственной целью. Я прекрасно понимаю, что поддерживать такое оборудование в мирное время - значит выбрасывать тридцать миллионов долларов на ветер. Но взамен я получаю преимущество над всеми моими врагами на двадцать дней и могу выступить в бой на целый месяц раньше, чем Австрия успеет подготовить свою артиллерию".

Даже в лабиринте самых извилистых мыслей есть ключ к разгадке, и на этот раз Наполеон, вероятно, говорил правду. Присущая ему вероятность еще более усиливается доказательствами того, что последовало. Несколько недель спустя он сказал в момент откровенности: "То, что я до сих пор делал, - ничто. В Европе не будет мира, кроме как при едином правителе, при императоре, у которого будут короли в качестве должностных лиц, который раздаст королевства своим наместникам, сделав одного королем Италии, другого — Баварии, этого - ландманом Швейцарии, того - штатгальтером Голландии - и на всех будут возложены обязанности в императорском доме.... Вы можете сказать, что в этом нет ничего нового, что это всего лишь имитация плана, на котором была основана Германская империя; но нет ничего абсолютно нового: политические институты вращаются по определенной орбите, и часто необходимо возвращаться к тому, что было". "Вскоре нам стало известно, - писал Мио де Мелито в августе 1804 года, имея в виду демонстрацию против Англии, - что император, выполняя уже заброшенный план, предпринял такие демонстрации только для того, чтобы повысить безопасность континентальных держав и побудить их к какому-нибудь решительному шагу, который позволил бы ему высказаться и действовать".

Хорошо бы напомнить, что если великая египетская экспедиция была задумана Бонапартом и его друзьями из Директории для того, чтобы ввести французов в заблуждение, то военно-морские приготовления, предпринятые как для встречи с Англией на ее собственной территории, так и для вторжения на ее территорию, вполне могли быть предприняты с аналогичными намерениями в отношении англичан. Одна гипотеза требует не большей доверчивости, чем другая. Отстранив министерство Аддингтона от власти, Питт сказал двадцать третьего мая 1803 года, что Франция будет основывать свои надежды на успех либо на ожидании, что она сможет "сломить дух и поколебать решимость страны, беспокоя нас постоянным опасением высадки у наших берегов", либо на предположении, что она может "истощить наши ресурсы и подорвать наш кредит в результате дорогостоящего и затяжного соперничества". Нет никаких оснований рассматривать это как нечто иное, чем пророческое высказывание, за исключением того, что приготовления Наполеона к вторжению приняли такие масштабы, что придали всему плану "преследования" Англии видимость реальной цели. Но следует помнить, что никакой другой курс не ввел бы в заблуждение такой проницательный народ, как англичане, и этот факт, взятый в связи с постоянно растущей решимостью императора, что ни одна держава в сфере его влияния не должна оставаться нейтральной, но что все должны закрыть свои двери для английской торговли, является очень веским доказательством того, что Наполеон боролся с Англией обоими способами, указанными Питтом.

Также уместно поинтересоваться, что произошло бы, если бы Наполеону удалось высадить армию на английских берегах. Во-первых, его господству на море был бы быстро положен конец объединенными усилиями английских военных кораблей, находившихся тогда на плаву, и он остался бы без базы снабжения или связи. Во-вторых, он встретил бы сопротивление гордого, свободного, просвещенного и отчаявшегося народа, которое

парализовало бы всю его тактику и истощило бы любые силы, которые он мог бы сохранить. Наполеон и раньше говорил, что армия, которую нельзя регулярно пополнять, обречена. Он очень хорошо знал, что с флотами и флотилиями, находящимися в его распоряжении, о постоянном контроле над морями не может быть и речи. Впечатление, которое сложилось у Меттерниха в 1810 году, что намерением императора с самого начала была континентальная война, и щедрость, с которой Наполеон на протяжении всей своей государственной карьеры использовал любые уловки, даже самые дорогостоящие, чтобы ввести в заблуждение своих врагов, являются дополнительными свидетельствами, которые дают самое сильное подтверждение.

ГЛАВА XXX

КОРОНАЦИЯ НАПОЛЕОНА I [\[31\]](#)

Недоумения Папы Римского — Прибытие Пия VII в Фонтенбло — Приготовления к коронации — Церковный брак Наполеона и Жозефины — Процессия к Нотр—Дам — Коронация — Значение Акта — Разочарование Папы Римского — Предвестие войны — Европа подготовилась — Подъем национальных чувств — Процветание Франции — Литература во Франции — Новая коалиция - Наполеон, король Италии.

На Париж не произвело приятного впечатления зрелище императорского двора в Ахене, и когда в "Монитер" появилось пронизательное напоминание о том, что резиденция Римской империи навсегда перенесена в греческий город, чувство беспокойства усилилось до желаемой степени. Поэтому парижане были не прочь продемонстрировать восторженную лояльность по уникальному случаю коронации. Когда-то атеист, позже восточный герой и сын неба, квазимусульман и разрушитель папства, но вот уже несколько лет назад признанный поклонник христианства, недавно был назван Пием VII в форме, используемой при обращении к законным правителям, своим "сыном во Христе Иисусе". Дойдя до такой кульминации, угрызения совести папы наконец исчезли, и второго ноября он отправился в свое зимнее путешествие во французскую столицу. Говорят, что он отступил в последний момент, утверждая, не утверждая, как он вполне мог бы сделать, что Наполеон нарушил все традиции Европы и все заповеди, а утверждая, что письмо императора было незаконно доставлено генералом Каффарелли, вместо того чтобы быть должным образом переданным руками двух епископов! Неудивительно, что рассеянный, но упорный человек был привлечен двумя путями: как светский князь он должен был поклониться, как это делали другие; как наместник Христа на земле, как мог он дать священное помазание тому, кто так осквернил Ковчег Завета? Но, возможно, одно ведомство могло бы оказать помощь другому; если бы ни светское, ни духовное возмещение ущерба не могло быть получено в полной мере, можно было бы получить частичное удовлетворение за обиды обоих видов.

В свое время почтенный путешественник добрался до Фонтенбло. Поскольку Папа приехал в Париж, а император, как прежде, не поехал в Рим, блудный сын на этот раз вышел навстречу своему духовному отцу. Наполеон был в охотничьем костюме и, казалось, случайно встретил карету папы римского, когда она проезжала через лес. Несмотря на его громкие протесты, преемник святого Петра сошел в атласных туфлях и парадном одеянии

на грязную землю. Но император, хотя и был расточительным сыном, не раскаялся, ибо после своего первого бурного приветствия небольшие акты презрительной невежливости — такие, например, как то, что он сам занял почетное место в карете, в которую они сели вместе, — показали, что этот покойный преемник Карла Великого был не вторым Генрихом IV, который считал, что корона стоит мессы, а Оттоном или Генрихом III, решившим утвердить светское превосходство вопреки любому предположению, напоминающему о притязаниях Григория VII.

За день до церемонии делегация сената официально объявила результаты плебисцита, и император не только гарантировал права народа, обеспеченные революцией, но и пообещал передать их своим детям в неизменном виде. Но где же были дети? В ту же ночь, в последний час, императрица, которая в глазах Церкви до сих пор была всего лишь наложницей, по настоянию папы добилась того, чего желало ее сердце, но в чем так часто отказывал ее муж, — тайного брака с ним по церковному обряду. Сотворит ли это чудо и снимет ли упрек в ее бесплодии? В любом случае, это сняло преграду для ее коронации папой Римским, о которой ничего не говорилось на предварительных переговорах. Этот акт завершил подготовку. Огромная церковь была отремонтирована и великолепно украшена; блестящие костюмы, императорский скипетр, украшенная драгоценными камнями корона — все было готово; репетиции тоже были проведены; и более того, с помощью искусно сконструированных кукол каждый участник был тщательно обучен своим точным движениям. Предполагалось, что Наполеон, подобно прежним монархам, накануне своей коронации отправится в святилище, исповедуетсся и получит отпущение грехов; но он отступил, как перед святотатством. В официальной программе церемоний было также предусмотрено, что "Их Величества" должны были принять святое причастие; но статья была исключена, и в настоящее время сообщалось, что причиной было опасение Наполеона, что итальянские прелаты отравят стихии. Святой Отец не был настойчив, поскольку опасался более серьезного отпора, чем любой другой, который он до сих пор получал. С самого начала он поинтересовался, должен ли он сам, согласно незапамятному обычаю, возложить корону на голову государя. "Я устрою это", — был ответ Наполеона, и решение императора все еще оставалось неизвестным.

Утром в воскресенье, второго декабря 1804 года, когда великолепная процессия проходила от Тюильри к Собору Парижской Богоматери, было холодно и пасмурно. Улицы были выровнены, дома украшены; но жители Парижа, пресыщенные церемониями, были, несмотря на личные интересы, молчаливы и критически настроены. С другой стороны, присутствие немецких принцев в свите и блестящие наряды придворных привели провинциальные делегации и толпы чиновников, съехавшихся со всей Франции, в неистовый восторг. Непочтительные захихикали, когда папский камергер неторопливо проехал мимо на муле во главе свиты Его Святейшества, но тут же упали на колени и получили папское благословение. Духовенство и хористы исполнили гимн "Tu es Petrus", когда понтифик вошел в величественный собор из трансепта и направился к своему трону в центре хоров справа от главного алтаря. Через час или больше появились приближенные императора во главе с Мюратом во главе двадцати эскадронов кавалерии. Затем следовала императорская колесница, увенчанная короной и запряженная восемью великолепными конями в богатой попоне. Лицом к императору и императрице сидели Жозеф и Людовик; остальные братья были временно в немилости, а мадам Мер, упрямо преданная Люсьену, путешествовала с ним где-то между Миланом и Парижем, приближаясь тщательно рассчитанными этапами к столице, где оба они своим присутствием вызвали бы неловкость.

Их отсутствие едва ли бросалось в глаза, когда под звуки артиллерийских залпов к дворцу подъехали восемнадцать экипажей, запряженных шестью лошадьми, и все они двигались под звуки триумфальной музыки. Пройдя в лучах солнца к архиепископскому дворцу и войдя в ризницу, император облачился в свои коронационные одежды и корону из лавровых листьев. Оттуда, сопровождаемый императрицей, он торжественно проследовал к месту, приготовленному для них в высоком нефе, лицом к главному алтарю. Жозеф, Луи, Камбасерес и Лебрен были его пажам и поддерживали шлейф его мантии, отягощенный золотом и вышивкой. В центре хоров был установлен пока еще пустой трон. Из двадцати тысяч глоток вырвался крик: "Да здравствует император!" - в то время как медленное и величественное шествие продолжалось. Был один-единственный случай, но какой значительный в этом коротком продвижении, когда Наполеон, полуобернув голову, прошептал Жозефу: "Если бы наш отец мог видеть нас сейчас". Наконец подошли к выходу на хоры, и папа, сойдя со своего трона, начал произносить среди глубокого молчания толпы величественное песнопение "Вени, Создатель".

На этом придворные заняли назначенные им места, регалии были возложены на алтарь, и Пий, протянув экземпляр Священного Писания, потребовал на латинском языке, использует ли император все свои полномочия для того, чтобы закон, справедливость и мир нераздельно царили в Церкви и среди его народа. Император возложил обе руки на книгу, и прозвучал торжественный ответ "Profiteor". Папа, кардиналы, архиепископы и епископы начали литанию, и монархи преклонили колени. Когда зазвучали заключительные звуки, императорская чета под руководством священников подошла к ступеням главного алтаря и снова преклонила колени. Папа Римский, произнеся обычную, но давно вышедшую из употребления молитву, затем торжественно помазал обоих по очереди тройным помазанием головы и рук. Вернувшись к своим креслам, два главных действующих лица уселись, и началась торжественная месса. В середине торжественного хода церемонии наступила пауза; император выступил вперед, к алтарю, словно для того, чтобы принять из рук папы все знаки отличия власти — кольцо, мантию и корону. Последней из освященных побрякушек, которую нужно было поднять, была корона. В тот самый момент, когда Святой Отец, сомневаясь, но надеясь, поднял его высоко, император сделал два шага вниз и, крепко схватив его своими руками, приложил к своему собственному лбу. Без малейшего колебания он короновал императрицу, и они вдвоем, поднявшись наверх, воссели на великий трон Империи. Папа вновь обрел самообладание, если, действительно, он на мгновение потерял его, и сказал: "Пусть Бог утвердит тебя на этом троне, и пусть Христос даст тебе править вместе с ним в его вечном царстве". Затем, поцеловав Наполеона в знак мира, он воскликнул: "Виват, император вечности!" Толпа закричала антифонией с оглушительным одобрением. Затем ритуал продолжился, и вскоре религиозная церемония была завершена. По ее окончании выступили президенты великих собраний государства. Император, положив руки на Библию, сказал: "Я клянусь поддерживать принципы Революции, целостность французской территории и править во имя благополучия, счастья и славы французского народа". Другие подробности, столь же радикальные по своей природе, были добавлены в соответствии с требованиями конституции. Иерархическое духовенство, должно быть, содрогнулось, слушая. Затем выступил глава коллегии герольдов и воскликнул: "Трижды славный и трижды августейший император Наполеон коронован и возведен на трон. Да здравствует император!" В этот момент грохот пушки снаружи возвестил о завершении церемонии. Считалось, что французская нация и Наполеоновская империя были связаны союзом Церкви, государства и армии ради лояльной поддержки того, что, как были уверены массы, теперь было Францией — "единой и неделимой", как выражался девиз Революции.

Как раз перед этим знаменательным событием Наполеон поделился с Редерером своими соображениями относительно амбиций Жозефа и его семьи в целом. его братья и сестры уже были организованы для использования их отношений, и они уже были опрометчивы в своих притязаниях. Старший брат был, по сути, человеком клановой эпохи в развитии общества и завидовал господству младшего. Тем не менее он требовал богатства и власти, используя министров своего брата, чтобы обеспечить их себе, требовать их как своего права. На это младший возразил: "Мои братья - ничто, кроме как благодаря мне, великие, потому что я сделал их такими". Французский народ знает их только по тому, что я сказал. Во Франции есть тысячи людей, которые оказали государству большую услугу, чем они. Я не потерплю, чтобы их ставили рядом со мной в один ряд. Иосифу не суждено царствовать. Я родился в бедности; как и я, он родился в самой низкой посредственности. Я возвысился своими собственными делами, он остался именно там, где родился. С этой позиции Наполеон никогда не сворачивал: для них не должно быть никаких надежд на империю. Мелкие королевства, княжества и герцогства он был рад раздавать щедрой рукой. Богатство, превосходящее мечты алчного человека, они накопили при его попустительстве. Люсьен женился по своему вкусу и остался простолюдином, но на должностях, которые он занимал при консульстве и империи, он не оставлял нетронутым ни один источник наживы и жил как принц, если бы у него не было титула. Иосиф был дважды королем, в обоих случаях неспособный решить, должен ли он быть верен своему брату-императору или своим подданным, колеблющийся в Испании, как какое-то время был Людовик в Голландии: последний, однако, был, по крайней мере, верен своему народу, если не своему начальнику. Карьера Жерома была фарсом - в браке, в государственной деятельности, во всем: ее смягчает только высокий характер избранной для него Наполеоном супруги. О женщинах в семье можно сказать немного, что указывает на чувство благодарности к их брату-императору за его расточительные милости. Каролина, супруга Мюрата, была сильной женщиной и была более предана своему благодетелю, чем кто-либо из его родственников, если не считать легкомысленной, красивой, обворожительной Полин, которая, хотя и была ребенком шестнадцатого, а не девятнадцатого века, обладала сердцем и проявляла его в критических ситуациях.

Пий VII был разочарованным человеком. Он утверждал, что император нарушил прямое обещание, захватив корону, и хранил молчание только потому, что официальный журнал не обратил внимания на инцидент. В течение нескольких месяцев он оставался просителем в Париже. Одно требование за другим волей-неволей отклонялось. Он надеялся уничтожить последние остатки галликанских свобод и добиться признания Римской церкви не как привилегированной секты, а как национального церковного организма. Его временный секретарь, кардинал Антонелли, нашел в наполеоновском министре общественного культа Порталисе противника, столь же сведущего в церковных вопросах, столь же лощеного, ловкого и елейного, как и он сам, и напрасно потратил свое дипломатическое искусство. Действительно, были сделаны две небольшие уступки. Государственный деятель пообещал восстановить григорианский календарь, и император с наполовину ироническим, наполовину суеверным чувством датировал ход развития Империи после первого января 1806 года не по революционному летоисчислению, а по христианскому. Точно так же было приказано, чтобы епископы и священники, присягнувшие гражданской конституции, принесли церковную присягу и таким образом вернулись в лоно церкви. В области светских переговоров римский принц потерпел столь же неудачу, как и в духовной. Напрасно он ссылаясь на дар Карла Великого, который сделал его суверенным принцем. Талейран ответил, что то, что Бог дал императору, император должен сохранить, но может

представиться возможность увеличить состояние Церкви. Преемник святого Петра покинул Париж раненым и разочарованным, считая, как говорит его мемориалист Консальви, что император, должно быть, намеревался скудостью своих даров показать, как мало он ценил папские услуги. Ослабленный в достоинстве и всеобщем уважении, обманутый во всех отношениях, папа вернулся в Рим злейшим и тайным врагом Империи, которую он санкционировал.

Когда законодательное собрание собралось через два дня после Рождества и император открыл заседание с видом, соразмерным его новому сану, его тронная речь была не просто перечислением того, чем Франция обязана новому устройству — гражданским и другими кодексами, премиями за поощрение литературы, трудолюбия и искусств, достижениями в великопленных общественных работах, — она была также предвестием войны. Он заявил, что Италия, как и Франция, нуждается в определенной организации; что Австрия восстанавливает свои силы; что король Пруссии — друг Франции. Однако Турция, по его словам, с колебаниями и робостью проводит политику, чуждую ее интересам, и он выразил свое желание, чтобы дух Екатерины Великой руководил советами царя Александра. "Он будет помнить, — сказал император, — что дружба Франции является для него необходимым противовесом европейскому равновесию.... Находясь вдали от нее, он не может ни затронуть ее интересы, ни нарушить ее покой". Это явно были слова предупреждения. Они означали, что Россия должна отказаться от своей новой восточной политики, забыть о тревоге, которую она испытывала по поводу французского контроля в Италии и Неаполе, и не раздражаться по поводу ограничений ее торговли с Англией, вызванных закрытием всех гаваней в Западной Европе для английской торговли.

Возникло и сразу же стало общим не только во Франции, но и во всей Европе ощущение, что эти слова императора означают призыв к силе. Революция провозгласила свою всемирную миссию по защите угнетенных и установлению справедливости. Народы испытывали священный трепет, когда увидели, что эта задача возложена на величайшего полководца своего времени. Но теперь в мгновение ока все изменилось; перед нами был монарх нового типа; не король, а царь царей; упрямый, своенравный и эгоистичный, какими и были короли, с не большим уважением, чем они, к правам человека. Величайший полководец Европы теперь был ее самым амбициозным и безжалостным сувереном. Для роялистов Континента это был весомый аргумент в пользу того, что их старые короли, которых они знали, были лучше этого нового, неизвестного тирана.

Это банальное замечание о том, что, как бы быстро ни развивались события, никакая пропасть или расселина не разделяет две эпохи ни в национальной жизни, ни во всеобщей истории. Зачатки того национального восстания, которое позже сокрушило Наполеона, можно наблюдать еще в 1805 году. Волна его успеха все еще была высока до поворота, но его союз с великой идеей начал распадаться еще до того, как он нанес первый удар по своей династии. С легким сердцем и новым энтузиазмом Европа вступила в войну в 1805 году. Даже русские крестьяне, вглядываясь в туманную дипломатию, которая пыталась скрыть восточные амбиции царя и династическую гордость под маской жалоб на герцога Энгиенского и требований контрибуции Пьемонту, почти исчезнувшему королевству, смутно видели, что принципы вечной справедливости были больше не на стороне Франции, а на их стороне. Если Франция хочет отныне жить под монархическим правлением, ее правителя необходимо заставить сохранить свое место в прежнем политическом равновесии и соблюдать старые нормы международного права. Этот факт придал

моральную силу позиции России, когда она несколько поспешно уволила французского посланника из Санкт-Петербурга. Уже тогда люди начали смутно осознавать, что для торжества прав человека, которые республика так громко провозгласила, народы должны теперь восстать против Наполеона и сплотиться вокруг своих династий.

В то время как эта смена настроений, элементарная для истории того времени, постепенно происходила за пределами Франции, эта нация интересовалась собой так редко, как раньше. Торговля и промышленность поднимались и развивались в условиях чувства безопасности. Торговля и инженерное дело получили мощный импульс благодаря началу тех великолепных общественных работ, которые до сих пор прославляют Первую империю, — великолепных магистралей Симплона, Сени и Женевры, великих каналов Сен-Кантен, Арль, Эг—Морт в самой Франции и еще более важных каналов в Бельгии, — а также благодаря улучшению всех сухопутных и водных путей, которые облегчили сообщение. Там, где интересы императора казались наилучшими, общественные здания росли как по волшебству. Рабочей силы было в избытке, а процветание было почти обычным делом; очарование имени и династии Наполеона завораживало людей во все возрастающей степени. Были и тени: бюджет на 1805 год вызывал тревогу, поскольку прошлый урожай был плохим; американский платеж был израсходован, Испанию нельзя было просить о дальнейших субсидиях, когда она вооружалась для поддержки Франции, а запрет английской торговли уменьшил таможенные поступления. Цена французских облигаций какое-то время падала с огромной скоростью. Но изобретательность императора все еще была плодотворной. Новый тариф, новый синдикат банкиров для увеличения государственного долга, новый налог, взимаемый с тяжущихся сторон: таковы были его уловки, и они временно увенчались успехом. Когда сенат объявил перерыв в работе в марте, членов этого высокого собрания попросили сообщить, как работает новое оборудование в их соответствующих домах. Оказалось, что оно работает очень хорошо.

В то же время императорский маскарад получил дальнейшее продолжение в прокламации, которую императорскому автору было угодно датировать Ахеном, столицей Карла Великого. Рим восстановлен во Франции, стране науки, литературы и искусства, и слава грядущего столетия должна затмить славу прошлого. С этой целью были учреждены премии, некоторые в десять тысяч, некоторые в пять тысяч франков, которые раз в десять лет, восемнадцатого Брюмера, император собственной милостивой рукой раздавал на государственном уровне успешным участникам гонки за научные, художественные и литературные почести. Затем будет присуждена лучшая книга в каждой из физических, математических и исторических наук соответственно; так же, как и лучшая пьеса, лучшее стихотворение, лучшая опера, лучшее изобретение в области техники, лучшая картина, лучшая статуя. К сожалению, самые яркие умы нации находились в изгнании. Вдохновение тех, кто работал в страхе, было лишь скудным ручейком, а французская интеллектуальная жизнь наполеоновской эпохи была слабой и неопределенной. Не то чтобы результаты были скудными, потому что это было не так; но цензура применялась к газетам и книгам со все возрастающей строгостью, и то, что появлялось в книгах или на сцене, в целом было совершенно бесцветным и расплывчатым. Единственными исключениями были те статьи, которые содержали исторические аллюзии для поддержки существующего правительства. Цензоры одобрительно улыбались истории о "Вильгельме Завоевателе", рассказанной Дювалем, истории о "Петре Великом", изложенной Каррион-Низасом, "Сайрусе" М. Ж. Шенье или "Тамплиерах" Рейнуара, всему, что, по собственным словам императора, описывает "переход от первой расы ко второй", при условии, что тема была из достаточно отдаленных

времен. Карьера Генриха IV, основателя династии Бурбонов, который стал королем благодаря победам протестантов и согласию народа, не пришлась по душе Наполеону, хотя он находил в этой карьере сходство со своей собственной. Ежедневные газеты не могли публиковать никаких новостей, кроме тех, которые делали честь Франции, и вообще не осмеливались обсуждать религиозные вопросы. Во всей стране был только один ничем не ограниченный гений - художник Прудон, и он был свободен, потому что двигался по орбите античности в пределах, которые не пересекались с общественной жизнью его времени. Гро, возможно, мог бы сравняться с ним по рангу, но талант Дэвида и муза Шенье были одинаково закованы в легкие, но прочные оковы. Некоторые высшие авторитеты лишь недавно заявили о бессмертии Сенанкура и тонких абстракций "Оберманна"; но они опасны не только для толпы, но и для многих посвященных.

Имея за спиной Францию и свою огромную армию, превосходно оснащенную, император теперь был готов к континентальной войне, которая должна была придать постоянство его системе. В глазах всей Европы разрыв с Англией произошел из-за недобросовестности британцев, отказавшихся эвакуировать Мальту в соответствии с Амьенским мирным договором. Наполеон во втором личном письме Георгу III, написанном его собственной рукой второго января 1805 года, осудил последствия этого факта; он чувствовал, что такое бесполезное кровопролитие пробудило его совесть, и заклинал его Величество "не отказывать себе в счастье даровать мир всему миру и не откладывать это, чтобы доставить приятное удовольствие детям его Величества". Пришло время утихомирить страсти и услышать голос человечности и разума". Ответ был уклончивым. Англия должна сначала проконсультироваться с континентальными державами, с которыми у нее были доверительные отношения. Поскольку парламент в феврале проголосовал за выделение пяти с половиной миллионов фунтов стерлингов на секретные цели, то есть в качестве субсидии Австрии, не могло быть никаких сомнений в том, что означал этот ответ.

Поэтому война с Англией считалась справедливой. Россия находилась в состоянии враждебности, но была спокойна, потому что она вмешалась в то, что ее не касалось. Если бы она начала войну, это также было бы конфликтом со стороны Наполеона за независимость Франции. Как можно было поставить Австрию в такое же положение? Ответ был несложен для человека с таким универсальным пониманием. Было ясно, что те государства, зависящие от Франции, которые, следуя ее примеру, приняли, в свою очередь, формы и конституцию директорской, а затем консульской республики, все равно должны следовать своему лидеру и принять правление одного человека. Они не могли быть имперскими державами, кроме как в составе Франции, поскольку император мог быть только один: они могли достичь цели, только придав новый смысл королевской власти. Итальянская республика была не прочь установить конституционную монархию, если бы только можно было избавиться от французских чиновников и выплаты субсидий. Воспользовавшись этим, Наполеон решил внести изменения и даровать корону либо Жозефу, либо ребенку, который был принят миром как старший сын Людовика. Об этом младенце он всегда расточал отцовское внимание. Оба брата категорически отказались от предложения на том основании, что это ущемило бы их права на престолонаследие. Их государь, казалось, был очень разгневан, но вскоре предложил итальянской делегации, которую он вызвал в Париж, чтобы он сам принял это звание, - намек, который был приказом. В конце марта со свитой, состоящей из главных придворных, Наполеон начал свое продвижение к Милану. Императору Австрии — ибо до этого титула Франциск был низведен в результате расчленения Германии — в любезном личном письме было сообщено, что с русскими

войсками на Корфу и английскими солдатами на Мальте две короны Франции и Италии не могут быть разделены, кроме как номинально, но что "эта ситуация прекратится в тот момент, когда оба этих острова будут эвакуированы". Внимание всей Европы на мгновение отвлеклось от Булони к зрелищу в Милане. Двадцать шестого мая в кафедральном соборе император Франции был собственноручно коронован королем Италии, причем железной короной Ломбардии, диадемой, считавшейся самой драгоценной на земле, поскольку, как говорили, она была сделана из гвоздей, которыми были пронзены ноги и руки Спасителя. С заметным вызовом водружая эмблему на голову, он произнес традиционные слова: "Бог дал ее мне; пусть тот остерегается, кто прикоснется к ней". Герольд громким голосом провозгласил: "Наполеон, император Франции и король Италии, коронован, помазан и возведен на трон. Да здравствуют император и король". Церковь содрогалась от радостных возгласов, на площади и улицах плакали женщины и дети, мужчины бросались под колеса его кареты, когда он проезжал мимо, и с трудом спасались от смерти, которой искали в своем безумии радости. Великие страны были опьянены энтузиазмом масс, и даже когда трезвость вновь взяла свое, сопутствующие празднества превосходили по великолепию все, что когда-либо видели в столице Ломбардии.

ГЛАВА XXXI

ТРЕТЬЯ КОАЛИЦИЯ [\[32\]](#)

Расширение империи — Великобритания и Россия — Позиция Наполеона — Россия и Австрия — Новая коалиция — Слабость Австрии — Нельсон и Вильнев — Французский флот в Кадисе — Ответственность за наполеоновские войны — Великая армия Франции — Угроза войны — Объявление военных действий — От Булони до Ульма — Наполеон и Мак — Их соответствующие планы — Победа, одержанная маршем — Сдача Ульма — Провал Мюрата — Бесчестная уловка.

Коронация в Милане потрясла кабинеты министров и королей, но ее продолжение представляло в их глазах откровенную угрозу. Пьембино и Лукка были переданы сестрам Бонапарт; Парма и Пьяченца были наделены новым французским кодексом, и в качестве апогея дерзости вся Лигурийская республика была присоединена к Франции. Совсем недавно Наполеон сообщил миру посредством обращения к законодательному собранию, что Голландия, Швейцария и три четверти Германии принадлежат Франции по праву завоевания, но, такова была его умеренность, две бывшие земли останутся независимыми. Раздел Польши и завоевание Индии, как он отмечал ранее, нанесли ущерб Франции в европейском балансе; но опять же, такова была французская умеренность, Италия должна была оставаться независимой, две короны разделились, и ни одна новая провинция не должна была быть присоединена к империи. Но теперь распорядились иначе, и не по своей вине он был вынужден объединить две короны; таким образом, Генуя стала необходимым элементом единства империи. Австрия вполне могла бы спросить, что должно означать слово "Италия" в королевском титуле. Не успели закончиться церемонии коронации, как половина из шестидесятитысячного войска, которое либо сопровождало Наполеона, либо было вызвано из ближнего зарубежья, была размещена на так называемом санитарном кордоне Австрии, старых венецианских границах. Одетый в изъеденный червями сюртук и

потрепанную шляпу, которые он носил при Маренго и на памятном поле боя, ставшем свидетелем его мук сомнения, страха и радости, король Италии репетировал с оставшимися тридцатью тысячами участников события того решающего дня. Позже, в Кастильоне, другой контингент устроил аналогичную выставку.

1805

Теперь известно, и, вероятно, Наполеон подозревал в то время, что усилия Питта уже были наполовину успешными. Шестого ноября 1804 года Австрия и Россия подписали оборонительный договор, подобный тому, который уже был заключен между Россией и Пруссией. Тогда, как и сейчас, кабинеты министров и народы бывших земель искренне недолюбливали друг друга. Но Александр был мечтателем. Его печально известная схема перераспределения европейской территории, впервые опубликованная всего несколько лет назад в мемуарах Чарторыйского, его министра иностранных дел, является убедительным свидетельством его характера. По этому плану он сам должен был получить всю Польшу вместе с провинциями, от которых берет свое название королевство Пруссия; и, кроме того, Молдавию, Каттаро, Корфу, Константинополь и Дарданеллы! Австрия должна была получить Баварию, Франция - границу по Рейну, Пруссия - небольшую компенсацию в Германии и так далее. Великобритания была достаточно умна, чтобы использовать этого мечтателя, заставив его надеяться на некоторые уступки тем из его дальновидных планов, которые были ей известны, но облекла свои предложения в такую форму, которая наверняка была бы неприемлема для Наполеона: например, она не пообещала бы эвакуировать Мальту. Соответственно, царь предложил выступить посредником при заключении мира с императором Франции, теперь уже не в качестве одинокого соперника, а от имени всей Европы, за исключением, конечно, Пруссии, которая вела переговоры с Францией по Ганноверу.

Поэтому в мае посланник Александра I запросил у берлинского двора разрешение на въезд во Францию, с которой Россия разорвала дипломатические отношения. Наполеон получил в Милане письмо от Фридриха Вильгельма, уведомляющее его об этом обстоятельстве. Он ответил, как ему показалось, примирительным тоном, но заявил, что любой мир с Англией должен обязать ее кабинет не предоставлять убежища бурбонам и должен также заставить их надеть намордники на своих несчастных писак. "У меня нет честолюбия, - гласил один из пунктов. - дважды я покидал треть Европы без принуждения. Я обязан России не больше объяснений относительно итальянских дел, чем она обязана мне относительно дел Турции и Персии". Весть о том, что было сделано с Генуей, Луккой и Пьомбино, достигла Санкт-Петербурга в должное время и подчеркнула мрачную искренность французского императора.

Со временем Наполеон также заявил, что город Неаполь был средоточием антифранцузских заговоров и что под влиянием королевы Россия оккупировала Корфу. Независимость Этрурии под так называемой защитой расквартированных в королевстве французских войск уже была призрачной; независимость Неаполя, несмотря на существующие договоры, на самом деле была не более существенной. Король был послушным слугой своей властной австрийской супруги Марии Каролины, которая была настоящей правительницей. В январе ей сказали, что существование ее власти зависит от ее отношения. Если бы она отправила в отставку своего министра Эктона, изгнала французских эмигрантов, отправила домой английского резидента, отозвала своих из

Санкт-Петербурга и собрала ополчение, — короче говоря, "проявила доверие к Франции", — она могла бы продолжать править. Никто не мог сомневаться, что это предвещало скорый конец итальянских бурбонов. Царь немедленно отозвал своего мирного посланника из Берлина, поскольку тот не поехал дальше, и Россия и Австрия немедленно отказались от своих противоречивых амбиций. Они могли смотреть сквозь пальцы на все агрессивные действия Наполеона, они могли даже потворствовать убийству Энгиена и продолжать свое соперничество; но они больше не могли этого делать, когда Австрия почувствовала, что Венеция ускользает из ее рук, а Александр увидел, что его восточные амбиции навсегда повержены, как это было бы, если бы западное побережье Адриатики попало в руки его великого соперника.

Все это было настолько очевидно для всего мира, что в начале мая уже ходили слухи о том, что временный договор между Англией и Россией вступил в силу. Французские газеты осудили этот доклад как очередную английскую ловушку; в их петербургской корреспонденции, написанной, разумеется, в их собственных парижских офисах, говорилось, что коалиция распалась. Император задержался в Италии, тщательно изучая итальянскую и австрийскую диспозиции, до июля, когда, наконец, он поспешил в Париж, оставив своего пасынка Богарне, "принца Евгения", вице-королем в Милане. Больше не было никаких сомнений в существовании новой коалиции. Англии не удалось завоевать Пруссию, поскольку Харденберг желал, соблюдая старый нейтралитет, обеспечить консолидацию прусской территории путем приобретения Ганновера у французов.

Австрия оказалась перед серьезной дилеммой. Полагаясь сначала на Люневильский мирный договор, затем на приготовления в Булони, которые, вероятно, должны были обеспечить длительный мир, она попала в ловушку Наполеона и начала серию важных армейских реформ. Ее новая система, созданная по образцу французской, еще не была доведена до совершенства. Там было всего сорок тысяч вооруженных людей и не было артиллерии. Эрцгерцог Карл вполне мог уклониться от выхода на поле боя с таким незначительным вооружением. Но Англия обещала наличные деньги, а Россия предлагала людей; то, что Италия и, возможно, Бавария будут завоеваны, было немалым стимулом. Если Пруссии не удастся отстоять свой нейтралитет и выступить на стороне Франции, австрийский дом может даже вернуть Силезию. Седьмого июля кабинет уступил, и был отдан приказ о мобилизации войск. Генералу Маку, пользовавшемуся громкой репутацией организатора, была поручена задача по подготовке.

Таково было положение дел, почти наверняка известное Наполеону через его эмиссаров, в то время, когда он счел за лучшее объявить с необычной подчеркнутостью, что вторжение в Англию назначено на середину августа. В апреле Нельсона наконец заманили в Вест-Индию, и Вильнев, ускользнув от него, вернулся в мае в европейские воды. Нельсон, ошибочно приняв направление своего противника, отправился в погоню к Гибралтару; но один из его отдельных крейсеров узнал, что объединенные французская и испанская эскадры должны встретиться в Ферроле, и к середине июля английское адмиралтейство было полностью проинформировано о местонахождении и планах французского флота. Шестнадцатого числа того же месяца император отдал Вильневу приказ объединить испанские суда со своими собственными, а затем подкрепиться французскими эскадрами Рошфора и Бреста и появиться в Ла-Манше. Двадцать второго июля британский флот под командованием Колдера встретил Вильнева у мыса Финистерре в густом тумане, но последний не был остановлен при переходе в Виго. Ко второму августа он оказался во главе франко-

испанского флота, насчитывавшего не менее двадцати девяти линейных кораблей, которые были собраны в гаванях Ферроля и Коруньи. Однако он жаловался, что у него "плохие мачты, плохие паруса, плохой такелаж, плохие офицеры, плохие матросы". Считая себя, по всей вероятности, всего лишь инструментом для обмана, он утратил остатки энтузиазма, которые у него были, и стал угрюмым. Нельсон присоединился к адмиралу Корнуоллису перед Брестом и, оставив восемь своих лучших кораблей для усиления как сторожевого, так и блокадного флотов, направился в Портсмут. Кальдер также усилил блокирующие силы, так что к семнадцатому августа перед Ферролем было восемнадцать судов; восемнадцать оставалось перед Брестом, в то время как третья эскадра под командованием Стерлинга крейсировала с еще пятью, готовая присоединиться к любой из них. Вильнев был готов к выходу в море только тринадцатого. Были ли его приказы, учитывая изменившуюся ситуацию, все еще действительны? После попытки пробиться на север, несмотря на сильный шторм, французский адмирал получил ложное известие с датского торгового судна о приближении английского флота из двадцати пяти судов. Он считал, что проявил должную осмотрительность, когда повернул и направился в Кадис, тем более что приказ императора содержал пункт, разрешающий ему в случае непредвиденных потерь, которые существенно изменят ситуацию, — "которых с Божьей помощью не произойдет", — бросить якорь в гавани Кадиса после освобождения эскадр Рошфора и Бреста.

Наполеон воспринял это известие отнюдь не с притворным гневом. Какой контраст между эффективностью его сухопутных войск и полной некомпетентностью его кораблестроителей, матросов и морских офицеров! Если бы он действительно надеялся перебросить армию на английскую землю под кратковременную защиту своего флота, этому проекту пришел бы конец: но если в глубине души он презирал это революционное наследие, "свободу морей и вторжение в Англию", если бы он всегда намеревался уничтожить Великобританию не прямым нападением на суше или на море, а изолировав ее путем уничтожения ее континентальных союзников, он все еще мог бы быть в ярости от того, что все его усилия привели к такой тривиальной демонстрации и что это фиаско на море можно рассматривать как предзнаменование аналогичных результатов в предстоящей сухопутной кампании. История должна принять эту дилемму: либо Англия, либо Франция были инициаторами русско-австрийского союза, который привел к тем войнам, которые залили европейскую землю человеческой кровью. Либо Питт с помощью своих субсидий и дипломатии обратил армию, предназначенную для вторжения в Англию, против своих континентальных союзников, либо Наполеон дразнил и выводил их из себя, сколотив коалицию в своих собственных целях. Если верно последнее, то все тысячи свидетельств того, что французский император никогда серьезно не относился к вторжению, заслуживают доверия.

Первая раздача крестов после учреждения ордена Почетного легиона состоялась с большой помпой в июле 1804 года в госпитале инвалидов; вторая произошла в Булони всего год спустя, когда "Маленький капрал" появился среди своих людей, чтобы собственноручно раздать желанные награды. Распределение было организовано так умело, что ни один человек, каким бы неграмотным или подлым он ни был, не отчаивался в том, что однажды добьется отличия от своих любимых товарищей. Отныне простые солдаты и офицеры были в равной степени преданными рабами императора и повиновались ему без вопросов и ропота. Слава или выгода, или и то, и другое, должны были быть повсюду на его службе. Следовательно, они не стремились выполнять ни ту конкретную обязанность, которая, по

их мнению, стояла перед ними, ни наоборот, но, подобно прекрасным машинам, были пригодны для чего угодно.

Тем временем цели Наполеона неуклонно претворялись в жизнь. К середине июля король Пруссии согласился с тем, что прусские войска должны освободить французскую оккупационную армию в Ганновере. Это устранило всякий страх перед двумястами пятьюдесятью тысячами солдат, которые преемник Фридриха Великого мог выставить на поле боя, - силами, которые во всей Европе считались вполне равными по эффективности французским. Тридцать первого император написал Талейрану, что все итальянские новости склоняются к войне; второго августа парижские газеты начали безмерно ругать Австрию и Россию; двенадцатого "Монитор" призвал Австрию прекратить вооружение и пригрозил наступлением великой армии из-за океана в Швейцарию в Булони. На следующий день император написал Талейрану, что, если венский двор не прислушается к его требованию, он нападет на Австрию, будет в ее столице к ноябрю и оттуда двинется против России.

Двадцать третьего августа объявление войны было составлено и находилось в готовности. В тот же день Наполеон написал Талейрану, что его решение принято: если флот появится в Ла-Манше, еще есть время, и он станет хозяином Англии; если нет, он отправится в Германию. "Я иду на Вену и не слою оружия, пока не овладею Неаполем и Венецией и не настолько расширю территории баварского курфюрста, что мне больше нечего бояться Австрии". Двумя днями позже в той же корреспонденции он написал: "Австрийцы понятия не имеют, как быстро мои двести тысяч сделают пируэт". Двадцать четвертого числа Мармон получил приказ форсированным маршем продвигаться от Текселя к Майнцу; двадцать седьмого числа были отданы приказы о походе армии Англии, иначе Армии побережья океана, а после двадцать шестого августа и до конца Великой армии; быстрые колонны спешили на восток, прежде чем Европа поняла, что произошло. Дюрок уже был на пути, чтобы предложить Ганновер Пруссии в качестве платы за угрожающую демонстрацию против Австрии. Бернадотту предстояло сосредоточить оккупационную армию в Геттингене. Эжену было поручено собрать войска из северной Италии под командованием Массены на берегах Адидже и Сен-Сира, чтобы подготовиться к оккупации Неаполя.

Самый простой непрофессионал может не только увидеть колоссальные пропорции этого плана, но и должен признать симметрию его частей. Остается спорным, разработал ли это Наполеон в течение нескольких дней между получением известия о том, что Вильнев подвел его, и отъездом в Германию, или же эта комбинация была результатом давно изученного и тщательно скрываемого замысла. Любая из гипотез граничит с чудом, и все же, каким бы парадоксальным это ни казалось, требуется меньшее напряжение разума, чтобы поверить, что обе в какой-то мере верны; испытание, назначенное военно-морскому флоту, провалилось, альтернатива, которую давно предвидели и которой всегда отдавали предпочтение, стала императивной. Этот чудесный марш был настолько стремительным, что разведчики едва успевали за ним с докладами, а газеты либо не располагали информацией, либо не осмеливались печатать то, что им было известно. Это были силы численностью около двухсот тысяч человек, которые переправились через Рейн и, пройдя через Гессен, Баден и Вюртемберг, чтобы сокрушить совершенно непропорциональную и слабую австрийскую армию, в начале октября достигли долины Дуная близ Ульма. Франциск объявил войну третьего сентября; двадцать первого его шестидесятитысячное войско стояло на реке Иллер в виду Ульма. Он имел в виду не столько Баварию, сколько Италию, о которой заботился. Вес Австрии на чаше весов теперь зависел от того, удержит ли она венецианские земли, и ее генералы не спешили с наступлением, которое не только поставило бы Альпы между двумя ее собственными армиями, но и отделило бы ее авангард от приближающихся вспомогательных войск.

Соглашение с Россией заключалось в том, что ее восьмидесятитысячная армия, находящаяся сейчас на границах Галиции, должна войти в Австрию тремя дивизиями, первая из которых должна достичь Инн шестнадцатого октября. Эрцгерцог Карл должен был командовать основными силами в Италии; молодой эрцгерцог Фердинанд под руководством Мака в качестве генерал-квартирмейстера - в Германии. Наполеон познакомился с этим офицером шесть лет назад, когда был военнопленным в Париже, и считал его совершенно посредственным — "вероятно, получившим урок, если когда-нибудь выступит против первоклассного французского генерала". Теперь, когда эти двое были равны, император, должно быть, посмеивался про себя, потому что играл со своим противником в духе самоуверенности и веселья.

Чтобы осознать божественное величие Наполеона, в этот период его жизни необходимо убрать из поля зрения политика и снова обратить взор на генерала; более того, видеть в нем исключительно стратега. Можно сказать, что в первый и последний раз ему ничто не мешало. Его политическая независимость и личная популярность были одинаково надежны. Его армия была лучшей в Европе, состоящей из молодых и хорошо обученных призывников, прослуживших восемнадцать месяцев под ружьем, с большим ядром подготовленных ветеранов. Из генералов, командовавших семью корпусами, предназначенными для Германии, только двоим, Ожеро и Бернадотту, было больше сорока лет. Самому императору, Сульту, Ланну и Ней было тридцать шесть, Даву - тридцать пять, а Мармону - всего тридцать один. Из командиров дивизий половине было от тридцати до сорока, и только одному было пятьдесят. Ни один из этих людей не был обычным человеком. Они знали свою профессию и успешно занимались ею; все без исключения были уверенными в себе и предприимчивыми, знакомыми с методами и требованиями своего лидера.

И все же даже в этой искусной и грандиозной кампании ощущалось несовершенство всех человеческих механизмов. Командир низшего звена легко мог бы сослаться на одно из

многих оправданий неудачи в подобном предприятии. Переправа через Рейн была отложена из-за нехватки транспортных вагонов и понтонов, хотя дальнейшее продвижение было хорошо организовано. Было много дезертиров из рядов, не хватало офицеров, артиллерийские силы неоправданно задерживались с пополнением, средства к существованию были скудными и несовершенными, а снабжение одеждой, особенно обувью, было источником беспокойства. Прежде всего, французская казна была совершенно дезорганизована, зарплата задерживалась, не поступало готовых денег ни на обычные, ни на чрезвычайные расходы, среди гражданских чиновников царили расхлябанность и недоверие, и Моллиен заявляет, что ситуация была настолько отчаянной, что "только в победе" Наполеон "видел выход и искал его".

Эти факты проливают яркий свет на ход событий в течение осени. Они объясняют, почему Наполеон полностью забыл, что он император, и на протяжении всей кампании был первым и последним генералом. Каждое шоссе и перекресток от Булони до Дуная были обследованы его доверенными лицами и подробно описаны ему; и на основе этих отчетов он разработал план марша, который, несмотря на все препятствия, был выполнен в точности. Приказ о форсировании Рейна является классическим в военной литературе. Как только было завершено продвижение от одного рубежа к другому, в тылу были разбиты резервные лагеря, укреплены опорные пункты и созданы склады боеприпасов. Австрийцы выбрали для обороны линию реки Иллер. В дополнение к их основным силам в шестьдесят тысяч человек двенадцать тысяч находились в укрепленном лагере в Браунау, где находились их припасы, и пятнадцать тысяч на Боденском озере. Они не вынудили Баварию ни разоружиться, ни принять их союз, и курфюрст, следовательно, собрал армию в Бамберге. Такова была ситуация, когда французы и австрийцы оказались на расстоянии удара друг от друга. Последние не знали, что их враг был так близко, ибо мастерским и, казалось бы, безрассудным использованием своей кавалерии Наполеон временно ввел их в заблуждение относительно истинного расположения своих колонн, которые обошли Шварцвальд с флангов и удерживали северо-восточную линию от Вайсенбурга на юго-запад до Ульма у Нердлинга и Алена, фактически находясь в тылу своего врага.

Следующий ход Наполеона был дерзким и гениальным. Серией тщательно спланированных маршей, продолжавшихся в течение недели, все семь корпусов были переброшены на север, влево, как бы для того, чтобы окружить противника. Бернадотт, нарушив прусский нейтралитет, пересек герцогство Ансбах до Ингольштадта; Мармон находился в Нойбурге; остальные пятеро удерживали линию от Хайденхайма до Оффингена. Мак изучил факты и, полагая, как и каждый австриец, что французский народ ненавидит Наполеона, пришел к выводу, что его враг развернулся, чтобы отступить по южной линии во Францию! Французский народ, думал он, угрожает революцией и вызывает беспокойство; он был уверен, что англичане вот-вот высадятся. Поэтому он стоял неподвижно и ждал, пока седьмого октября французы, вместо того чтобы двинуться домой, не начали переправляться через Дунай.

Через три недели после форсирования Рейна император написал Жозефине: "Я уничтожил врага одними маршами". Это было буквально правдой. Девятого октября французы, разгромив отряды, высланные для преследования их, также переправились через Дунай. Султ захватил Мемминген и отрезал пути отступления в Тироле; Бернадотт и Даву остались наблюдать за русскими, которых они ожидали увидеть в любой момент. В какой-то растерянной неуверенности Мак, наконец, выступил из Ульма, чтобы переправиться через

Дунай в Гюнцбурге; но он обнаружил, что мост находится в руках Нея, и в ночь на десятое вернулся в город. Два дня были потрачены на обсуждения вероятного курса французов, Мак упорствовал в галлюцинации, что они отступили, эрцгерцог же, обладая большим здравым смыслом, понимал, что трудности для его армии становятся все ближе.

Двенадцатого числа Наполеон двинулся со всеми своими силами. Эрцгерцог Фердинанд бежал в Богемию с тремя батальонами пехоты и одиннадцатью эскадронами кавалерии; но Мак, теперь упрямо настаивающий на том, что император собирается атаковать русских, остался, как он сказал, чтобы ударить по проходящим колоннам французов с фланга! Тринадцатого стало ясно, что целью врага был Ульм; четырнадцатого они практически окружили город; а шестнадцатого подавленный командир начал переговоры о капитуляции, которые были завершены на следующий день. "Если в течение недели, - гласили условия, - вспомогательные силы не появятся, армия Ульма станет военнопленной, за исключением офицеров, которые выйдут досрочно освобожденными". Восемнадцатого числа Мюрат захватил дивизию Вернека при Нердлингене. В личной беседе между императором и Маком двадцатого октября, за три дня до истечения лимита, последнего убедили признать условия уже выполненными, и двадцать три тысячи австрийцев сложили оружие. Во время этой сцены, согласно дневнику одного из офицеров Мака, Наполеон, "в форме простого солдата, в сером сюртуке, подпаленном на локтях и фалдах, в широкополой шляпе без каких-либо знаков различия на голове, скрестив руки за спиной и греясь у походного костра, оживленно беседовал и был приятен в общении". Австрийский корпус выступил из Вены для охраны переправы через Инн; эрцгерцог Иоанн наступал из Тироля; эрцгерцог Карл удерживал Адидже. Месяц спустя все они смогли объединиться в Марбурге в Штирии; но их было слишком мало, чтобы перейти в наступление, и капитуляция Мака под Ульмом фактически подорвала могущество Австрии. Безопасность Вены зависела не от ее слабого гарнизона, а от русских, которые собрались на постоялом дворе в Браунау и у эннов в Вельсе. Почти сразу же французы, которые были "собраны для удара", были "разделены, чтобы жить", как гласил девиз их командира. Десять дней спустя Браунау со всеми его припасами без единого удара перешел в руки Ланна, и авангард союзников начал несколько поспешное отступление к реке Энс, линии, которую решил защищать Городской совет в Вене.

Но русский генерал Кутузов был иного мнения и, чтобы заручиться, по возможности, поддержкой второй дивизии армии своего императора, которая наступала под командованием Буксхевдена от границы, переправился на левый берег Дуная у Кремса и поспешил на северо-восток через Знайм к Брунну, столице Моравии. Мюрату было приказано висеть на подоле у врага и преследовать его отступление. Вместо этого он держался правого берега Дуная, спеша к Вене за лаврами, которыми надеялся овладеть, заняв эту незащищенную столицу. "Я не могу объяснить вашего поведения, - писал Наполеон своему шуруну. - Вы потеряли для меня два дня и думали только о славе вступления в Вену". Фактически, оставшаяся без поддержки дивизия под командованием Мортье была захвачена русскими у Дюрренштайна на левом берегу и полностью уничтожена. Победа, одержанная Неем при Леобене над австрийской дивизией Мервельда, к сожалению, не принесла результатов и сделала положение Наполеона очень тяжелым. Теперь Мюрату не оставалось ничего другого, как обеспечить форсирование реки у Вены, переправиться через нее с двумя армейскими корпусами и поспешить назад на северо-запад, чтобы помешать Кутузову достичь Моравии. Это было возможно только в том случае, если бы австрийцы еще не разрушили мосты через Дунай. Как заметил Мармон, у них была дурная привычка при обороне переправы через реку оставлять мост нетронутым до

последнего момента ради контратаки. Это они делали и в Лоди, и в Арколе в Италии, и они делали это снова, все три раза к своей полной гибели.

Войдя в Вену двенадцатого числа, Мюрат поспешил к Таборскому мосту, который, как он и надеялся, был полностью завален горючими материалами, готовыми к поджогу австрийским гарнизоном, отступившим на противоположный берег, но не разрушившим мост. Опасность была реальной, а кризис надвигался неотвратимо. Воспользовавшись тем фактом, что третьего числа император Франциск тщетно пытался начать переговоры с Наполеоном, Мюрат объявил австрийскому командующему то, что, как он знал, было неправдой, — что перемирие было заключено и что все еще была некоторая перспектива мира. Бертран подкрепил это заявление своим честным словом; австрийцы убрали свои факелы, и французы перешли мост, в то время как пострадавший гарнизон отступил в направлении Брунна. Таким образом, объединение двух русских дивизий с остатками австрийской армии оказалось под вопросом, и их шансы на победу над воссоединившимися французами стали вдвойне сомнительными. Репутация Наполеона как стратега была спасена в экстремальных условиях. Еще одной серией почти нечеловеческих маршей его основная армия достигла Вены на следующий день, готовая следовать по пятам Мюрата. Четырнадцатого числа штаб-квартира Наполеона была размещена во дворце Шенбрунн.

ГЛАВА XXXII

ТРАФАЛЬГАР И АУСТЕРЛИЦ [\[33\]](#)

Английский военно—морской флот — Тяжелое положение Вильнева — Предварительные маневры — Атака у Трафальгара — Победа англичан — Самоубийство Вильнева — Последствия битвы — Пруссия и Континентальная кампания — Поход Наполеона на Вену — Сражение под Холлабрунном — Ситуация Наполеона — Царь принимает решение о битве — Борьба за позиции — Планы противников — Накануне конфликта - Поле битвы при Аустерлице — Борьба за Працен — Союзники разбиты — Наполеон и Франциск — Поведение царя — Боевые действия при Аустерлице — Новая тактика.

Несмотря на отступление Вильнева в Кадис, Великобритания отнюдь не была уверена в своем военно-морском превосходстве. Французы храбро сражались в битве на Ниле; Нельсона, хотя и не совсем перехитрили в погоне до Вест-Индии и обратно, не удалось поймать своего противника, который сбежал во второй раз без серьезных потерь. В администрации адмиралтейства наблюдалась большая расхлябанность, за исключением короткого срока полномочий Бархэма; и сейчас все согласны с тем, что военно-морской флот был недостаточно эффективен. Все официальные лица, кроме адмирала Коллингвуда, были в полном неведении относительно планов противника, и даже он был прав только в одном предположении, в твердой уверенности, что Вильнев немедленно вернется из Вест-Индии; он ошибался в своем убеждении, что Ирландия была целью Наполеона. Объединенные французский и испанский флоты прекрасно фигурировали в отчетах, поступавших в адмиралтейство, а активность французских верфей вызывала тревогу. Военно-морское господство Англии, по мнению англичан, оказалось под серьезной угрозой.

Вильнев и его подчиненные, по-видимому, были единственными, кто точно знал, что представление, устроенное союзными флотами, было обманчивым. Как уже было сказано, они горько жаловались на недостатки в оснащении обоих, и у них были на то веские причины. То, что Наполеон не совсем не осознавал этого, в достаточной степени доказывается тем фактом, что на его место не был поставлен кто-то менее унылый, чем Вильнев. Отдавая должное французскому адмиралу, следует помнить, что после своего возвращения из Вест-Индии он проявил большие способности. Это была серия виртуозных маневров, в ходе которых он отступил перед Колдером, вошел в Ферроль, отплыл оттуда и боролся со штормом, чтобы войти в Ла-Манш, пока ему не сообщили, что на его пути стоит мощный британский флот. Многие из его плохо оснащенных судов были сильно повреждены штормом, и, вспомнив об альтернативных приказах императора, он побежал в Кадис, войдя в гавань с тридцатью пятью кораблями. Коллингвуд отвел свою небольшую блокадную эскадрилью, но немедленно вернулся, чтобы зависнуть перед портом, поскольку подкрепление уже направлялось из Англии. Вильнев остался на якоре. Двадцать пятого сентября он получил приказ, который был отдан четырнадцатого числа, снять якорь, пройти через Гибралтарский пролив, принять корабли, стоявшие в Картахене, и проследовать в Неаполь, чтобы сотрудничать с армией под командованием Сен-Сира. Он должен был вступать в бой с врагом, где бы ни оказался. Несчастный адмирал был в отчаянии; из-за нехватки припасов он не смог улучшить свое вооружение, а количество его кораблей было скорее помехой, чем источником силы. Он приготовился повиноваться, но отправил домой увещевание. Сразу после своего первого приказа Наполеон отправил Розили заменить Вильнева, который должен был немедленно вернуться в Париж и ответить на обвинения, выдвинутые самим Наполеоном. Новость опередила Розили. Вильнев, услышав о постигшем его позоре, ускорил приготовления и девятнадцатого октября отплыл с тридцатью тремя линейными кораблями, пятью фрегатами и двумя бригами. Легко понять, какое огромное влияние оказало бы присутствие такой военно-морской державы в Средиземном море на грандиозную кампанию, организованную Наполеоном против Австрии.

Тем временем общее количество линейных кораблей блокадного флота было увеличено до тридцати трех. Двадцать восьмого сентября командование принял сам Нельсон, а Коллингвуд остался вторым. Великий адмирал не надеялся ни на что, кроме полного уничтожения военно-морской мощи союзников. Но он был вынужден посылать свои суда в Гибралтар за водой отдельными отрядами, и, следовательно, имел в наличии только двадцать семь судов, которые были готовы к бою. Они были расположены на юго-запад от Кадиса к мысу Спартель, основные силы находились в пятидесяти милях от него, когда Вильнев отплыл, полагая, что ему противостоит всего двадцать. Десятого октября Нельсон опубликовал своему флоту план предстоящего сражения, но, чтобы не пугать врага, держался на большом расстоянии от берега. Двадцатого числа он двинулся на северо-запад, узнав от своих фрегатов, наблюдавших за Кадисом, что союзники выступили. На следующее утро на рассвете его дозор заметил противника, плывущего на юго-восток, чуть севернее мыса Трафальгар. Французский флот, одновременно обнаружив английский, сразу повернул на север, чтобы быть готовым к отступлению к Кадису; и Вильнев, искусный, но постоянно падающий духом, выстроил свои корабли для боя в две длинные линии параллельно берегу, причем корабли из тыла прикрывали промежутки между кораблями из первой, так что все они представляли собой фактически единую компактную изогнутую линию, вогнутую в сторону противника и, следовательно, готовую вести перекрестный огонь.

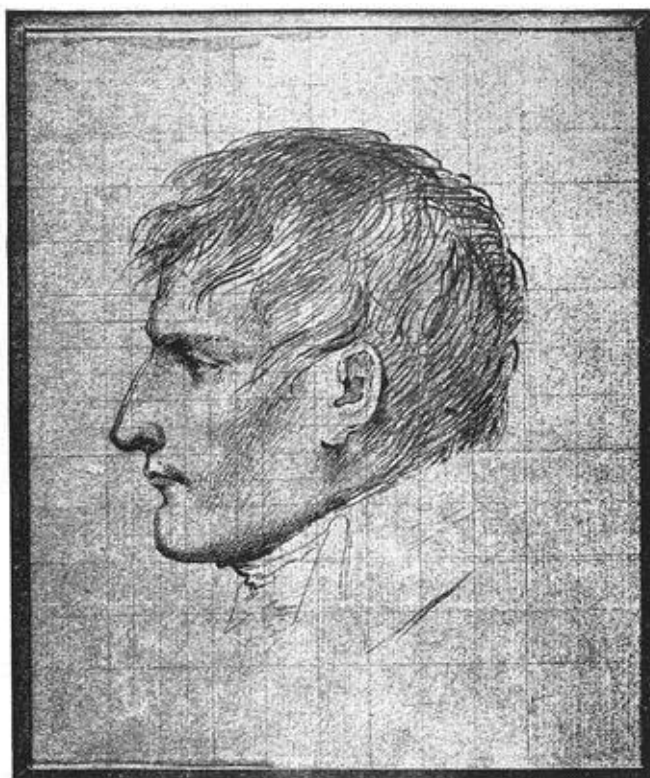
Утро было ясным, дул легкий западный бриз, но с океана поднималась сильная зыбь, когда британцы, пользуясь преимуществом ветра, медленно продвигались двумя колоннами, одну из которых возглавлял Нельсон на "*Виктори*", другую - Коллингвуд на "*Роял Соверен*". Все замолчали, когда в назначенный момент с флагманского корабля взвился знаменитый сигнал: "Англия ожидает, что каждый человек выполнит свой долг". Ответные приветственные крики раздавались с корабля за кораблем, и французский адмирал пробормотал: "Все потеряно!" Нельсон отдал волнующий приказ: "В случае, если сигналы не могут быть замечены или четко поняты, ни один капитан не совершит ошибки, если поставит свой корабль рядом с кораблем противника". У Вильнева было едва ли меньше сомнений: "Любой капитан, не находящийся под огнем, не находится на своем посту, и сигнал об отзыве его был бы позором". Это была великолепная смелость со стороны Нельсона, который, опасаясь, как бы слабый ветер не сделал сражение невозможным, подставил каждый из своих кораблей в двух атакующих колоннах, один за другим, под огонь целого флота. Линия Коллингвуда — южная — вступила в бой первой, ровно в полдень, и прорвалась сквозь ряды противника, как и ожидалось; но хотя это было по предварительной договоренности с Нельсоном, все же "*Ройял Соверен*", опередив своих спутников, зашел слишком далеко и оказался изолированным на двадцать минут, оказавшись под огнем всех кораблей противника, которые могли до нее добраться, и был почти потерян, прежде чем он смог маневрировать или его спутники пришли ему на помощь.

"*Виктори* поспешили против "*Буцентары*", которая несла знамя Вильнева, так быстро, как только позволял предательский ветер, и, в свою очередь, атаковали с севера. Она тоже опередила своих спутников и была изрешечена прежде, чем они успели прийти ей на помощь. Какое-то время *Redoutable* выдерживал натиск как *Victory*, так и следующего в очереди; но подошли еще три британских судна, и пятерка, наконец, прорвалась, захватив *Bucentaure*, *Redoutable* и *Santissima Trinidad*. Оба английских флагманских корабля были спасены, но бои были ужасающими с обеих сторон. Чрезмерной самоуверенности британцев противостояла тупая робость их противников, и в конце концов это начало сказываться. Авангард союзников не смог использовать свои орудия ни быстро, ни точно, в то время как их внутренняя линия отошла с подветренной стороны и была окружена противником. Было около половины второго, когда Нельсон получил смертельное ранение с грот-мачты "*Редутейбла*", но он дожил до известия о победе. Он был жертвой своей собственной системы, которая подчиняла осторожность и все остальные идеи единственной цели - успеху. Его люди любили его так же, как и Наполеоновские, и отчаянно сражались за его одобрение. Он все еще был в расцвете сил, и во многих умах его поражение компенсировало победу. Из всей армады одиннадцать кораблей — пять французских и шесть испанских — спаслись при Гравине; четыре вышли в море при Дюмануаре, но в конце концов были захвачены.

В ту ночь разразился сильный шторм. Это продолжалось в течение всего двадцать третьего, а двадцать четвертого три из одиннадцати спасшихся судов под командованием адмирала Гравины, отправившихся отрезать призывы от британцев, были разбиты вдребезги на берегу; все английские призывы, кроме четырех, потерпели крушение, и от гордой эскадры Вильнева в конце концов осталось только одиннадцать. Сам он был взят в плен и освобожден условно-досрочно. В начале следующего апреля он высадился в Морле и, отправившись в Ренн, попросил возможности изложить свое дело перед императором. Каким был ответ, неизвестно, но двадцать второго числа он был найден мертвым в своей

комнате с ножевыми ранениями в нескольких местах, причем нож вонзился в последнюю рану. Упреки, которыми осыпал его Наполеон, должно быть, были в основном незаслуженными, поскольку он никогда не падал духом; но они сломили его дух, и он, несомненно, покончил с собой.

Влияние Трафальгара на Англию было огромным. Теперь не могло оставаться никаких сомнений в ее превосходстве на море, поскольку флоты ее врагов были уничтожены. Она была избавлена от страха перед вторжением благодаря великому контрмаршу Наполеона и, несмотря на огромные субсидии, выплачиваемые на Континенте, могла теперь надеяться на возрождение промышленности и торговли на любых берегах океанов. Карьера Наполеона была одной длинной густой тенью, которая угрожающе нависла над английской жизнью. Трафальгарская победа стала большой трещиной в облаках. Это положило конец французской морской агрессии на время войны, но едва ли изменило конечный ход дел на суше и на данный момент никоим образом не повлияло на операции Наполеона. Это не требовало, как утверждалось, пресловутой континентальной системы, поскольку эта система уже существовала; это просто ускорило усилия по ее строгому применению, достаточному для того, чтобы ослабить Англию, напав на ее торговлю. Ее военно-морское превосходство с самого начала было фактором, определяющим политику Франции; после Трафальгара оно стало самым мощным элементом в формировании политики Наполеона, хотя и не единственным. Континентальные союзники Англии, хотя, конечно, и радовались, чувствовали, что, в конце концов, последствия победы Нельсона были отдаленными. В тот момент Австрия и Россия были вовлечены в борьбу, на которую даже Трафальгар не повлиял в их пользу. Простым, но характерным замечанием Наполеона при получении новостей было: "Я не могу быть везде". Он сразу же приступил к воссозданию военно-морского флота с целью уничтожения торговли, но больше никогда не отводил ему никакой другой роли в своих планах. Во Франции царил ошеломление, но оно быстро прошло под влиянием другого события, которое ознаменовало едва ли не наивысшую точку, когда-либо достигнутую императорской властью. Одним из наиболее заметных результатов Трафальгара было быстрое уныние, которое он вызвал в великой армии Наполеона; это было симптомом зла, все еще находящегося на начальной стадии, которое, хотя и было легко излечимо на данный момент, за короткое время стало периодическим и, в конце концов, фатальным.

Выставка наполеона, 1895

НАПОЛЕОН, ПЕРВЫЙ КОНСУЛ, АВТОР ЭНГР

Принадлежит месье Жермену Бапсту.

Он почти сразу же столкнулся с новым врагом, но нет никакой связи между уничтожением его морской мощи и этим фактом. В то время как французы переходили из долины Рейна в долину Дуная, они относились к небольшим германским государствам со скудной вежливостью, используя их территории либо как территории покоренных народов, либо как территории зависимых союзников. Однако это безжалостное обращение не пробудило в них духа негодования. Но Пруссия, все еще считавшая себя великой державой, пришла в ярость, когда Бернадот опрометчиво нарушил ее нейтралитет и прошел маршем по ее землям в Ансбахе. Царь, который уже направил свои войска к прусской границе, чтобы принудить Фридриха Вильгельма присоединиться к коалиции, и намеревался, в случае необходимости, нарушить нейтралитет Пруссии, как это сделал Наполеон, появился в Берлине примерно в середине октября. Придворная партия, возглавляемая королевой Луизой, сочувствовала коалиции и использовала безжалостность французов, чтобы настроить общественное мнение в свою пользу. Благодаря присутствию Александра, затем она одержала временную победу в договоре с Россией, подписанном в Потсдаме третьего ноября, который фактически положил конец политике нейтралитета, которую Фридрих Вильгельм так тщательно лелеял в течение десяти лет и в стремлении к которой Пруссия утратила свою силу и политическое значение. Колебавшийся король в конце концов прибегнул к вооруженному посредничеству, чтобы привести свою армию в боевое состояние, а затем либо добиться от императора Франции вольностей Неаполя, Голландии и Швейцарии с отделением короны Италии от короны Франции, и компенсации королю Сардинии, либо вступить в коалицию со ста восьмьюдесятью тысячами человек. Русские войска могли

занять территорию Пруссии или пересечь ее, когда возникнет необходимость. Считалось, что необходимые переговоры с Наполеоном повернутся так или иначе к середине декабря. Вскоре после этого два монарха, проявившие чрезмерное рвение, поклялись в вечной дружбе над могилой Фридриха Великого. Их драматическая клятва положила начало политике тайных сделок во всем, что касалось имперского узурпатора, который бросил вызов всей Европе и которому нельзя было доверять ни в каком буквальном смысле. Император Франции получил некоторую временную компенсацию за серьезный удар, нанесенный ему этим новым союзом, в том факте, что теперь он мог открыто укреплять свою власть в западной и южной Германии, полагаясь на заинтересованную дружбу трех курфюрстов, которые так много выиграли от принятия так называемых имперских делегатов в 1803 году, а именно Бадена, Вюртемберга и Баварии. Благодарный курфюрст Баварии лично поблагодарил Наполеона за его снисхождение и снова занял Мюнхен, из которого его изгнали австрийцы. Его визит был коротким, так как Наполеон спешил; фактически, его положение было критическим. Что касается ближайшего будущего, то Россия и Австрия были впереди, и если бы он дал неудовлетворительные ответы посланнику из Берлина, Пруссия оказалась бы у него в тылу. Таким образом, все зависело от быстрой и решительной борьбы с двумя союзными империями.

Во время своего наступления на Вену Наполеон без единого конфликта, который по праву можно было бы назвать крупным сражением, смел со своего пути как австрийцев, так и русских. По серьезной неосторожности он допустил, чтобы дивизия Мортье, оставшаяся изолированной на левом берегу Дуная, была уничтожена при Дюрренштайне; и благодаря тщеславному упрямству Мюрата Кутузов сбежал с русским контингентом. Тем не менее, как уже говорилось, основные силы французской армии совершали поразительные марши и достигли Вены четырнадцатого ноября, и в тот же день Наполеон разместил свою штаб-квартиру в соседнем дворце Франциска в Шенбрунне. Мюрат спешил вперед со своей кавалерией, а дивизии Суше и Ланна наступали Мюрату на пятки. Если они атакуют один русский фланг, в то время как вторая армия обойдет другой, силы Кутузова могут быть рассеяны. Но две важные задачи требовали немедленного внимания. Войска были разбросаны по обширной территории, чтобы жить за счет страны; теперь их нужно было собрать для нанесения удара. Следовательно, было важно организовать регулярные поезда с продовольствием и снабжать их им. Обе эти задачи решались с неутомимым рвением. "Говорят, у меня больше таланта, чем у некоторых других, - писал Наполеон Мармону пятнадцатого ноября, - и все же, чтобы победить врага, которого я привык побеждать, я чувствую, что у меня никогда не хватит войск. Я призываю всех, кого могу объединить".

Мюрат устремился вперед вслед за отступающими русскими и, несмотря на их огромные марши, настиг их пятнадцатого числа. Люди Кутузова были так утомлены, что не могли двигаться дальше без отдыха, и из Шраттенталя он отправил своего подчиненного Багратиона обратно в Холлабрунн с шестью тысячами самых свежих войск, чтобы по возможности сдержать продвижение французов. Полагая, что основная армия Кутузова находится перед ним, французский лидер чувствовал себя неспособным вступить в бой. Соответственно, он отправил гонца под флагом перемирия с заявлением, чисто вымышленным, хотя и намеренно основанным на определенных не относящихся к делу фактах, о том, что были начаты переговоры о всеобщем перемирии. Кутузов, притворившись, что он знаком с деталями лжи, от души предложил провести переговоры, используя выигранное таким образом время для подготовки своего дальнейшего отступления. Документ был должным образом составлен, подписан и отправлен Наполеону

в Шенбрунн, куда предъявитель прибыл шестнадцатого. Император, видя, что Мюрата перехитрили, немедленно отправил к нему адъютанта с безапелляционным приказом немедленно атаковать. Когда это командование прибыло в Холлабрунн, Сульт прибыл туда с тремя дивизиями, но Кутузов со своей армией был далеко, на большой дороге в Знайм. Мюрат храбро сражался, но значительно уступающие силы Багратиона сопротивлялись с таким же упорством до одиннадцати вечера, когда, достигнув своей цели выиграть время, они последовали за основной армией. К этому времени Наполеон подошел, чтобы лично взять на себя командование, но было слишком поздно: Мюрат "уничтожил плоды кампании". Близ Брюнна Кутузов встретился с венским гарнизоном, а у Вишау объединенные силы численностью в сорок пять тысяч человек присоединились к первому четырнадцатитысячному отряду второй русской армии, наступавшей под Буксхевденом. Второй отряд этой армии, численностью в десять тысяч человек, был обнаружен на следующий день, двадцатого ноября, в Проснице. Сразу за ними находилась огромная крепость Ольмюц с гарнизоном численностью около пятнадцати тысяч человек; Александр прибыл со своей императорской гвардией; а Беннигсен, один из убийц Павла, которого Александр предпочел верховному командованию, уже выступал из Бреслау с другой сорокапятитысячной армией. Эрцгерцог Фердинанд находился в Богемии с австрийским корпусом для охраны правого фланга, а эрцгерцог Карл направлялся в Вену с австрийской армией из Италии — всего около восьмидесяти тысяч человек.

На первый взгляд кажется, что Наполеон был в меньшинстве, его отряды рассеяны, а коммуникации под угрозой; и эти обвинения были выдвинуты для того, чтобы приписать его последующий успех одной лишь удаче. Но тщательное изучение великой стратегии императора покажет, что он мог быть в полной безопасности. Издалека и вблизи продвигались его разрозненные, но хорошо обученные дивизии. Массена покинул Италию; Ней, изгнавший врага из Тироля, приближался; и по всему южному направлению дивизии выдвигались для охраны стратегических пунктов, чтобы остановить спешащих австрийцев и в то же время находиться на "расстоянии марша". С этой надежной уверенностью великий полководец двинулся к столице Моравии и девятнадцатого числа основал там свою штаб-квартиру. И снова, благодаря своей удивительной способности к комбинациям, он получил преимущество, его войска были расположены так, что за один день он мог собрать пятьдесят четыре тысячи человек; через два - семьдесят пять тысяч; через четыре - восемьдесят пять тысяч; и его линия отступления была обеспечена. Если бы его вынудили отступить, он мог бы отступить к Даву, Мортье и Клейну, собрать сто тысяч человек и снова оказать сопротивление. Если бы Кутузов и Карл двинулись прямо на Вену, чтобы соединиться, он мог бы противопоставить их объединенной армии в сто шестьдесят девять тысяч солдат сто семьдесят две тысячи своих собственных. Оборонительная позиция его врагов была практически неприступной, но они не могли объединиться для атаки так же быстро и выгодно, как он. Его собственная оборонительная позиция была менее сильной, потому что на некотором расстоянии вокруг и позади него находилась враждебная страна. Следовательно, союзникам требовалось время; чего хотел Наполеон, так это сражения.

Но где и как? Было бы мало преимуществ и много опасности в том, чтобы просто атаковать врага, чтобы загнать его еще дальше вглубь их собственных земель. Битва должна быть быстрой и решающей, иначе год, со всем престижем Ульма, будет потерян. В этот момент то, что Наполеон предпочитал называть своей судьбой, явно благоприятствовало ему; на самом деле это была его собственная спокойная уверенность, которая вводила в заблуждение его противников. Австрийцы слишком часто ощущали

тяжесть руки Наполеона, и все их офицеры, за исключением полковника Вейротера, любимца Александра, были осторожны; русские, помня, что Наполеон никогда не сражался с ними, стремились уничтожить его славу. Чарторыйский, хотя и ушел в отставку со своего поста министра иностранных дел, снова был на стороне Александра. "Наша истинная политика — и это я говорил каждому, кто готов был слушать, - писал он в 1806 году, - заключалась в том, чтобы измотать врага стычками и держать основную армию вне досягаемости, обезопасить Венгрию и объединиться с эрцгерцогом Карлом". Но другие советники царя были более настойчивы, потому что между ними и Австрией не было утраченной любви. Франциск уже отправил двух способных агентов, Гюлая и Стадиона, сотрудничать с прусским посланником Хаугвицем в переговорах с Наполеоном о мире. Эти переговоры, в случае успеха, значительно снизили бы значение России. Движимый поэтому свойственной ему гордостью, Александр прислушался к тем, кто требовал битвы, и, приняв важное решение на свой счет, начал готовиться. Наполеон едва ли мог предположить возможность такой опрометчивости и воспринял это известие с восторгом. Хаугвиц и австрийские дипломаты были направлены в Вену, где Талейран должен был вести переговоры; адъютант Наполеона Савари был направлен непосредственно к самому Александру, номинально, чтобы узнать, рассмотрит ли он вопрос о разделе Турции, на самом деле, чтобы понаблюдать за состоянием русских войск. Хитроумный настрой дипломатов был безотказной второй тетивой на случай, если решение о вооружении окажется сомнительным; миссия Савари была уловкой, чтобы выиграть время и информацию.

Двадцать седьмого ноября Наполеон услышал от дезертира, что враг действительно наступает, но не мог в это поверить. На следующий день новость была подтверждена его собственной кавалерией, причем таким образом, чтобы указать способ атаки — фланговое движение против правого фланга французов. В ту ночь его собственный план был завершен, и были вызваны отдаленные подразделения. Они прибыли так быстро, что уже на следующее утро застали его на высотах над Аустерлицем, в двенадцати милях к востоку-юго-востоку от Брюнна, готовым встретить врага. Бернадотт совершил то, что казалось невозможным, и первого декабря занял позицию поперек шоссе между Брунном и Ольмютцем. Даву шел совсем рядом и в ту же ночь достиг монастыря Грейт-Райгерн, расположенного в семи милях к югу от Брюнна и примерно в двенадцати от Аустерлица. В записях нет таких маршевых подвигов, какие были совершены французскими войсками с невероятной быстротой в дни, предшествовавшие Аустерлицу. Дивизия Фрианта прошла маршем от Леопольдсдорфа через Никольсбург до Райгерна, семьдесят восемь миль, ровно за сорок два часа!! И после шестичасового отдыха они прошли еще пять миль, вступили в бой с колоннами левого крыла союзников и сражались с ужасающими силами противника в течение восьми часов!!! Есть записи о других подобных подвигах отдельных бригад в той же кампании, но в "анналах войны" нет ничего похожего на это. [\[34\]](#) Но двадцать девятого ноября силы противника еще не были видны, и только когда Савари вернулся из русского лагеря с полной и ценной информацией, казалось, что больше нет места для сомнений. Соответственно, французы были отведены в течение того дня на линию к юго-западу от Аустерлица, чтобы занять позицию более сильную, чем та, на которой они стояли. Чтобы сохранить видимость искренности, Савари в спешке отправили обратно к Александру со вторым бессмысленным предложением. В качестве ответного шага тридцатого числа князь Долгорукий был отправлен с аналогичным посланием от Александра к Наполеону. Принц был совершенно одурачен, и некоторые подумали, что решение русских вступить в бой было вызвано его сообщением о том, что французы вот-вот отступят.

На вершине самого высокого холма между Брюном и Аустерлицем, до сих пор известного как "Гора Наполеона", император разбил лагерь в ночь на тридцатое ноября. С утра понимая, что медлительность противника даст ему еще один день, он тщательно обследовал местность впереди и далеко справа от себя. Результатом стало смелое решение. Советники царя решили повернуть правое крыло французов: об этом Наполеон теперь узнал от предателя в русском лагере. Было бы легко помешать им, заняв высокое плато справа, на котором стояла деревушка Працен, расположив свое правое крыло на реке Литтава; в этом случае он выиграл бы "обычное сражение", по его собственному выражению. Но это была не та победа, которой он желал: его целью было не что иное, как уничтожение коалиции. Поэтому он решил покинуть эту, по-видимому, командную позицию, будучи уверен, что его чересчур самоуверенный враг займет ее как очевидный плацдарм.

Первого декабря появилась вражеская армия, шедшая пятью колоннами, и к ночи две дивизии центра были подтянуты на плато Працен и позади него; три дивизии, составлявшие левую, находились на его южных склонах и перед ними. Их передвижения и расположение убедили опытного наблюдателя в точности полученной информации. Ближе к вечеру состоялся военный совет, на котором каждый генерал получил самые точные указания. Сульт был особенно тщательно проинструктирован относительно "маневра дня" — продвижения эшелоном, правым плечом вперед. Тщательно продуманные комбинации требуют тщательного внимания, и беспокойный, но уверенный в себе император провел ночь, переходя от сторожевого костра к сторожевому, подбадривая своих людей и наблюдая за ними. С шумным энтузиазмом они умоляли его не подвергать опасности свою жизнь завтра и обещали принести ему подходящий букет к годовщине его коронации. Какое-то время весь лагерь освещался импровизированными факелами из сена. Но, несмотря на возбуждение, войска, так же как и их генерал, были уверены в себе; они поняли его небрежно произнесенные, но тщательно обдуманные слова, которые передавались из уст в уста: "Пока они идут, чтобы окружить мой правый фланг, они предложат мне свой фланг". Некоторое время он также ехал в темноте, чтобы разведать позицию противника, и, убедившись, что до утра никаких движений предпринято не будет, вернулся в свою палатку около трех и проспал до рассвета. Его обвинили в том, что он впервые проявил трусость при Аустерлице. Это потому, что в заявлении он пообещал не рисковать своей жизнью, как просили его люди; но это обещание было прямо обусловлено выполнением ими своего долга, и он сдержал свое слово, потому что они сдержали свое. Генерал Бонапарт вел своих солдат туда, где опасность была наибольшей, но императору Наполеону, выигравшему свою ставку, не было необходимости так рисковать; имея больше, что терять, он теперь впервые проявил обычную осторожность человека, чья жизнь стоит жизни многих простых людей. Это было всего лишь то, что привык делать каждый великий королевский и имперский полководец.

Ранние часы второго декабря 1805 года были туманными, хотя дул сильный мороз; но к семи часам солнце едва заметно взошло, и вскоре густой туман лежал только вдоль ручьев. В этот час русские и австрийцы начали свой марш. Те, кто находился за Праценскими высотами, быстро прошли вверх и, объединившись с теми, кто уже находился там, двинулись в общем направлении леса близ Тураса, намереваясь пересечь находящийся на их пути Гольдбах и своим собственным левым крылом, которое стояло у Тельница и Сокольница, окружить правое крыло Наполеона. Поле битвы при Аустерлице представляет собой приблизительно равнобедренный треугольник, короткое основание которого простирается на север и юг между Райгерном и Брюном на расстояние около семи миль, а

равные стороны длиной двенадцать миль сходятся в Аустерлице на востоке. Примерно на полпути по перпендикулярному спуску от вершины и параллельно основанию Гольдбах течет по западной стороне плато Працен, почти строго на юг, деревни Шлапаниц, Пунтовиц, Кобельниц, Сокольниц и Тельниц расположены на его берегах примерно на равном расстоянии с севера на юг. В миле к северу от Шлапаница дорога из Брунна в Ольмюц образует северную сторону треугольника; Турасский лес находится примерно в двух милях к западу от Пунтовица, на возвышенной равнине. На линии к востоку от Шлапаница, примерно в миле от этой деревни и друг от друга, расположены деревни Гирзиковиц и Блазовиц. Бивуак Наполеона находился на высоком холме к северо-западу от Шлапаница, у подножия которого, на другой стороне, находился Белловиц. К северу от дороги на Ольмюц находится возвышающийся холм, который ветераны египетской экспедиции окрестили египетским именем Сантон из-за воображаемого сходства маленького шпиля, венчающего его, с минаретом. Это место должно было стать центром сражения, и Наполеон укрепил его редутом и восемнадцатью пушками. К югу от него находилось левое крыло под командованием Ланна; следующим к югу стояла кавалерия под командованием Мюрата; затем центр под командованием Бернадотта; а Сульт с правым флангом находился к западу от Пунтовица. Удино с десятью батальонами находился на востоке, перед императорским бивуаком; а десять батальонов гвардии с сорока полевыми орудиями находились на западе, позади него. Даву, прибывший накануне вечером, находился в Райгерне. Легран стоял между ним и Сокольницей на берегу пруда, расположенного к юго-востоку от этой деревни.

В пять часов утра Даву выступил из Райгерна и около девяти присоединился к Леграну, чтобы атаковать левый фланг противника. Тем временем, без четверти восемь, Сульт начал подниматься по склонам Працена вместе с дивизиями Вандама и Сент-Илера. Примерно через двадцать минут — точное время, за которое, по его словам, он мог это сделать, — он укрепил свою позицию и вступил в ожесточенный бой с колонной Колловрата, которая образовывала центр противника и с которой Кутузов присутствовал лично. Последний, впервые осознав, что означала бы потеря Працена, попытался сконцентрироваться справа; но его усилия были тщетны: он мог только стоять и сражаться. Две австро-русские колонны слева от него устремились к Гольдбаху и захватили как Тельниц, так и Сокольниц. Одновременно с наступлением Сульта Бернадотт и Мюрат двинулись вперед, столкнувшись между Гирзиковицем и Блазовицем с кавалерией противника под командованием принца Лихтенштейна и русской императорской гвардией под командованием великого князя Константина. Наполеон выдвинулся вперед, чтобы понаблюдать за ходом сражения, и незадолго до одиннадцати, в критический момент, когда полк его брата Жозефа был на грани окружения и гибели, он бросил кавалерию своей собственной гвардии под командованием Бессьера и Раппа на русскую гвардию, повернул чашу весов против них и собственными глазами увидел, как Константин отступал. Русский авангард под командованием Багратиона тем временем подошел из Босеница и вступил в ожесточенный бой с частью левого фланга французов. Вся кавалерийская масса Лихтенштейна и Мюрата сошлась в ожесточенном конфликте. С отступлением Константина начался разгром всего австро-русского правого крыла. Ланн, поддерживаемый редутами Сантон, до тех пор стоял как скала; он немедленно бросился с дивизиями Суше и Каффарелли на Багратиона и отбросил его назад. Лихтенштейн, который до этого момента, по крайней мере, держался стойко, — если, конечно, он не показал себя сильнее, — больше не мог стоять, и ближе к вечеру он тоже начал сдаваться.

Между одиннадцатью и двенадцатью часами Сульт очистил Праценские высоты и, все более продвигаясь вправо, наконец, как раз в тот момент, когда солнце во всем своем великолепии пробилось сквозь облака, отделил левое крыло противника от его центра. Последняя была, к сожалению, ослаблена как отрядами для усиления левых, так и своими потерями в ходе конфликта. В полдень они начали отступать, и Наполеон, убедившись, что слева на севере от него все в порядке, поехал на юг, чтобы присоединиться к Сульту, и попутно направил дивизию Друо против беглого Кутузова, колонна которого была таким образом разгромлена и повергнута в полное замешательство. С девяти часов утра Даву стоял на западном берегу Гольдбаха, отражая последовательные атаки разросшегося левого фланга противника. Непрерывная борьба была ужасающей; из ручья буквально лилась кровь, когда солдаты обеих сторон проваливались под лед и, не в силах оторваться от илистого дна, сражались до самой смерти. Однако к двум часам дня его труды были окончены: главное наступление дня, марш эшелона Сульта правым плечом вперед, был завершен; Сент-Илер и Вандамм отбили деревни Сокольников и Ауезд; три крайние южные австро-русские колонны были полностью окружены, и лишь немногие из каждой спаслись, чтобы присоединиться к остаткам своего правого фланга, центра и резерва, спасаясь бегством через замерзшие пруды и канавы, дамбы и неровно вспаханные поля в направлении Аустерлица. Около пяти тысяч беглецов, в основном русских под командованием Доктороффа и Ланжерона, рисковали собой, ступив на лед озера Сачан, и спешили переправиться через него, когда прибыл Наполеон. Он приказал вращать полевые фишки на льду так, чтобы мячи ослабевали и трескали его. [\[35\]](#) Через несколько мгновений она обвалилась; с криками и столами многие погрузились в медленно поднимающуюся воду и исчезли под колышущимися льдинами. Согласно отчетам в бюллетенях, которые часто ставились под сомнение, но никогда не опровергались, почти две тысячи из них утонули: когда после битвы осушили пруды, было найдено сорок русских пушек и множество трупов. Боевая мощь коалиции была уничтожена, как и их моральное мужество. Вскоре после отступления Кутузова генерал Толль нашел Александра плачущим на обочине в сопровождении всего одного адъютанта.

Едва закончились военные действия, как Франциск отправил Лихтенштейна с предложениями о перемирии. Наполеон принял посланника во время обхода поля битвы, но два дня отказывался от угощения. Он намеревался пожирать плоды победы и приказал организовать умелое, тщательное преследование. Разгром союзников был таков, что положение разбитых колонн Австрии и России стало известно только четвертого декабря. Царю грозила такая опасность попасть в плен, что рано утром он послал Даву флаг перемирия и наспех написанную карандашом записку, в которой говорилось, что австрийский император совещался с Наполеоном с шести утра и что перемирие было заключено. Эта ложь позволила Александру переправиться через реку Марч и избежать попадания в плен. Только во второй половине дня император Франциск был принят Наполеоном в палатке близ Голича, и только шестого числа кампания завершилась принятием Австрией таких условий перемирия, которые предпочел навязать император Франции.

Учитывая характер сражения, первоначально предложенные условия были несложными: Австрия не потеряет территорию, если российский император уйдет на свои собственные территории и не допустит Англию к своим гаваням; в противном случае Наполеон отдаст Венецию Италии, а Тироль - Баварии. Александр не захотел слушать ни проект эмбарго, ни отчаянное предложение Франциска о продолжении войны. Шестого числа, обменявшись, по

словам Савари, пылкими комплиментами с Наполеоном, он отправился в Россию, оставив своего союзника расхлебывать последствия того, что на самом деле было его собственной опрометчивостью. Это был полный разрыв коалиции: ее самым важным условием было то, что ни один из членов не должен заключать сепаратный мир. Единственная надежда Австрии на сносные условия теперь заключалась в сотрудничестве Пруссии. Но Хаугвиц больше не мог выдвигать ультиматум, согласованный в Потсдаме; сражение, конечно, полностью изменило ситуацию. Теперь Наполеон требовал от Пруссии не чего иного, как долгожданного союза наступательного и оборонительного. Пятнадцатого декабря посланник Фридриха Вильгельма дал предварительное согласие и отправился в Берлин, чтобы, по возможности, заручиться королевским согласием. Его повелитель должен был удержать Ганновер и закрыть его порты для англичан; отдать Клеве, Везель и Невшатель Франции; уступить Ансбах Баварии; и признать последнюю королевством с такими восточными границами, какие согласится уступить Австрия.

На мгновение Наполеон подумал о продолжении войны с целью навсегда уничтожить Австрию. Однако, как никто не сомневался, рука Талейрана была скрещена с огромной взяткой из австрийских источников, и он убедил императора не следовать плохим советам своих генералов, а "подняться выше как государственный деятель" и заключить мир. С его согласия на это выдвигались все более масштабные и жесткие требования, пока Франциск действительно не задумался о возобновлении отчаянной и неравной борьбы в одиночку и без посторонней помощи. По всей вероятности, у него были шансы на победу, но его стремление к миру взяло верх. Когда этот мирный договор был подписан двадцать шестого декабря 1805 года в Пресбурге, Австрия передала Венецию с Фриули, Истрией и Далмацией Италии; уступила Тироль Баварии; согласилась на изгнание бурбонов из Неаполя; приняла все новые договоренности, которые недавно были сделаны Наполеоном в Италии, и согласилась выплатить военную контрибуцию в размере сорока миллионов франков. Контрибуции, нерегулярно поступавшие на австрийские земли в ходе кампании, вероятно, снова были больше, чем раньше. Признание Баварии независимым королевством и перераспределение немецких территорий положили конец империи; Франциск, приняв в 1804 году титул императора Австрии, смертельно устал от довольно потрепанного имперского римского стиля, который он все еще носил. Вюртемберг получил пять городов на Дунае, графства Хознемс и Велленбург с частью Брайсгау и стал королевством, подобным Баварии; Баден получил остальную часть Брайсгау вместе с Ортенау, Майнау и городом Констанц; Бавария получила не только Тироль с Форарльбергом, но и Бриксен, Трент, Пассау, Эйхштадт, Бургау, Линдау и другие мелкие владения, чтобы завершить свою новую границу. В качестве незначительной компенсации Зальцбург и Берхтесгаден были переданы Австрийской империи.

Бои с обеих сторон при Аустерлице были в основном превосходными. "Мой народ, - сказал император своим солдатам, - мой народ с радостью увидит вас снова; и если кто-нибудь из вас скажет: "Я был при Аустерлице", каждый ответит: "Здесь стоит герой". "Легионы Империи действительно сражались с непревзойденной храбростью, как и австрийцы. Русские не были столь стойкими. При первом знакомстве с "французской фурией" их старые представления о мужестве были стерты с лица земли. "Те, кто видел поле битвы, - писал "Монитор", - засвидетельствуют, что там, где бой был наиболее ожесточенным, оно было усеяно австрийцами, в то время как в других местах оно было усеяно русскими ранцами". Это произвело такое впечатление на его людей, что Александр не только бросил своего союзника в беде и двинулся обратно в Польшу, но и почувствовал себя призванным

опубликовать бюллетень, утверждающий его собственную доблесть и робость австрийских войск. Но "Битва при Аустерлице", как ее называют по-французски, "Битва трех императоров", как называют этот день немцы, была эпохальной не только из-за проявленного мужества, но и из-за произведенной ею тактической революции. Это было первое настоящее наполеоновское сражение. С тех пор величайшие конфликты устраивались на основе его командного принципа — принципа, который долгое время использовался, но тогда был впервые полностью разработан и принят.

На протяжении всего предшествующего периода военных действий армия приводилась в движение как единое целое, каждая часть от начала до конца находилась в руках командующего, готовая к управлению. Если какая-либо дивизия оказывалась окруженной или какой-либо участок линии прорывался, результатом было поражение. Начиная с 1805 года любая отдельная часть, центр или любое крыло, могли быть уничтожены, и победа по-прежнему могла быть одержана в другом месте другими частями. Для этого необходимы две вещи: во-первых, свежие войска для переброски в нужное место в нужное время; во-вторых, линия отступления с новой базой для операций, подготовленная ранее. Высшие военные авторитеты заходят так далеко, что заявляют, что в хорошо организованном сражении одна часть линии фронта должна быть даже принесена в жертву врагу, чтобы обеспечить победу остальным. Преследование после Аустерлица было столь же прекрасным, как и атака, и столь колоссальным и всеобъемлющим был гений Наполеона, что он полностью подготовился к отступлению в случае поражения, но не к Вене, как думал противник, а через Богемию к Пассау. Общая численность сражавшихся составляла со стороны союзников около девяноста тысяч человек; со стороны французов - около восьмидесяти тысяч. Австрийцы и русские потеряли пятнадцать тысяч убитыми и ранеными, при этом двадцать тысяч были взяты в плен, в то время как у французов было семь тысяч убитых и раненых в долгой и ужасной обороне, устроенной у Гольдбаха справа от них, и около пяти тысяч в других местах. Император считал это небольшой ценой за гегемонию в Европе, и его любимым титулом был "Победитель при Аустерлице". "Солдаты, - крикнул он на Бородино, когда солнце пробилось сквозь серые тучи, - это солнце Аустерлица!" и его ослабевшая армия воспрянула духом.

ГЛАВА XXXIII

НАПОЛЕОН, ВОЕНАЧАЛЬНИК И ИМПЕРАТОР [\[36\]](#)

Новая карта Европы — Перераспределение Италии — Отношение к Папской области — Голландия как вассальное королевство — Королевские союзы семьи Наполеонов — Униженная Пруссия — Переговоры с Великобританией и Россией — Трансформация Германии — Рейнская конфедерация — Пренебрежение Наполеона международным правом — Россия в ярости — Наполеон как император — Теократия — Заботится об армии — Финансовое положение — Концепции финансов Наполеона — Социальные призвания.

Питт находился в Бате, выздоравливая после приступа подагры, когда услышал новости об Аустерлице; в течение двадцати четырех часов черты его лица осунулись и посинели,

приобретя выражение, давно известное как "взгляд Аустерлица". Говорят, что, возвращаясь на свою виллу в Патни с занесенной над ним рукой смерти, он вошел в коридор, на стене которого висела карта Европы. "Сверни эту карту, - хрипло прошептал он своей племяннице. - она не понадобится в ближайшие десять лет". Вскоре после этого он умер, двадцать третьего января 1806 года, на сорок седьмом году жизни; и последние слова, которые он произнес, были: "Моя страна — о, как я покидаю свою страну!" Он надеялся, и, как показало дальнейшее, не напрасно, что подобно тому, как Англия спасла себя собственными усилиями, так и современную Европу она может спасти своим примером. В новом министерстве Фокс был государственным секретарем, но, каким бы либералом он ни был, он не мог противостоять общественному мнению, которое было возмущено превосходством Франции. Австрия была лишена лидерства даже в Германии; разница в степени подчинения России, Пруссии, Баварии и Бадена была лишь незначительной.

1805—06

Эффект Аустерлица во французской армии заключался в том, что он заставил замолчать критику, которая разгорелась после побега Кутузова. В самой Франции война в течение некоторого времени становилась непопулярной; паника, которой так долго опасались, действительно началась; поскольку после Трафальгара все перспективы колониальной торговли были подорваны, а торговля с Востоком практически прекратилась. Хотя Испания и Италия предоставили субсидии в размере сорока миллионов франков, были обговорены займы на сумму в три раза большую, и только хитроумнейшими манипуляциями с государственными финансами можно было поддержать растущее укрепление империи. Более того, народ стонал под тяжестью безжалостной воинской повинности, и многие больше заботились о том, чтобы сама Франция жила в мире, чем о том, чтобы она имела господство в Европе. Но новости об Аустерлице произвели ошеломляющее впечатление, и были придуманы меры, чтобы преодолеть финансовый кризис до возвращения великого администратора и с помощью его военных контрибуций переставить фигуры на доске внутренних дел. Такие победы не покупались дорогой ценой, а были реальным источником дохода. Другие страны могли бы внести свой вклад как финансовым, так и политическим путем, или, скорее, эти два фактора шли бы рука об руку - престиж и наличные. Искушение было неуловимым.

Таким образом, был открыт путь к тому, что стало самым глубоким и влиятельным результатом Аустерлица: попытке заменить изжившую себя Священную Римскую империю под властью немецкого принца другой Западной империей, которой будет править император Франции, с территориальными подразделениями под властью наполеоновских принцев, подчиняющихся центральной власти.

Первым шагом, сделанным к утверждению этой новой концепции, стало дальнейшее продвижение вперед в Италии. В критический момент Аустерлицкой кампании Каролина, королева Неаполя, непримиримый враг Наполеона, разорвала с ним свою горько данную помолвку. Ее гавани были открыты для английских кораблей, а русские войска оккупировали ее территории. Царь гордился своим покровительственным отношением к Обеим Сицилиям: его проверка при Аустерлице и увольнение с места боевых действий не были достаточным унижением; уже на следующий день был издан армейский приказ, отправляющий Массену в Неаполь и объявляющий, что династия Бурбонов прекратила свое существование. Указом французского сената тридцатого марта 1806 года Жозеф Бонапарт

был провозглашен королем Неаполя и Сицилии. С неохотой и под уколами резких увещаний он оставил свою элегантную, важную непринужденность и возложил корону на свою беспокойную голову, "чтобы держать твердую руку" над нежелающими подданными, "быть хозяином" там, где он был в лучшем случае невольным орудием. Новый монарх сохранил свои французские титулы, но взял на себя роль зависимого союзника Франции. В то же время и таким же образом вся Венеция была включена в состав королевства Италия. Владения Элизы в Лукке были увеличены за счет округов Масса-э-Каррара и Гарфаньяна; княжество Гуасталла перешло к Паулине. Кроме того, сразу или позже были организованы двадцать наследственных герцогств, носящих титулы Далмации, Истрии, Фриули, Кадоре, Беллуно, Конельяно, Тревизо, Фельтре, Бассано, Виченцы, Падуи, Ровиги, Рагузы, Гаэты, Отранто, Таранто, Реджо, Лукки, Пармы и Пьяченцы. Это были феодальные владения не Франции, а Французской империи; первым долгом владельцев было перед императором, вторым - перед Францией. Основанная таким образом земельная аристократия могла бы неограниченно расширяться и, таким образом, предоставить не просто общество для одиноких вершин иерархии, но удобное место для сидения на троне, удаленное на один слой от беспокойных элементов основания. Для самого императора итальянское королевство было не только бастионом политической власти, но и сокровищницей: оно должно было выплачивать четырнадцать миллионов франков в год, а Неаполитанское королевство - один миллион. Позже та же система была распространена на Германию и Польшу. Что может быть более понятным, чем значение этого?

Папа римский, вернувшись с коронации с пустыми руками, решительно отказался дать развод Жерому Бонапарту, который малодушно выразил раскаяние в своем американском браке. В Аустерлицкой кампании понтифик сохранял абсолютный нейтралитет. Но папские территории, тем не менее, были осквернены, поскольку Бернадотт стал титулованным принцем Понте-Корво, а Талейран, лишенный сана и женатый епископ, стал принцем Беневенто. Французские солдаты захватили Анкону под предлогом защиты ее от английских еретиков и турок-язычников. Римские порты были объявлены закрытыми для всех врагов Франции. Достоверно сообщается, что Наполеон намеревался короновать себя как западного императора в соборе Святого Петра, но, независимо от того, правда это или нет, он потребовал признания себя императором Рима и потребовал изгнания русских, англичан и сардинцев из Папской области. Папа настаивал на том, что признание императора Франции римским императором уничтожит папскую власть во всех других землях, и получил отсрочку, уволив со своего поста государственного секретаря Консальви, который возглавлял оппозицию.

Титул был неважен по сравнению с действительностью, и Наполеон решил закрепить его еще больше, превратив Голландию в наполеоновское королевство. Шиммельпенник, верный сторонник Наполеона, все еще был великим пенсионарием, и по мановению императора в Париж прибыла депутация голландских чиновников. Их председатель Верхуэль был проинформирован о том, что его страна должна получить нового руководителя в лице принца Луи; в противном случае Наполеон не мог бы при заключении мира вернуть ее колонии; что касается религии, новый король сохранит свою собственную, но каждая часть его королевства должна иметь такое же право. Конституция должна оставаться неизменной. Делегаты протестовали и ссылались на договоры 1795 и 1803 годов, которые гарантировали независимость Нидерландов; но император стоял на своем: либо Людовик как король, либо объединение с Францией. Двадцать четвертого мая 1806 года "Высокие и могущественные государства" прекратили свое существование, а пятого

июня к числу великих вассалов Империи, во многом против его воли, присоединился новый король. Это была жалкая должность, обреченная одновременно позорить и умерщвлять своего владельца; с имперской стороны, это была всего лишь должность сурового таможенника, бросающего вызов Великобритании, с одной стороны, и экономического тирана, вынуждающего гордый народ к коммерческой деградации невыносимыми ограничениями на их естественную деятельность, с другой. Луи Бонапарт не был суровым человеком; его беспорядочный образ жизни, его болезненная чувствительность, его безграничное чувство собственного достоинства, его чувственность, все вместе взятое, делали невозможным для него играть отведенную ему роль. Его личная позиция заключалась в том, чтобы превзойти чиновника, быть королем своего народа, быть обласканным своим двором и нацией; короче говоря, идти своим путем, безразличный к тому, из чьих рук он кормился.

Унижение Германии было едва ли менее глубоким, чем унижение Италии и Голландии. С годами прежние религиозные представления Наполеона, всегда смутные, выродились в мягкий и терпимый деизм. Менее чем через две недели после Аустерлица он нашел время сделать резкий выговор сотруднику Института печатания атеистических книг; но христианство с сопутствующей ему моралью было для него, в конце концов, всего лишь важным социальным явлением, разрушительным для которого был бы атеизм. Тем не менее внешнее уважение к римскому католицизму было мощным рычагом для достижения его амбициозных целей как в Италии, так и во Франции. В последней стране он к своей выгоде заключил прочный союз между Церковью и государством, и этот же самый рычаг он намеревался использовать для полного свержения старой политической системы Германии. Среди других жалоб, которые он излил папе, была одна, касающаяся полной дезорганизации Церкви среди немцев. Это было в значительной степени правдой, поскольку некоторые из мелких церковных князьков были такими же распущенными, как и их светские современники. Протестантская Германия была апатичной, и почти везде религия и мораль находились на низком уровне. Оставшиеся в живых добрые люди испытывали такое же беспокойство по поводу Церкви, как и здравомыслящие массы по поводу политической тирании, от которой они страдали. Когда Бавария, Вюртемберг и Баден были расширены и освобождены от господства Австрии, правящие князья либо неправильно поняли, что на самом деле произошло, — переход их сюзеренитета от Австрии к Франции, — либо они не испытывали чувства стыда, становясь вассалами французского императора. Так называемые монархи время от времени предпринимали умеренные попытки утвердить некоторую независимость; но за такими усилиями так часто следовали сообщения из Парижа, предполагающие, что они занимают свои должности не для себя, а как часть французской системы, что вскоре они полностью отказались от них. Тем не менее, они долгое время отвергали предложения Наполеона о супружеских союзах между их семьями. Аустерлиц преодолел их отвращение. Четырнадцатого января 1806 года Макс Иосиф Баварский уступил давнему желанию императрицы Жозефины и отдал свою дочь Августу в супруги вице-королю Евгению, разорвав ее помолвку с наследником престола в Бадене. Вскоре после этого кузина Эжена Стефани, чьи отношения с Наполеоном вызвали скандал даже в Париже, вышла замуж за принца, который был поклонником Августы. Год спустя Иероним, вопреки церковным законам, был женат на принцессе Екатерине, дочери короля Фридриха Вюртембергского. Хотя эти меры тешили личную гордость императора, они были приняты в первую очередь для поддержки новой политики имперского государства. В них не было ничего, что могло бы вывести Англию из сравнительной летаргии, в которую она впала после Трафальгара, или чрезмерно разозлить Пруссию.

Но эта умеренность была лишь кажущейся. В кузнице был болт, который, если им правильно воспользоваться, быстро превратил бы Пруссию в вассала и в конечном итоге заставил бы саму Англию смириться. Когда Хаугвиц, прусский посланник, вернулся из Шенбрунна в Берлин, союзный договор с Францией, который он чувствовал себя обязанным заключить, не был одобрен, и король отправил предъявителя с некоторыми предложениями о важных изменениях в Париж, чтобы узнать, нельзя ли добиться более выгодных условий. Прусский монарх, по сути, боялся прусского национального характера и не осмеливался предстать перед своим народом без чего-то большего, чем Ганновер, чтобы компенсировать свои предыдущие потери на левом берегу Рейна и новые уступки, на которые он был вынужден пойти после Аустерлица. Император любезно принял полномочного представителя и, казалось, собирался согласиться на изменения, которые заключались в том, что Фридрих Вильгельм должен был получить вместе с Ганновером города Гамбург, Бремен и Любек. Но приход Фокса к власти на мгновение вскружил Наполеону голову. С одним великим либералом у руля в Англии и другим автократом во Франции эти двое, по его мнению, могли бы изменить лицо Европы и характер мира. Это заблуждение предполагало мир с Англией, и император на мгновение подумал о том, чтобы сохранить Ганновер в качестве средства обмена; его второй мыслью, однако, было не купить мир, а обеспечить его соблюдение. Соответственно, Пруссии были поставлены еще более жесткие условия, чем прежде, в отношении обмена территориями, и, кроме того, она была вынуждена ввести континентальное эмбарго на английскую торговлю. Король был в отчаянии, но уступил. Харденберг, глава его кабинета, был отправлен в отставку по желанию Наполеона, потому что он олицетворял национальное самоуважение; и Пруссия, недавно такая гордая, а теперь униженная и опозоренная, ошеломленная и недоверчивая выслушивала оскорбления "Монитор", в то время как ее король девятого марта 1806 года приложил руку к документу, который, казалось, обеспечивал Ганноверу безопасность ценой независимости Пруссии. Три месяца спустя, одиннадцатого июня, Фокс объявил войну Пруссии. В тот самый момент Наполеон вел переговоры о возвращении электората Георгу III Английскому, его наследному принцу, в качестве цены за мир с Великобританией.

Фокс нашел возможность связаться с французским правительством в связи с текущим сообщением о заговоре с целью убийства императора. Получив понять, что Наполеон с радостью заключил бы мир на основе Амьенского мирного договора, переговоры были начаты через лорда Ярмута, одного из путешественников, задержанных во Франции в рамках ответных мер императора, когда Англия объявила войну. Талейран предложил в качестве основы для переговоров все, чего могла пожелать Англия, включая реституцию Ганновера и принцип *uti possidetis*, что означало, что Англия могла сохранить Мальту с завоеванными колониями; кроме того, неаполитанские бурбоны, хотя и изгнанные с материка, могли править на острове Сицилия. Но французский министр оговорил, очевидно, для Франции, что Россия не должна вести себя совместно с Великобританией. На этих, казалось бы, благоприятных условиях Ярмут отправился в Лондон. На самом деле переговоры с Россией уже были начаты, и Александр прямо приказал через Убриля, специального полномочного представителя, отправленного с этой целью в Париж, чтобы Россия не присоединялась к Англии в переговорах. Царь не желал затруднять себя на Востоке даже временным союзом с Великобританией, своим соперником в этой области. Это играло прямо на руку Наполеону, ошеломляющий успех дипломатии которого, как и его стратегии, зависел от того, какие сюрпризы она готовила для его противников. Такой сейчас был готов. Не успел Ярмут вернуться в Париж в июне, как французское правительство начало отступать. Король Иосиф не мог обойтись без Сицилии, и единственной возможной

компенсацией прежним правителям были бы владения, образованные из ганзейских городов. После нескольких недель такого ограждения, в течение которых Ярмут, казалось, с уступчивым самодовольством отражал предполагаемую мирную политику кабинета Фокса, Убрил временно подписал именно такой договор с Россией, какого желал Наполеон. Тогда впервые была выпущена засов, который до сих пор держали в секрете, обнародовав как свершившийся факт организацию дочерней великой державы Франции в сердце Европы - Рейнской конфедерации. Это был самый дерзкий из всех дерзких планов Наполеона.

Это действительно означало новую карту Европы, сведение к минимуму влияния Англии на Континенте, постоянную нейтрализацию как австрийской, так и прусской мощи, исключение России из советов Западной Европы. Средства, с помощью которых это было осуществлено, были столь же проникательны, сколь и важна сама мера. Среди немецких князей, присутствовавших на великолепной коронации Наполеона, был единственный священнослужитель, сохранивший самообладание в условиях изменений, произошедших в ходе общей секуляризации, произошедших после Люневильского мирного договора, а именно архиепископ Дальберг, курфюрст Майнцский, разработавший амбициозный план обеспечения того единства и эффективности Немецкой Церкви, которых желали и папа, и Наполеон. Происходя из древнего и благородного рода, он без труда поставил себя во главе широкого движения среди римско-католиков западной и центральной Германии, которые желали восстановить влиятельное положение Церкви в Германии и обеспечить ее чистоту и могущество способом, подобным тому, которому последовал во Франции Конкордат. Правители Франции более века стремились создать между своими собственными территориями и территориями великих германских государств, Пруссии и Австрии, пояс слабых государств, который служил бы оплотом против их врагов и полем для расширения их собственного влияния. Наполеон, воспользовавшись податливым характером, выработанным в Европе пожарами Аустерлица, приступил к реализации этого проекта. Папе Римскому он сказал, что, поскольку его авторитета недостаточно для наведения порядка в церковном хаосе в Германии, он поручит эту задачу Дальбергу как примасу.

Уверенный не только в раболепном повиновении Баварии, Вюртемберга и Бадена, но и в значительной доброй воле набожных жителей западной Германии, император Франции разработал план объединения трех вышеупомянутых значительных держав с формированием новых путем "посредничества" большинства все еще оставшихся мелких держав. Этот термин был эвфемизмом, призванным подчеркнуть превращение их доселе непосредственного отношения к Империи в опосредованное. Но непосредственность была квазиавтономией, посредничество - фактическим уничтожением, правители сохраняли только свое личное имущество и соответствующие вотчины. Как только о существовании этого плана зашептались за границей, Талейрана окружили агенты двадцати четырех соответствующих принцев. Их руки не были пусты, и министр снова пополнил свою казну. Когда бумаги были окончательно составлены и были добавлены необходимые подписи, выяснилось, что лишь несколько маленьких княжеств и уездов избежали уничтожения. По разным причинам жителям Изенбурга, Аренберга, Лихтенштейна, Зальма, Гогенцоллерна и Фон дер Ляйен все еще было разрешено жить. Курфюрсты Гессен-Касселя и Саксонии, которые были дружественны Пруссии, были исключены из лиги. Компонентами этой новой власти были Бавария, Вюртемберг, Баден, Нассау, Гессен-Дармштадт, город и земли Франкфурт, с Дальбергом в качестве принца-примаса, шесть только что перечисленных округов и, наконец, новое государство, великое герцогство Клеве и Берг, созданное для Мюрата, другого наполеоновского принца, который правил как Иоахим I. Все они объявили

себя членами федеративного государства, независимого как от Пруссии, так и от Австрии, но находящегося под защитой Французской империи. Наполеон мог вводить в конфедерацию новых членов, имел право назначать примаса и, что было самой важной привилегией из всех, руководить армией. Это следовало как следствие статьи, которая провозглашала, что каждая континентальная война, которую должна была вести одна из договаривающихся держав, была общей для других. Бавария должна была предоставить тридцать тысяч человек, Вюртемберг - двенадцать тысяч, Баден-восемь тысяч, Дармштадт - четыре тысячи, Берг - пять тысяч, Нассау и другие пигмеи - четыре тысячи. Это соглашение, в результате которого армии Франции пополнились шестьюдесятью тремя тысячами солдат, получило затем название "альянс".

Указ был опубликован двенадцатого июля 1806 года; первого августа Регенсбургский сейм был проинформирован о том, что Германская империя прекратила свое существование; шестого августа император Франциск, объявивший себя наследственным императором Австрии в 1804 году, теперь по принуждению заявил, что он отказывается от своей германской короны. Путь к истинному немецкому национальному объединению был открыт презрением Наполеона к местным предрассудкам вместе с его массовым и безжалостным нарушением династических связей. Якобы для улучшения своих связей с этим новым союзником император впервые разместил постоянный гарнизон на правом берегу Рейна. Местом, которое он выбрал, был Везель в великом герцогстве Клеве и Берг. Разумеется, он дал официальное заверение, что не намерен расширять границы Франции за пределы Рейна. Это, несомненно, было буквально правдой; но Французская империя - это совсем другое дело, чем Франция. Позиция императора была прекрасно проиллюстрирована его продолжающимися переговорами с Ярмутом, легкую уступчивость которого пришлось нейтрализовать новому комиссару, лорду Лодердейлу, специально проинструктированному Фоксом проявлять безапелляционность в отношении сохранения существующих условий суверенитета на Континенте. Наполеон без колебаний предложил Англии в качестве замены Сицилии либо Албанию, либо Рагузу, либо Балеарские острова. Другими словами, вся идея территориальной неприкосновенности, по его мнению, была устаревшей, за исключением тех случаев, когда так называемые монархи могли обосновать свои притязания. Ганновер перешел к Пруссии в результате французского завоевания и мирного соглашения, ганзейские города были вольными городами, Албания принадлежала Турции, Рагуза была номинально независимой под защитой Австрии, а Балеарские острова признавали суверенитет Испании; но он предлагал любой из них или все вместе, как если бы они были его собственными.

Александр Русский придерживался во многом той же концепции. Видя, что его восточным планам угрожает Пресбургский мирный договор, он покинул Неаполь, чтобы укрепить Корфу, а теперь приступил к занятию Бокче-ди-Каттаро в качестве форпоста. Эта станция, хотя и до сих пор автономная, считалась Наполеоном частью Далмации, и эта провинция должна была отойти к Италии вместе с остальной частью Венеции. Этот акт открытой враждебности со стороны царя был дополнением к его высокомерному неприятию договора с Наполеоном, который Убриль представил на подпись своему хозяину. В результате Франциску, третьему из трех императоров, сообщили, что французская армия не покинет его крепость Браунау до тех пор, пока он не выполнит свои обязательства и не вернет Далмацию в целостности и сохранности. Великая армия Франции, таким образом, не была выведена и все еще продолжала оккупировать Швабию, Франконию и всю южную Германию. Этот факт обеспечил существование Рейнской конфедерации и довел Пруссию до бессилия. Более того, это была одна из многих причин, которые окончательно положили конец переговорам с Англией. Лорд Лодердейл выдвинул капитуляцию Сицилии в качестве ультиматума, а когда в этом было отказано, девятого августа потребовал свои паспорта. Фокс, наконец, в полной мере осознавший агрессивную, всеобъемлющую политику Наполеона, счел себя вынужденным принять, пункт за пунктом, программу Питта; и в течение короткого остатка своей жизни, хотя он и не появлялся в парламенте после июня, он был ее сердечным, настойчивым сторонником. Его смерть тринадцатого сентября не изменила отношения Англии. Коалиция, распавшаяся при Аустерлице, была снова укреплена; только на этот раз Пруссия, до сих пор сохранявшая эгоистичный нейтралитет, должна была объединиться с Англией и Россией.

После того, как Наполеон вернулся в Париж двадцать седьмого января 1806 года, он быстро отказался от военного призвания и вновь принял свою любимую роль императора. В день Нового года республиканский календарь перестал существовать; даже этого не было, чтобы напомнить ему о прошлом. Его фигура начинала становиться более дородной, осанка - более величественной, а манеры поведения - более отстраненными. Великий корсиканец начал подражать древним восточным завоевателям — людям из народа, которые, как и он сам, достигли головокружительных высот путем узурпации власти и военных завоеваний, — окружив себя тайной и окружив себя придворными разного ранга. Ближайшими к нему, отсутствовавшими лично, но присутствовавшими в виде своих представителей, были второстепенные правящие короли, принцы и великие герцоги. Следующими по порядку, присутствующими во плоти и первыми в настоящем великолепии, были новоиспеченные почетные принцы и герцоги. Некоторые представители старой знати продолжали презрительно улыбаться этому сборищу бывших республиканцев и якобинцев, но многие, в том числе не менее способные и влиятельные, поспешили занять должности при дворе, где их присутствие было крайне желанным. Этикет достиг искусственного совершенства, которое показало, насколько неестественным он был для тех, кто его практиковал. В Тюильри, как остроумно было сказано, все двигалось под бой барабана. Принцы и герцоги-парвеню имели каждый свое надлежащее состояние, и, будучи теперь уверены в достаточном доходе и наследственной должности, они проявляли потакание своим желаниям и независимость, которые плохо сказывались на их неизменной преданности своему создателю.

За этим непроницаемым экраном деятельность императора возобновилась с большей интенсивностью и более высокими темпами, чем когда-либо. Не довольствуясь ежедневной работой, его часы отдыха становились все короче и короче, пока он не утратил всякую способность к удовольствиям и не нашел утешения для своего ума, кроме как в труде. Париж был в восторге от лояльности, и из всех мыслимых источников поступали предложения о триумфах, статуях или других почестях "Наполеону Великому". Церковь соперничала с населением. Среди множества подобных высказываний один епископ объявил императора избранным Богом для восстановления Его культа и руководства Своим народом; другой объявил, что недавние события, произошедшие в годовщину коронации, придали Наполеону божественный характер; в то время как кардинал-архиепископ Парижа громко воскликнул: "О Бог Маренго, ты объявляешь себя Богом Аустерлица; и германский орел с русским орлом, оба из которых ты покинул, стали добычей французского орла, которого ты не перестаешь защищать". Вскоре монарха повсюду называли "человеком Божьим, помазанником Господним", а иногда и "его священным Величеством". Таким образом, созрела возможность для радикальных перемен. "Мой дом", "моя линия", "мой народ" - вот фразы, которые вот уже год были на устах императора и в его письмах. Теперь он начал принимать меры по приданию своему правлению теократического характера, которые, учитывая его религиозные убеждения, были просто шокирующими. Он не только выразил пожелание, чтобы к его имперским стандартам относились с "религиозным почтением", но и заканчивал свои письма королевской, абсолютистской и римско-католической формулой: "Я молю Бога, чтобы вы были под его святым покровительством", а в государственных газетах его величали "Наполеон, милостью Бога император". Для этого он, конечно, не мог сослаться ни на что иное, как на универсальные, хотя и устаревшие обычаи существующих европейских династий, которые все еще утверждали, что правят по божественному праву. Но он пошел дальше и в личном сотрудничестве с подобострастным церковным сановником подготовил катехизис, из которого каждый французский ребенок за

несколько месяцев усвоил такие средневековые, а ныне богохульные догмы, как следующие: Наполеон - "служитель силы Божьей и его образ на земле"; "читать императора и служить Ему - значит чтить и служить Богу". Кульминацией этой неискренности была ужасная угроза, с абсолютной торжественностью внушаемая в сознание каждого ученика во всех епархиях, что, поскольку неповиновение Императору означало сопротивление порядку, установленному Богом, такое неповиновение уготовило бы виновному вечное проклятие. Хотя Наполеон никогда не признавал, что он сам несет какую-либо моральную ответственность, и, казалось, действовал в соответствии с доктриной о том, что он родился таким, каким остался до конца, он, тем не менее, приписывал огромное влияние образованию на других. "Не может быть устоявшейся политики, - сказал он об университете, - без устоявшегося коллектива преподавателей".

Прежде всего император заботился об армии. "Отчеты о положении моих армий, - сказал он, - являются для меня самыми приятными литературными произведениями в моей библиотеке, и я с величайшим удовольствием читаю их в часы отдыха". Он был настолько усерден и скрупулезен, что, как уже было заявлено, и, вероятно, без большого преувеличения, прекрасно знал свою реальную силу; и когда его армии были разбросаны по половине мира, он был лучше, чем его министры, знаком с дислокацией каждого батальона. Это было только начало его забот; его главной заботой были снаряжение и благополучие людей — не только их форма, снаряжение и оружие, но и еда, кров и жалованье. С такой же тщательностью были изучены счета, описи и все другие сухие детали; его боевая машина должна была не только быть совершенной, но и он должен был знать, что это так. Огромные сборы, собранные в ходе последних кампаний, были обращены в армейский фонд на благо армии, и управление этим фондом было доверено Моллиену, самому искусному финансисту. Удовольствия, связанные с солдатской службой, также интересовали его. Но как бы тщательно он ни изучал их психологию, как личную, так и коллективную, он ошибся, когда попросил город Париж организовать испанские бои быков и состязания диких зверей для своих возвращающихся солдат; и, осознав свою ошибку, он отменил свой приказ. Ибо, в конце концов, из-за строгого соблюдения законов о воинской повинности нация и армия были недалеко от того, чтобы быть идентичными; следовательно, смягчающее влияние домашней жизни никогда полностью не отсутствовало у призывников, и оно сильно присутствовало, когда молодые люди были в отпуске со своими матерями и возлюбленными. Ни один капитан никогда так не владел искусством взывать к гордости и привязанности своих людей, как Наполеон; но его успех был достигнут накануне битвы, а не в мирное время. Точно так же, как и в армии, он тратил свою энергию на финансы. Но здесь он не был экспертом. Не было таких усилий, которых бы он не предпринял, какого бы тяжелого труда он не перенес, чтобы освоить бесконечные ряды фигур, которые, как сказал один из его министров, он стремился выстроить подобно батальонам. Будь то в военной или гражданской жизни, он стремился заранее продумать и упорядочить каждую деталь. С этой целью он использовал, в дополнение к своему официальному аппарату, обширную неофициальную переписку. Среди прочего, у него были новости о фондовом рынке, о банках и обо всех текущих ценах. Когда какой-то факт был непонятен, он просил эксперта объяснить его. Сила его интереса к финансам и справедливое понимание их важности, которое он ощущал, проявляются в его поступках. В тот самый вечер, когда он прибыл в Париж после Аустерлица, полуночным посланием министры были созваны на совет на восемь часов утра следующего дня. Их поздравления были резко прерваны сухим заявлением: "У нас есть более серьезные вопросы для рассмотрения. Похоже, что наибольшая опасность для государства была не в Австрии. Давайте послушаем отчет

министра финансов". Документ, зачитанный Барбе-Марбуа, безжалостно отобразил ситуацию: недостаточность доходов, продажность чиновников и перестановки, на которые он сам был вынужден пойти, чтобы избежать, не паники, поскольку она наступила, а полного краха. Трое виновных должностных лиц были вызваны на место.

Эту сцену, по словам Моллиена, можно было описать только как "разряд молний с самых высоких небес в течение целого часа". Один преступник разрыдался, второй, заикаясь, пробормотал слабые извинения, третий застыл в гробовом молчании, и все трое были отпущены с угрожающим жестом. Заседание совета, длившееся девять часов без перерыва, закончилось только в пять часов вечера. Когда Марбуа, который, хотя и был честен сам, не сумел удержать таким образом других, наконец покинул комнату, император повернулся к Моллиену и сказал: "Теперь ты министр финансов. Найдите шестьдесят миллионов, украденных чиновниками, и я назначу вам преемника в управлении компенсационным фондом, который я предназначил для вознаграждения армии ". Он не желал слушать никаких оправданий, и его нельзя было ни тогда, ни вообще когда-либо заставить понять взлет или падение и даже исчезновение ценностей. Он считал, что государственные облигации можно сохранить по одной цене, что бы ни случилось, и что годовой бюджет - это просто досадная помеха. "Управлять маленьким уголком Парижа, который они называют Биржей, не может быть сложнее, чем управлять Францией", - сказал он. Урок, который ему пришлось усвоить, стоил ему многих миллионов его накопленных взносов. Выбросив свои сокровища в Персидский залив, он преуспел в восстановлении общественного доверия на какое-то время.

Таковы были серьезные занятия императора в первые полгода его правления; его увлечения носили социальный характер — главным образом, изгнание обладателей острых языков и заключение матримониальных союзов между теми, кого он называл старой и новой аристократией. Слова и выражение лица Наполеона, наконец, стали настолько внушающими благоговейный трепет, что обычные колкости старой знати произносились только шепотом за закрытыми дверями их резиденций в Сен-Жерменском предместье. Самое знаменитое общество времен консульства и ранней империи имело обыкновение собираться в гостиных мадам. Рекамье, жены великого банкира. Богатство ее мужа и утонченные манеры сделали ее очень важной персоной среди вернувшихся эмигрантов, которые льстили и ласкали ее. Благодаря своему духу и красоте она пользовалась огромным влиянием, но не в пользу Наполеона, поскольку считала его парвеню. На самом деле она была одним из самых коварных и, следовательно, одним из самых опасных его врагов. При посредничестве Фуше он попытался купить ее молчание, предложив не просто место фрейлины, но и то влияние, которое она, возможно, надеялась оказать на него. Ее упорный отказ на самом деле стал причиной банкротства ее мужа, поскольку Банк Франции отказал ему в помощи в трудную минуту. Она не входила в число близких подруг мадам де Сталь, хотя внучатая племянница Неккера, когда ее изгнали из Парижа, навещала ее в Экуэне. Но многие из тех, кто часто посещал ее салон, обожали эту "негодную мадам де Сталь", как назвал изгнанницу Наполеон в письме к Фуше, которая после своего ухода в Швейцарию играла свою роль так хорошо, что стала для своих последователей почти божеством. Их ежегодного паломничества в Коппе, возвращаясь к Мадам. Гостиная Рекамье с новыми стрелами злобы и сообразительность, чтобы разряда против Империи. В конце концов, и сама хозяйка, и завсегдатаи дома ее мужа были подвергнуты заслуженному наказанию по обвинению в том, что они вызвали общественный резонанс и дискредитировали Банк Франции. Вместе с несколькими своими друзьями знатная дама была изгнана из Парижа, а

позже отправлена в изгнание. Начиная с 1806 года каждое слово, произнесенное о государстве, очевидно, подслушивалось полицией, и за любую неосторожность страдали как высшие, так и низшие слои общества. Это дало понять древней аристократии и мелкому дворянству, что критика нового двора должна прекратиться; и под влиянием страха многие выдавали своих дочерей замуж за императорских генералов. Самой заметной свадьбой такого рода была свадьба Савари: человек-загадка при казни герцога Энгийенского, заговорщик, подозреваемый в соучастии в смерти Пишегрю и капитана Райт, он, тем не менее, женился на мадемуазель де Куаньи, богатая наследница и дочь древнейшего рода.

ГЛАВА XXXIV

Война с ПРУССИЕЙ [\[37\]](#)

Прусский деспотизм — Состояние общества — Патриоты — Либералы — Казнь Пальма — Прусский двор и нация — Деморализация армии — Поведение Наполеона — Война неизбежна — Французская армия — Стратегический план Наполеона — Слабость пруссии — Система путешествий Наполеона — Его жизнь в поле — Еще одна походная кампания — Дело при Шлейце — Пруссаки обошли с фланга — Французские солдаты на привязи — Битва при Йене — Даву и Бернадотт — Битва при Ауэрштедте — Разгром прусской армии.

1806

Король Пруссии Фридрих Вильгельм I создал систему восхитительной простоты и экономии в гражданском управлении, которая позволила ему выделять пропорционально большие суммы на лучшую армию того времени. Этот инструмент его блестящий сын, Фридрих Великий, использовал для увеличения прусских территорий на семьдесят пять тысяч квадратных миль; и когда он умер, продолжая политику своего отца, он оставил свою страну без долгов, с резервом почти в сорок пять миллионов долларов в ее казне и со значительно возросшим доходом. Его племянник и преемник, Фридрих Вильгельм II, тоже был деспотом, но слабым. При нем процветала позорная система безответственного кабинетного правления, при которой как религиозная, так и интеллектуальная свобода были неизбежно ограничены, если не уничтожены. Позорным раболепием перед Австрией он увеличил свои территории, обеспечив себе небольшую долю в позорных разделах Польши; но после его смерти в 1797 году народ был вялым, нация погрязла в долгах, а армия дезорганизована. Фридрих Вильгельм III был хорошим гражданином, но плохим королем. Унаследовав политику нейтралитета, он упрямо придерживался ее, окружив себя нерегулярными тайными советниками, которые мешали министрам выполнять их функции и не позволяли королю доверять своим юридическим советникам; его двор был раздираем фракциями, и, если бы не одно обстоятельство, которое вскоре будет отмечено, он был бы совершенно оторван от нации.

Таким образом, в 1806 году Пруссия не подпала под влияние современных идей в сколько-нибудь заметной степени. Унизительное крепостное право все еще существовало, хотя и не в своих худших формах; старые поместья средневековья все еще существовали, поскольку

закон не только поддерживал разделение земли на дворянские, бюргерские и крестьянские владения, но даже проводил соответствующее различие между различными занятиями, запрещая любому человеку переходить из одного класса в другой или переводить недвижимость из одной категории в другую. Города все еще опирались на свои соответствующие уставные права; средневековые ограничения на торговлю и коммуникации еще не были полностью отменены; обычные школы, основанные Фридрихом Вильгельмом I, были такими же узкими и строгими, как ремесленные или кафедральные школы средневековья. Общество в небольших городах и в сельской местности пребывало в застое, а положение индивида было неподвижным, поскольку у него не было никаких амбиций. Землевладельцы были кастой, которая, утвердившись в качестве гаранта общественного порядка после Тридцатилетней войны и сведя на нет доброе дело Реформации узурпацией феодальных привилегий, все еще управляла манориальными судами. Хотя они больше не выжимали из крестьян свою долю налогов, они были надменными, исключительными и цеплялись за многие мелкие и раздражающие привилегии.

Единственное освещенное место на этой картине было маленьким, но ярким. Молодая и красивая королева Луиза была набожной, вдумчивой и жизнерадостной. Вокруг нее была небольшая придворная группа интеллигентных мужчин и женщин, которые понимали истинную миссию Пруссии и поэтому жаждали объявления войны против усиливающейся политики Наполеона. Многие из них были молоды и пылки, как принцы Людовик и Генрих; другие были зрелыми и осторожными, как Харденберг и Штайн, чьим усилиям в качестве сменяющих друг друга глав кабинета министров Фридриха Вильгельма Германия в конечном итоге была обязана своим возрождением. Кроме них, в этой партии реформаторов были Мюллер, Гумбольдт, Блюхер, княгиня Радзивилл и другие менее известные люди. Усилия этой маленькой группы вскоре были поддержаны усилиями более многочисленной. Университеты, основанные на принципах свободы, никогда не были полностью безмолвными. Многие профессора ценили отсталость Германии, и студенты создавали тайные ассоциации для разрушения местных предрассудков и пропаганды широкого патриотизма. В крупных городах, которые не совсем забыли свою прежнюю борьбу с феодализмом, также было значительное число бюргеров, которые благосклонно восприняли подобные доктрины и оказали неоценимую услугу в поддержании тлеющих углей свободы от угасания.

Среди равнодушных миллионов были также остатки тех, кто, поначалу с энтузиазмом относясь к либерализирующей стороне Французской революции, теперь выступали против ее завоевательной и деспотичной тенденции, представленной Империей, и искали реализацию своих идеалов в возрождении своей собственной страны. В начале 1806 года к их лидерам начали прислушиваться: Шлейермахер среди духовенства; Фихте, бывший когда-то поклонником революционного движения, среди философов; Э. М. Арндт среди литераторов. К середине 1806 года новые доктрины постепенно распространились по всей стране. Те немногие серьезные умы, которые все еще верили в космополитическое равенство всех людей как цель человечества, которые стремились к граду Божьему Августина на земле, без соперничества наций и суматохи преувеличенного патриотизма, вскоре замолчали. Если бы Наполеон был, как верили тысячи, назначенным агентом для достижения этой цели, они могли бы все еще надеяться, но они больше не могли говорить.

Вера этих идеалистов, должно быть, была сильно поколеблена различными новостями, полученными летом. В самый разгар бурлящей агитации Мюрат, великий герцог Иоахим I Бергский, дерзкий и безответственный, говорил о королевстве, которое вскоре перейдет к нему, возможно, имея в виду ганзейские города; или, возможно, он имел в виду Швецию, королевский дом которой, один из самых деспотичных в Европе, был настолько ненавистен Наполеону, что это был всего лишь вопрос времени, когда он прекратит правление. Это чувство недавно усилилось после безуспешной попытки осадить Хамельн и изгнать французов из Ганновера, предпринятой в ноябре прошлого года герцогом Седерманландским, в то время регентом при Густаве Адольфе IV, а впоследствии королем Карлом XIII. Шумный Ожеро тоже привел в ярость жителей Ансбаха, где он командовал, тем, что публично произносил тосты за успехи французов в их предстоящей войне с Пруссией. Эти и тысячи других мелких неприятностей в сочетании с оккупацией Везеля еще больше подняли волну народных настроений. Император французов был встревожен, но не мог придумать другого средства, кроме суровости. Соответственно, Бертье было поручено ввести военное положение против авторов и издателей "политических пасквилей" под предлогом того, что командующий должен заботиться о своей армии и что те, кто настраивает народ против нее, достойны смерти. Этого могло быть достаточно на войне, но это был абсурдный и злонамеренный предлог не только в мирное время, но и во время незаконной оккупации. Некий Ансбахер, Елин, совсем недавно написал простую, правдивую брошюру, озаглавленную "Германия в ее глубочайшем унижении", и она была распространена, хотя и не совсем опубликована, издательством Palm, книготорговцем из Нюрнберга. Автор был неизвестен французским властям, но Палм был арестован, поспешно предан военному суду и расстрелян. Он встретил смерть с мужеством мученика, сознавая, что в его крови было семя патриотов. Весть об этом убийстве распространилась со скоростью лесного пожара; возбуждение и негодование достигли наивысшего накала, и восстание против Наполеона стало национальным в самом широком смысле этого слова. Прошло много времени, прежде чем официальные лица Пруссии осознали жизненно важное значение вызванных таким образом народных настроений.

В течение нескольких недель после ратификации договора, который Наполеон заменил Шенбрунским, берлинский кабинет министров просто страдал от бессилия. Молодые офицеры военной партии точили свои шпаги на ступенях французского посольства и требовали опалы Гаугвица; имело место даже неповиновение, и король, со слезами на глазах, пригрозил отречься от престола. Чаша его горечи была более чем полна. Когда была образована Рейнская конфедерация, он умолял царя гарантировать целостность Турции, надеясь, что, если убрать это яблоко раздора между Россией и Францией, Пруссия будет в безопасности. Но Александр, надеясь добиться нейтралитета Франции и осуществить свои планы восточного усиления путем небольших уступок на убрильских переговорах в отношении Неаполя, Сардинии и Ганновера, отказался, туманно пообещав сделать все, что в его силах, для защиты целостности Пруссии при условии, что Пруссия не нападет на Россию, если он начнет войну с Францией из-за Турции. Тайные советники Фридриха Вильгельма, слепые к национальному чувству, которое с радостью поддержало бы войну против тирании Наполеона, предложили в этой связи сформировать то, что искусно предложила французская дипломатия, - Лигу Севера. Король и его советники сначала думали, что такая федерация станет противовесом угрозе со стороны их опасного соседа на Западе. Хотя они оставались в неведении о русско-английских переговорах в Париже, в августе они слышали, что Ганновер был предложен Великобритании, и сочли французскую оккупацию южной Германии невыносимой. Соответственно, король начал переговоры с Наполеоном о

создании Северогерманской конфедерации, включающей Саксонию, два Мекленбурга, Ольденбург, Гессен-Кассель, ганзейские города и ряд мелких княжеств. Император не мог дать категорического отказа и согласился при условии, что Пруссия разоружится. В этот промежуток времени Александр презрительно отверг чрезвычайные условия, предоставленные Убрилем в документе, который не только отказывался от неаполитанских бурбонов, Савойского дома и ганноверского вопроса, но и гарантировал целостность Османской империи! Такая позиция царя сделала разоружение Пруссии необходимым для господства Наполеона в Германии, тем более что с распадом Германско-Римской империи Россия потеряла свое право на вмешательство в дела Германии и, вероятно, будет искать новый предлог, чтобы вернуть его.

Воинственная позиция Англии и России была сильной поддержкой Пруссии. После ужасного договора с Францией, только что подписанного, ее армия была более деморализована, чем когда-либо. Как и Австрия, она опиралась на старые традиции и на лавры, завоеванные предыдущим поколением. Устаревшая система фактически превращала простых солдат в рабов. Каждый капитан содержал свою собственную компанию, передавая ее на откуп правительству. Одна половина мужчин, должно быть, были пруссаками, другая - отбросами Европы; почти все были обеспечены принудительной вербовкой или обжатием, и все они были вынуждены служить до выхода на пенсию, когда вместо пенсии им дали разрешение просить милостыню! В интересах каждого капитана было добиться наивысшей эффективности при наименьших затратах, а его солдаты, как и дорогостоящее имущество, были слишком ценны, чтобы ими можно было рисковать, кроме как по принуждению. В ротах не было моральной сплоченности, и дисциплина неизбежно была очень суровой, телесные наказания применялись без ограничений. Старшие офицеры превратились в почтенных приверженцев рутины. В гусарском полку были майоры не моложе шестидесяти лет. Герцогу Брауншвейгскому, главнокомандующему, тому самому, который продал почти шесть тысяч наемников Георгу III для использования в войне за Американскую революцию, — расточителю, распутнику и солдафону, был семьдесят один год; Меллендорфу было за восемьдесят, Калькройту - шестьдесят шесть, и даже Блюхеру, за исключением, самого молодого и пылкого генерала из всех, было за шестьдесят. Штаб в течение многих лет занимался абсурдным уточнением и развитием системы Фридриха Великого, и лишь немногие из молодых офицеров понимали революционную тактику и стратегию Наполеона. К несчастью для страны, аристократическая гордость своего класса не позволяла им по достоинству оценить эффективность французских демократов.

Но по мере приближения лета глупый пыл партии войны в сочетании с растущим национальным чувством и угрожающим тоном высказываний Наполеона оказал влияние на правительство. К другим имперским агрессиям добавилась новая — захват ценных земель аббатств, лежащих на границе с Бергом, которые были переданы Пруссии в 1802 году, и холодное предложение о том, что для того, чтобы возместить ущерб, Пруссия должна разжечь вражду со Швецией и захватить Померанию. Сообщалось, что французы усиливают гарнизон Везеля и заняли Вюрцбург; говорили даже, что они наступают на Саксонию. Наконец, убедившись, что Наполеон действительно предложил Ганновер Англии, король уступил просьбам своего народа, который становился все громче и злее, когда тоже слышал о вероломстве Наполеона. Девятого августа, в тот самый день, когда лорд Лодердейл потребовал у французского военного министра свои паспорта, был отдан приказ о мобилизации прусской армии. Наполеон даже еще не был уверен в своей собственной готовности и, принимая во внимание все еще неопределенную позицию царя, якобы был бы

рад купить разоружение Пруссии, согласившись на образование Северогерманской конфедерации. В депеше Талейрана от двадцать второго июля французскому посланнику в Берлине категорически предлагалось, чтобы Пруссия объединила государства, "все еще принадлежащие Германской империи, и возложила императорскую корону на дом Бранденбургов". В то же время французский министр убеждал курфюрста Саксонии объявить себя независимым князем, и его влияние проявилось в том, что ни ганзейские города, ни Гессен-Кассель не дали прямого ответа Пруссии.

Однако есть основания полагать, что Наполеон все еще надеялся на мир. Еще двадцать шестого августа он написал Бертье, что действительно намеревался эвакуировать Германию; но неделю спустя об отказе царя от Убрильского договора было официально объявлено в ноте, датированной пятнадцатым августа, одновременно с требованием Фридриха Вильгельма эвакуировать Германию. Французская армия осталась там, где стояла, поскольку Наполеону казалось очевидным, что должна была быть сформирована новая коалиция. Если Пруссия вооружалась просто из страха, ее нужно было остановить; если она вооружалась, чтобы подготовиться к войне совместно с Англией и Россией, он не должен терять времени, чтобы предотвратить объединенное движение. В действительности дело не продвинулось так далеко, поскольку Пруссия все еще номинально находилась в состоянии войны с Великобританией из-за Ганновера, и никакой коалиции не могло быть без английских субсидий. Со свойственной ему нерешительностью Фридрих Вильгельм почти сразу же раскаялся в избранном им курсе и двадцать четвертого августа тщетно предлагал своему кабинету министров отменить приказ о мобилизации. В ожидании этих колебаний Наполеон снова взялся за нить переговоров с лордом Лодердейлом, который еще не покинул Париж. Это был маневр, призванный выиграть время, поскольку он начал с предельной скоростью готовиться к войне, которой, веря в истощение Англии и робость России, он не ожидал и которую принял как почти фатальную необходимость. Слава армий Фридриха Великого еще не была забыта во Франции. Более того, как в 1802, так и в 1805 году прусские офицеры имели возможность наблюдать контуры его системы и были бы предупреждены. "Я полагаю, - сказал он тогда, - что перед нами стоит более трудная задача, чем перед австрийцами; нам придется перевернуть землю". "Репутация прусских войск была высока, - сказал он позже мадам де Ремюза. - было много разговоров о превосходстве их кавалерии, в то время как наша не вызывала никакого уважения, и наши офицеры ожидали решительного сопротивления".

Соответственно, он собрал свои войска в двойном составе — восемь армейских корпусов и гвардию, мощную кавалерию под командованием Мюрата и вспомогательную армию из Баварии. Его офицеры сразу же начали изучать возможные дороги из центральной в северную Германию, и наилучшей, как ему, так и им, показалась дорога через Бамберг. К двадцать пятому сентября новый набор в сто тысяч хорошо обученных рекрутов был готов, и в этот день император отбыл из Парижа в Майнц со всей возможной секретностью. С другой стороны, прусский король не знал, куда обратиться. Баварский агент в Париже зафиксировал это как свое мнение о том, что Фридрих Вильгельм уступил партии войны для того, чтобы, потерпев поражение в одном сражении, его народ понял невозможность сопротивления и позволил ему предложить наилучшие условия из возможных. Так это или нет, но несчастный и неподготовленный король, не способный больше ни извлекать выгоду из несчастья своих соседей, ни проводить политику слабости и нерешительности, поскольку Англия все еще оставалась враждебной, а Россия - нетвердой, в конце концов решился на войну. Двадцать четвертого сентября он прибыл в свою штаб-квартиру в Наумбурге, а

первого октября прусский министр в Париже предъявил Франции ультиматум своего государя. Германия должна быть эвакуирована, Везель восстановлен, и не должно быть никаких препятствий на пути Северогерманской конфедерации. Срок, установленный для ответа, был назначен на восьмое октября. Наполеон получил бумагу седьмого октября в Байройте, и его колонны уже выступили в поход. Ответ заключался, конечно, в фактах, которые были вполне достаточным основанием для отказа.

В единоборстве с равным оружием доблесть победителя должна измеряться сопротивлением его противника. Это не обязательно верно на войне. Зная, как мы знаем сейчас, слабость Пруссии в 1806 году, это дешевый и простой метод принизить Наполеона, чтобы принизить его врага. Но это несправедливо и неисторично. Моральное мужество более достойно восхищения, чем физическое, и, учитывая высокую известность прусской армии, спровоцировать конфликт было делом большой храбрости. Более того, мастерство шло рука об руку с отвагой, поскольку приготовления Наполеона были лучше, чем какие-либо до сих пор, и его стратегический план был одной из величайших концепций, сформированных мастером в этой области военной науки. Она не так поразительна, как некоторые другие, потому что огромные географические препятствия, такие как Альпы, не играют в ней никакой роли: но она столь же нова, как и любая другая, и, вероятно, демонстрирует наилучшее возможное соответствие средств достижению цели; более того, она обладает превосходным достоинством в том, что была ошеломляюще успешной — даже слишком для репутации ее автора, поскольку, по-видимому, иллюстрирует пословицу об использовании кувалды для дробления яичной скорлупы. Чтобы оценить могущество Наполеона, необходимо понять, по крайней мере, контуры его великого замысла, и еще больше, если возможно, уловить определенные фрагменты неинтересных в остальном профессиональных деталей. Во-первых, император Франции полностью превратился в главнокомандующего французскими армиями и в течение нескольких недель уделял все свое внимание рассматриваемому вопросу. Во-вторых, он задумал и набросал форму наступления на Германию, до сих пор не опробованную в анналах европейских войн, а затем приступил к ее проработке до мельчайших деталей. Наконец, он развил принципы Аустерлица в схему открытого формирования, в определенной степени рискованную, масштабную по своим очертаниям, успех которой зависит от полного знания и совершенной координации всех частей. Мы уже начинаем чувствовать, что ничто иное, как наполеоновская концентрация наполеоновских сил, не могло обеспечить завершение такого замысла. Выбрав крепость Вюрцбург, а позже и Форххайм в качестве пункта опоры, он решил сосредоточить свои силы на крайнем правом фланге своей линии и обойти противника с востока. С этой целью он рискнул отказаться от прямого сообщения с Францией через Майнц, но взамен позаботился о косвенном сообщении через Форххайм, Вюрцбург и Мангейм, сохранив в качестве линии отступления долину Дуная. Если неожиданно пруссаки расширят свой фронт дальше на восток, у него в руках была альтернатива — направить свои собственные массы через их центр - старый и любимый маневр. Чтобы обезопасить Рейн, Людовику, его брату, было приказано бросить в Везель как можно более сильный гарнизон и быть готовым атаковать пруссаков на случай, если они попытаются повернуть французов влево. В качестве дополнительной гарантии пятнадцатитысячный корпус под командованием Мортье должен был занять Майнц и провести демонстрации до Франкфурта-на-Майне. Все предварительные этапы были успешно завершены до конца сентября. Войска вели себя превосходно, офицеры, хотя и были встревожены, были послушны и заслуживали доверия, и Наполеон был уверен в успехе.

Контраст между величественным, имперским планом Наполеона и мелочным, негармоничным планом Пруссии невероятен. Тридцатого сентября престарелый герцог Брауншвейгский и король со своим штабом были в Наумбурге с главной армией численностью в пятьдесят тысяч человек. Этот корпус должен был быть усилен еще двенадцатью тысячами человек, которые должны были прибыть, но на расстоянии нескольких дней марша. Принц Гогенлоэ находился в Хемнице с девятнадцатью тысячами человек, ожидая прибытия двадцати тысяч саксонцев, которые еще даже не были мобилизованы! Генерал Рюхель находился между Эрфуртом и Эйзенахом с номинальными силами в восемнадцать тысяч человек, но многие из этого числа еще не прибыли из Вестфалии. Все три командира были в равной степени неосведомлены о французских позициях и не имели представления о целях противника; ни у одного из них не было надежной карты страны. "Это сборище мудрецов" - таковы были собственные слова Наполеона.

Восхитительная быстрота и точность передвижений Наполеона на поле боя были обусловлены превосходными механизмами, с помощью которых они управлялись. Двумя его неразлучными спутниками были великий маршал Дюрок и Коленкур, мастер верховой езды. У последнего всегда была наготове карта страны, по которой они проезжали. Сиденья императорской кареты можно было превратить в кушетку для частых ночных поездок императора, но обычно Бертье и Мюрат по очереди сидели рядом с ним, в то время как Коленкур ехал рядом с дверью. Позади, как можно ближе к колесам, ехали семь адъютантов, четырнадцать артиллерийских офицеров и четыре пажа, которые должны были быть готовы в любой момент получить приказ. Двое офицеров, должно быть, были знакомы с местной речью. Рустан, его египетский телохранитель, поехал с ними. Были также два конных лакея, каждый из которых нес карты, бумаги и письменные принадлежности. Этот эскорт охранялся отрядом конных егерей. В случае, если император выходил из машины с какой-либо целью, четверо из них немедленно делали то же самое и, окружив его примкнутыми штыками или заряженными пистолетами, направленными наружу по четырем сторонам света, сохраняли это относительное положение, пока он двигался. Последними прибыли конюхи с запасными лошадьми; для личного пользования императора их было от семи до девяти. По сути, такие порядки все еще были в моде во время прусской кампании. С тех пор его недоверие к окружающим постепенно росло, пока к концу его карьеры оно не стало острым, и тогда, как следствие, численность его свиты значительно сократилась. Всякий раз, когда возникала необходимость поторопиться, император находил ретрансляторы из девяти верховых лошадей или шести упряжных лошадей, подготовленных с интервалом в семь-десять миль вдоль его маршрута. Таким образом, он часто путешествовал со скоростью четырнадцать миль в час в течение шести часов кряду. Аналогичные меры, но в гораздо меньших масштабах, были приняты для персонала.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ КАК ПЕРВЫЙ КОНСУЛ

С мраморного барельефа, привезенного в Америку Жозефом Бонапартом.

Прибыв в свои ночные покои, император обнаружил, что его кабинет готов - палатка или комната с пятью столами, один в центре для него самого и по одному в каждом углу для его личных секретарей. У него самого была ориентированная карта, усеянная цветными булавками, на которых были отмечены позиции каждой части его войск. Для этой кампании у него была единственная из существующих, подготовленная задолго до этого по его собственным приказам. Как можно скорее была устроена спальня императора, через дверь от которой спал Рустан, а рядом с ней была устроена еще одна для дежурных офицеров. Ужин занял меньше двадцати минут, поскольку в полевых условиях Наполеон ел мало, да и то быстро. К семи вечера он уже спал. В час ночи главнокомандующий встал, вошел в свой кабинет, где секретари уже работали, нашел у себя наготове все донесения из дивизий, а затем, расхаживая по комнате, продиктовал свои депеши и приказы на предстоящий день. Существует общепринятая традиция, согласно которой он часто одновременно составлял и произносил попеременными предложениями два разных письма, так что два секретаря были заняты одновременно написанием бумаг на разные темы. Завершенные и пересмотренные заказы были переданы Бертье. К трем часам утра они были в пути и прибыли в отдельный корпус прямо из штаба, как раз перед тем, как солдаты отправились в поход. Именно благодаря такому совершенному механизму была обеспечена точность как в командовании, так и в повиновении.

Полковник Шарнхорст из прусского штаба заранее подготовил план, согласно которому войска его государя должны были пересечь тюрингенские холмы и занять свои позиции за две недели до прихода французов, чтобы перейти в наступление и использовать свою прекрасную кавалерию для получения преимущества на равнинах внизу. Этот план был отвергнут, поскольку король все еще слабо надеялся, что его ультиматум может быть принят. Когда, наконец, монарх с неохотой отправился на место боевых действий, чтобы присоединиться к Брауншвейгу, он взял с собой многочисленную свиту из сангвинической и даже ликующей придворной свиты. По прибытии в штаб-квартиру сразу же обнаружилось противоположное расхождение между идеями сторонников короля и консервативного брауншвейгца, и командование последнего вскоре стало номинальным. Несмотря на благородные усилия королевы вселить дух в своего мужа, разногласия в советах его советников породили в нем заразительную неспособность, которая быстро распространилась по всему прусскому лагерю. Результаты были видны в плачевном расположении сил в решающий момент. После продолжительных споров в штабе, совещание длилось целых три дня, армия, наконец, седьмого октября заняла позиции не на южных, а на северных склонах Тюрингских холмов — Брауншвейг с основными силами в Эрфурте, Гогенлоэ в Бланкенхайне и Рюхель, на подкрепление которому Блюхер наступал из Касселя, в Эйзенахе. Пикетчики были выброшены в проходы впереди. Эта позиция была фактически предугадана Наполеоном пятого числа, и, полагая, что пруссаки соберутся у Эрфурта, чтобы нанести удар слева от него, он немедленно привел свои войска в движение. Там было три колонны; на восьмой левое крыло под командованием Ланна находилось у Кобурга, а Ожеро отставал на один дневной переход; из центра Мюрат уже был за холмами у Заальбурга, Бернадотт и Даву были в самом центре их, у Лобенштейна и Нордхальбена соответственно; гвардия находилась в Кронахе; а из двух дивизий правого крыла одна, под командованием Сульта, находилась у Мюнхберга; другая, с Неем, была в Байройте, на один дневной переход позади. Благодаря этим движениям кампания была фактически выиграна девятого числа, и все по плану, как и было задумано вначале. Связь пруссаков с их базой снабжения через Эльбу была в опасности, процесс поворота значительно продвинулся вперед, и его завершение могло занять всего несколько дней.

Когда девятого числа в прусском лагере наконец стало известно о местонахождении Наполеона, Брауншвейг и Шарнхорст пожелали выступить на восток и встретить всей армией мощный правый фланг противника; но король, по-видимому, все еще имел в виду фланговый удар на запад, как предполагалось первоначально, и согласился бы только на то, чтобы Гогенлоэ выступил вперед, чтобы сдерживать французов. Таким образом, первая враждебная встреча произошла в тот день при Шлейце между войсками Гогенлоэ и Бернадотта. Конфликт был коротким и привел к выводу войск Гогенлоэ для защиты перевала через холмы в Заальфельде. Наполеон все еще находился в сравнительном неведении относительно более крупных передвижений своего врага; но он постоянно укреплялся в своей гипотезе, что его правому флангу на самом деле не противостояли какие-либо значительные силы. На следующий день авангард Гогенлоэ был вытеснен со своего поста, и шоссе на Эрфурт было расчищено. Бой был ожесточенным, ибо уверенные в себе прусские солдаты еще не утратили мужества; но принц Людовик, гордость армии, пал, и его потеря привела людей в большее уныние, чем крупное поражение.

В течение десятого и одиннадцатого августа французские колонны продолжали свое продвижение на север. Поскольку они не встретили сопротивления, Наполеон пришел к выводу, что основные силы пруссии все еще находятся к западу от Заале, и решил наступать

в этом направлении. Вся французская армия внезапно повернула на двенадцатого и начала продвигаться на запад, к долине реки. Весь тот день они не встречали сопротивления и быстро продвигались вперед, Ланн достиг Йены, переправился через ручей и повел сильный отряд пруссаков-разведчиков на крутые высоты за ним. Тринадцатого числа был объявлен общий привал, чтобы дать войскам необходимый отдых. На протяжении всей кампании они маршировали со скоростью, на треть превышающей установленную правилами, сражаясь, как говорится, ногами, а не штыками. Сам Наполеон, однако, поспешил в Йену. Саксонцы были вынуждены заключить союз с Пруссией, и многие в этом городе были хорошо настроены по отношению к Наполеону. Один из них с радостью указал на проход к высотам Ландграфенберга, доступный для пехоты. Немедленно были привлечены силы для улучшения положения, и император двинулся вперед без сопровождения на расстояние пушечного выстрела от прусских позиций. Быстро осмотрев в подзорную трубу как их положение, так и свой собственный наблюдательный пункт, он решил вступить в бой на следующее утро и, полагая, что ему противостоят основные силы прусской армии, немедленно отправил приказы Лефевру, Сульту, Ней и Ожеро как можно быстрее собрать свои соответствующие команды. К утру все они были либо на поле боя, либо в пределах легкой досягаемости. Даву и Бернадот были в Наумбурге, Мюрат с кавалерией находился рядом с ними. Все трое должны были выступить в сторону Йены, если услышат шум битвы. Пруссаки были уже почти окружены, но потребовалось девять часов препирательств в штабе в Веймаре, чтобы их лидеры поняли это. В конце концов они пришли к выводу, что Брауншвейг с основными силами армии должен отступить на север вниз по Заале к Фрейбургу, чтобы охранять линию снабжения, что Гогенлоэ должен прикрывать отступление, а Рюхель должен сосредоточиться в Веймаре. Французы максимально использовали этот длительный промежуток дебатов, но было уже слишком поздно избежать столкновения. Таким образом, Гогенлоэ был противником Наполеона; Брауншвейг встретился с Даву при Ауэрштедте.

Туманным рассветом четырнадцатого октября император встал во главе войск Ланна и, призвав их вспомнить об их успехе у Мака годом ранее при аналогичных обстоятельствах, начал атаку. Как он правильно оценил, в рядах противника было от сорока до пятидесяти тысяч человек, но из-за тумана среди них царило большое замешательство. Думая, что позади, в тумане, может быть еще что-то, он был убежден, что перед ним главная армия пруссаков. Реакция людей Ланна на его призыв была настолько сердечной, что с помощью фургона Нея они смогли вступить в бой и удерживать врага более двух часов. Это был драгоценный промежуток для Наполеона, позволивший ему собрать дополнительные резервы и завершить тщательную подготовку к сокрушительной последней атаке. Это была характерная задержка, поскольку, понимая, насколько бессильным контролировать исход сражения был бы даже он сам при его системе, он был соответственно упрям в том, чтобы контролировать его начало до мельчайших деталей. Удерживать напряженные колонны нетерпеливых солдат на привязи в течение двух часов - серьезная работа. В этот раз, когда император стоял рядом со своей гвардией, нервный голос из рядов выкрикнул: "Вперед!" "Это, должно быть, безбородый мальчишка, - сказал он, - который хочет предотвратить то, что я собираюсь сделать. Пусть он подождет, пока не примет командование в двадцати битвах, прежде чем осмелится давать мне советы.

Тем временем Гогенлоэ привел свои войска в движение, чтобы защитить тыл Брауншвейга; вдоль разрозненной линии фронта шло много беспорядочных боев, с кратковременным преимуществом Гогенлоэ. Однако ни утром, ни в начале дня не

произошло ничего сколько-нибудь решающего. К прибытию Рюхеля в два часа дня прусская линия была несколько укреплена, но, с другой стороны, она была одновременно ослаблена и деморализована постоянным, изматывающим огнем французов, которые ежечасно увеличивали численность и размещали свои новые силы на плато. Около полудня Наполеон, наконец, почувствовал себя достаточно сильным, чтобы приступить к настоящей дневной работе. В это время Сульту, Лефевру и Ожеро было приказано наступать. В течение двух долгих часов пруссаки оказывали храброе, упорное сопротивление огромным превосходящим силам противника; даже к прибытию Рюхеля линия обороны Гогенлоэ была настолько истощена, что подкрепление было бесполезно. Вновь прибывшие были быстро разбиты и вынуждены отступить, поскольку Наполеон тогда имел подавляющее численное превосходство. Подсчитано, что, во-первых и в-последних, у него было почти сто тысяч человек, которых он мог противопоставить сорока пяти тысячам Гогенлоэ и двадцати семи тысячам Рюхеля. К четырем часам дня поле было выиграно. Пруссакки попытались переформироваться и закрепиться в Веймаре, но их быстро настиг корпус Нея с только что подошедшим кавалерийским резервом. Они не только вытеснили своих противников, но и преследовали их на некотором расстоянии. Вечером Наполеон вернулся в Йену с убеждением, что он уничтожил основные силы прусской армии.

Это было далеко от истины; но, несмотря на его неправильное представление о своем враге, моральные результаты того, что он действительно сделал, были важнее всего. Ранним утром четырнадцатого Брауншвейг и король довели свои войска до Ауэрштедта, за которым они надеялись пересечь Заале и закрепиться на его правом берегу в восточном направлении. У них было тридцать пять тысяч человек, не считая резерва в восемнадцать тысяч. Бернадотт, согласно приказу Наполеона, шел маршем от Геры к Дорнбургу, чтобы зайти в тыл покинутой прусской линии; но он не вывел свои войска и все еще поддерживал связь с Даву. Позже Даву получил приказ, основанный на убеждении Наполеона, что армия Гогенлоэ была главной прусской армией, повернуть дальше на юг с той же целью и выступить со своей тридцатитрехтысячной дивизией к Апольде. Была фраза о том, что, если бы Бернадотт был поблизости, они могли бы выступить вместе; но император надеялся, что последний уже достиг своей станции в Дорнбурге. Бернадотт был соответствующим образом проинформирован; но, вспомнив недовольство императора им в прошлом году за его бездействие, он не чувствовал себя вправе пренебрегать буквой и подчиняться духу его приказов. Соблюдая формально предписанный маршрут марша, он не только сам отсутствовал в обоих сражениях четырнадцатого, но и подверг единственный корпус Даву уничтожению главной армией Пруссии, насчитывавшей, вместе с резервом, пятьдесят три тысячи человек.

Наполеон утверждал, что ночью отправил Бернадоту приказ усилить Даву. Это было двусмысленное заявление, направленное на то, чтобы возложить вину за разоблачение Даву на медленные движения Бернадотта. Бернадот отрицал, что получал какое-либо сообщение, и следствием этого стало усиление горечи между ним и Наполеоном, которой суждено было стать еще сильнее и, наконец, приобрести историческое значение.

Даву переправлялся через реку Заале около шести часов утра четырнадцатого числа и был уже далеко позади примерно с двумя третями своего корпуса, когда внезапно его авангард оказался лицом к лицу с частями противника у деревушки Хассенхаузен. Это был прусский фургон. Сначала густой туман скрывал армии друг от друга, но Даву поспешил продвинуть свои колонны вперед и развернул их правым флангом для одновременной

атаки; войска пруссаков продвигались вперед и развертывались так медленно, что вступали в бой последовательно и теряли преимущество своего численного превосходства. Сражение началось с атаки кавалерии Блюхера на правый фланг французов; но солдаты, не в силах противостоять непрерывному огню французской пехоты, отступили в замешательстве. Затем пруссаки справа обошли французов слева с фланга и загнали их противников в деревню в поисках укрытия. Однако они не смогли выбить их и были оставлены стоять в открытом поле в течение двух часов под убийственным огнем. К этому времени наступил полдень; последние роты Даву переправились через реку, и храбрый генерал, встав во главе их, атаковал с удвоенной скоростью. Герцог Брауншвейгский пал, ослепленный на оба глаза и смертельно раненный; король, хотя и энергично вмешивался, не мог удержать войска в узде. В то же время его левый фланг также был атакован свежими силами, и он решил отступить к резерву, который из-за инвалидности Брауншвейга и, как следствие, неспособности отдать необходимые приказы оставался неподвижным в критический момент у Гернштедта. Французы последовали за ними, и беглый бой продолжался по всему Ауэрштедту и за его пределами, пока в пять часов вечера Даву не объявил привал. Фридрих Вильгельм не стал, что было вполне возможно, поворачивать назад с резервом и пытаться сокрушить своего измотанного врага, а двинулся вперед, рассчитывая соединиться с Гогенлоэ и возобновить конфликт на следующий день в Веймаре.

Но он нашел врагов, а не друзей, потому что Бернадотт миновал Дорнбург и контролировал веймарскую дорогу, добравшись со своим фургоном до Апольды. Ужасное разочарование обескуражило и деморализовало как короля, так и его армию; в течение всего ужасного дня прусские солдаты оправдывали свою славу, сражаясь храбро и упорно; но теперь дисциплине пришел конец, и, за одним или двумя исключениями, эскадрильи распались и превратились в летучую орду. Гогенлоэ вывел десять тысяч человек в хорошем порядке, быстрым, но достойным маршем отступил через Нордхаузен к Магдебургу, а оттуда продолжил путь через Нойрупп к Пренцлау. Блюхер бежал с кавалерийским отрядом. Битва при Ауэрштедте тактически отличалась от битвы при Йене, но стратегически и морально они были единым целым. Студенты-профессионалы находят в этой кампании едва ли не первое полное осознание опасного и деликатного маневра, известного как обращение врага — здравый смысл показывает, что токарь, если он неосторожен или медлителен, сам может быть обращен. Кампания в целом ни на минуту не подвергалась опасности, потому что беспрецедентные марши французов сделали стратегию их лидера неприступной. Но поведение Бернадотта, хотя и технически оправданное, при меньшей эффективности со стороны Даву поставило бы под угрозу ход сражения в том виде, в каком оно велось. Успех Наполеона был отчасти обусловлен тем фактом, что, как он сам сказал, "пока другие совещались, французская армия маршировала", отчасти все еще не уменьшившимися преданностью и способностями маршалов. Великие предприятия обычно преуспевают с небольшим отрывом и терпят неудачу с большим. Прусская кампания была великой; ее преемники должны были иметь еще более масштабные замыслы. Когда они добивались успеха, вероятность его была еще меньше; когда терпели крах, это было с ужасающей полнотой.

ГЛАВА XXXV

ОПУСТОШЕНИЕ ПРУССИИ [\[38\]](#)

Последствия Йены и Ауэрштедта — Вырождение французских солдат — Жестокое обращение Наполеона с королевой Луизой — Оккупация Берлина — Поведение французских генералов — Турция и Россия в состоянии войны — Пруссия и Россия — Отношение к малым германским государствам — Наполеон как Освободитель Польши — Состояние страны — Ответная реакция на Трафальгар.

Моральное воздействие Йены на Пруссию было плачевным. Все годы безответственного правления, абсолютизма и милитаризма, казалось, были отомщены монархии одним ударом. Нация, не имевшая опыта самостоятельных действий, была ошеломлена и не взялась за оружие, за исключением нескольких неудачных случаев. Во время своего бегства Фридрих Вильгельм с трудом сохранил свое королевское государство, и на следующий день после Йены он отправил посланника просить о перемирии. Якобы это был ответ на предложения Наполеона о мире, отправленные тремя днями ранее королю, вероятно, в качестве уловки; но теперь император заявил, что будет диктовать свои условия только из Берлина, и его армия продолжила наступление. Прусский двор с несколькими тысячами человек под командованием Лестока отступил через Западную Пруссию и укрылся в Кенигсберге. Наполеон так тщательно организовал преследование и так тщательно оценил общий результат своей победы, что ничто не ускользнуло от него. Французские солдаты несли все перед собой. Прусский резервный корпус был легко разбит Бернадотом при Галле и бежал в поисках убежища в неподготовленную крепость Магдебург. Ланн захватил Дессау; Даву - Виттенберг; в то время как Мюрат, Сульт и Ней приступили к осаде Магдебурга, который в те дни был стратегическим ключом к долине Эльбы. Он сопротивлялся до ноября, но в конце концов пал, как и Эрфурт. Фактически, французы разграбили землю. Даже Гогенлоэ не избежал их. Будучи настигнут пехотой Ланна и кавалерией Мюрата, он сначала был изгнан из Пренцлау, а затем, двадцать восьмого октября, сдался, став жертвой отчасти двуличия Мюрата, заявившего, что к нему приближаются сто тысяч французов, а отчасти глупости его собственного гонца, утверждавшего, что эта история была правдой. Сам Фридрих Вильгельм был бы взят в плен при Вайсензее, если бы не Блюхер, который нагло заявил Кляйну, французскому командующему, что было заключено перемирие — чистая ложь. Штеттин капитулировал перед кавалерией Ласалы тридцатого числа, и вскоре Кюстрин открыл свои двери. Крепости Шпандау и Хамельн последовали их примеру, все четыре были сданы с подозрительной легкостью; в двух случаях французские и прусские солдаты фактически объединились, чтобы освистывать и проклинать губернаторов, которые, несомненно, были и вероломными, и продажными. Блюхер после многих доблестных, но бесплодных попыток собрать силы, преодолев множество опасностей, добрался со своей кавалерией до Любека; но, изгнанный оттуда после доблестного и исключительного сопротивления, он тоже сдался. На землях между Эльбой и Одером не осталось организованных прусских войск.

Именно точное предвидение позволило Наполеону заявить в указе, изданном из Йены пятнадцатого октября, что в битве предыдущего дня он завоевал все прусские земли к западу от Вислы. Вскоре деморализация нации была столь же полной, как и завоевание их страны. Обращение с народом со стороны победоносных солдат стало кульминацией долгой карьеры французских офицеров и рядовых-грабителей. По мере того как успех Наполеона шел в ногу с его постоянно растущими планами завоеваний, он все меньше и меньше внимания уделял средствам достижения своей цели, все больше и больше - ее достижению. Армия снова была разбросана в поисках пропитания, и это не оставляло без внимания ни

одной возможности для добычи. Как неохотно заявил один из самых восторженных офицеров: "С того момента, как Наполеон получил верховную власть, мораль солдат изменилась, единство сердец между ними исчезло вместе с их бедностью, появилось стремление к роскоши и жизненным удобствам. Император считал политичным поощрять это вырождение. Он считал выгодным и проницательным поставить армию в абсолютную зависимость от себя".

Часто рассказывались шокирующие подробности обращения с Пруссией со стороны Наполеона и его армии. Двадцать четвертого октября император прибыл в резиденцию Гогенцоллернов в Потсдаме и публично посетил могилу Фридриха Великого. Произнося слова глубокого почтения к великому полководцу, он, тем не менее, отправил шпагу, пояс и шляпу старого героя в качестве трофеев для украшения дома инвалидов в Париже. "Его интеллект, его гений и его привязанности были сродни тем, что были присущи нашей нации, которую он так уважал", - таков был предлог для этого акта грабежа. Он был столь же беспринципен в своем постыдном обращении с несчастной королевой. Быстро осознав, что в ней живет истинный дух не только прусской, но и немецкой национальности, что в ней есть гений реформы, темперамент патриотки и изящество настойчивости, он избрал ее мишенью своей злобы. Он ненавидел использование женского обаяния в управлении государством, возмущался ее красотой и умом и, похоже, боялся ее влияния. В бюллетене за бюллетенем он сыпал лживыми оскорблениями на ее преданную голову. В одном он описал ее как обладательницу достаточно красивого лица, но не слишком остроумную; в другом он спросил, какая тайна побудила женщину, до сих пор поглощенную серьезными занятиями своим туалетом, вмешаться в политику, расшевелить короля и повсюду разжигать огонь, которым она сама была одержима. Он намекнул, что ответ следует искать в личных визитах царя в Берлин.

Двадцать седьмого октября Наполеон совершил свой триумфальный въезд в столицу Пруссии с величайшей пышностью, на какую только был способен, и во главе самых крупных вооруженных сил, какие только мог собрать. Куанье, один из его солдат, писал об этой сцене: "Император был величествен в своей простой одежде, в маленькой шляпе с копеечной кокардой. Его подчиненные, напротив, были одеты в парадную форму, и для посторонних было странным зрелищем видеть в одном человеке, самом бедно одетом из всех, предводителя такой прекрасной армии ". Город Берлин, население, бюргеры и аристократия, были странно апатичны при приближении и присутствии французов. Захватчикам его общий вид показался проявлением детского любопытства. Но император был готов пустить в ход несколько своих самых далеко идущих ударов молнии и презирал любые проявления милосердия. Чтобы "показать себя ужасным в первый момент", как он советовал Иосифу сделать в Неаполе, был отдан приказ о захвате принца Хацфельдта, губернатора столицы и самого выдающегося прусского дворянина в пределах досягаемости. Он должен был предстать перед военным трибуналом по обвинению в предательстве и шпионаже, его преступление заключалось в том, что он написал своему королю письмо с отчетом о вступлении франции в Берлин. Послание было настолько безобидным по своему характеру, что его автор передал его на почту, где оно было изъято и затем показано Наполеону. Принц избежал первого порыва бури, спрятавшись; впоследствии его жизнь была дарована по личным и слезным просьбам его жены как акт великого милосердия. Как и в Италии, галереи, библиотеки, коллекции и общественные памятники были лишены своих лучших сокровищ, чтобы обогатить Париж.

Французские солдаты не нуждались в примере. Любек, который, как утверждалось, был взят штурмом, был передан мужчинам на волю, как и Павия. Где бы ни были расквартированы войска, им стоило только потребовать от своих перепуганных артистов того, чего они желали, и их приказ был выполнен. Они не отличались скромностью, и вскоре и грабеж, и похоть подчинили своей воле разгневанное, но беспомощное население. Французские генералы были слишком похожи на своих подчиненных, и, как и в Италии и Австрии, удовлетворение их безграничной жадности, казалось, вызывало одобрение императора. Замки знати и дома богатых горожан, конечно же, были выбраны ими в качестве жилых помещений. Их владельцам было бы трудно отказать незванным гостям в любом предмете, который вызвал их явное одобрение, и французские офицеры открыто восхищались многими ценными вещами. Император полагал, что все эти нарушения привязывают к нему его генералов; и в то же время он знал, что угроза проверки их отчетности немедленно пресечет любые проявления независимости. Массена был самым скупым из всех; ничто, кроме любви к деньгам, не могло повлиять на него, писал Наполеон, и "там, где сначала хватало небольших сумм, теперь миллиардов недостаточно". В другой раз он сказал, более великодушно, что каждый должен преклонить колено перед дарами Массены как солдата, хотя у него, как и у любого другого, были свои недостатки. Бернадотт, к некоторому удивлению, потерял повозку со своей любекской добычей. Он был безутешен, и это сочли восхитительной шуткой, когда он объяснил, что был так подавлен, потому что потеря "помешала ему выплатить денежное вознаграждение бойцам своего корпуса". Даву вскоре наполнил всю Польшу ужасом от своего имени. Брат Наполеона Жером, обнаружив в польском замке ящик с отборным токайским, погрузил содержимое в свой обоз и увез его.

Когда Пруссия, таким образом, была разбита, дезинтегрирована и почти уничтожена, Наполеон, не теряя ни минуты, продолжил использовать свое новое преимущество как против России, так и против Англии. В восточном вопросе он мог нанести и то, и другое одним ударом. В результате досконального знания Востока, полученного в 1803 году от Себастьяни, он фактически решил утвердить свое господство над Турцией. С этой целью, однако, он должен пока пощадить чувства Австрии, которая, хотя и повержена в прах, снова поднимается на ноги; ее удивительно разнородные народы проявили больше духа, чем пруссаки, продемонстрировав ресурсы и отвагу, сравнимые с французскими. Летом 1806 года, по-видимому, по собственной инициативе, но на самом деле по предложению Франции, султан Селим III двадцать четвертого августа отправил в отставку вице-королей Молдавии и Валахии, оба из которых привлекли к себе внимание своими русскими наклонностями. Царь Александр I немедленно отправил армию переправляться через Прут. Султан был в ужасе, когда русские заняли Бухарест, но одиннадцатого ноября 1806 года, в самый пик его опасности, он был официально уведомлен, что у Наполеона теперь есть триста тысяч человек, свободных для нападения на Россию и спасения Турции; император сам будет действовать с Вислы, и турецкая армия должна одновременно появиться на Днестре. Султан немедленно подчинился, и царь, следовательно, послал восемьдесят тысяч человек против турок. Две британские экспедиции были отправлены совместно, одна в Константинополь, другая в Египет: обе потерпели неудачу. Вскоре Россия была полностью занята своей наступательной кампанией против Наполеона и, соответственно, выведена из строя на Востоке, в то время как янычары султана из-за низких интриг сделали активные операции с его стороны невозможными. Австрия, помня, по-видимому, о дезертирстве России после Аустерлица, не выказала ни возмущения, ни тревоги по поводу курса, выбранного Францией, а Наполеон, материальная выгода которого была незначительной, тем не менее выиграл дипломатический ход и почувствовал себя на шаг ближе как к победе над Россией,

так и к такому протекторату Турции, который стал бы серьезной угрозой восточной империи Англии.

Что касается Пруссии, то окончательные договоренности держались в напряжении. Первым ответом Наполеона на просьбу о мире было то, что он выдвинет условия только в Берлине, и вскоре после его триумфального вступления были открыты переговоры. Условия, предложенные его министрами с самого начала, намного превышали то, что прусские полномочные представители считали разумным; но по мере того, как одна крепость за другой открывали свои ворота, требования становились все более и более непомерными. Хотя в конце концов возобладали другие советы, на самом деле был момент, когда Наполеон задумался об исчезновении державы Гогенцоллернов и разделе между его вассальными государствами по-разному приобретенных и странно разбросанных земель этой династии, в которых было так мало территориального единства, что они простирались двумя отдельными параллельными линиями с северо-востока на юго-запад. Вольтер говорил, что они простирались над Европой, как пара подвязок. Лучшее предложение, которое можно было получить от Наполеона — и, принимая во внимание полную прострацию Пруссии, он не считал свое предложение неблагодарным, — заключалось в перемирии, во время которого французы должны были оккупировать всю Пруссию до Буга; а Фридрих Вильгельм должен был приказать наступающим русским покинуть его территорию. Прусский министр действительно подписал этот документ, но его государь, надежды которого росли по мере приближения русской армии, отказался ратифицировать его. Из-за общей перестройки международных отношений, столь грубо нарушенной подъемом французской империи, ни Великобритания, ни Россия не могли выработать определенную политику, не говоря уже о Пруссии, одинаково озабоченной внутренними разногласиями и уничтожением безжалостных врагов.

Нетрудно представить себе отчаяние Фридриха Вильгельма, когда он узнал о зловещем расположении земель, принадлежащих его союзникам. Курфюрст Гессен-Кассельский сохранял якобы нейтралитет во время войны, запросив членство в Рейнской конфедерации, но получил отказ. Но он собрал около двадцати тысяч человек на военном положении: его наследник служил в рядах пруссии. Его справедливо подозревали в принадлежности к обоим течениям: его народ ненавидел его. На следующий день после Йены ему сообщили, что император знал о его тайной симпатии к коалиции и что о его чувствах свидетельствовало разрешение, предоставленное прусским войскам пройти через его владения, пока его собственная армия была готова к действию. Такое поведение сделало необходимым оккупировать его штаты. Мортье, французскому командующему в Майнце, было приказано схватить принца и заточить его в Меце; четвертого ноября было коротко объявлено, что гессенский дом прекратил свое правление. Дело в том, что территории этого дома были необходимы для нового дочернего королевства, формирование которого рассматривалось в течение некоторого времени. Курфюрсту Саксонии, чьи войска сражались с пруссаками при Йене, с другой стороны, была предложена привилегия нейтралитета, и, отказавшись от своего бывшего союзника, он охотно согласился. Герцоги Саксен-Готский и Саксен-Веймарский последовали его примеру и получили иммунитет путем подчинения. Герцог Брауншвейгский удалился в свою столицу. Оттуда он воззвал к своему победителю о милосердии во имя своих владений. Ответ Наполеона был безжалостным, он напомнил о печально известной прокламации герцога 1792 года против французской республики и заявил, что именно он также был настоящим зачинщиком нынешней войны. Язвительность этого ответа была по-своему правдива, и униженный воин

в смертельных муках отправился в Альтону, где и скончался. Брауншвейг, Ганновер, Гамбург и их владения были оккупированы французскими войсками и введены на военном положении.

При том обращении, которому подвергся Гессен-Кассель, император Франции, хотя и с большим количеством провокаций, был просто деспотом. В случае с Пруссией он не мог хорошо изображать из себя освободителя, поскольку тогда еще не было широко распространенного чувства угнетения и слабого национального духа среди народа. В своих отношениях с Саксонией и саксонскими герцогствами он предстал в лучшем свете, поскольку среди их жителей было очень много сочувствующих либеральным идеям, как политическим, так и церковным, которые он, как предполагалось, все еще представлял. Но в Восточной Европе была нация, которая жаждала его как спасителя и для которой он был гораздо большим, чем просто представительным либералом. Несчастная по своему устройству, слабая в своей политической жизни, убитая в результате заговора соседей, Польша, тем не менее, все еще была жива, и в своем стремлении к избавлению большинство ее народа обратило свои взоры на Наполеона. Из этого факта он стремился извлечь максимальную выгоду, и как можно скорее, поскольку царь с девяностотысячным войском неуклонно продвигался к прусской границе. Девятнадцатого ноября депутация польской знати прибыла в Берлин, и Наполеон, оказав им впечатляющее почтение, отпустил их с заявлением, что, поскольку Франция никогда не признавала раздела их страны, в его интересах как императора Франции восстановить их независимость и воссоздать королевство, которое, поскольку оно было создано им, будет постоянным. Неделью спустя он проследовал в Познань и, войдя в город под аркой, воздвигнутой в честь "освободителя Польши", пробудил такой энтузиазм, что он намного превзошел его собственные успехи; в Варшаве почти мгновенно развернулось добровольческое движение, результатом которого стал набор шестидесяти тысяч человек в национальную гвардию. Бесполезно обсуждать, мог ли Наполеон возродить Польшу. Костюшко и более просвещенные поляки не верили. Некоторые польские дворяне требовали немедленного и официального признания независимости своей страны в качестве предварительного условия их поддержки. Но в массах возродились старые идеалы, и старая судорожная, неправильно направленная энергия пробудилась на службе новой Западной империи.

Такие действия не могли не вызвать беспокойства в Австрии по поводу стабильности ее власти на польских землях, находящихся под ее короной. Андреосси, французскому послу в Вене, было поручено сказать, что такие повстанческие движения были необходимым следствием присутствия императора в Познани и что он не имел намерения вмешиваться в дела австрийской Польши; но, тем не менее, если император Австрии чувствовал себя неловко, он, возможно, был бы готов рассмотреть вопрос о принятии части Силезии в качестве компенсации за ту часть Польши, которая находилась под властью Австрии. Этим хитрым предложением Франциск оказался бессилён, поскольку он не мог принять ни Силезию, ни даже ее часть, не вступив в конфликт с Англией и Россией и тем самым фактически вступив в партнерство с Францией. Несмотря на неустанные усилия соотечественника Наполеона, корсиканца Поццо ди Борго, который теперь представлял царя в Вене, Франциск решил сохранять строгий нейтралитет. Поляки были безнадежно разделены: одна партия — партия Костюшко - держалась совершенно отчужденно, вторая под руководством Понятовского искренне полагалась на добрую волю Наполеона, третья под руководством Чарторыйского предпочитала обеспечить возрождение своей страны через царя, который слыл просвещенным идеалистом. Здесь, как это часто бывало прежде,

Наполеон скрыл свои намерения и действия за облаком противоречивых чувств, которые он внушал разным классам людей, напуская на себя вид бесцветного великодушия, подобно тому, как осьминог одинаково ослепляет всех, как равнодушных, так и враждебных, чернильной жидкостью, которой он затемняет прозрачные воды вокруг.

Недоумение относительно континентальной политики, однако, резко контрастировало с прямотой его нападок на Англию. Это было сделано в форме бумажного заявления, прокламации и декрета; просто напечатанного, но, несмотря на все это, удара, выкованного, безусловно, из сути французской политики, но нового по смелости, с которой он был пущен в ход.

ГЛАВА XXXVI

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ СИСТЕМА В ЦЕЛОМ [\[39\]](#)

Берлинский декрет — Реплика Трафальгару — Высшая протекция во Франции — Оружие Бонапарта — Коммерческое государство Фихте — Протекционистская доктрина в Германии и Франции — Распоряжения Совета — Ответственность за наполеоновские войны — Мнение Великобритании — Система и вторжение в Англию — Система на Континенте — Объяснение Наполеона — Происхождение идеи — Бумажная блокада и система — Распоряжения Совета 1807 года — Их обоснование — Состояние британской торговли — Новые концепции публичного права — Система лицензирования — Ее использование Наполеоном — Последствия во Франции.

Это был Берлинский декрет, который Наполеон издал двадцать первого ноября. Это был краеугольный камень той структуры континентального эмбарго, которая в течение четырех лет привлекала внимание ее автора. Англия была душой каждой континентальной коалиции; Франция могла ответить только продолжением континентальных завоеваний. Поскольку добраться до Англии можно было только через ее торговлю, имея в своих руках континентальную Европу, Наполеон решил нанести удар своему непримиримому врагу там, где она была уязвима. "Британские острова, - гласил указ, - отныне подвергаются блокаде; вся торговля с ними запрещена; письма и посылки с английским адресом будут конфискованы, равно как и все склады английских товаров на Континенте в пределах границ Франции и ее союзников; все английские товары, все английские суда, в том числе груженные товарами первой необходимости из английских колоний, будут исключены из всех европейских гаваней, включая порты нейтральных государств".

Еще в 1795 году Комитет общественной безопасности рассматривал возможность запрета ввоза английских товаров на Континент. Таким образом, идея Берлинского декрета не была оригинальной у Наполеона, но время и форма его применения были оригинальными; в частности, заключительный пункт был полностью его собственным. Эти последние слова говорят о многом. В ответ на принцип Великобритании, гласящий, что на море "корабли противника производят товары врага", он тем самым парировал "земли врага производят товары врага", приказав конфисковать все английские товары, найденные в странах, оккупированных его войсками. Но он пошел гораздо дальше в своей самоубийственной логике и фактически объявил войну ножу, приказав, чтобы каждый британский подданный, обнаруженный в тех же пределах, содержался как военнопленный, и чтобы вся собственность отдельных англичан рассматривалась как законная добыча. Эти радикальные меры, рассмотренные вместе, были задуманы как ответ на Трафальгарскую битву и на распоряжения английского совета, изданные шестнадцатого мая 1806 года, которые объявляли о блокаде Континента от Бреста до Эльбы с целью полного уничтожения французской торговли. Берлинский декрет также должен был носить характер репрессий за английскую практику обыскивать французские корабли и производить впечатление на французских моряков. Наполеон сам был виновен в подобном невежливом обращении как с военными кораблями, так и с торговцами, но он никогда не

был достаточно силен, чтобы всерьез раздражать или калечить Англию, поскольку Англия раздражала и калечила его этой практикой. В течение 1806 года еще три французских агента были отправлены на Восток, и Жозеф объявил прусскому посланнику, что его брат обдумывает экспедицию в Индию. Много лет спустя сам император подтвердил это утверждение в беседе с доктором О'Мира.

Ни один план Наполеона в конечном итоге не способствовал такой дискредитации его, как Берлинский декрет. Колониальные товары стали жизненной необходимостью для населения Европы, и их лишение вызывало раздражение в каждом доме, даже в самом бедном; это была попытка принудить Россию к приверженности этой разорительной политике, которая непосредственно положила начало его падению. Возрождая торговую политику старого режима, республика превзошла монархическое рвение. Таково, согласно нашему лучшему авторитету, Моллиену, было состояние общественного мнения, когда Бонапарт пришел к власти в 1800 году. Излишне говорить, что такой человек, как Первый консул, который был искателем общественного расположения, в особом смысле ставил своей главной заботой всеобщую ревность к торговому превосходству Англии. Но то, что не Бонапарт породил во Франции склонность к самозащите, доказывается замечательным постановлением, известным как Закон 10 Брюмера № V (тридцать первое октября 1796 г.). Эта решительная мера запрещала ввоз всех промышленных товаров, либо произведенных в Англии, либо проходящих по каналам английской торговли по суше или морю, за исключением определенных строгих и исключительных правил относительно перегрузки; и предписывала конфискацию таких товаров, если они будут обнаружены во французском порту на каком бы то ни было судне. Тщательно подготовленный список предметов английского производства, подлежащих исключению, включал абсолютно все, в производстве чего великолепное развитие английской мануфактуры в конце восемнадцатого века сделало Великобританию выдающейся — изделия ткацкого станка, кузницы, кожевенного завода, стекольного цеха, сахарного завода и гончарной печи. Четырнадцать заключительных статей закона ввели в действие систему контроля за торговлей, в соответствии с которой, по всей видимости, нарушение буквы или духа закона стало невозможным. Однако какое-то время дезинтеграция государственной власти при Директории была такова, что, несмотря на обострение национальной ненависти к английскому правительству, закон просто игнорировался. Однако четвертого декабря 1798 года произошла внезапная перемена; без предупреждения сильные военные отряды были выставлены у всех ворот Парижа и каждое транспортное средство подверглось тщательному досмотру; таможенные власти начали выезды по месту жительства и продолжались до тех пор, пока все английские товары не были изъяты из оборота; и французское общественное мнение поддержало эти действия, которые англичане заклеили как "законный грабеж".

Дело в том, что Наполеон Бонапарт временно взял на себя административные функции и, правильно оценив общественное настроение, начал политику "тщательности". Кампо-Формийский мирный договор был заключен; и, хотя он был всего лишь главнокомандующим французской армией - и то скорее по замыслу, чем по форме, — на самом деле он был арбитром правительства. Что бы ни думали массы, Директория знала, что судьба Франции была в его руках; и ничто так не подтверждало это мнение, как легкость, с которой закон, принятый два года назад, теперь приводился в исполнение. Заключив, как он считал, легкие условия с Австрией, он решил подорвать авторитет правительства Питта, напав на английскую промышленность и торговлю, и бросить вызов,

если потребуется, нейтральным перевозчикам мира. По—видимому, именно в это время в его сознании сформировалась "Химера", как называет это французский историк, которая в конце концов привела к его краху, - концепция, согласно которой, если бы только консервативная администрация Великобритании могла быть дискредитирована, виги придерживались бы "республиканского мира".

Время еще не созрело для более прямого нападения на Англию, чем это; и чтобы занять промежуток времени до тех пор, пока оно не станет таковым, был возрожден хорошо отработанный план изводить ее до крайности. Беспокойный Бонапарт был временно отстранен от управления египетской экспедицией, имевшей целью, по крайней мере, создать угрозу английской торговле в этих отдаленных частях света, если не добиться полного разрушения ее восточной империи. Но если еще не пришло время вступить в активные боевые действия за проведение в жизнь экономической доктрины, то этот факт произошел не из-за отсутствия такой доктрины, сформулированной и признанной. Теория закрытого правового государства, которая была разработана в защиту заключительного этапа формирования европейского гражданства, сама по себе претерпевает расширение в направлении разъяснения международных отношений государств в коммерческих делах. В 1801 году Фихте опубликовал свой знаменитый трактат под названием "Закрытое коммерческое государство", ставший его вкладом в литературу утопий. Определяя правовое государство как ограниченную группу людей, подчиняющихся одним и тем же законам и одному и тому же взаимодействующему суверенитету, он заявил, что одна и та же группа людей должна быть строго ограничена аналогичной взаимностью торговли и промышленности, и что любой, кто не находится под той же законодательной властью и одной и той же взаимодействующей силой, должен быть отстранен от участия в этих отношениях; таким образом, было бы сформировано закрытое коммерческое государство, параллельное закрытому правовому государству. Его трактат был разделен на три книги, озаглавленные соответственно "Философия", "Современная история" и "Политика", которым предшествовало введение, обсуждающее отношение рационального государства к реальному и чистого публичного права к политике. Первая книга была просто развитием его идеи о том, что справедливо в рациональном государстве, учитывая торговые отношения такими, какие они есть; во второй книге он перешел к обсуждению фактического состояния торговых отношений в существующих государствах; а в третьей книге он рассмотрел, как должна быть реализована теория закрытого коммерческого государства. Жизненно важная часть его аргументации заключалась в утверждении [\[40\]](#) что, если всю христианскую Европу с ее колониями и фабриками в других частях земного шара рассматривать как единое целое, торговля должна оставаться свободной, как это было когда-то; однако, если ее разделить на несколько целых, каждая под своим собственным правительством, она также должна быть разделена на несколько полностью закрытых торговых государств. Он сказал: "Те системы, которые требуют свободной торговли, эти притязания на право свободно покупать и продавать во всем известном мире, были переданы нам из числа идей наших предков, для которых они были подходящими; мы взяли их без исследования и переняли, и нам приходится с трудом заменять их другими".

Семь лет спустя тот же философ заявил в своем более известном Обращении к немецкой нации, что пресловутая свобода морей немцам совершенно безразлична. Он утверждал, что для сохранения своего особого гения они должны быть избавлены от всякого участия, прямого или косвенного, в обогащении других народов; в противном случае их постигнет проклятие коммерциализма. Таким образом, "идеологи" Европы, немцы и французы,

придерживались идентичных взглядов. Похоже, у них было множество сторонников во всех странах. В любом случае, бесполезно обвинять Бонапарта в том, что он был изобретателем жестких протекционистских доктрин, которые он пытался применить к доминионам, которые, будучи приобретенными путем завоевания, он намеревался включить в состав европейской империи со столицей и административным центром в Париже. Они принадлежали людям Террора в 1793 году, Директории в 1796 году, подавляющему большинству французского народа в 1798 году и респектабельному числу немцев и американцев в последующие годы; в то время как они все еще принадлежат огромному числу тех, в ком идея национальности является доминирующей и преобладает над всеми другими политическими концепциями.

Берлинский декрет, который, как обычно считается, официально положил начало Континентальной системе, на самом деле был издан раньше Распоряжений Совета Великобритании. В 1801 году английская торговля была значительно больше, чем в 1802 году, году номинального мира; и это было связано, конечно, с тем фактом, что коммерческое благосостояние не было прекращено даже номинально. Настоящая проблема, которую испытывал лорд Уитворт, британский посол в Париже, заключалась в том, что существующее коммерческое положение его страны было невыносимым, и что он должен был найти какой-нибудь *повод для войны*, чтобы положить этому конец. Мы объяснили, как он сослался на очень тривиальный предлог - поведение Бонапарта на публичном приеме в Тюильри, и что Великобритании было очень трудно придать этому надуманному предлогу значимость. Дело в том, что Первый консул использовал мир для распространения защитной системы Франции на все земли, которые он завоевал в северной и центральной Италии, и для того, чтобы принудить Голландию и Швейцарию вступить в его таможенный союз. В результате английская торговля страдала, и миссия Себастьяни на Восток сделала весьма вероятным для английских купцов то, что процесс дальнейшего сокращения их торговли уже шел в этих отдаленных краях. Публикация отчета Себастьяни стала последней каплей в бремене британских торговцев, и они отказались больше нести этот груз. Бонапарт сказал, что независимость нации влечет за собой абсолютный контроль над ее торговлей, и что, если Великобритания намерена сохранить Гибралтар и Мальту, она фактически объявит этим фактом о своей решимости объединить торговлю Индии, Средиземноморья и Балтики в единую систему, контролируруемую ею самой, что создало бы ситуацию, невыносимую и невозможную.

Амьенский мир был всего лишь перемирием, и единственный вопрос относительно его продолжительности заключался во взаимной снисходительности и выносливости. Как только стало ясно, что ни Англия, ни Франция не откажутся от идеи торгового превосходства, жизненно важным вопросом политики обеих сторон стало то, как возобновить войну. Сделать это означало взять на себя страшное бремя ответственности. История все еще пытается определить, кто дал непосредственный импульс; ибо тот, кто его дал, считается ответственным за ужасающее кровопролитие наполеоновской войны, в отличие от республиканских войн. Сегодня даже самые просвещенные английские историки признают, что Францию обманом вынудили к объявлению войны. Коалиция находилась в процессе формирования в течение нескольких дней после того, как высохли чернила на Кампо-Формийском мирном договоре; она была готова, когда начались военные действия; и топливо, необходимое для того, чтобы периодически вспыхивающее пламя вспыхнуло заново, было предоставлено последовательными Распоряжениями Совета.

В 1805 году в Лондоне была напечатана и анонимно опубликована книга, которая, как теперь считается, была официально вдохновлена. На самом деле она была написана Джеймсом Стивенсом, и название было "Замаскированная война, или Мошенничество под нейтральным флагом". Его аргументом была необходимость уничтожения Франции, чтобы предотвратить крушение Англии. Непосредственной рассматриваемой дилеммой было пожертвование морскими правами Великобритании или ссора с нейтральными державами. Автор считал, что система лицензий — "индальгенции соленой воды", как он их называл, — поколебала господство Англии точно так же, как папские индальгенции пятнадцатого века поколебали господство Рима. Нападая на нейтральную торговлю, он считал, что существует небольшая опасность спровоцировать военные действия или вызвать репрессии. Что касается Америки, то, в частности, политика отказа от импорта с ее стороны нанесла бы ущерб только ей самой. Она была слишком благородна, чтобы конфисковывать имущество английских купцов в пределах своих границ, и слишком проникательна, чтобы подвергать карательному захвату огромную торговлю, которую она сама вела на плаву. Предположим, однако, продолжал он, что ни пожертвование морскими правами, ни ссора с нейтральными державами не будут приняты, остается еще третья возможность — признать утверждение о том, что "свободные суда производят бесплатные товары", приостановить действие законов о судоходстве и затем воспользоваться всеми преимуществами нейтральных перевозчиков. "Пусть на мачты всех наших торговых судов повесят метлы, а их моряков отправят на флоты". Это, утверждал он, было бы меньшим злом, чем то, от которого страдает английская торговля, если, конечно, все стороны, включая противника, не откажутся от права захватывать торговые суда или личные вещи врага — дальновидного средства примирения морской войны с торговым миром. Такое всеобщее отречение было невозможно, и не оставалось другого средства от бед Англии, кроме мира с Бонапартом. Но само предположение о таком действии было абсурдным. Непреодолимым препятствием была британская конституция. Австрия и Россия могли заключить мир с военным деспотом; но с человеком, который использовал мирный досуг только для того, чтобы поработить более мелкие державы Континента, никакой мир для такой свободной страны, как Англия, был невозможен, за исключением такого, который был бы эквивалентен абсолютной капитуляции. Как и можно было ожидать, англичанин, написавший "Замаскированную войну", завершил свою аргументацию благочестивым призывом ко Всемогущему, повиновение праведным законам которого является самой разумной политической мудростью, и который желает не только цели, но и средств - в данном случае "добровольцев, военно-морского флота и прав на море". Стремление к войне до победного конца было столь же сильно во Франции, как и в Англии; и хотя англичане взывали к Богу и праведности, не менее характерно, что французы в то же время использовали параллель, взятую из классической истории, — параллель Рима и Карфагена.

Мы всегда должны помнить, что Великая армия Англии была обоюдоострым оружием. Наполеон сказал Меттерниху, что он всегда намеревался использовать его против Австрии, как он на самом деле и использовал; но он сказал капитану *"Нортумберленда"* пятнадцатого августа 1815 года, что он серьезно планировал вторжение, рассчитывая высадиться как можно ближе к Лондону. Хотя эти противоположные заявления явно были направлены на то, чтобы польстить национальной гордости соответствующих высокопоставленных лиц, которым они были адресованы, все же, каким бы парадоксальным ни казалось это утверждение, взятые вместе, они выражают чистую правду: успешное вторжение повлекло бы за собой немедленное свержение британской власти; в то время как защитное исключение и разрушение коалиции были, возможно, более медленным, но более надежным

из двух способов. Последнее, вероятно, было намерением, к которому Наполеон склонялся наиболее серьезно. Вынуждая британцев поддерживать дорогостоящий военный истеблишмент, великий интриган истощил бы их отнюдь не бездонный кошелек; и таким образом смог бы подорвать оснащение коалиции, расширить за счет победы территориальную империю Франции и открыть путь для ее предприятия на восток. Наконец, Наполеон не предпринял серьезных усилий для "Спуска", используя эту идею для вымогательства у французов средств на войну точно так же, как это делали якобинцы и Директория; и фактический факт великолепного контрмарша в отношении Вены и результаты Аустерлица должны убедить нас в том, что, хотя временами он и обдумывал вторжение в Англию, его мысли в целом были направлены на то, чего он действительно добивался, — на нанесение удара по коалиции через Австрию.

Распространение защитной системы за пределы Франции и стран, непосредственно находящихся под ее контролем, началось в 1803 году, когда Испании было рекомендовано соблюдать ее или отвечать за последствия; сразу после Аустерлица в эту систему были включены Истрия и Далмация. Когда вслед за этим Пруссии было предложено включить в свою операцию побережье Северного моря в качестве платы за оккупацию Ганновера, Великобритания ответила своими Приказами в Совете, объявив береговую линию от устья Эльбы на всем протяжении до Бреста в состоянии блокады. Пруссия предпочла не принимать ни условий Великобритании, ни условий Франции и изо всех сил старалась сохранять нейтралитет, что было совершенно невозможно; затем российский царь отказался от договора, в который его посол Убриль был втянут хитростями Талейрана; со временем последовали Йена и Фридланд; и, наконец, был расчищен путь для превращения защитной системы, до сих пор более или менее местной, в систему, которая могла быть более или менее континентальной. Берлинский декрет был самым долгим возможным шагом после Йены; в то время как Миланский декрет был естественным продолжением расширенных возможностей, которые Тильзитский мир предоставил для проведения той же старой экономической политики.

В оправдание своего курса Наполеон сослался на умеренность, которую он проявил в обращении с врагом после первых трех коалиций, и заявил в своем послании сенату, что он желает такого общеевропейского мира, который гарантировал бы процветание не только Англии в одиночку, но и всех континентальных держав; но поскольку позиция врага делала это невозможным, ничего не оставалось, как принять меры, "которые были противны его сердцу". В преамбуле Берлинского декрета говорилось, что Англия не уважает международное право; что она считает врагами не только организованную военную мощь враждебных государств, но и лиц и суда их граждан, занимающихся торговлей, берущих военнопленных и корабли в качестве призов; что она распространила принцип блокады на необорудованные города, гавани и устья рек, объявляя блокадными места, перед которыми не было сил, достаточных для обеспечения блокады, и распространила этот абсурд на береговые линии целых империй; что, наконец, поскольку такое поведение не имело никакой другой цели, кроме разорения всего мира. Европа в интересах английской торговли: "Мы решили применить к Англии обычаи, которые она санкционировала в своем морском законодательстве". Утверждалось, что принципы декрета действительны до тех пор, пока Англия не признает действительность в морской войне принципов, контролирующих войну на суше: законы войны "не могут применяться ни к частной собственности, какой бы она ни была, ни к личностям тех, кто не является воюющими сторонами, и право блокады должно быть ограничено в его применении укрепленными

пунктами, действительно занятыми достаточными силами". Затем Британские острова были объявлены на положении блокады, и было приказано детально выполнять все строгости английской системы. Наконец, королям Испании, Неаполя, Голландии и Этрурии, а также всем союзникам Наполеона, граждане которых страдали от "варварства английского морского законодательства", было направлено уведомление в надлежащей форме.

Берлинский декрет был подписан двадцать первого ноября 1806 года. Двадцать пятого июля 1805 года Монгайяр, умный негодяй, - из которого, как заметил Наполеон, можно было бы кое—что сделать, если бы он не был повешен, — написал мемориал [\[41\]](#), который был представлен Наполеону и, как утверждается, был основой Континентальной системы. В расширенном виде от двадцать четвертого марта 1806 года этот документ представляет, что Англия имеет в виду единственную цель уничтожения французского морского флота, чтобы разрушить французскую торговлю, и что, следовательно, имперская идея Европы - это та, к которой она никогда не сможет присоединиться даже путем заключения временного мира; что она никогда не откажется от своих притязаний на Ганновер или не допустит оккупации Голландии, ее конечным намерением является создание в Египте базы для защиты своей торговли по Красному морю с Индией. Португалия, которая всегда будет на стороне Англии, должна, следовательно, быть объединена с Испанией; в то время как Крит и Египет должны быть заняты как военными, так и торговыми постами. Влияние глубокой, ожесточенной враждебности Англии, продолжает он, проявляется в отказе как Австрии, так и России признать недавно созданное вассальное королевство Италия. Англия присвоила себе тиранию морей в 1651 году Законом о мореплавании, принятым при Протекторе; само ее существование основано на дорожном движении и коммерции, и без этого в ее политическом теле нет никакого движения. Она вынуждена игнорировать все положения международного права, которые имеют тенденцию уменьшать ее коммерческую мощь. Вильгельм Оранский создал ее национальный долг; и сменявшие друг друга монархи в ходе своих различных континентальных и американских войн увеличили его до нынешних размеров, которые оцениваются примерно в шестьсот миллионов фунтов стерлингов. Чтобы выполнить это огромное обязательство и предоставить новые займы, необходимые для поддержания соответствующих коалиций, важно, чтобы ее торговля постоянно расширялась. "Именно через ее торговлю Англия должна подвергнуться нападению", - говорит Монгайяр; "оставить ей все ее завоевания в Европе, Азии и Америке - значит оставить ей все ее вооружение, сделать конфликты и войны вечными. Разрушить британскую торговлю - значит нанести удар Англии в самое сердце". Затем он выдвигает идею, которая, по-видимому, является зародышем Континентальной системы: поскольку Россия, по-видимому, одобряет планы Англии, а Швеция лишена как независимости, так и достоинства, Франция должна начать наступление на морское законодательство противника. Ей нужно только принять навигационные акты по своему усмотрению, изменить их в пользу держав, которые их принимают, и принять политику взаимности.

Невозможно сказать, насколько сильно эти советы повлияли на Наполеона; но хронологическое совпадение имеет определенную ценность в поддержку утверждения, что Монгайяр, по крайней мере, дал императору последний импульс. Однако, по-видимому, в рассуждениях обоих был фатальный изъян. Ни у исполнительной власти, ни у советника не было никаких признаков понимания того факта, что благодаря поразительному развитию промышленности в Англии богатство всего мира было чрезвычайно увеличено — настолько значительно, что без соответствующего увеличения числа других наций международное соперничество в процветании и влиянии было вообще невозможно. Это новое открытие:

тогда и до самого недавнего времени предполагалось, что Англия достигла своего расцвета в торговле благодаря ряду вопиющих ошибок; и когда последовательные этапы агрессии и репрессий расположены в хронологическом порядке, в обвинении появляется поверхностная видимость правды. Распоряжения Совета были незаконным анахронизмом, и они придавали окраску оправдания столь же варварским декретам Франции — декретам, нелепым самим по себе и, более того, подкрепленным блокадой, которая была такой же чисто фиктивной, как та, с помощью которой Великобритания поддерживала свои Распоряжения в Совете. Первоначальный набросок Берлинского декрета был недавно обнаружен в Национальном архиве в Париже, и очень важно отметить, что в нем не рассматривается та часть завершённого документа, которая охватывает земли, союзные Франции или находящиеся под ее влиянием; это положение, по-видимому, было добавлено после долгих размышлений. Естественным дополнением фиктивной блокады была фиктивная защитная система; одно было столь же абсурдно, как и другое.

В своей озадаченной неуверенности и под давлением необходимости немедленных действий того или иного рода Англия предприняла следующий ложный шаг в том же направлении и издала Приказы от седьмого января 1807 года, объявляющие все порты, не только Франции, но и ее колоний, в состоянии блокады, и бросающие вызов нейтральным государствам, запрещая любому судну торговать между портами Франции, ее колоний и стран французской системы; в то время как одиннадцатого ноября новый указ распространил запрет на все порты, в которых не было английского флага. Эта крайняя позиция была объявлена лордом Эрскином неконституционной и противоречащей международному праву. То, что оно не предназначалось для принудительного исполнения, а должно было использоваться как предлог для обеспечения морской монополии, подтверждается тем фактом, что уже за месяц до этого Великобритания начала политику уклонения от своих собственных указов, усилив блокаду Эльбы и Везера и закрыв глаза на контрабандную торговлю, которая немедленно возникла в результате. Поэтому Наполеон был неутомим в системе репрессий; двадцать третьего ноября того же года он издал Миланский декрет как ответ как на схему контрабандной торговли, введенную в действие в Бремене и Гамбурге, так и на Приказы от одиннадцатого ноября; и в дополнение к этому, двадцать шестого декабря 1807 года был обнародован второй и более строгий декрет. Любое судно, подвергшееся нападению английских крейсеров или зашедшее в какой-либо английский порт, объявлялось таким образом ставшим английским и, следовательно, подлежащим конфискации; эмбарго было также наложено на все нейтральные суда, находившиеся в то время во французских гаванях. Пруссия, Швеция и Дания быстро присоединились к новой Континентальной системе. Англия была в ужасе от последствий собственной безрассудности и двадцать шестого апреля 1809 года изменила свои приказы, ограничив блокаду "всеми портами так называемого Королевства Голландия, Франции и ее колоний, а также Южной Италии, от Орбителло до Пезаро включительно". Тем не менее, несмотря на все это, Австрия и Швейцария отказались от своего присоединения несколько позже; в то время как Америка придерживалась принципа отказа от сношений и в конце концов добилась отмены в свою пользу как Берлинского, так и Миланского декретов и, в конце концов, Постановлений Совета. Как хорошо известно, общественная необходимость оказалась сильнее теории; сама энергия Наполеона в лишении континентальной Европы колониальных товаров и товаров английского производства, которые когда-то считались предметами роскоши, со временем стали предметами первой необходимости, вместе с последующим раздражением Великобритании сокращением ее торговли, были одним из

факторов, объединивших самые противоречивые политические элементы в союз для разрушения французской империи.

Английская сторона светского спора, бушевавшего вокруг правильного и неправильного в Континентальной системе, была представлена различными авторами с большой изобретательностью и проницательностью. Арест частных лиц и собственности в открытом море, как утверждается в их аргументации, был просто ответом на французский декрет 1798 года, который предписывал казнить всех нейтральных моряков, обнаруженных на английских кораблях; французы были первыми, кто пренебрег международным правом, захватив собственность английских торговцев на *твёрдой* землев Ливорно, и с незапамятных времен обычаи Европы разрешали захват частной собственности в „ открытом море; бумажная блокада, хотя и незаконная и абсурдная, была применена в результате большой провокации, потому что Пруссия оккупировала Ганновер, крупный торговый центр. территория, которая принадлежала если не Англии, то, по крайней мере, обладателю английской короны. Из этого следует, следовательно, что каждая мера, принятая Англией, носила строго репрессивный характер. Это юридическое заявление является вопросом, подлежащим рассмотрению юриспруденцией, частично в свете меняющейся идентичности Франции, а частично в свете изменений обязательств в связи с военными действиями — такими, например, как поведение Англии в Копенгагене, которое было лишь кульминацией серии аналогичных актов по отношению ко всем нейтральным странам. Представляется весьма сомнительным, что какой-либо юридический аргумент может сильно помочь в объяснении несоответствий, присущих такой борьбе, как войны, которые велись в эпоху Наполеона. Реальным и первостепенным доводом Англии является самооборона; аргументы, основанные на политических и экономических чрезвычайных ситуациях, в которые она была вовлечена, вследствие ее поразительного конституционного и промышленного превосходства, имеют силу, намного превосходящую ту, которая присуща заявлениям чисто технического характера — и при этом ограниченным областью международного права.

Некоторые недавно отмеченные факты проливают свет на чудесное развитие английской и шотландской промышленности в эпоху Наполеона. Роберт Оуэн заявил, и со всей серьезностью, что в 1816 году две тысячи его сотрудников в Нью-Ланарке достигли с помощью нового оборудования столько же, сколько было достигнуто всеми сотрудниками в Шотландии без него! В своей автобиографии Оуэн далее подчеркивает масштабы промышленной революции, оценивая — и оценка консервативна, — что работа, выполняемая промышленным населением Великобритании с помощью машин, не могла бы быть выполнена без них народом численностью менее двухсот миллионов человек. На Континенте не было соответствующего развития мануфактур — даже во Франции; таким образом, только в 1812 году паровое прядение было внедрено в Мюлуз, крупную промышленную столицу Эльзаса. Аналогичные сравнения можно было бы провести во многих других отношениях между Великобританией и ее континентальными соседями, но одного этого контраста достаточно, чтобы сделать весьма поразительным тот факт, что никакая другая держава не могла соперничать с ней в снабжении мира дешевыми и полезными товарами такого рода, которые после первого испытания стали незаменимыми для масс человечества. Таким образом, она оказалась в положении, когда от нее требовалось ради мира отказаться от всех своих коммерческих преимуществ, от всего, что она приобрела в ходе своей промышленной эволюции, — короче говоря, от всего превосходства, которого

она добилась благодаря усилиям и жертвам, не имевшим аналогов в других местах и продолжавшимся веками.

Разве такая ситуация не создает никаких моральных обязательств? Можно ли предположить, что нация могла бы на мгновение рассмотреть возможность уничтожения себя и своего наследия ради мира, который уступил бы все свои преимущества активному и непримиримому врагу? Если бы не было альтернативы, кроме войны или самоубийства, можно ли обвинять Великобританию в выборе войны, какой бы отчаянной она ни была? Более того, есть еще одно соображение первостепенной важности, которое имеет моральное качество, общепризнанное в других сферах. По общему согласию, никакое занятие открытой земли не имеет смысла, если оно не является постоянным и благотворным; и точно так же закрытое экономическое состояние не может быть постоянным, если оно не окажется всеобще благотворным. Такое государство в настоящее время представляется столь же неопределенным в своих действиях, поскольку закрытое юридическое государство оказалось под действием международных соглашений, которые помогают одной стране обеспечивать соблюдение своего внутреннего законодательства с санкции другой. В настоящее время общепризнано, что договоры о выдаче и другие не менее значимые новшества в международном праве имеют юридическую силу во многих важнейших отношениях между людьми, которая выше и сильнее, чем международное право различных государств, составляющих нынешнюю федерацию цивилизованных держав. Точно так же — возможно, молчаливо, но тем не менее реально — широко признается, что рынки мира не могут быть закрыты для товаров такого качества и такой дешевизны, которые необходимы для постоянно растущего уровня комфортной жизни, требуемого наемными работниками в каждой стране, кроме как при условии, что такие товары рано или поздно могут быть произведены так же дешево в стране, которая защищает себя от других людей своего класса.

Усилия Великобритании по установлению монополии на морскую торговлю сопровождалось одним аморальным инцидентом самого далеко идущего значения — введением в действие системы лицензирования, в соответствии с которой с помощью поддельных документов суда любого происхождения успешно обходили положения как британских, так и французских указов. Эта процедура на какое-то время привела к разврату мировой торговли и была подходящим дополнением к актам насилия, которые строго осуждались как тогда, так и после. В целом мошенничество и насилие приносили Франции больше прибыли, чем Великобритании. Ослабление в 1798 году режима 1756 года пошло на пользу единственной строго нейтральной державе в мире, а именно Соединенным Штатам; приказы и указы настолько затрудняли и раздражали наших торговцев, что мы сначала приняли Закон об эмбарго, а затем нашли убежище в отказе от сношений. К тому времени английская торговля настолько серьезно пришла в упадок из-за действия Континентальной системы, что в самой Великобритании началась яростная агитация против орденов. Однако почти в тот же самый момент Наполеон изгнал правящий дом Португалии в Бразилию и таким образом открыл самые важные порты Южной Америки для британского импорта. Таким образом, перенасыщение английских складов было на мгновение устранено; и, хотя торговцы понесли серьезные убытки от низких цен, которые они получали, они были спасены от полного банкротства. Еще два года борьба с обеих сторон продолжалась с отчаянием; и, вероятно, привела бы к отчаянию Великобританию, если бы усовершенствованные методы ведения сельского хозяйства, внедренные наряду с усовершенствованными методами производства, не позволили еще некоторое время прокормить все еще сравнительно небольшое население за счет домашнего производства.

Именно этот период привел к кризису на Континенте. Великобритания могла бы прекрасно обходиться без шелков и других предметов роскоши, производимых во Франции, заменяя их шерстью и хлопком; но английские крейсера сделали почти невозможным ввоз в Европу не только предметов колониальной необходимости, но и сырья, необходимого для производства необходимых изделий. Только с помощью системы лицензий можно было содержать французскую армию; сукно и кожа, которыми были обмундированы солдаты Наполеона, ввозились из Англии в ганзейские порты в знак открытого презрения к Континентальной системе. Поскольку Великобритания также владела монополией на кофе, чай и сахар, без которых не смогли бы прожить не более чем нерешительные немцы Рейнской конфедерации и которые Наполеон не осмелился полностью лишить даже французов и итальянцев, считалось, что единственно возможные репрессии против нее, которые еще не были применены, будут заключаться в дальнейших ограничениях на ее производство. В течение конца лета и начала осени 1810 года были обнародованы три декрета о Трианоне, Сен-Клу и Фонтенбло; и не только были введены огромные пошлины на все колониальные товары, где бы они ни были найдены, но и все английские товары, обнаруженные на землях французской системы, подлежали сожжению. Нейтральные суда, включая суда Соединенных Штатов, были в то же время полностью отрезаны от всех гаваней этих земель.

Это было началом конца, ибо в стремлении уничтожить морскую мощь Англии, обрекая ее на истощение, Наполеон лишил фабрикантов в своих собственных странах всего их сырья. Даже если бы это не было достаточной причиной, их заводы-изготовители не были достаточно современными, чтобы поставлять продукцию на открытые для них рынки. Россия терпела лишения всего один год и в 1811 году открыла свои порты; в то время как контрабанда на ее пограничных линиях сразу же приобрела размеры, которые превратили все, что хоть как-то приближалось к управлению Континентальной системой, в работу целой армии таможенников, так что после 1812 года попытки обеспечить ее соблюдение были неизбежно прекращены. Наше объявление войны Англии произошло слишком поздно, чтобы оказать какое-либо влияние, так или иначе, на окончательное решение вопроса о том, какая сила на море или на суше была сильнее в цивилизованном мире в начале девятнадцатого века. Предсмертная агония имперской системы Наполеона была вызвана прежде всего истощением Франции и его самого; когда он стал династическим правителем, его престиж и присущая ему сила таяли так же быстро, как и престиж пап, когда они вступали в ряды мелких князьков Италии. Возможно, у империи Объединенной Европы, основанной на либеральных идеях того времени, и были бы какие-то шансы на жизнь, но у единой династической державы, противостоящей всем династиям Континента, а также моральной силе британского превосходства в политике и промышленности, вообще не было никаких шансов. Ошибочно рассматривать Континентальную систему как влиятельную причину свержения Наполеона, за исключением того, что она продемонстрировала глупость попыток применить то, что в лучшем случае является временной национальной выгодой, в качестве постоянного принципа в мировой системе. Эти усилия подорвали ресурсы Франции и оттолкнули от императора большую часть континентальных симпатий, и это озлобило Великобританию до отчаяния; но результат борьбы за установление наполеоновской иерархии из двух степеней в государствах Континента был предопределен иным образом.

КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА

Footnote 1: The authorities are as before: Vandal: L'Avènement de Bonaparte; Aulard: Études et leçons sur la Révolution Française; Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire, and Histoire Politique de la Révolution Française; Sorel: L'Europe et la Révolution Française, Vol. V; Bonaparte et le Directoire. Многие можно почерпнуть из печатных писем и депеш того периода. Важными источниками являются "Сувениры барона де Баранте"; "Мемуары и переписка де Лафайета"; "Фиве: Переписка и отношения с Бонапартом"; "Переписка Малле дю Пана"; "Мемуары короля Жозефа"; также мемуары мадам де Шастене, Дюпора де Северни, Мармона, Марбо, Буррьена, Карно, Тибо, Матье Дюма и, прежде всего, переписка самого Наполеона. Кроме того, есть сборники Байе, Сталь-Гольштейна, Шарля де Констана, письма Талейрана к Наполеону (опубликованные Бертраном), Жана Харди и мадам Reinhard. Современные газеты, такие как L'Espiègle, Le Surveillant, Le Publiciste, Le Propagateur, Gazette de France и Moniteur, а также Journal des Hommes Libres, доступны только в крупных библиотеках Лондона и Парижа. Документы Камбасереса, Мортье, Бартелеми, Грувеля и Журдана были найдены и использованы новейшими историками, но они не были напечатаны. Лучшая библиография того периода - значительный том под редакцией Кирхельсена, опубликованный в 1902 году, 2-е изд. 1908: библиография Ламброзо еще не завершена. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 2: Власти, как и прежде. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 3: Помимо национальных и государственных архивов и переписки Наполеона, официальных и неофициальных публикаций, а также документов, опубликованных Палленом, Вивено и Байе, лучшими специальными источниками являются Hüffer: Der Rastadter Congress и Criste: Rastadt, L'Assassinat des Ministres Français (оригинал на немецком языке). Далее следуют уже перечисленные мемуары и исследования с участием Desbrière: Projects de débarquement aux Isles Britanniques. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 4: See Dändliker: Geschichte der Schweiz, Vol. III, стр. 350. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 5: See Masson: Les Diplomates de la Révolution. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 6: Boulay de la Meurthe: Le Directoire et l'expédition d'Égypte. De Villiers du Terrage: Journal et Souvenirs sur l'expédition d'Égypte. В остальном все по-прежнему. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 7: Махан: Жизнь Нельсона. Jurien de la Gravière: Guerres Maritimes. Harcourt: Égypte et les Égyptiens. Гурго: Дневник. Десвернуа: Мемуары, изд. Дефург. (Редактор обогатил свои страницы арабскими источниками.) Desgenettes: Histoire médicale de L'Armée d'Orient. Ducasse: Les rois frères de Napoléon. Мемуары де Ремюза, Бельяра, Савари и Бертье. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 8: Ссылки, как и раньше. Add Masson: Napoléon et les femmes, Josephine. Ernouf: Le Général Kléber. Ларри: Историческое отношение. Belliard: Bourrienne et ses erreurs. Guitry: L'Armée en Égypte. Мемуары Лавалетта, Буррьена, Мио де Мелито и Люсьена де Бонапарта. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 9: Власти, как и прежде. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 10: Наиболее полные отчеты принадлежат Сорелю и Вандалу. Другими авторитетными источниками являются мемуары Дюпора де Шеверни, Ларевельер-Лепо, Лафайета, мадам де Шастене и Паскье, работы Редерера, исследования Олара, современные журналы и рецензии. Also, E. and I. de Goncourt: Histoire de la Société Française pendant le Directoire. Stenger: La Société Française pendant le Consulat. Rocquain: L'État de la France au 18 Brumaire. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 11: Существует небольшая библиотека книг и брошюр, посвященных этому предмету. Последнее - это заявление австрийского офицера Кристе, о котором уже упоминалось: он обыскал венские архивы, чтобы узнать, если возможно, правду, и признается, что не может ее найти, хотя обсуждает все теории и утверждает невиновность Австрии. Еще более прекрасным, однако, является том Хельферта "О растадтерстве души". The other sources are Gentz: Ueber die Ermordung der Französisch Congress-gesandten, a contemporary opinion, 1799; Böhlingk's three discussions in Napoleon, Seine Jugend and Sein Emporkommen; Napoleon Bonaparte und der Rastadter Gesandten Mord; Der Rastadter Gesandten Mord vor dem Karlsruher Schöffengericht; Hüffer: Der Rastadter Gesandten Mord. У Мюллера, Мендельсона-Бартольди и фон Райхелина Мельдегга есть монографии с таким же названием. Further material is contained in Schlitz: Denkwürdigkeiten; Obser: Politische Correspondenz Carl Friederich's von Baden; Delaure: Esquisses historiques; Gohier: Memoirs; Arnault: Souvenirs d'un Sexagénaire; Vivenot: Zur Geschichte des Rastadter Congresses; Jomini: Vie politique et militaire de Napoléon; Erzherzog Karl: Ausgewählte Schriften. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 12: Ссылки на главы X и XI такие же, как и раньше, с этими дополнениями: мемуары Гайда де Невиля, Дюпора де Шеверни, Тибо, Мармона (герцога Рагузского), Сарразена, Матье Дюма, Барраса, Аллонвиля, Годена (герцога де Гете) и Паскье; воспоминания Норвена, Кайе дю Капитана Куанье, "Сувениры Макдональда", Комментарии Наполеона, письма мадам де Рейнхард и переписка Фиве. Likewise, Lescure: Mémoires sur les journées révolutionnaires et les coups d'état de 1789-1799. Lucien Bonaparte: Révolution de Brumaire. Madelin: Fouché. Aulard: Le lendemain du 18 Brumaire and Délibérations du Consulat provisoire. Béranger: Ma Biographie. Guillois: Le Salon de Mme. Гельвеций. Montier: Robert Lindet. Vatout: Le Palais de Saint Cloud. Stourm: Les finances du Consulat. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 13: Газеты того периода. Переписка и комментарии наполеона. Aulard: Le lendemain du 18 Brumaire and Registre de délibérations du Consulat provisoire. Мемуары Лафайета, Мармона, Годена, Хайда де Невиля, Терсье и Паскье. Montier: Robert Lindet. Письма Шарля де Констана и мадам Дж. Reinhard. Работы Редерера. Albert: Napoleon et les théâtres populaires. Lecomte: Napoléon et l'empire racontés par le théâtre. Schmidt: Tableaux de la Révolution. Mallet du Pan: La Révolution vue de l'étranger. Слоун: Французская революция и религиозная реформа, в этом томе автора будут найдены ссылки на многие оригинальные источники для получения нашей информации о восстановлении Римско-католической церкви во Франции. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 14: Ссылки, как и раньше. Далее, Адольфус: История Англии (правление Георга III). Элисон: История Европы. Vandal: l'Avènement de Bonaparte, Vol. II. Oncken: Zeitalter der Revolution. Аллардайс: Мемуары лорда Кита. Каслри: Переписка. Джексон: Дневники и письма, а также архивы Бата. Сувениры Шапталя, Хьюэ и Жирардена; мемориал Норвинса,

письма Жубера и мемуары Баранте. Quinet: La Révolution. Tocqueville: Correspondance. Proudhon: Napoleon I. Benckendorff: Histoire anecdotique de Paul Ier. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 15: Дополнительными ссылками являются архивы Трачевски в Vol. LXX, Société d'histoire de Russie. Martens: Traités de la Russie. Montgelas: Denkwürdigkeiten. Eckart: Montgelas. Fournier: Studien und Skizzen. Reinach: Correspondance Royaliste. Пинго: д'Антрэг. Стэнхоуп: Жизнь Питта. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 16: Важными военными источниками являются письма и бюллетени самого Наполеона. Dumolin: Précis d'histoire militaire. Yorck von Wartenburg: Napoleon als Feldherr. Jomini: Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution, 1792-1803. Додж: Наполеон. Clausewitz: Werke. Для получения других материалов см. Письма Тугута, мемуары Марбо, "Дневник блокады Гемуи" Тибо, "Вальми: История кампании 1800 года", "Каслри Элисон", "Архивы Воронцова" и "Байю: Очерки в Historische Zeitschrift", тома. 77 and 81; Cugnac: Campagne de l'armée de reserve en 1800, La campagne de Marengo; Gachot: La deuxième campagne d'Italie; Neipperg: Aperçu sur la bataille de Marengo; Hüffer: Quellen zur Geschichte des Zeitalters der französischen Revolution; Picard: Bonaparte et Moreau. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 17: Ссылки, как и раньше. Мемуары Буррьена - это предприятие издателя, ценное во многих местах, когда они находятся под контролем других властей, но в данный период они ненадежны, как и мемуары Марбо. Воспоминания Антоммари не представляют особой ценности, за исключением того, что он подтверждает более достоверные утверждения других. Работы Редерера особенно ценны для этого периода. Далее, смотрите: Хюффер: Война 1799-1800 годов; Сарджент: Кампания при Маренго, Отношения Нейперга; Вивено: Тугут, Клерфайт и Вурмсер; Фурнье: Скиццен; Дю Касс: Люневильские ассоциации; Боумен: Предварительные этапы Амьенского мира; Пажоль: Клебер, са ви, са корреспонденция. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 18: За четыре года консульства ознакомьтесь с мемуарами Лавалетта, Баранте, мадам де Шастне, Шатобриана, Дюпора де Северни, мадам де Жанлис, Мио де Мелито, Увара, Савари, Тибодо, Тибо и мадам Дж. Vigée-Lebrun; Lady Morgan's Memoirs and Autobiography, Mme. de Staël: Dix années d'exil; the travels of Sir John Carr, translated into French with notes by Albert Babeau; Arnault: Souvenirs de Lacretelle, Histoire du Consulat; Stenger: La Société Française pendant le Consulat; Du Casse: Histoire des négociations relatives aux traités de Lunéville et d'Amiens; Bailleu: Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807; Beer: Zehn Jahre Oesterreichischer Politik; Daudet: Les Bourbons et la Russie; Beauchamp: Vie de Moreau; Lemaire: Vie de Moreau; Forneron: Histoire de l'Émigration; Daudet: l'Émigration. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 19: Доде: Бурбоны и русские; письма Ростопчина в архиве Воронцова, том. VIII; статьи Татищева в "Revue d'histoire diplomatique", 1889; Бухгольца в "Preussische Jahrbücher", 1896; Рамбо: История России; Чарторыйский: воспоминания; Де Местр (Джозеф): Воспоминания и переписка; Теше: Происхождение согласия; Слоун: Французская революция и религиозная реформа; Буле де ла Мерт: Согласование согласия; Тейнер: История два конкордата; Мэхан: Жизнь Нельсона; Шиман: Смерть императора Паулса; Ланжерон: Мемуары; также мемуары Норвинса, Баранте и Мориолля; Брюкнер: кайзер Паулс Энде (фон Р. Р.); Боумен: Предварительные этапы Амьенского мира; Фошиль: Морской блок. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 20: Мемуары Мольена, Мио де Мелито, Шапталя, Люсьена Бонапарта, Паскье и Консальви; труды Тибодо и Редерера; Саньяк: Гражданское законодательство Французской революции; Жизнь сэра Сэмюэля Ромийи; Оссонвиль: Римская церковь и премьер-империя; Леузон-ле-Дюк: Дипломатическая переписка барона де Сталь-Гольштейна и его преемника барона Бринкмана. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 21: Blanc: Napoleon Ier, ses institutions civiles et administratives; Sabatier: Le Code Civil; Aucoc: Le conseil d'état; Duvergier de Hauranne: Histoire du gouvernement parlementaire en France; Bignon: Histoire de France; Ernouf: Maret, duc de Bassano; Hélie: Les constitutions de la France; Duruy: L'Instruction et la Révolution; Hahn: Unterrichtswesen in Frankreich; Cambacérès: Éclaircissements inédits—quoted at length in Vandal: L'Avènement de Bonaparte, tome II; Nougaret de Fayet: Notice sur la vie et les travaux de M. le comte Bigot de Préameneu; Locré de Roissy: Procès-verbaux du conseil d'état, contenant la discussion du projet de Code Civil. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 22: Ссылки, как и прежде. Further, Vulliemin: Histoire de la Confederation Suisse; Senfft: Mémoires; Organisation de la politique Suisse; Botta: Storia d'Italia; Cantù: Corrispondenze di diplomatici, etc. (Archives); Melzi: Memorie, documenti e lettere inedite di Napoleone I e Beauharnais; Theiner: Histoire des deux Concordats; Schoelcher: Vie de Toussaint Louverture; Reichardt: Vertraute Briefe; Roloff: Die Kolonial Politik Napoleons I. [\[Back to Main Text\]](#)

Сноска 23: Ссылки для этой главы - это те, которые уже цитировались; Фиве, Фуше, Редерер, Мунье-Деклозо, Пинго, Бурьен. Also, de Martel: Étude sur l'affaire du 3 nivôse an IX; Fescourt: Histoire de la double conspiration de 1800; Madelin: Fouché (publishes many documentary extracts). [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 24: Личные подробности в изобилии представлены у Антоммарчи, Монтолона, Лас Касеса и Гурго; также в мемуарах братьев Жозефа и Люсьена, дам Жюно, де Ремюза, де Жанли и Аврильона, Баранте, Барраса, Буррьена, Шапталя, Шатобриана, Констана, де Жерардена, Малле дю Пана, Меневалья, Тибо и Раппа; в воспоминаниях лорда Холланда и в следующих книгах: Aubenas: Жизнь Жозефины; Дюкрест: Воспоминания о Жозефине; Буйи: Рекапитуляции; Ламартин: История реставрации; Лакретель: История консульства; Беген: История Наполеона; Стенгер: Французское общество консульства. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 25: Помимо документальных источников, печатных и иных, которые уже были перечислены, наиболее ценными воспоминаниями за этот период являются мемуары Шапталя, Чарторыйского, Люсьена Бонапарта, Жозефа де Местра, Меневалья, Меттерниха, Мио де Мелито, Мориолля, Норвинса и Пазолини. Далее, Парламентские дебаты Хансарда, Переписка Корнуоллиса, Письма и депеши Каслри, газеты Пейджета, журнал Малмсбери и "Незнакомец во Франции" Карра. Смотрите также "Новые письма Наполеона" Лесестра (официальные письма и т.д.). [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 26: В дополнение к авторитетным источникам, приведенным в последней главе, существуют Garden: Traités . Leclercq: Collection des Lois. Lefebvre: Cabinets de l'Europe. Du Casse: Négociations relatives au Traité d'Amiens, Négociations de Lunéville; Jurien de la Gravière: Guerres Maritimes. Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon. Stern: Briefe von Gentz in Oesterreichische Geschichtsforschung, Vol. XXI. Bailleu: Correspondance inédite du roi Frédéric-Guillaume et la reine Louise avec l'empereur Alexandre I. Himly: Histoire de la formation territoriale des États de l'Europe centrale. Holtzhausen: Der erste Consul und seine deutschen

Besucher. Reichardt: Un Hiver à Paris sous le Consulat. Браунинг: Англия и Наполеон в 1803 году. Stanhope: William Pitt; Denkwürdigkeiten des Grafen de Bray. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 27: В дополнение к уже приведенным источникам, см. "Наполеон и исследования наполеонизма" Роуза; "Филиппон" в "Историческом ревю" за март 1901 г.; "Буржуа" Мануэля де политика Этранж; "Письма и депеши Каслри"; "Морская мощь и жизнь Нельсона" Махана; "Жизнь лорда Сидмута" Пеллью; и "Мемуары графа Сент-Винсента. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 28: References: Pasquier: Mémoires; Fauriel: Les derniers jours du Consulat; Desmarest: Témoignages Historiques; Méhée de la Touche: Alliance des Jacobins de France avec le Ministère Anglais; Cadoudal: La conspiration de Georges Cadoudal; Lecestre: Lettres inédites; Tratchefski: Recueil de la Société d'Histoire de Russie; Pingaud: Les dernières années de Moreau (Revue de Paris, 15 Dec., 1899); Huot de Penanster: Une conspiration en l'an XI et XII; Caudrillier: Le complot de l'an XII (Revue Historique, 1901-1902); Rose: Napoleon, I, 406 (quotes the original papers in British archives); Paget Papers; Castlereagh: Letters and Despatches; Pellet: Life of Lord Sidmouth, Earl of St. Vincent; Welschinger: Le duc d'Enghien; Boulay de la Meurthe: Les dernières années du duc d'Enghien; Sorel: Lectures Historiques. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 29: См., в частности, мемуары Мио де Мелито, Паскье, Сегюра, Тибо, Мармона, Лафайета, Савари, Ремюза, Раппа, Тибодо и Буррьенна; сувениры Макдональда и Шапталя; и "Письма индейцев". Also, De Bausset: Cour de Napoléon; Masson: Josephine, Impératrice et Reine; Aulard: Révolution Française; Remacle: Relations secrètes des agents de Louis XVIII à Paris sous le Consulat. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 30: Список литературы: мемуары Баранте, Ремюза, Сегюра, Макдональда, Тибо, Марбо, Бигарре, труды Редерера, Мемориал Норвинса, тома Фориэля, Массона, д'Оссонвилля и Вельшингера, Переписка Даву. Также Фонтен и Персье: Собор Святого Наполеона; Арто де Монтор: Жизнь и понтификат Папы Римского VII; Николай: Наполеон в Булонском лагере; Уилер и Бродли: Наполеон и вторжение в Англию. Роуз и Бродли: Дюмурье и защита Англии; Роуз: наполеоновские исследования; Дебрюер: Проекты и предварительные исследования по разрушению британских островов. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 31: Как и прежде. Fontaine et Percier: Le Sacre de Napoléon; Masson: Napoleon et sa famille; Welschinger: Le divorce de Napoléon; Artaud de Montor: Vie de Pie VII; Welschinger: Le pape et l'empereur, 1804-1815; Botta: Storia d'Italia; the Memoirs of Consalvi, Montgaillard, and Bigarré; Lumbroso: Napoleone I° e l'Inghilterra; Marmottan: Le royaume d'Étrurie. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 32: Махан: Жизнь Нельсона и другие произведения; Журьен де ла Гравьер: Приморские войска; Руссе: Наполеоновское искусство; Аламбер и Колин: Кампания 1805 года во всей Великой; Гидекопер: Захват Таборского моста, сосредоточение войск Наполеона на Рейне и Майне в 1805 году (Журнал Института военной службы, май-июнь 1905 г.; и за сентябрь 1907 г.); коллекции Байе, Мартенса, Леклерка, Гардена и Трачефски; Мемуары Моллиена, Меневаля, Дюма, Мармона, Сегюра, Раппа, Ланна (изд. Томас), Савари, Удино, Харденберг, Чарторыйский и графиня Потоцкая; работы Хуффера, Ранке и Онкена, а также переписка Наполеона как у Лефевра, так и в официальном издании. Об австрийских источниках см. фон Анджели в Mittheilungen des K. K. Archivs, Ульм и Аустерлиц. Первая коалиция более чем двух держав против Франции была создана в 1793 году, вторая - в 1798

году; война 1792 года была против Австрии и Пруссии, война 1795 года - против Англии и Австрии. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 33: В дополнение к приведенным ссылкам смотрите работы Берка, а также тома Аламбера и Колина, Шенхальса и Рюстоу о войне 1805 года; дневники сэра Г. Джексона; Бернарди: "Военные действия" графа Толля; Фриан: Военная жизнь генерал-лейтенанта графа Фриана; Шенье: История военной жизни, политики и администрирования Маршала Даву; Бернар: Искусство. де ла Герр; Йорк фон Вартенбург: Наполеон альс Фельдхерр; Додж: Наполеон. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 34: См. Статью Хайдекопера в Mil. Служебный журнал, июль-сентябрь 1906 г. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 35: Это утверждение является всего лишь выводом из событий в том виде, в каком они произошли и были описаны очевидцами. Судьба императора была поставлена на карту даже больше, чем судьба генерала: пренебрежение всеми соображениями милосердия в такой критической ситуации было созвучно характеру этого человека. Многие из его солдат и офицеров позже утверждали, что раскол льда был случайным из-за канонады, и рассказывали об актах французской вежливости при спасении утопающих. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 36: Ducasse: Les rois frères de Napoléon; Lefebvre: Histoire des cabinets de l'Europe; Rambaud: Napoléon Ier et l'Allemagne; Fiévée: Mes relations avec Bonaparte; the Memoirs of Mollien, Pepe, d'Hauteville, Joseph de Maistre, Miot de Melito, Vitrolles, Montgaillard, d'Hauteroche, Courier, Moriollles, Consalvi, Pasolini, and de Bray; Masson: Napoléon et sa famille; Gentz: Mémoires et lettres inédites; Cavaignac: Origines de la Prusse contemporaine; Louis Bonaparte: Documents historiques et Réflexions sur le gouvernement de la Hollande; Cantù: Corrispondenze di diplomatici (1796-1814); Stanhope's Life of W. Pitt; C. J. Fox: Memorials and Correspondence; Tratchefski, Vol. III, Переписка Уврия; Строгоновы: Николя де Руси. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

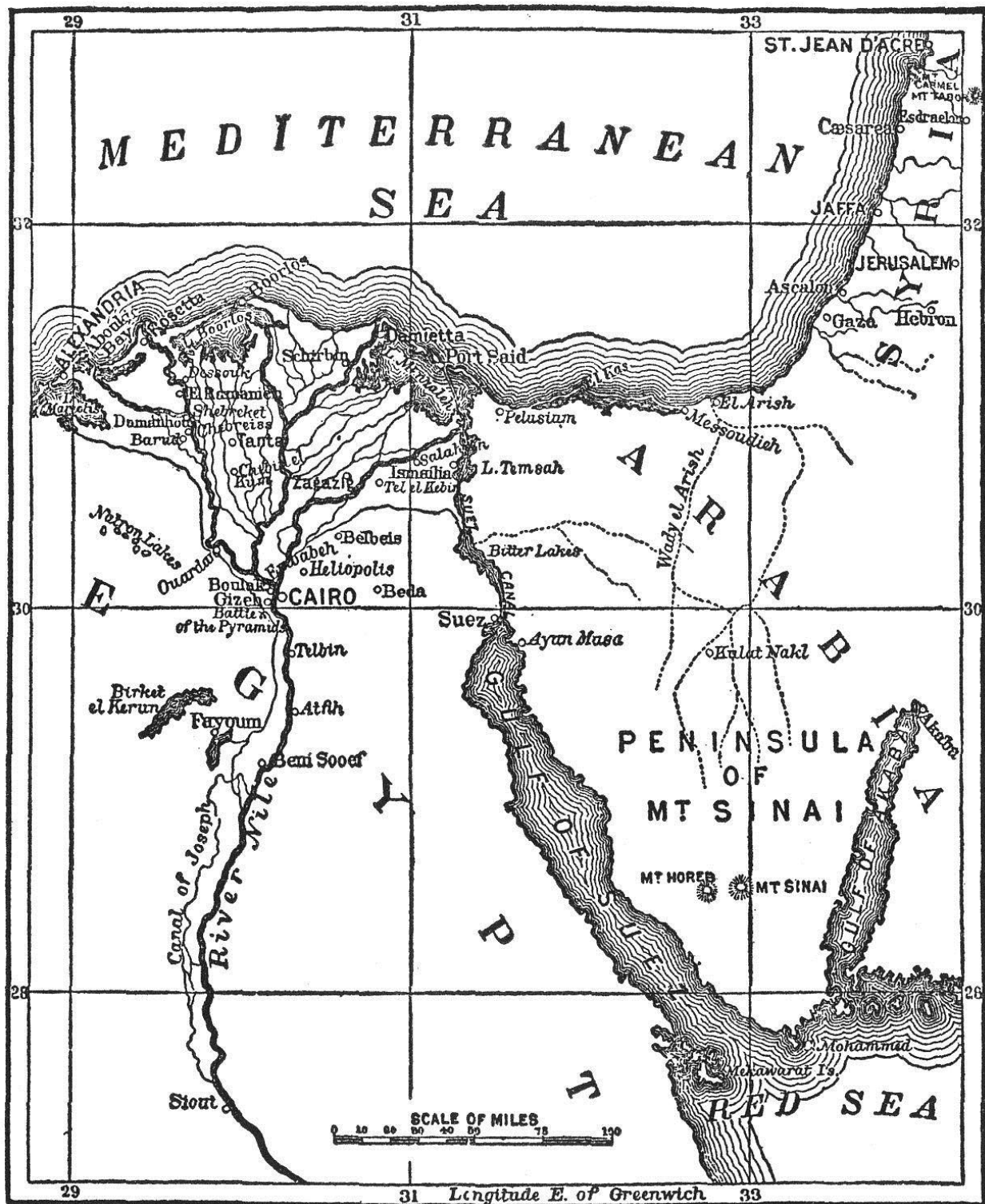
Footnote 37: Gentz: Ausgewählte Schriften; Garden: Traités; Bailleu: Frankreich und Preussen; Hardenberg's Denkwürdigkeiten; Czartoryski: Mémoires; Foucart: Campagne de Prusse; Fitzmaurice: Duke of Brunswick; Hohenlohe: Letters on Strategy (Eng. ed.); Lettow-Vorbeck: Der Krieg von 1806-07; Desvernois: Mémoires; Hansing: Hardenberg und die Dritte Coalition; Bonnal: La Manœuvre de Jena; Gourgaud: Sainte Hélène; Lecestre: Lettres inédites; Davout: Correspondance, etc., Opérations du 3e Corps, 1806-07; the works of Oncken and Rocquain. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 38: Ссылки: Как и прежде, и особенно за 1806-07 годы, Bailleu: Дипломатическая переписка и "Краткая переписка" Фридриха Вильгельма и Луизы с царем; российские архивы, опубликованные Воронцовым и Трачешки; Stern: Abhandlungen und Aktenstücke aus der Preussischen Reformzeit; опубликованные мемуары, переписка и жизнеописание Меттерниха, Гагерна, Генца, Харденберга, Монтгеласа, Омптеды, Штайна. , Варнхаген фон Энзе, эрцгерцог Карл, Шварценберг, Фридрих Вильгельм III, королева Луиза, Александр I, Блюхер, Гнейзенау, Шарнхорст, Чарторыйский, Нессельроде, Сперанский и Толль; общая история Онкена, Хасселя, Хойссера, Пертеса, Трейчке, Беера, Фурнье, Кронеса, Вертхаймера, Бернхарди, Богдановича, Головина, Шимана, Шильдера, Лелевеля. , и Огинский; Дункер: Прейссен веренд дер Францесисхен Захват; Глушение: Aus meinem Leben. Lettow-Vorbeck: Der Krieg von 1806-07; Foucart: Campagne de Prusse. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

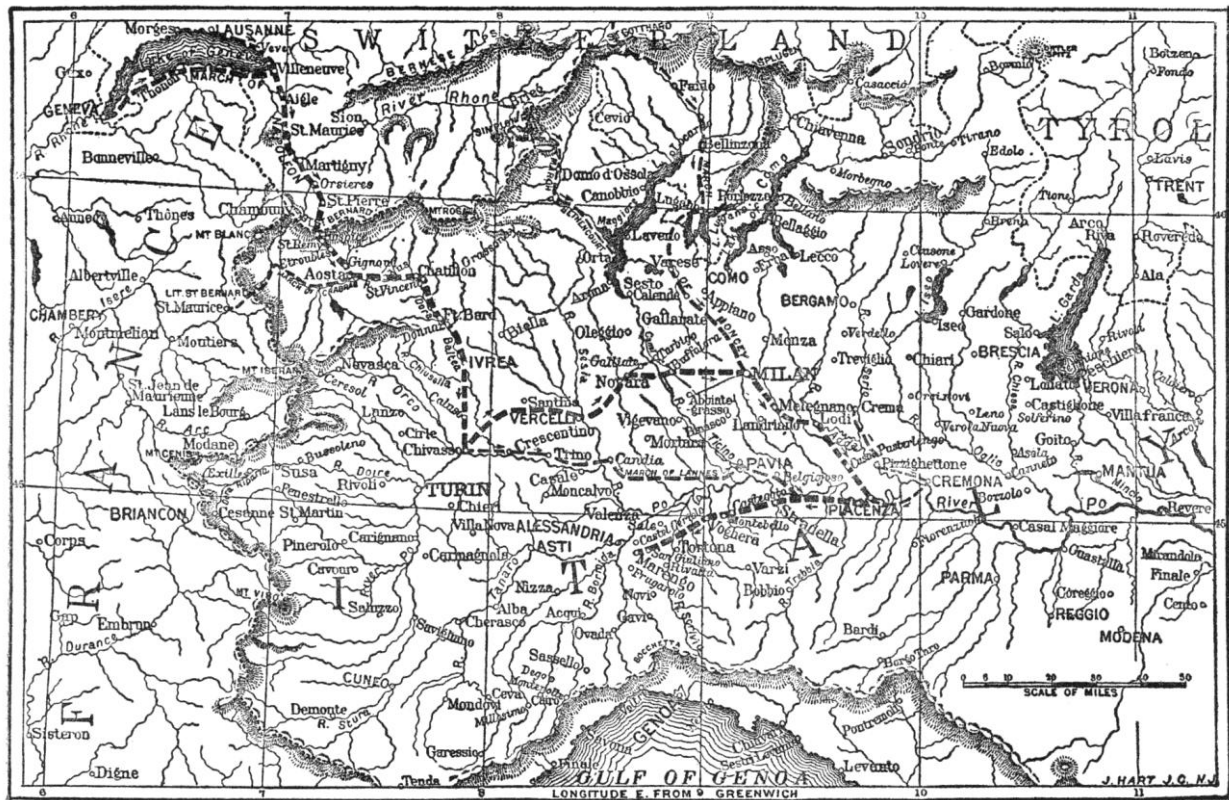
Сноска 39: Ссылки. Lüders: Das Continental System, etc.; Kiesselbach: Die Continentalsperre; Rocke: Die Kontinentalssperre; Rose: Napoleonic Studies; Lumbroso: Napoleone e l'Inghilterra. Этот том представляет собой наиболее полное изложение предмета и содержит отличную библиографию. Большая часть этой главы была опубликована в журнале Politics. Quarterly, Vol. XIII, в связи с появлением книги Лумброзо. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 40: Der geschlossene Handelsstaat. Ein philosophischer Entwurf als Anhang zur Rechtslehre und Probe einer künftig zu liefernden Politik (Wien, 1801), p. 109. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 41: Обнаружена и отредактирована К. Ла Круа только в 1896 году. Montgaillard, Mémoires diplomatiques, 1805-19. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

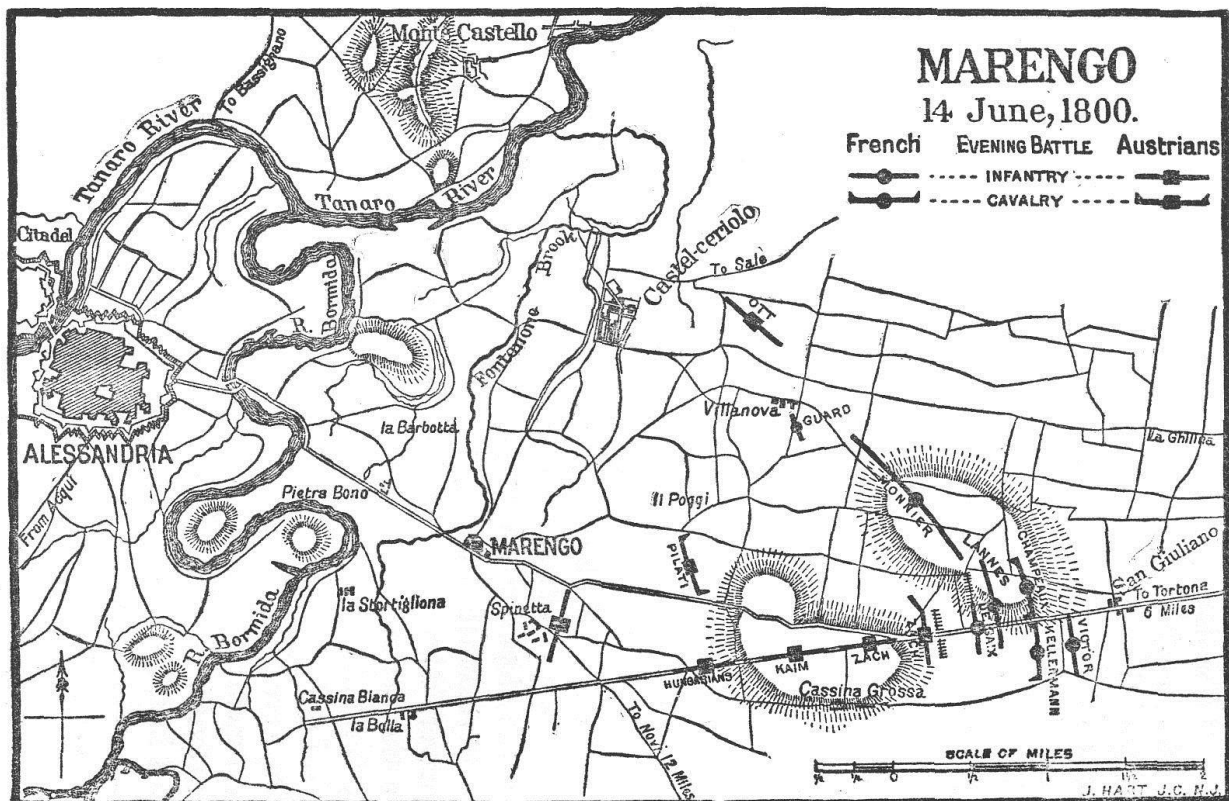

[Назад](#)

[Назад](#)

[Назад](#)